

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф.Скорины

№ 2(59)

2010

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф.Скорины

Научный и производственно-практический журнал

Выходит 6 раз в год

Издается с октября 1999 г.

№ 2(59)

2010

Учредитель – Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации № 546 от 6 июля 2009 года)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. РОГАЧЕВ (главный редактор)

О. М. ДЕМИДЕНКО (зам. главного редактора)

Л. А. ШЕМЕТКОВ (зам. главного редактора)

Го Вэньбинь, Г. Г. Гончаренко, А. М. Дворник, Г. М. Евелькин,
Н. Н. Коленчукова (ответственный секретарь), С. В. Жаворонок, В. Г. Жогло, Ф. В. Кадол,
В. Н. Калмыков, В. В. Кириченко, Г. Е. Кобринский, Г. Г. Лазько, А. М. Литвин,
А. В. Макаревич, И. В. Максимей, Н. В. Максименко, Г. И. Нарский, О. С. Осипова,
А. Н. Сердюков, Н. В. Сильченко, Б. В. Сорвилов, А. А. Станкевич,
В. М. Хомич, И. Ф. Штейнер, Я. С. Яскевич

Адрес редакции:

ул. Советская, 104, к. 2-17, 246019, Гомель
Тел. 60-27-71, e-mail: vesti@gsu.by

ЭКОНОМИКА

УДК 338(476):002:004(0)

Особенности микроэкономического анализа информации

Б. В. СОРВИРОВ, А. М. БАРАНОВ

Введение. Периодом зарождения экономической теории информации принято считать начало 60-х годов XX века, хотя отдельные положения этой теории выдвигались и ранее.

Так, ещё в XVIII – XIX вв. представители классической политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо) в рамках модели экономического поведения человека наряду с личным интересом выделяли информированность субъекта.

А. Маршалл не рассматривал информацию в качестве отдельного ресурса, однако умение организовать производство и повысить производительность с помощью информации уже в этот период стали важной составляющей экономической деятельности [10, с. 875].

В первой половине XX века Ф. Найт определил информацию как величину, обратно пропорциональную неопределённости экономической среды [9, с. 229]. Другой экономист, А. Харт, рассматривал информацию как одну из причин успеха деятельности фирм из-за невозможности производственного цикла без притока новой информации [8, с. 45].

В 50–60-х годах XX века в рамках теории трансакционных издержек нобелевский лауреат Р. Коуз связывал данные издержки с поиском необходимой для заключения сделки информации. Информационные издержки (наряду с остальными) влияют на цену и прибыль, при этом они могут достигать величины, при которой сделка нецелесообразна, так как принесит фирме убыток [2, с. 87].

В 60-х годах XX века Дж. Стиглер полагал, что количество информации, доступной агентам рынка, играет определяющую роль в оценке его эффективности. По его мнению, даже в секторе с идентичной продукцией будет присутствовать разброс цен. Соответственно рациональный покупатель может увеличить эффективность вложения своих финансовых ресурсов при наличии правдивой информации о границах этого разброса [6, с. 36].

В 1973 году лауреат Нобелевской премии К. Эрроу, изучая информацию как товар, имеющий стоимость, предположил, что отсутствие равного доступа к информации приводит к тому, что на конкурентном рынке может возникнуть монополия, связанная с получением сверхприбыли за счёт использования конфиденциальной информации; кроме того, информационное неравенство ведёт к огромным убыткам экономических структур и недополучению налогов в бюджет [7, с. 136].

Однако асимметричная информация может привести к обратной селекции на рынке. На этот аспект информации обратил внимание другой лауреат Нобелевской премии Дж. Акерлоф, который в 2001 году на примере арендодателей и продавцов подержанных автомобилей показал, что из-за неполной информации арендаторы с низкой платёжеспособностью и продавцы автомобилей низкого качества начинают преобладать на рынке.

На современном этапе развития теории экономической информации концепции представителей классической школы экономической мысли теории были дополнены рядом работ Р. М. Нижегородцева, Г. Саймона, Д. Г. Плахотной, А. И. Московского, Р. И. Цвылева и др., которые исследовали природу информационных ресурсов и информационного продукта в экономике. В данной статье не ставится цель предложить новый подход в изучении этой проблемы. Наша цель – на основе микроэкономического анализа ценности информации ис-

следовать спрос и предложение последней, а также факторы, влияющие на предложение информационных услуг.

Основная часть. Роль информации в экономике нельзя недооценивать:

- она стала одним из основных факторов производства. Сегодня очень отчётливо видна взаимозаменяемость традиционных факторов производства (труд, капитал, земля) на современную триаду – интеллектуальный труд, информационный капитал, информационное пространство. Так, подсчитано, что для увеличения объёма материального производства в два раза необходимо четырёхкратное возрастание объёма обеспечивающей его информации [5, с. 28];

- информация является товаром, полученным как конечный результат производства;
- информационное преимущество становится одним из основных средств конкурентной борьбы;

- в мировой экономике появляется новый тип экономического роста – информационный. По мнению Р. М. Нижегородцева, «информационный тип экономического роста коренным образом отличается от известных ранее типов (экстенсивного и интенсивного) и выступает их диалектическим синтезом» [3, с. 121];

- производство информационных товаров/услуг выделяется в отдельную отрасль современной экономики.

Как видим, информация пронизывает практически все сферы хозяйственной деятельности человека. Любой из этих аспектов может стать предметом отдельного исследования. Вместе с тем анализ разных подходов в экономической теории информации показывает, что наиболее сложной проблемой оценки значимости информации является определение **цены и ценностной значимости информации**. Цена информации – сложная категория, поскольку информация представляет разную ценность даже для одного потребителя в разные промежутки времени, тем более критерии оценки отличаются у групп потребителей.

Важной особенностью информации является то, что каждая её единица уникальна, поэтому к определению её ценности **нельзя подходить с помощью метода общественно-необходимых затрат труда, то есть** можно рассчитать типовые затраты усредненного бита информации, но нельзя подсчитать затраты конкретной, необходимой с учетом прагматической ценности информации. При этом процесс создания информации невозможен без приложения интеллектуального труда (и соответственно требует наличия высококвалифицированных специалистов). Типичный пример – СМИ (создание информации, знаний без наличия хотя бы одного высшего образования невозможно).

В целом оптимальное соотношение цен и ценности информации является труднодостижимым. Тем не менее, попытаемся обозначить основные аспекты экономического подхода к оценке стоимости информации.

Доход от реализации информации (I) примем равным:

$$I = P * Q, \quad (1)$$

где P – цена; Q – количество предоставленной информации.

При этом при оказании информационных услуг, в том числе при предоставлении информации, производитель несёт как *переменные информационные издержки* на создание одной индивидуализированной услуги (S), так и *фиксированные* (F), которые не зависят от объёма предоставления услуг, например, издержки на поиск и обработку данных, приобретение лицензии на использование программного продукта и т. д.

Прибыль от реализации информации (R) определим по формуле

$$R = I - S * Q - F. \quad (2)$$

При этом, если **информация о спросе является достоверной**, то по его наиболее вероятному (или среднему) количественному значению (D) вычисляется **размер цены** (P), необходимый для получения целевой прибыли:

$$P = S + (R + F) / D. \quad (3)$$

Однако для этого необходим тщательный микроэкономический анализ дохода потребителя (IC) и спроса на информационные услуги (D) (рисунок 1).

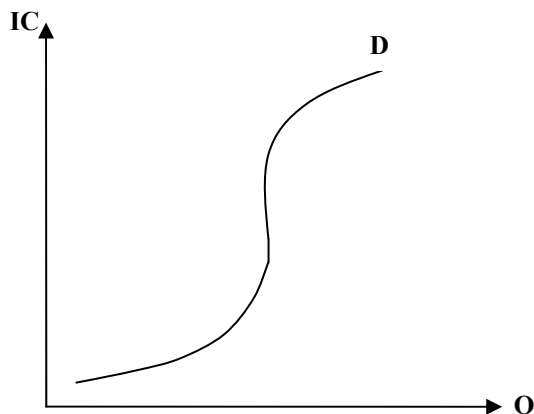

Рисунок 1 – Влияние дохода на информационный спрос

Первоначально с ростом дохода потребитель стремится увеличить объем приобретаемой информации, но только до точки насыщения, после которой инвестиции в приобретение нового знания, равно как и спрос на него, начинают падать, а затем полностью исчезают. Точка насыщения определяется субъективными факторами, связанными в первую очередь с реализацией потребителем поставленных задач. Соответственно производитель информации заинтересован в отдалении перспективы падения/исчезновения спроса на свои услуги, и его доход (I) получается непосредственно увязанным с доходом потребителя (IC). Поэтому предоставлять информационные услуги необходимо опосредованно, стремясь привязать потребителя и поставить его в зависимость от информации. Яркий пример – производители антивирусных программ, ценность продукта которых нивелируется при отсутствии еженедельного (и даже ежедневного) обновления антивирусной базы, то есть получения новых информационно-программируемых порций продукта.

По мнению большинства теоретиков информационной экономики, если **спрос на информацию определяется исключительно ценовыми факторами** и информация является полной и достоверной, то линия спроса (D) будет сведена от начала координат по оси абсцисс на некоторую величину, равную количеству востребованной потребителем информации. Спрос на информацию (как товар) должен представлять прямую линию, параллельную линии цен. Однако в связи с экзогенными факторами график спроса на информацию часто принимает незначительный отрицательный наклон, так как снижение цены способно стимулировать рыночный спрос, если одну и ту же информацию можно продать одновременно нескольким покупателям, и она не потеряет при этом для них актуальности и значимости (рисунок 2).

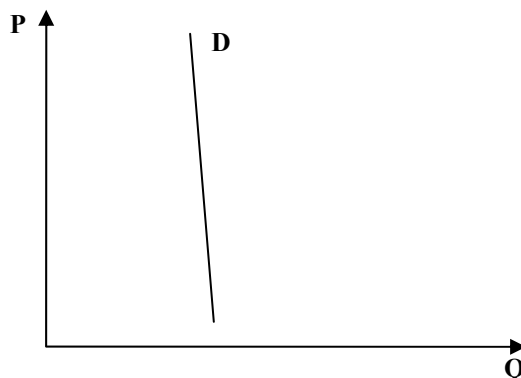

Рисунок 2 – Кривая спроса на информацию (ценовые факторы)

Уровень цены на информацию разный и зависит от конкретного случая купли-продажи, когда учитывается огромное количество неценовых и субъективных факторов, поэтому конечная цена информационных услуг в большинстве случаев определяется конкретным договором купли-продажи между производителем и потребителем информации.

Поскольку спрос на информацию, в отличие от других товаров, более подвержен влиянию **неценовых факторов** (новизна, своевременность, конфиденциальность, достоверность и пр.), то под их воздействием графическая модель функции спроса будет приобретать следующий вид (рисунок 3):

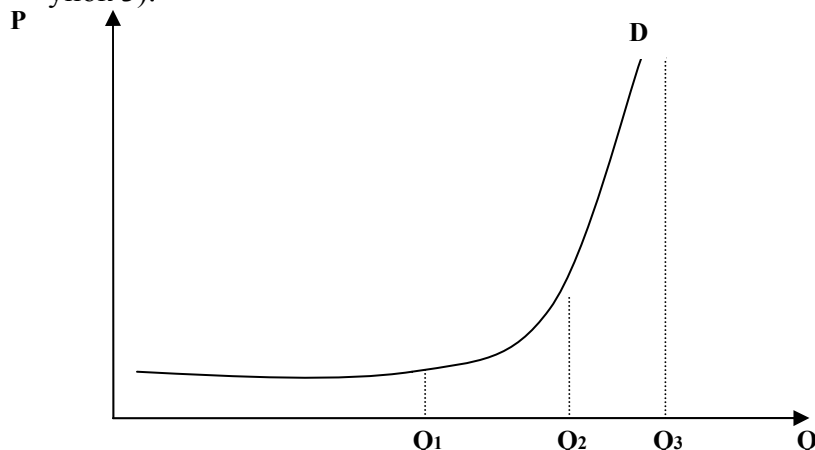

Рисунок 3 – Кривая спроса на информацию (неценовые факторы)

Первоначально под давлением ценовой конъюнктуры спросу на информацию может соответствовать невысокая цена и слабо выраженная динамика её смещения. Точка Q_1 представляет точку смещения акцентов, когда на объём потребления информации начинают оказывать влияние неценовые и субъективные факторы, при этом до этой точки информация является невостребованной для потребителя (например, потому что он о ней ничего не знает). В точке Q_2 потребитель получает самую необходимую (но не полную) информацию. Соответственно до этой точки спрос начинает приобретать ярко выраженную динамику подъёма, а цена при этом остаётся относительно невысокой. Точка Q_3 обозначает полный объём информированности субъекта. К перпендикуляру, проведённому из этой точки, график спроса будет приближаться асимптотически. На отрезке $[Q_2; Q_3]$ спрос будет резко увеличиваться, несмотря на комплементарный рост цены, поскольку спрос в данном случае зависит от возможности получения дополнительной прибыли, значительно превосходящей издержки на приобретение.

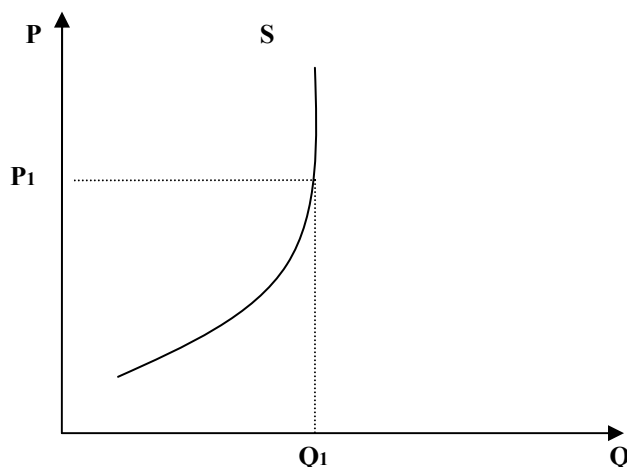

Рисунок 4 – Кривая предложения информации

Создание информации – процесс единовременный, значительно отличающийся от тиражирования и требующий значительно меньших затрат. Так, по мнению Т. Николаевой,

графически в привычных координатах предложение информации представляет собой линию, параллельную оси ординат (рисунок 4), где Q_1 – необходимая потребителю информация, полная и достоверная, а P_1 – минимально возможная цена на её создание [4]. Отклонение графика вправо невозможно, поскольку информация полна, влево и вниз – возможно незначительно, поскольку это означает для потребителя недостаточность информации, что не снимает для него проблему, в целях разрешения которой он выступает в роли покупателя. Для производителя недопроизводство информации не даёт возможности установить цену на уровне, достаточном для возмещения затрат.

Решение производителя о том, следует ли создавать данный товар, принимается на основе анализа приемлемости существующей цены на рынке. Это возможно в отношении физических товаров и традиционных услуг. Однако информация – товар уникальный и быстро устаревающий, его крайне редко можно производить с расчётом на будущее, поэтому решение о том, производить информацию или нет, не может быть принято только на основе её цены, поскольку последней не существует до производства, а производство не начинается, пока не выявлен спрос, пока не появился первый заказчик. Относительно информации фразу «спрос рождает предложение» следует понимать буквально. Это означает, что факторы, определяющие спрос, определяют также и предложение информации. К тому же информацию можно произвести всего однажды, её распространение – процесс, в котором предложение копий и их цена – связаны.

График соотношения кривых спроса и предложения имеет свою специфику (рисунок 5).

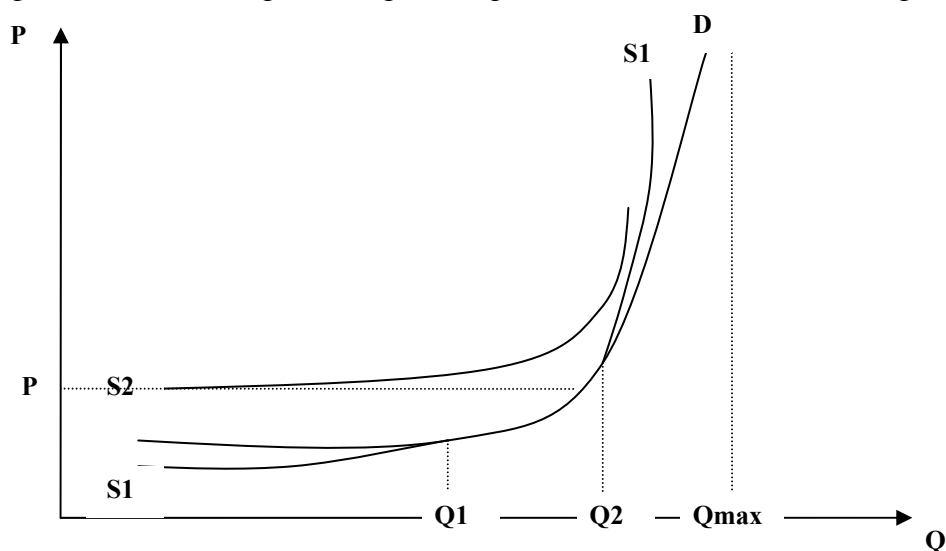

Рисунок 5 – Соотношение кривых спроса и предложения при операциях купли-продажи информации

По мнению А. Абсалямовой [1], до уровня P кривая предложения информации выглядит аналогично кривым предложения других товаров. Этот уровень соответствует минимальным затратам на создание информационного продукта, удовлетворяющего требованиям данного рынка. Следовательно, это или снижение риска на среднем приемлемом для потребителей уровне, или гарантия определённого роста прибыли. Начиная с уровня P цена информации может значительно вырасти при незначительном или даже нулевом увеличении объёма продаж. Соответственно возможность равновесия на информационном рынке на графике определяется попаданием уровня предложения по цене P в отрезок $[Q_1; Q_2]$.

В данном случае кривая предложения информации (S_1) пересекается с кривой спроса D таким образом, что уровень P минимальных необходимых затрат продавца попадает в отрезок $[Q_1; Q_2]$, соответствующий достаточному количеству информации для потребителя. Кроме того, кривые (S_1) и (D) имеют несколько точек пересечения до уровня (Q_2), то есть для продавца информации, кривая предложения которого соответствует линии (S_1), данный информационный рынок будет иметь равновесную точку, причём не одну.

Продавец же информации, готовый предложить информацию только в соответствии с кривой (S2), не найдёт себе покупателей, поскольку его уровень минимальных затрат находится выше кривой спроса (D) и сами кривые (S2) и (D) не пересекаются. Такой рынок не будет иметь точки равновесия в обычном понимании, а возможные единичные сделки будут носить случайный иррациональный характер.

При этом необходимо делать **поправки на сетевые эффекты**, поскольку основной тип экономической организации и основная система управления современного постиндустриального общества представляют собой сетевую структуру.

В соответствии с локальным методологическим подходом в условиях продаж стандартных, неинформационноёмких товаров действуют типовые принципы экономической теории: закон убывающей предельной полезности, закон эффекта масштаба производства, прямая зависимость между повышением цены товара и степенью монополизации рынка и т.д. Информационные товары и услуги, включённые в межсетевое взаимодействие, **ломают классические постулаты**, при этом проявляется **асимметричность информации в сравнении с другими продуктами труда**. Так, например, от реализации сетевых информационноёмких товаров предполагается рост доходности в долгосрочной перспективе, так как:

- небольшие капиталовложения, проходя сквозь призму сети, экспоненциально усиливают друг друга и дают больше прибыли, чем большие индивидуальные вложения крупных фирм;
- эффект экономии на масштабе потенцируется не результатом увеличения объёма производства и размера фирмы, а результатом налаживания эффективного сетевого взаимодействия между всеми акторами (мелкие фирмы, торговые посредники, контактные аудитории, группы потребителей и т. д.), причём в сети он достигает невиданных ранее темпов;
- огромные размеры эффекта экономии на масштабе и стирание границ в рамках информационного взаимодействия приводят к появлению монополистических структур глобального характера (например, Microsoft). Однако вопреки всем правилам классической конкурентной стратегии такие **монополистические структуры** не увеличивают стоимость информационных продуктов, более того – они **стремятся продавать товары по цене как можно более низкой**, а иногда и **предоставляют часть товаров бесплатно**.

Все вышеперечисленные аспекты сетевого взаимодействия **связаны с сетевыми эффектами или экстерналиями (externalities)**, в основе которых лежит принцип **увеличения предельной полезности информационных продуктов по мере роста количества пользователей сети**. В связи с этим происходят изменения в кривых предельных издержек и предельного дохода на информацию (рисунок 6).

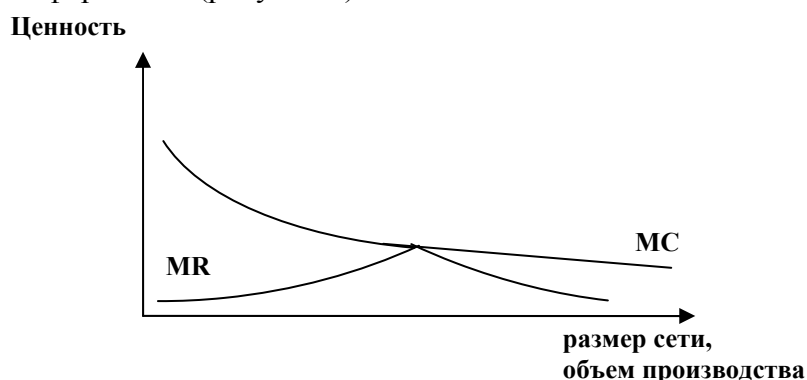

Рисунок 6 – Соотношение предельных издержек и предельного дохода в условиях экстерналий

С ростом сети и объёмов производства информации предельные издержки (MC) могут иметь устойчивую понижающую динамику (это происходит, например, при постоянном совершенствовании технологий, оптимизации управления и т. д.). Между тем предельный доход (MR) экспоненциально растёт до точки пересечения с кривой предельных издержек, когда размер сети достигает оптимума, после которого готовность оплачивать информацион-

ные товары и услуги у предельного потребителя снижается, поскольку все, кто готов был заплатить больше, чтобы присоединиться к сети, уже стали её членами. Важной особенностью информации является то, что её можно практически бесплатно тиражировать, при этом предельные издержки стремятся или равны нулю. Соответственно меняется и спрос: по мере разрастания сети и увеличения объёмов продаж он растёт.

По логике, кривая предложения информации, равно как и любого другого блага, должна иметь положительный наклон (S_1), что и происходит в случае, если не учитываются экстерналии. При этом кривая S_1 пересекается с кривой D в нескольких точках на периоде отрезка $[Q_1, Q_2]$, что соответствует ценовому диапазону $[P_1; P_2]$, при котором покрываются **прямые и фиксированные информационные издержки продавца и, в соответствии с формулой (2),** появляется возможность получения прибыли. В этом случае покупатель приобретает необходимое ему количество информации. Предлагать потребителю полную информацию (в объёме $Q_2 - Q_3$) нецелесообразно в силу необходимости привязать потребителя и поставить его в зависимость от информации производителя.

Но поскольку предельные издержки, вопреки классической экономической теории, под действием экстерналий имеют нисходящую кривую, стремящуюся к нулю, линия предложения приобретает отрицательный наклон.

В итоге, если вышеуказанная тенденция подпитывается прагматической ценностью информации для покупателей, то это приведёт к неизбежному падению цен, так как кривая спроса (D_1) и предложения (S_2) будут пересекаться на более низких ценовых уровнях. При этом потребитель за более низкую цену начнёт получать всё больший объём информации, вплоть до полного удовлетворения своих потребностей (рисунок 7).

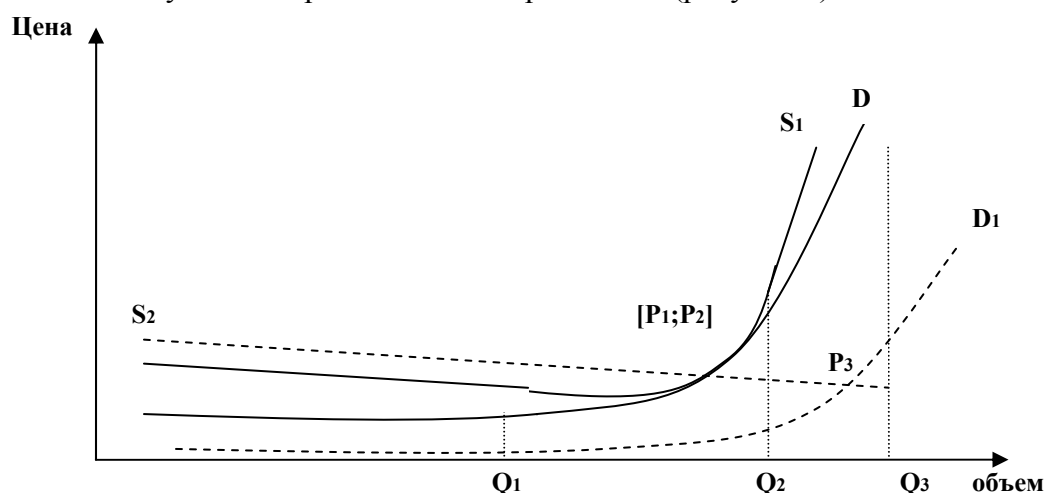

Рисунок 7 – Соотношение спроса и предложения информации в условиях экстерналий

Заключение. Таким образом, в результате проведенного анализа можно сделать следующие **выводы:**

1. В современной классической экономической теории необходимо выработать новый подход к определению ценностной значимости информации.
2. При микроэкономическом анализе информации следует учитывать неценовые и субъективные факторы, оказывающие детерминирующее влияние на спрос и предложение информации.
3. В любых микроэкономических расчётах, связанных с информацией, необходимо делать поправки на сетевое взаимодействие и сетевые эффекты (экстерналии).

Abstract. The paper studies the evolution of the main outlooks on the nature of information in economy, determines the main criteria of microeconomic analysis of information – non-price and subjective factors of changes in demand and supply, the influence of network effects on information pricing.

Литература

1. Абсалямова, А. Б. Становление информационной экономики в современных условиях [Текст] : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / А. Б. Абсалямова. – Улан-Удэ, 2006. – 157 с.
2. Коуз, Р. Фирма, рынок и право [Текст] / Р. Коуз. – М. : Academia, 1999. – 428 с.
3. Нижегородцев, Р. М. Об информационной экономике [Текст] / Р. М. Нижегородцев // Российский экон. журн. – 1994. – № 4. – С. 120–128.
4. Николаева, Т. П. Информационная экономика и тенденции её развития [Текст] : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Т. П. Николаева. – М., 1999. – 300 с.
5. Ракитов, А. И. Философия компьютерной революции [Текст] / А. И. Ракитов. – М. : Наука, 1991. – 560 с.
6. Стиглер, Дж. Экономическая теория информации [Текст] / Дж. Стиглер // Экономика и математические методы. – 1994. – № 1. – С. 36.
7. Arrow, K. J. Information and economic behaviour [Text] / K. J. Arrow // The Economics of Information. – 1984. – № 3. – P. 136–152.
8. Hart, A. Risk, Uncertainty and Unprofitability of Compounding Profitabilities [Text] / A. Hart // Studies in Mathematical Economics and Econometrics. – 1942. – № 2. – P. 40–55.
9. Knight, F. H. The Limitations of Scientific Method of Economics [Text] / F. H. Knight. – N. Y., 1924. – 529 p.
10. Marshall, A. Industry and Trade; a Study of industrial Technique and business Organization, and of their Influences on the Conditions of Various Classes and Nations [Text] / A. Marshall. – London : Macmillan, 1919. – 985 p.

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

Поступило 03.02.09

Эволюция теории информации в современной социальноэкономической системе

А. М. БАРАНОВ

Введение. Поскольку в новой социальноэкономической системе информация является доминирующим ресурсом, изучение основных свойств и аспектов её использования является одной из центральных проблем теории и методологии современной информационной экономики. **Целью** данного исследования является:

- **рассмотрение основных подходов квантификации информации;**
- **построение схемы потребления информации** современным потребителем;
- **анализ различных трактовок данного термина;**
- **предложение самостоятельной трактовки информации;**
- **уточнение терминологического аппарата** теории информации.

Основная часть. Термин «информация» стал широко употребляться начиная с 30 годов XX века. При этом **информация** (лат. «informatio» – «осведомление») использовалась для обозначения набора передаваемых сообщений или сведений.

Эволюция теории информации показывает, что первоначально в связи с бурным НТП возникла необходимость измерения количества передаваемой информации, в результате чего возник и получил распространение **количественный подход** её квантификации.

Исторически первым основоположником количественного подхода был Р. Хартли, который в 1928 году предложил использовать логарифмическую функцию для измерения количества информации, связав при этом понятие информации с осуществлением выбора из множества возможностей [11].

В 1946 году исследователь математической статистики Д. Тьюки обозначил одно из главных понятий XX века – «бит», первый показатель количественного измерения информации, предполагающий выбор из двух взаимоисключающих значений: да/нет, включено/выключено и т. п. Д. Тьюки использовал бит для обозначения одного двоичного разряда, способного принимать значение 0 или 1 [13]. Впоследствии данным показателем воспользовался К. Шеннон, который по праву считается основателем **теории информации**. В 1948 году в работе «Математическая теория связи» Шеннон описал модель передачи информации в условиях потерь, связанных с шумами (помехами).

Также Шеннон впервые ввёл понятие **энтропии** как величины, противоположной информации и отражающей степень её неупорядоченности, неопределённости. Например, можно рассмотреть последовательность символов, составляющих словосочетание. Каждый символ появляется с разной частотой, следовательно, неопределённость появления для некоторых символов меньше, чем для других (в этом случае говорят об энтропии n -го порядка). Пусть вероятность (мера частоты, с которой символ употребляется во всех сообщениях) i -го символа алфавита, состоящего из n символов, равна $p(i)$. Тогда информация одного символа $H(x)$:

$$H(x) = - \sum_{i=1}^n p(i) \log_2 p(i) \quad (1)$$

(где x – дискретная случайная величина с диапазоном изменчивости n) [12].

Например, нас интересует, получена ли адресатом корреспонденция. При этом у нас нет подтверждений о том, что она получена или не получена. Равная вероятность этих двух заключений обозначает максимальную неопределённость выбора. Связавшись с адресатом и получив ответ, мы устраним неопределённость до нуля. Заметим, что и положительный, и отрица-

тельный ответ устраняют неопределённость в равной мере. Устранение неопределённости выбора из двух равновероятных возможностей соответствует одному биту информации.

Итак, согласно Шеннону, **информация** – это **сведения, которые снимают неопределённость**.

Двоичную единицу измерения информации и понятие энтропии одновременно с Шенноном описал основатель кибернетики Н. Виннер, который определил **информацию** как **«обозначение содержания сообщения, сигнала, полученного от внешнего мира в процессе приспособления к нему»** [3, с. 120].

Отличный от взглядов Хартли, Шеннона, Винера и др. подход к определению количества информации был предложен в 1965 году академиком А.Н. Колмогоровым (**алгоритмический подход**) [4]. А.Н. Колмогоров для оценки информации предложил использовать теорию алгоритмов (программ), в которой количество информации соответствует минимальной длине программы, позволяющей преобразовать один объект в другой. Чем больше отличий у одного объекта относительно другого, тем сложнее алгоритм преобразования. Так, воспроизвести последовательность цифр «1, 1, 1...» можно при помощи очень простой программы. При этом намного сложнее будет программа, восстанавливающая последовательность «1, 2, 3...»

Согласно мнению большинства учёных, придерживающихся количественного подхода, **информация не является ни материей, ни энергией**. В связи с этим можно предположить, что она не предполагает строго количественного эквивалента, подобно энергии или материи. Но **первый парадокс** классической теории информации состоит в том, что, согласно утверждению Р. Хартли, информация предполагает количественную оценку. В формуле Шеннона (1) подразумевается расчёт информации для одного символа сообщения, однако не учитывается то, что нести информацию могут только определённые сочетания символов. Отдельные символы, не удовлетворяющие требованиям алгоритма их считывания (поставленные беспорядочно), не несут информации. В этом проявляется **второй недостаток** количественной теории, в которой не учитывается порядок постановки символов, определяемых вне зависимости от контекста, когда, например, слово «дом» несёт столько же информации, сколько и последовательность букв «одм». Но даже самостоятельное слово «дом» обладает опосредованной информацией, если не учитывается смысловая нагрузка.

Количественный аспект теории информации был развит **«негэнтропийным принципом информации»**, в рамках которого Л. Бриллюэн охарактеризовал **информацию как отрицательную энтропию, или негэнтропию**. Так как энтропия является мерой неупорядоченности, то **информация, по его мнению, может быть определена как мера упорядоченности** [1, с. 54].

В рамках количественного (**синтаксического**) подхода было получено первое определение информации, удовлетворяющее с философской точки зрения: **информация есть устранённая неопределённость**. Её основным показателем, влияющим на понимание термина «информация», является утверждение, что носителем информации является **совокупность физических сигналов**.

Подытоживая основные достижения представителей количественного подхода, необходимо отметить, что он является в большей степени актуальным для технических и математических систем, в то время как социоэкономическая система требует более содержательного элемента оценки полезности информации для пользователя.

Ограниченность трактовки информации с количественной точки зрения привело к появлению **качественного подхода** её квантификации, к наиболее значимым направлениям которого принято относить **семантический и прагматический подходы**.

При семантическом подходе информация оценивается с позиции её семантики, смысловой нагрузки. Важной составляющей семантической теории является количественная оценка **содержания, смысла** символов, используемых в процессе передачи информации. В рамках данного исследования Ю.А. Шредер [10] ввёл понятие **«тезауруса»** (греч. thesauros – сокровище) как некоторого запаса символов, словосочетаний, кодов и отношений между ними, которые накапливаются и используются в процессе обмена информацией. Чтобы информация была востребована потребителем, её содержание должно включать элементы, соответ-

ствующие тезаурусу. Например, для усвоения знаний, которые студент получает в университете, ему необходимо среднее образование, иначе он не сможет понять и использовать предоставляемую информацию.

Количество и качество семантической информации определяется степенью изменения тезауруса под влиянием воспринимаемой потребителем информации. Зависимость востребованной информации от тезауруса субъекта можно представить графически (рисунок 1):

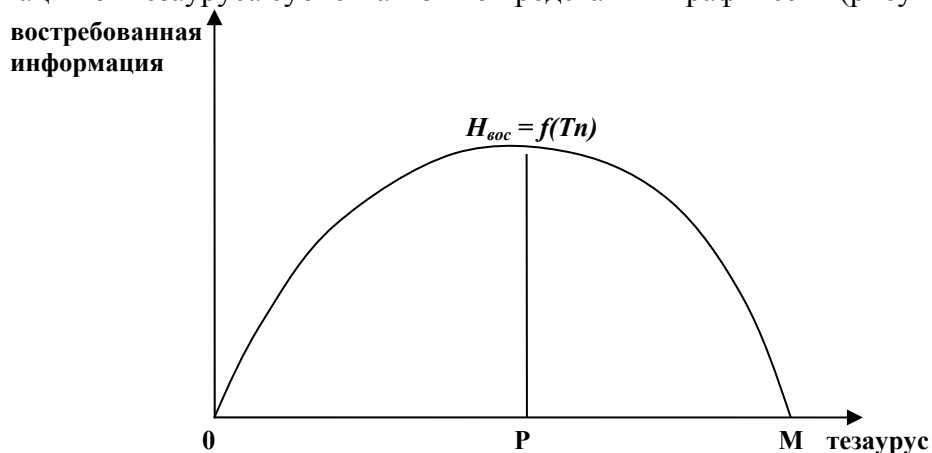

Рисунок 1 – Семантическое влияние тезауруса на полезность информации

На графике показано, что при тезаурусе равном нулю информация не востребована по причине того, что она непонятна. При тезаурусе, соответствующем максимальному значению в точке М, информация не востребована потребителем потому что она ему уже известна. Наиболее полезной является информация в точке Р, поскольку потребитель обладает достаточным тезаурусом для её усвоения, но при этом его тезаурус не максимален (не включает предлагаемую ему информацию). При значении тезауруса n -го потребителя Tn количество востребованной для него информации определяется функцией $H_{вос} = f(Tn)$.

С позиции семантического подхода **информация – та часть содержания сообщения, в которой присутствует признак новизны и которую получатель способен понять**. В частности, такое определение даётся современным исследователем информации Т.А. Ставцевой [6].

При **прагматическом подходе** выясняется характеристика информации с позиции её ценности, полезности, целесообразности. Одним из основоположников данного подхода стал А. Харкевич, который предложил измерять целесообразность информации с позиции изменения вероятности достижения цели «до» и «после» её получения [9]:

$$H = \log_2 \frac{p_1}{p_2} \quad (2)$$

где H – количество полученной информации, p_1 , p_2 – вероятности достижения цели «до» и «после» получения информации, соответственно.

Например, пусть вероятность p_1 реализации бизнес-проекта до получения дополнительной информации оценивается руководителем со значением 0,2. После того, как руководитель получил дополнительную информацию, вероятность реализации проекта увеличилась: $p_2 = 0,8$. В соответствии с формулой (2) количество информации, содержащееся в дополнительной информации, полученной руководителем: $H = \log_2 0,8/0,2 = \log_2 4 = 2$.

Следует отметить, что прагматические и семантические оценки часто являются взаимодополняющими, поскольку семантические оценки характеризуют содержание информации, а прагматические – их полезность, целесообразность. Но несодержательная информация не может быть полезной. Поэтому формула (2) вполне справедлива как для семантического, так и для прагматического подхода.

Итак, на основе вышеизложенного с позиции прагматического подхода **информация – это сообщения, которые оценены получателем как «годные к употреблению» (с учётом полезности, эффективности и т.д.)** [6].

Таким образом, все основные подходы теории информации несут в себе те или иные достоинства и недостатки (таблица 1)

Таблица 1 – Сравнительная характеристика подходов квантификации информации

Наименование теории	Достоинства	Недостатки
Синтаксическая (количественный аспект)	• стало возможным строгое количественное исследование информационных процессов; • был расширен объём понятия «информация» (с позиций этой теории информацию несут любые объекты и процессы, которые подчиняются статистическим закономерностям)	• информация связывается только со случайными процессами, подчиняющимися вероятностным законам; при этом информационные процессы не касаются однозначно детерминированных систем; • не учитывается осмысленность, полезность информации, что не соответствует концепции, уместной при анализе социологических, экономических и других систем
Семантическая и прагматическая (качественный аспект)	• семантика позволяет сопоставить степень соответствия образа и самого объекта; • семантика и прагматика дают возможность определения ценностной значимости информации, её эффективности для выработки модели поведения в существующих условиях	• излишнее использование количественных аспектов для определения содержания, ценности, полезности информации; • недостаточное раскрытие возможностей по определению качества информации

При этом, с нашей точки зрения, для построения целостной концепции теории информации необходимо использовать **комплексный многоуровневый подход**, учитывающий синтаксическую, семантическую и прагматическую теории и отражающий схему потребления информации:

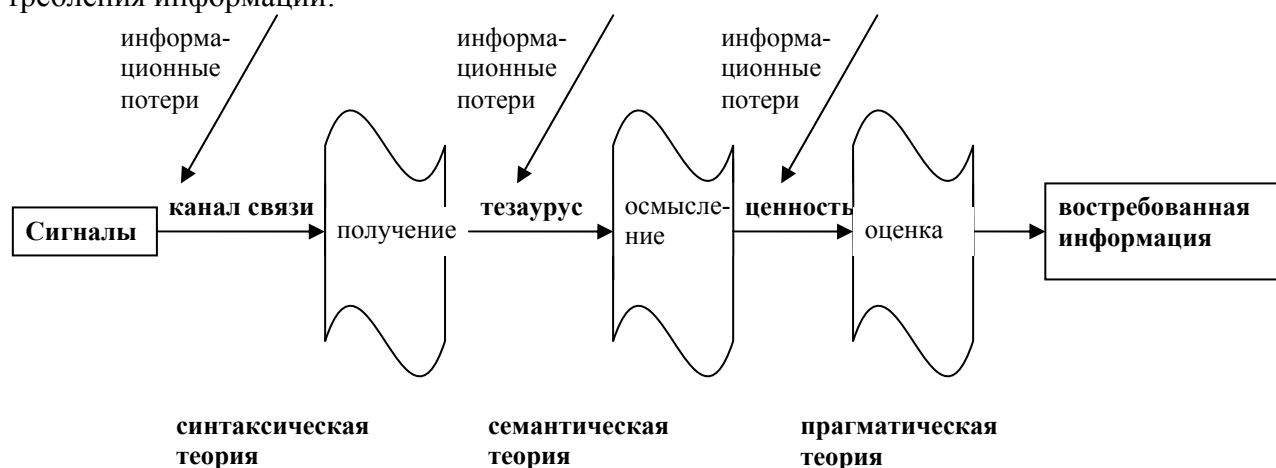

Рисунок 2 – Механизм потребления информации

Анализируя рисунок 2, отметим, что потребление информации носит комплексный характер и связано с неизбежными информационными потерями на всех стадиях превращения сигналов в востребованную потребителем информацию. С позиции **количественного подхода** при передаче информации по каналам связи информационные потери обуслов-

лены помехами (шумами) на линии коммуникации, что приводит к недополучению (искажению) сигналов.

Далее потребитель сталкивается с **семантическим фильтром**, который, в отличие от коммуникационного, связан с его интеллектуальными возможностями по осознанию и переработке полученной информации; на этой стадии имеются информационные потери, так как потребитель отбрасывает информацию, которую не может понять и осмыслить (которая не соответствует тезаурусу субъекта).

Последующая стадия включает оценку информации в зависимости от цели её использования и её ценности (**прагматический подход**). На этой стадии к информационным потерям можно отнести нерелевантную с позиции потребительской ценности информацию.

Так как информация играет значительную роль в развитии общества, наиболее содержательным представляется определение информации с позиции **философского категориального аппарата**, поскольку таким образом отражается универсальность понятия применительно ко всем системам развития. Философской концепции квантификации информации придерживаются ряд известных исследователей (А.В. Соколов, А.Д. Урсул, Р.М. Нижегородцев и др.) Так, по мнению А.Д. Урсула, **информация** – это **отражение разнообразия, определённости** [8, с. 46]. По мнению Р.М. Нижегородцева, **информация** – **универсальное свойство материи, которое отражает характер и степень её упорядоченности**, неразрывно связана с понятием жизни, существовала всегда и будет существовать до тех пор, пока существует материя [5, с. 42]. Таким образом, информация лежит в основе материи, всякое явление окружающей действительности несёт в себе информацию.

Учёные понятие информации в своём процессуальном качестве описывают при помощи широкого категориального аппарата: «информационное общество», «информационная система», «информационная экономика», «информационное производство» и т.д. Эти понятия стали фундаментом теории информации, становление которой позволило обозначить специфику форм и проявлений информации. Информация превратилась в мощное орудие преобразования биосферы, так как к информационным связям растительного и животного мира добавились принципиально новые. Именно широкое использование во всех общественных сферах информации является первоэлементом превращения биосферной системы развития в ноосферную, которую В.И. Вернадский рассматривал в качестве «второй природы» [2], создаваемой человеческим разумом.

Таким образом, с нашей позиции информация как основа последней ступени технологической цивилизации – постиндустриального общества служит «мостом» к обществу антропогенному. По мере ускорения этого процесса информация приобретает статус системообразующего понятия, способствуя теоретическому осмыслению комплекса проблем в области математических, технических, гуманитарных и других наук. Тем не менее, среди учёных, занимающихся этой проблематикой, до сих пор нет общепринятого определения информации, что не позволяет выявить её глубинные сущностные свойства.

Аппроксимируя различные определения информации синтаксической, семантической и прагматической теориями и схему потребления информации (рисунок 2), предложим **самостоятельную трактовку понятия «информация»**: – **информация** – это **упорядоченная совокупность сигналов, включённых в процесс их получения, осмысления и оценки субъектом в целях реализации им определённых функций**.

Рассматривая категориальный аппарат теории информации, отметим, что часто происходит отождествление понятий «данные», «информация» и «знания», в связи с чем важным представляется их четкое разграничение и уточнение термина «метаинформация», являющегося достаточно новым и редко используемым в современной экономической теории.

Данные представляют собой разрозненные сведения о событиях, происходящих в окружающем мире и фиксируемых в виде определённых сигналов. При этом они не зависят от мыслительных процессов человека. Часто за информацию принимается некоторый объём данных. Разница между большим объёмом данных и информацией такая же, как между телефонной книгой, в которой сотни тысяч фамилий, и фамилией, адресом и телефоном конкретного человека.

Высшей формой проявления данных и информации является **знание**, которое может быть получено путём восприятия и анализа информации. Знание можно охарактеризовать как интерпретацию, понимание и толкование информации с учётом путей наилучшего её использования для достижения конкретных целей. Различия знаний и информации можно проиллюстрировать следующим примером. Документация по эксплуатации компьютера содержит информацию. Чтобы преобразовать информацию в знания пользователь должен не только обладать способностями прочитать и понять документацию, но и в последующем научиться пользоваться компьютером путём неоднократного применения этой документации на практике.

Из вышеуказанных определений выделим **основные аспекты, характеризующие информацию**:

- обязательным условием существования информации является наличие субъекта, целенаправленно собирающего данные;
- так как информация не является статичным объектом, она постоянно меняется и существует в исходном виде только в момент преобразования данных, в момент, когда она не используется субъектом, а представляет собой данные;
- информация должна представлять ценность для своего потребителя;
- информация неразрывно связана с её субъективным восприятием и целями дальнейшего использования. Для подтверждения данного аспекта приведём пример: с одной стороны, 98 кг – это информация в том случае, если нас, например, интересует, какой вес выдержит автомобиль, поскольку нам неважно, вес чего именно имеется в виду, но если мы строим дом, то в этом случае 98 кг – это данные, которые требуют конкретизации и уточнения для превращения их в информацию (98 кг цемента, 98 кг песка или 98 кг кирпича нам необходимо использовать).

Можно сделать вывод, что **существование знаний невозможно без участия человека** и создание знаний (как и процесс управления) – процесс социального взаимодействия. В настоящее время рыночная стоимость многих крупных корпораций, таких как Microsoft, IBM, определяется, в основном, стоимостью накопленных компаниями знаний. При этом стоимость материальных активов составляет в среднем всего около 14% от их рыночной стоимости, следовательно, оставшиеся 86% – нематериальный капитал, в том числе знания, которыми располагает компания [7].

Наиболее характерные отличительные черты данных, информации и знания представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Сравнение данных, информации и знания

Показатель	Данные	Информация	Знание
Объём, необходимый для удовлетворения потребностей субъекта	Объём не ограничен	Объём условно ограничен	Объём строго ограничен
Первоэлемент понятия	Факт	Смысл	Мысль
Логическая взаимосвязанность	Разрозненные явления и факты	Интерпретированные данные	Взаимосвязанная система
Способ существования	Независимое от познающего субъекта существование и распространение	Возможно самостоятельное существование	Продукт сознания, неотделимый от познающего субъекта
Степень познания	Основа для интерпретации и последующего превращения	Основа для получения знаний	Результат интеллектуального процесса
Характер представления	Набор разрозненных сведений	Описание проблемы	Технология решения проблемы

Необходимо отметить, что недостаточно изучена **метаинформация**, которую можно охарактеризовать как **совокупность сведений о данных, информации или знаниях и которая возникает в результате их детального анализа**. Например, сведения, подготовленные в рамках рецензии на научную статью (представляющую собой совокупность знаний) представляют собой метаинформацию (или информацию о знаниях). Между тем метаинформация может принимать различные формы и представлять в виде **двойной (тройной) метаинформации**. Так, сведения, базирующиеся на сопоставлении двух рецензий на научную статью (отрицательной и положительной), представляют собой двойную метаинформацию.

Согласно теореме неполноты Гodelа (Godel's Incompleteness theorem), любая математическая теория всегда содержит аксиомы, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты. Следовательно, любая логическая система не способна доказать собственные предпосылки, не выходя за рамки самой себя. Это даёт нам право **ввести в теорию информации новое понятие «мезоинформация»**, которое можно определить как **промежуточное состояние между перечисленными выше категориями и которое принимает форму данных, информации, метаинформации или знаний, в зависимости от действий познающего субъекта**.

Таким образом, иерархию категориального аппарата теории информации можно представить в следующем виде (рисунок 3):

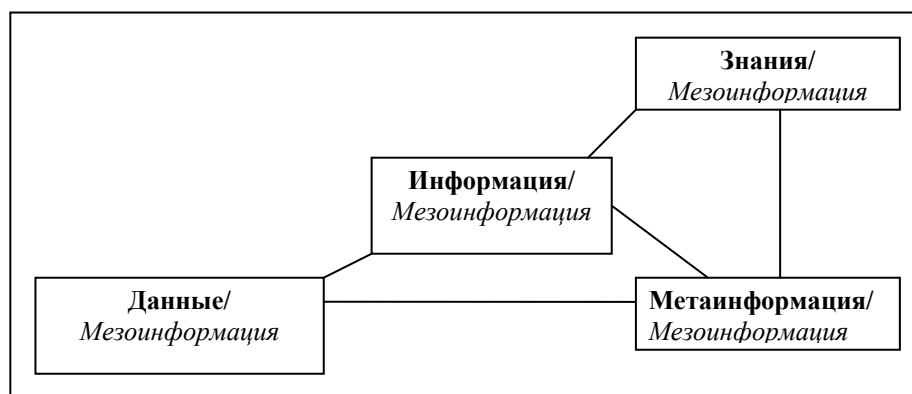

Рисунок 3 – Иерархия понятий теории информации

Мезоинформацию предлагается разделить на 2 категории: **перманентная (permanent) информация**, которая не убывает с течением времени (информация о днях рождения, фундаментальные законы Вселенной и т.д.) и **текущая (transitory) информация**.

Заключение. По приведенному исследованию можно сделать **следующие выводы**:

- предположение большинства ученых о наибольшей значимости качественного подхода квантификации информации по сравнению с количественным представляется не совсем верным – схема потребления информации включает комбинирование вышеуказанных подходов;
- трактовка такого многоаспектного понятия как информация требует аппроксимации всех основных подходов её определения и находится на стыке многих технических, экономических, философских и др. наук;
- теория информации в разрезе социоэкономической системы требует уточнения и доработки категориального аппарата.

В целом, поставленные в начале исследования цели можно считать выполненными.

Abstract. The paper analyses the main aspects of the theory of information and gives individual definition of information and different terms of the theory of information. There is no single definition of information on which scholars agree, but rather numerous theories and continued debates about the nature of information. It is very important to understand the way in which information is used and treat information as self-referential and recursive.

Литература

1. Бриллюэн, Л. Наука и теория информации / Л. Бриллюэн. – М.: Советское радио, 1960. – 540 с.
2. Вернадский, В.И.: Pro et contra. Антология литературы о В.И. Вернадском за сто лет (1898 – 1998). Под общей ред. академ. РАН А.Л. Яншина / В.И. Вернадский. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – 872 с.
3. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М.: Мысль, 1968. – 340 с.
4. Колмогоров, А.Н. Три подхода к определению понятия количество информации / А.Н. Колмогоров // Проблемы передачи информации. – 1965. – № 1. – С. 3–11.
5. Нижегородцев, Р.М. Информационная Вселенная: Информационные основы экономического роста / Р.М. Нижегородцев. – М.: Знание, 2007. – 174 с.
6. Ставцева, Т. И. Информация как субстанциональный элемент современной экономики и категория теоретического анализа: Монография / Т.И. Ставцева. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2006. – 149 с.
7. Стрельников, А.О. Знания как конкурентный ресурс [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://informburo.ru/content/view/46/50/> – Дата доступа: 04.04.2008.
8. Урсул, А.Д. Отражение и информация / А.Д. Урсул. – М.: Мысль, 1973. – 560 с.
9. Харкевич, А.А. О ценности информации / А.А. Харкевич // Проблемы кибернетики. – 1960. – № 4. – С. 54.
10. Шрейдер, Ю.А. О семантических аспектах теории информации / Ю.А. Шрейдер // Информация и кибернетика. – 1967. – № 5. – С. 22–37.
11. Hartley, R.L. Transmission of Information / R.L. Hartley // BSTJ. – 1928. – №3. – P. 535–536.
12. Shannon, C.A. Mathematical Theory of Communication / C.A. Shannon // Bell System Tech. – 1948. – № 27. – P. 34.
13. Tukey, J.W. The future of data analysis / J.W. Tukey // Annals of Mathematical Statistics – 1949. – №13. – P. 67.

УДК 330.14:331.101.262:316.344.3

Методические приёмы оценки интеллектуального капитала

Л. Н. ДАВЫДЕНКО, Т. А. ШЕРДАКОВА

Современное состояние экономики характеризуется переходом от индустриального типа производства к постиндустриальному. Своеобразие данного этапа заключается в том, что возрастает роль **знаний как стратегического экономического ресурса**.

Постиндустриальная стадия развития – «новая экономика», экономика, основанная на знаниях, – это экономика, в которой интеллектуальная составляющая перевешивает традиционные материальные факторы. Все большее значение приобретают уникальные по своей природе факторы нематериального характера – знания и умения сотрудников, профессиональная квалификация, патенты, торговые марки, отношения с клиентами, информационные технологии, структура управления и т.д., которые соединяются в категорию «интеллектуальный капитал». Ориентация на интеллектуальный капитал как общемировая тенденция выступает на первый план, благодаря способности человека генерировать новые знания, разрабатывать новые технологии, способствуя эффективному экономическому росту. Обладание интеллектуальным капиталом приравнивается развитыми странами по значению к **стратегическим ресурсам** (запасам сырья, территории, золотому запасу, валютным резервам). В современном мире идет постоянная борьба не за продукт, а за обладание интеллектом.

Несмотря на то, что термин «интеллектуальный капитал» все чаще появляется в научной экономической литературе, отсутствует как регламентированное определение данного понятия, так и его однозначная трактовка.

Считается, что впервые термин «интеллектуальный капитал» был использован Дж. К. Гэлбрэйтом в 1969 году как нечто большее, чем «чистый интеллект» человека, и включающий определенную интеллектуальную деятельность [1]. Но с методологических позиций интеллектуальный капитал как научная экономическая категория начал исследоваться с 90-х годов XX в. Значительный вклад в развитие вопроса по уточнению содержания интеллектуального капитала и выделению его структурных элементов был сделан зарубежными учеными и практиками: Т. Стюартом, Л. Эдвинссоном, Л. Прусакон, Э. Брукингом, которые указывают на взаимосвязь накопленных фирмой знаний и ее будущих возможностей, воплощаемых в рыночной стоимости.

Т. Стюарт в 1991 году опубликовал на страницах FORTUNE статью под названием «Сила интеллекта», определяя **интеллектуальный капитал** как сумму всего того, что знают работники компании. Л. Эдвинссон, директор по интеллектуальному капиталу компании «Scandia», трактует **интеллектуальный капитал** как знание, которое можно конвертировать в стоимость [2]. В качестве составляющих интеллектуального капитала были выделены «человеческий капитал» и «структурный капитал», каждый из которых был порожден человеческими знаниями, и именно их совокупность определяет скрытые источники ценности, которые наделяют компанию высокой рыночной оценкой. Данные определения только констатируют наличие знания и возможности его конвертирования в стоимость, что очень расплывчато и не отражает экономической сущности категории «капитал». Однако заслуживает внимания попытка ученых выделить интеллектуальный капитал в особую категорию и раскрыть его сущность.

Согласно Л. Прусаку из компании IBM, **интеллектуальный капитал** – это интеллектуальный материал, который формализуется, обрабатывается и используется для увеличения стоимости активов компании [2]. Здесь, хоть и раскрывается экономическая сущность интеллектуального капитала как некоторого интеллектуального материала, который используется

для производства более ценного имущества, однако отнесение к нему только «материала формализованного и зафиксированного» нельзя считать правомерным. Так как лояльность персонала, профессиональные знания, не зафиксированные документально, также являются одним из элементов интеллектуального капитала. В данном случае смешиваются понятия интеллектуальный капитал и интеллектуальная собственность, которую логично рассматривать как один из элементов интеллектуального капитала. Таким образом, интеллектуальный капитал определяется наличием знаний, заключенных в интеллектуальном материале, которые можно конвертировать в стоимость с целью увеличения активов.

Заслуживает внимания функциональное определение интеллектуального капитала, предложенное Х. Макдональдом [1]: «**Интеллектуальный капитал** – это знания, которые есть у организации и могут использоваться для получения разных преимуществ перед конкурентами». Здесь уже обозначены контуры интеллектуального капитала как экономической категории, то есть знания, которые есть у организации и дают преимущества перед конкурентами, способны порождать новую стоимость. Однако отнесение только знаний к интеллектуальному капиталу значительно сужает это понятие, поскольку ряд исследователей относит к нему и патенты, и клиентов компании, и корпоративную культуру.

Э. Брукинг определяет **интеллектуальный капитал** как **термин** для обозначения нематериальных активов, без которых компания не может существовать [3]. В данном случае, за исключением отнесения интеллектуального капитала к нематериальным активам, больше никак не раскрывается его экономическая сущность. Согласно определению, если на данный момент компания может существовать без каких-либо патента или торговой марки, то их к интеллектуальному капиталу относить нельзя. Такой подход можно нельзя назвать научно обоснованным.

Среди отечественных ученых можно отметить Б. Леонтьева, А. Кендюхова, Л.И.Лукичеву и др. Согласно определению Б. Леонтьева, «**интеллектуальный капитал** – это совокупность имеющихся у него законных прав на результаты его творческой деятельности, его природных и приобретенных интеллектуальных способностей и навыков, а также накопленные им базы знаний и полезных отношений с другими субъектами». Здесь интеллектуальный капитал показан через раскрытие его структуры и его элементы более конкретизированы, чем у предыдущих исследователей.

Наиболее полно описывает **интеллектуальный капитал** А. Кендюхов, представляя его как «...способные создавать новую стоимость интеллектуальные ресурсы предприятия, представленные человеческим и /или машинным интеллектами, а также интеллектуальными продуктами, созданными им самостоятельно или привлеченными со стороны как средства создания новой стоимости» [4]. Данное определение выводится из гносеологического анализа базовых категорий «капитал» и «интеллект» и функционального подхода, отражающего содержание категории «капитал». В качестве структурных элементов выделяются интеллектуальные ресурсы и интеллектуальные продукты, которые способны создавать новую стоимость.

Обобщая различные подходы к определению интеллектуального капитала и его структуре, можно сформулировать следующее определение: **интеллектуальный капитал** (ИК) как экономическая категория отражает отношения по поводу вовлечения в хозяйственный оборот интеллектуальных ресурсов, представленных человеческим и машинным интеллектом, и интеллектуальных продуктов, способных создавать новую стоимость в условиях «новой экономики» и получать конкурентные преимущества в рамках конкретного предприятия.

Структурно интеллектуальный капитал можно представить следующим образом:

- *специфический человеческий капитал* (связанные с работой знания и умения, творческие способности, образование, профессиональная квалификация, лояльность, ценностные установки и психометрические характеристики персонала, интуиция);
- *инфраструктурный капитал* (информационные технологии, организационная структура, философия управления, корпоративная культура и деловое сотрудничество);

- *клиентский капитал* (отношения с покупателями, производителями, конкурентами, контракты, портфель заказов, франшизы и лицензионные договоры);
- *марочный капитал* (торговые марки, товарные знаки, корпоративная марка (имя) и марки обслуживания);
- *интеллектуальная собственность* (патенты, авторское право, производственные секреты, оригинальное программное обеспечение, «ноу-хау», права на дизайн и базы данных).

Интеллектуальный капитал состоит не из отдельно взятых элементов, а представляет собой довольно сложную и подверженную внешним влияниям систему. Взаимное влияние элементов порождает синергетический эффект, в результате которого составляющие интеллектуального капитала могут увеличивать взаимное воздействие или, наоборот, его нейтрализовать. Поэтому интеллектуальный капитал не может быть оценен путем простого суммирования составляющих его элементов, так как сама по себе оценка отдельных элементов является трудно осуществимой, а наличие синергетического эффекта еще больше осложняет расчеты.

Основная внутренняя цель оценки стоимости ИК заключается в получении прибыли на инвестиции в тот или иной вид капитала. С одной стороны, необходимо отслеживать затраты (инвестиции) в элементы ИК, с другой стороны, – отслеживать те выгоды, которые организация получила от вложений в инвестиции. Разница между данными величинами и представляет норму прибыли на инвестиции.

По мнению Лукичевой, основными причинами оценки ИК являются следующие:

1 **внешние**, связанные с информированием внешних заинтересованных лиц о рыночной стоимости предприятия;

2 **внутренние**, включающие предоставление дополнительной информации внутренним пользователям (в первую очередь, менеджерам); необходимость формулировки стратегии предприятия; оценку выполнения стратегии; принятие решения по поводу диверсификации и расширения; расчет вознаграждения создателям интеллектуальных продуктов [5].

Для оценки интеллектуального капитала недостаточно только стоимостных показателей. Многие элементы интеллектуального капитала не находят отражения в бухгалтерских балансах и в принципе не поддаются учету. Именно поэтому многие попытки измерить все составляющие интеллектуального капитала, пользуясь стандартными приемами бухгалтерского учета потерпели неудачу.

В связи с большим количеством методик оценки ИК, а также других моделей, разработанных для решения различных управленческих задач и применимых для оценки интеллектуального капитала, необходимо было выделить общие признаки различных методологических подходов. В большинстве случаев критерием типологизации выступает методологическая общность, а не сущностные различия моделей. Одной из первых была предложена следующая типология методов оценки ИК [6, 7].

1. **Покомпонентный подход** (component-by-component), который использует разные единицы измерения для каждой из компонентов ИК. Этому подхода придерживаются все нефинансовые модели.

2. **Стоимостной подход**. Оценка стоимости ИК происходит агрегированно, без оценки стоимости отдельных компонентов.

В дальнейшем было предложено разделить методы оценки ИК на следующие группы:

1) **непосредственные методы**, или методы прямого измерения (direct intellectual capital methods – **DIC**) основаны на непосредственной денежной оценке различных составляющих ИК. Сущность данных методов заключается в том, что после того, как оценены отдельные элементы, выводится интегральная оценка интеллектуального капитала компании. В данном случае оценки отдельных компонентов могут как складываться, так применяться и более сложные формулы. Однако такие методы не дают точной оценки величины ИК;

2) **методы рыночной капитализации** (market capitalization methods – **MCM**) – оценивают разницу между рыночной стоимостью и балансовой стоимостью активов. Это агре-

гированный подход, основанный на определении стоимости ИК в целом, без учета стоимости его отдельно взятых компонентов;

3) **методы рентабельности активов** (return on assets methods – **ROA**) – методы оценки эффективности. В ходе оценки получаемая разница между среднеотраслевой рентабельностью активов и рентабельностью предприятия есть дополнительная эффективность, которую генерирует интеллектуальный капитал. Данный подход позволяет проводить сравнительную характеристику различных организаций;

4) **индикативные методы или методы подсчета очков** (scorecard methods – **SC**) оценивают различные индексы и индикаторы, которые, как предполагается, влияют на величину интеллектуального капитала. В данном случае оценка в денежной форме не осуществляется [6, 8].

Данная классификация выступает достаточно понятной и позволяет анализировать практически все разработанные модели оценки ИК, поэтому типология получила широкую распространенность и используется повсеместно для анализа и сравнения различных методологических подходов.

Известный шведский теоретик и практик оценки и управления ИК Карл-Эрик Свейби (Karl-Erik Sveiby) приводит обзор методов, которые могут быть использованы для оценки ИК с использованием предложенной типологии [9]. Данные методы представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Методы оценки интеллектуального капитала

Группа	Название метода
Методы прямого измерения (DIC)	Technology Broker (Аудит ИК) The Value Explorer
Методы рыночной капитализации (MCM)	Market-to-Book Ratio Q Тобина
Методы рентабельности активов (ROA)	Economic Value Added (EVA™) Value Added Intellectual Coefficient
Индикативные методы (SC)	Scandia Navigator Intangible Asset Monitor (IAM) Balanced Scorecard (BSC)

Рассмотрим сущность некоторых перечисленных методических приемов оценки ИК, а также их достоинства и недостатки.

1. Technology Broker (Аудит ИК). Модель аудита ИК – одна из первых моделей, которая предлагала денежное выражение стоимости ИК и его компонентов, разработанная Э. Брукингом [3]. ИК рассматривается как сочетание четырех основных элементов: рыночных активов, интеллектуальной собственности, человеческих активов и инфраструктурных активов.

Аудит ИК начинается с ответов на 20 вопросов-утверждений, которые составляют ИК-индикатор. Результаты этого теста показывают, насколько организация нуждается в управлении ИК и внедрении специальной методики для его оценки. В дальнейшем предполагается проведение дополнительных тестов по каждому из выделенных компонентов интеллектуального капитала. Брукинг полагает, что ценность ИК для отдельной организации полностью зависит от целей организации, а также состояния рынка, на котором действует организация. После завершения аудита (тестирования) предполагается оценка денежной стоимости компонентов ИК затратным, рыночным или доходным методом. Формальные критерии использования тех или иных методов для оценки денежной стоимости не формируются.

К достоинствам подхода можно отнести следующее:

– аудит ИК – инструментальная модель, которая, как полагает автор, поставляется в готовом для использования виде;

– некоторая эмпирическая апробация методики.

Недостатками данного подхода считаются:

- противоречивый переход от качественных результатов к количественным (денежным);
- субъективность составления тестов аудита и вопросников.

2. The Value Explorer. Метод был разработан нидерландским подразделением Knowledge Advisory Service (KAS) аудиторской компании KPMG по заказу Министерства экономики в ходе проекта по изучению новых подходов к оценке интеллектуальных активов [5]. До 2003 года методика несколько раз была использована в ряде консалтинговых проектов со смешанными результатами.

Метод The Value Explorer построен на основе использования концепции ключевых компетенций, которая используется для идентификации стратегически важных компонентов ИК предприятия. Методика представляет собой пятишаговую модель, для реализации которой необходимо:

- идентифицировать компоненты путем сопоставления ключевых компетенций организаций;
- провести оценку стоимости с использованием вопросника, который позволяет оценить добавочную стоимость, конкурентоспособность, потенциал, устойчивость и надежность выделенных ключевых компетенций;
- провести финансовую оценку ИК путем распределения доли ожидаемой нормированной прибыли организации по ключевым компетенциям;
- разработать план мероприятий для менеджмента и разработать рекомендации по улучшению управления ИК на основе проделанной работы;
- разработать шаблон отчета о состоянии ИК для менеджмента.

К достоинствам метода относят то, что:

- это интегрированный подход, т.е. все элементы ИК рассматриваются в совокупности как ресурсы имеющихся и потенциальных ключевых компетенций;
- это инструментальная методология, т.е. методика несколько раз была внедрена на практике, что позволило разработчикам выделить критические факторы успешного внедрения;
- она имеет стратегическую направленность, так как метод создан прежде всего для улучшения и оптимизации управления ИК.

В ряду недостатков можно выделить:

- недостаточно определенную диагностическую часть – выделение ключевых компетенций представляет собой в большей степени творческий процесс;
- метод не подходит для представления информации ИК внешним пользователям;
- осуществляется субъективный переход от качественных оценок к количественным показателям.

3. Market-to-Book Ratio и Q Tobin (Коэффициент Тобина). Метод соотношения рыночной и балансовой стоимостей предприятия (Market-to-Book ratio) – один из наиболее известных способов оценки величины ИК благодаря своей простоте и доступности. Основное допущение такой модели состоит в том, что ИК представляет собой разницу между величиной рыночной стоимости и ее балансовой стоимостью, взятой из финансовых отчетов. Обычно используется соотношение двух величин для того, чтобы устранить внешние макроэкономические факторы (к примеру, уровень процентной ставки), которые, как ожидается, оказывают примерно одинаковое влияние на изменение рыночной стоимости (капитализации) компаний.

Коэффициент Тобина (Q Tobin) – аналогичный показатель, за исключением того, что в знаменателе используется не балансовая стоимость активов (первоначальная стоимость за вычетом начисленной амортизации), а восстановительная – стоимость активов фирмы на рынке при условии их замещения.

В качестве достоинств описанного подхода выделяют:

- простоту;
- использование надежных исходных данных для расчетов;

– они удобны для сравнения сходных компаний одной отрасли, функционирующих на одних рынках и имеющих сходную базу материальных активов.

В качестве недостатков можно выделить следующие:

– методический подход не учитывает огромное количество внешних факторов, которые оказывают влияние на рыночную стоимость предприятия;

– концептуальная противоречивость методического подхода, так как числитель и знаменатель в указанном отношении представляют собой разные вычислительные процедуры. Балансовая стоимость представляет собой отражение принципов бухгалтерского учета, уже принятых в компании, а рыночная – отражение текущей деятельности и стратегического положения (то есть, разница между рыночной и балансовой стоимостями отражает не только величину ИК, но и ожидания инвесторов по поводу стратегии и будущих прибылей – фактор, не имеющий прямого отношения к ИК; разделить эти два эффекта в методике невозможно);

– невозможность использования методического подхода в транзитивных экономиках с неразвитыми финансовыми рынками, в которых фундаментальная обоснованность рыночной стоимости сомнительная;

– практическая сложность оценки восстановительной стоимости активов (для Q Tobin).

4. EVA и MVA. Модель **Economic Value Added (EVA™)** была представлена консалтинговой компанией Stern Stewart как всесторонняя модель оценки эффективности деятельности компании, которая использует переменные бюджетирования капитальных расходов, финансового планирования, постановки целей, коммуникации с акционерами, механизма вознаграждения менеджеров и т.д. EVA создавалась как улучшение модели MVA с учетом специфики современного бухгалтерского учета. MVA представляет собой разницу между денежными средствами инвесторов компании, вложенными в момент ее основания, и текущей стоимостью средств, которые они получили бы в случае продажи принадлежащих им акций. Основной недостаток MVA – учет всех результатов с момента основания.

Численно EVA представляет собой разницу между чистым операционным доходом после уплаты налогов и стоимостью капитала (как акционерного, так и долгового). В общем случае цель расчета EVA заключается в том, чтобы получить прибыль, близкую к реальным денежным результатам и сопоставить эту норму с капитальной базой.

К достоинствам подхода относятся:

- понятная и логичная методология;
- возможность использования для закрытых компаний;
- использование аудированных финансовых данных;
- соответствие общим принципам бухгалтерского учета.

Недостатки данного метода:

-неприспособленность для оценки ИК: оба метода оценивают общую эффективность деятельности предприятия, а ИК оценивается только косвенно (достаточно часто MVA используется для оценки общей рыночной стоимости ИК);

-слабая эмпирическая поддержка, доказывающая связь величины EVA с величиной рыночной стоимости (специальные статистические исследования показывают, что EVA предсказывает величину рыночной стоимости не лучше, чем бухгалтерская прибыль).

5. Value Added Intellectual Coefficient. Методология VAIC, разработанная Ante Pullic в 1998г., представляет вычислительную базу для проведения широкого эмпирического исследования. С формальной точки зрения, VAIC – сумма трех показателей: CEE – эффективности занятого капитала; HCE – эффективности человеческого капитала; SCE – эффективности структурного капитала.

Таким образом, VAIC оценивает не саму величину ИК, а эффективность его использования. Основное соотношение выглядит следующим образом:

$$VAIC = CEEi + HCEi + SCEi \quad (1)$$

Чем выше данный показатель, тем эффективнее использует организация собственные ресурсы.

Достоинства предложенного метода следующие:

- VAIC представляет собой стандартизированную оценку эффективности ИК, при которой можно проводить исследования на больших выборках (как по странам, так и по отраслям);

- исходные данные для методологии VAIC основаны на проверенной аудиторами информации.

К недостаткам можно отнести то, что:

- большинство элементов ИК по VAIC выступают лишь оценками, полученными из финансовой отчетности;

- надежность выходных результатов связана с надежностью данных финансовой отчетности;

- существует слабое эмпирическое доказательство связи эффективности ИК по методике VAIC с финансовыми результатами.

6. Scandia Navigator. Scandia – это шведская страховая и финансовая группа. Компания начала публиковать дополнение к годовому финансовому отчету под названием «Visualizing Intellectual Capital in Scandia» в 1994 году и продолжала его публиковать вплоть до 2003 г. [5]. В последних годовых отчетах присутствует специальный раздел, посвященный человеческому капиталу.

В Scandia Navigator выделяется пять фокусных областей: финансовая, клиентская, процессная, обновления и развития, человеческий капитал. Каждая из них соответствует элементу ИК. Финансовая область добавляется к более широкой области ИК для того, чтобы обеспечить историческую финансовую перспективу. Человеческий капитал стоит в центре навигатора, что отражает его ключевую роль. В качестве *человеческого капитала* объединяются знания, навыки, инновационность и возможности отдельных сотрудников организации. Он также включает ценности, культуру и философию организации. При этом человеческий капитал не может принадлежать организации. *Структурный капитал* – аппаратное и программное обеспечение, базы данных, организационная структура, патенты, товарные знаки – все то, что способствует росту производительности работников. Структурный капитал также обеспечивает *клиентский капитал*, который понимается как отношения с основными клиентами организации. Таким образом, ИК представляет собой сумму человеческого и структурного капиталов.

В Scandia Navigator входят 91 новых ИК-индикатора и 73 традиционных, которые включают абсолютные, денежные показатели и результаты опросов. Денежные показатели комбинируются с использованием детерминированных весов для получения общей стоимости ИК организации (С). Относительные показатели, которые считаются оценками неполноты, агрегируются в коэффициент эффективности ИК (i). Организационный ИК представляет собой произведение С на i .

К достоинствам предложенного подхода можно отнести то, что:

- это одна из первых систематических попыток создания таксономии оценки ИК;

- особое внимание уделено клиентскому капиталу (customer capital);

- обеспечивается широкое покрытие различных аспектов организационной культуры и бизнес-процессов.

В качестве недостатков выделяют следующие:

- многие индикаторы могут иметь альтернативную интерпретацию для отдельных организаций;

- используется балансовый подход, не учитываются динамические потоки внутри организации;

- элементы структурного капитала являются не совсем логичными (к примеру, общее число ПК в организации);

- часть индикаторов пересекается и оценивает одни и те же аспекты деятельности;

– большое количество используемых индикаторов осложняет действительное использование модели на практике.

7. Intangible Asset Monitor (IAM) – Монитор нематериальных активов (НМА).

IAM представляет собой двумерную модель набора финансовых и нефинансовых индикаторов, которые, по мнению создателей, отражают величину и эффективность использования ИК [1, 3].

Разработчики монитора знаний (К.-Э. Свейби) выделяют следующие группы элементов ИК:

- внешние структуры (бренды, отношения с поставщиками и покупателями);
- внутренние структуры (менеджмента, корпоративная структура, НИОКР и т.д.);
- индивидуальные компетенции (образование, опыт).

Для каждой группы элементов выделяется три семейства показателей: рост и обновление (т.е. изменение), эффективность и стабильность. Свейби рекомендует выделять два-три наиболее важных индикатора для каждой группы элементов ИК, общая же матрица не должна превышать по объему одной страницы.

Предложенный метод позиционируется как инструмент стратегического менеджмента. В этой связи создателями предлагается некая общая структура модели, а ее специфика и подробное наполнение должны определяться исходя из целей конкретного предприятия.

Таким образом, IAM – инструмент исполнения и контроля стратегии, ориентированной на рост и эффективность использования ИК. В обобщенном виде монитор НМА представлен в таблице 2 [5].

Таблица 2 – Монитор нематериальных активов

Показатели	Интеллектуальные активы		
	Внешние структуры	Внутренние структуры	Индивидуальная компетенция
Рост/обновление	Рост численности сотрудников Рост доли рынка Удовлетворение потребителей или качество	Инвестиции в информационные технологии Время на НИОКР Поведение персонала	Потребители, которые способствуют росту компетенций Рост средней профессиональной компетенции (лет) Оборот компетенций
Эффективность	Доход на одного покупателя Продажи на одного агента	Доля административного персонала Продажи на одного работника	Добавленная стоимость на одного сотрудника Изменение доли высококомпетентных сотрудников
Стабильность	Повторяющиеся заказы Возрастная структура продаж	Возраст организации Доля «новичков»	Текучесть кадров

К достоинствам монитора НМА можно отнести:

- привязку к стратегическим целям и задачам организации (управление и оценка ИК рассматриваются как интегрированный процесс повышения эффективности деятельности);
- некоторую эмпирическую поддержку и апробацию: шведская компания Celemi в течение нескольких лет отслеживала и оценивала ИК по методологии IAM.

Недостатками, по мнению автора, выступают:

- отсутствие схемы материальной мотивации в модели;
- сложность и значительные затраты на внедрение модели;

- сильная связь фундаментальных основ модели с корпоративной культурой организации;
- субъективность выбора индикаторов.

8. Balanced Scorecard (BSC) – Система сбалансированных показателей. BSC – одна из наиболее известных систематических моделей использования нефинансовых показателей в стратегическом управлении. Она была разработана в начале 1990-х гг. в ходе широкомасштабного исследования, организованного Harvard Business School. Ее создатели – Каплан и Нортон. Разработанная модель в настоящее время широко используется на практике.

BSC представляет собой систему оценки деятельности организации в составе четырех измерений. Финансовое измерение использует традиционные показатели бухгалтерской отчетности. Клиентское измерение использует показатели, представляющие идентификацию целевых групп потребителей, а также общемаркетинговые индикаторы (удовлетворенность покупателей, доля рекламаций и т.д.). Измерение внутренних бизнес-процессов основывается преимущественно на идее стоимости цепи (value chain). Измерение обновления и роста включает индикаторы, связанные с персоналом, а также системами, направленными на обучение и распространение знаний внутри организации. Однако, по замыслу создателей, BSC не просто некоторый логически связанный набор финансовых и нефинансовых показателей. Это средство управления исполнением стратегии и систематическим изложением стратегических целей организации. После идентификации и формализации стратегии в форме стратегической карты (strategy map) выделяются ключевые факторы успеха, а на их основе разрабатываются специфические индикаторы.

Достоинства модели:

- систематический подход – концепция широко разработана и представлена на всех этапах от начала внедрения до привязки компенсационных механизмов к системе;
- обширная апробация.

К недостаткам можно отнести:

- относительную жесткость;
- недостаточное внимание к человеческому капиталу: сотрудники организации рассматриваются в составе измерения обновления и роста вместе с ИТ-системами (знание рассматривается как физическая субстанция).

Проводя сравнительный анализ вышеописанных групп методов оценки стоимости интеллектуального капитала организации, можно сделать вывод о том, что методы прямого измерения (непосредственной оценки) и методы индикативных показателей основываются на оценке отдельных элементов, тогда как методы рентабельности активов исходят из эффективности, а агрегированные методы – из общей оценки интеллектуального капитала организации. Преимуществом таких методов является то, что они могут быть использованы на всех уровнях функционирования организации.

При оценке стоимости интеллектуального капитала целесообразнее использование относительных показателей и показателей эффективности. Одним из таких показателей является коэффициент Тобина, динамика изменения которого свидетельствует о мере использования интеллектуального капитала организацией. Высокий показатель коэффициента Тобина свидетельствует о существенном превышении цены компании над ценой ее материальных активов, что означает высокую оценку ее нематериальных активов [7].

Как утверждает Ваганян О.Г., «по мере продвижения к экономике знаний цены замещения реальных активов будут включать все более и более значимый когнитивный компонент». Т.е. интеллектуальный капитал будет все более и более проявляться в разных активах и поэтому использование традиционного коэффициента Тобина будет затруднено [10].

В связи с указанным выше, Ваганян О. Г. предложена модификация данного коэффициента, направленная на выявление объективной оценки интеллектуального капитала организации. Суть модификации состоит в следующем: в качестве рыночной цены предлагается принимать не рыночную капитализацию, а максимально приближенное значение рыночной цены компании (числитель), определяемое как результат оценки активов фирмы фондовым

рынком. В знаменателе традиционной формулы расчета предлагается использовать показатель, характеризующий чистые активы.

Полагаем, что такой подход позволит сравнивать в динамике не только рост ИК той или иной коммерческой организации, но и сравнивать между собой их группы, как в региональном масштабе, так и отрасли.

Таким образом, существование различных подходов к оценке интеллектуального капитала свидетельствует о повышении роли факторов нематериальной природы в деятельности организации. Многообразие методических подходов отражает стремление организации наиболее эффективно использовать интеллектуальный капитал в целях достижения поставленных задач. Оценка интеллектуального капитала является достаточно сложной, но в то же время необходимой для определения эффективности деятельности организации. Игнорирование интеллектуальной составляющей производства – интеллектуального капитала обернется для предприятий шагом назад. Поскольку в настоящее время становится очевидным, что экономика, базирующаяся на знаниях и ориентированная на формирование и использование интеллектуального капитала, становится главным фактором социально-экономического развития как предприятия, в частности, так и страны в целом.

Abstract. Methodological means of intellectual capital estimation are considered in the paper. Possible strong and weak points in the procedure are also studied.

Литература

1. Голубкин, В. Н. Интеллектуальный капитал в эпоху глобализации мировой экономики [Текст] / В.Н. Голубкин, Л. П. Клеева, Л. В. Патока // Бизнес – образование. – 2005. – № 1(18).
2. Комаров, И. Интеллектуальный капитализм [Текст] / И. Комаров // Персонал. – 2000. – № 5. – С. 54 – 59.
3. Брукинг, Э. Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии [Текст] / Э. Брукинг. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
4. Кендюхов, А. Гносеология интеллектуального капитала [Текст] // Экономика Украины. – № 4. – С. 28-34.
5. Лукичева, Л. И. Управление интеллектуальным капиталом [Текст] : учеб. пособие / Л.И. Лукичева. – М. : Омега – Л, 2007. – 552 с.
6. Luthy, D. Intellectual Capital and its Measurement [Text] / D. Luthy // Asian Pacific Interdisciplinary Research in Accounting Conference (APIRA). – Osaka (Japan), 1998.
7. Кулаева, Д. О. Сколько стоит интеллектуальный капитал организации? [Текст] / Д. О. Кулаева // Креативная экономика. – 2007. – № 11. – С. 11 – 18.
8. Williams, M. Is intellectual capital performance and disclosure practices related? [Text] / M. Williams // McMaster Intellectual Capital Conference. – Hamilton, Ontario, 2001.
9. Sveiby, K.-E. Intellectual Capital and knowledge Management. 1999 [Электронный ресурс] / К.-Е. Sveiby // Режим доступа: <http://www.sveiby.com.au/IntellectualCapital.html>. Дата доступа: 05.07.2007 г.
10. Ваганян, О. Г. Методика оценки эффективности инвестиций в интеллектуальный капитал [Текст] / О. Г. Ваганян // Креативная экономика. – 2007. – № 9. – С. 67 – 72.

УДК 37.014.543:336.5:37

Механизм финансирования образования: проблемы и пути совершенствования

Е. Н. ОЛЕШКЕВИЧ

Введение. В условиях переходного состояния белорусской экономики, идущей по пути интеграции в мировое пространство, определяющим фактором развития становится человеческий потенциал. Достижение высоких темпов экономического роста в Республике Беларусь возможно только при условии формирования конкурентоспособного рынка образовательных услуг и системы образования в целом.

В условиях возрастания роли человеческого потенциала вопросы финансирования образования становятся особенно актуальными. Характер возникающих при этом задач разнообразен: от выявления источников финансирования до определения структуры и видов доходов, полученных образовательными учреждениями от разного рода услуг и не только образовательных.

Одной из ключевых проблем в данной сфере является низкий уровень финансирования образовательных учреждений. Это выражается в снижении качества образования и степени соответствия требованиям современной экономики.

В литературе проблемы экономики и управления образованием рассматриваются в трудах Л. И. Абалкина, С. С. Артемьевой, А. И. Добрынина, С. А. Дятлова, Е. Н. Геворкян, В. А. Жамина, Е. Н. Жильцова, С. М. Кмилина, Л. Ф. Колесникова, Е. М. Николаевой, С. И. Шихова, В. П. Щетинина и др.

Некоторые проблемы финансирования образования затронуты в работах зарубежных авторов: Г. С. Беккера, Э. Денисова, Х. Джонсона, Дж. Кедрика, Дж. Минцера, Ф. Уэлч, Т. Шульца и других, а также в трудах отечественных ученых: Г. М. Бычкова, А. Б. Гедранович, Б. М. Морозов, В. Н. Суша и др.

В большинстве работ рассматриваются вопросы управления структурными подразделениями образовательной системы. Вопросы финансирования системы образования в условиях реформирования экономической системы раскрыты недостаточно. Сложность и многогранность этой актуальной проблемы содержит ряд дискуссионных вопросов и требует дальнейшего научного исследования.

Механизм финансирования образования – это совокупность методов и форм, инструментов и рычагов воздействия на экономическое и социальное развитие образовательной системы в процессе распределительных отношений. Функционирование финансового механизма представляет собой кругооборот ресурсов и предполагает два метода воздействия на развитие системы образования: финансовое обеспечение и государственное регулирование. Государственная образовательная политика определяет их приоритетность. Чем выше уровень развития государства, тем более значима роль государственного регулирования. Финансовое обеспечение осуществляется в следующих формах: безвозвратное финансирование из бюджета, кредитование, самофинансирование, спонсорская помощь, привлечение внебюджетных средств и т.д. Различные формы финансового обеспечения применяются одновременно не путем вытеснения одной формы другой, а посредством оптимального для данного этапа развития системы образования соотношения между ними. Определение и обоснование таких пропорций – одна из задач государственной политики в области образования. Государственное регулирование как форма воздействия предполагает регламентирование распределительных отношений между ступенями и уровнями системы образования.

В настоящее время модели и механизмы финансирования учреждений образования характеризуются высокой степенью сложности. Это обусловлено двумя факторами. Во-

первых, функционирование начального и среднего образования, как правило, крайне жестко регулируется государственными органами. Финансирование учреждений образования может осуществляться из нескольких источников (местного, областного бюджета, инновационного, внебюджетного фондов). Однако принципы и механизмы финансирования этих учреждений до сих пор не оказывают позитивного влияния на уровень и качество образования.

Во-вторых, именно на систему высшего образования приходится наибольший объем республиканского бюджета. Согласно республиканскому бюджету 2007 года, свыше 56 % общего объема ассигнований на образование приходится на финансирование учреждений высшего профессионального образования. В объемах местных (районных) бюджетов наблюдается тенденция недофинансирования особенно системы дошкольного образования (16,2%), так как приоритет отдается общему среднему образованию (45,7%) [3, с. 35].

Анализ зарубежного опыта механизма финансирования образовательной системы. Представляется целесообразным исследовать международную практику системы финансирования образования с целью использования этого опыта при разработке белорусской модели финансирования учреждений образовательной системы. Наиболее распространенными моделями финансирования образования являются: французская, немецкая и американская. Рассматривая эти модели с позиции уровня самостоятельности образовательных учреждений и степени государственного регулирования, отметим, что французская модель основана на жестком контроле образования государственными органами, так как основным источником финансирования образования является государственный бюджет. Эта модель финансирования основывается на приоритете социальной ценности образования. В рамках стратегического планирования развития образовательной системы в ней используется комплексная модель востребованности, учитывающая социальные и макроэкономические компоненты ценности образования. При бюджетном финансировании используются различные модификации затратной модели.

Немецкая модель финансирования образования осуществляется на основе принципов финансового федерализма. Следует отметить, что, несмотря на централизованный контроль со стороны федеральных органов, образовательные учреждения сохраняют достаточную степень автономии. Данная модель объединяет черты французской и американской модели, ей в наибольшей степени свойственно использование различных сводных моделей.

В американской модели образовательные учреждения юридически и финансово автономны. Она основана на безусловном приоритете индивидуальной ценности образования. Как при долгосрочном планировании, так и при формировании текущей ценовой политики в ней используются модели, основанные на востребованности образовательных услуг.

Несмотря на существенные различия в механизмах финансирования образования, государственное регулирование является важнейшим механизмом развития рассматриваемых образовательных систем. Даже в странах с американской системой финансирования, когда учреждения образования сохраняют юридическую и финансовую автономию, государство осуществляет действенный контроль за образовательными программами, ценообразованием на рынке образовательных услуг, соблюдением нормативов социальных стандартов (эргономических, медицинских, технических нормативов деятельности образовательных учреждений).

Названные модели финансирования образования были опробированы на практике в течение длительного периода времени и формировались десятилетиями. Их эффективное функционирование в зарубежных странах обусловлено существованием многолетних традиций и отлаженных алгоритмов функционирования.

Основные проблемы и направления совершенствования механизма финансирования образовательных учреждений Республики Беларусь. В то же время белорусская система образования состоит из государственных учреждений образования, модель финансирования которых основана на затратных принципах, в ее основу положена система затрат, но в условиях рыночной экономики она находится на стадии модификационных изменений, и негосударственных учреждений образования, в основу которых предполагалось положить американскую модель подготовки кадров. Следует отметить, что в настоящее время в Беларуси не закончено формирование сложной, многоуровневой системы образования. На 1 ян-

варя 2008 года система образования страны включала 14 692 образовательных учреждений. При этом финансирование этих образовательных учреждений осуществляется из различных источников.

Таблица 1 – Основные типы образовательных учреждений Республики Беларусь и их количественные характеристики

Категория образовательных учреждений	Количество образовательных учреждений		Обучаемые		Работники	
	шт.	%	тыс.	%	тыс.	%
Дошкольные учреждения	4 109	28,0	365,3	14,1		
Общеобразовательные школы	3 927	26,7	1 134,9	43,9	143,9	75,0
Лицеи, гимназии, учебно-педагогические комплексы	202	1,4	130,3	5,0		
Учреждения внешкольного воспитания и обучения	5 730	39,0	315,4	12,2		
Интернатные учреждения для детей	239	1,6	22,3	0,9		
Учреждения профессионально-технического образования	225	1,5	48,7	1,9	13,9	7,2
Средние специальные учебные заведения	204	1,4	155	6,0	10,8	5,6
Высшие учебные заведения	56	0,4	413,7	16,0	23,3	12,1
Рассчитано по: Республика Беларусь в цифрах: краткий статистический сборник / Министерство статистики и анализа. – Мн., 2008.						

Приведенные данные свидетельствуют о том, что система дошкольного, начального и общего среднего образования, внешкольного воспитания и обучения в стране самая развитая. Удельный вес этих учреждений составляет 65,7% всех образовательных учреждений функционирующих в стране. На их содержание требуются значительные финансовые средства. Основным источником финансирования в стране является государственный бюджет, на который приходится до 90% общего объема средств, получаемых образовательными учреждениями, в особенности учреждениями дошкольного и общего среднего образования. Несмотря на наблюдающееся в последние годы стабильное количество негосударственных образовательных учреждений, сложившийся механизм бюджетного финансирования образования остается основным фактором, определяющим развитие образовательной системы.

В современной белорусской практике используется смешанный механизм финансирования образовательных учреждений, базирующийся на сочетании моделей оценки образовательных услуг, основанных на экономической востребованности и нормативной себестоимости образовательных услуг. Валовой объем финансирования образовательной системы в целом формируется на основании прогнозируемого уровня доходов бюджета и доли расходов на образование в расходах государственного бюджета, определяемой в соответствии с приоритетами бюджетной политики.

Подобная схема эффективна в краткосрочной перспективе. Она позволяет осуществлять гибкое и оперативное управление объемом ассигнований на развитие образования, отражая как текущую структуру бюджетных приоритетов, так и доступность инновационных ресурсов для государства. Однако в долгосрочной перспективе подобный механизм обладает существенными недостатками. Жесткая связь между доходами бюджета и объемом финансирования снижает степень стабильности финансирования образования, а в ряде случаев приводит к нарушениям в функционировании отлаженных механизмов финансирования образования.

Таблица 2 – Динамика расходов на образование из средств консолидированного бюджета

№ п/ п	Показатели	Значение показателя			
		2000 г.	2003 г.	2005 г.	2007 г.
1	Расходы на образование в действующих ценах, млрд. руб.	562	2352	4060	5547
2	Расходы на образование в %: – к консолидированному бюджету – к ВВП	17,4 6,2	18,4 6,4	13,0 6,2	11,6 5,8

Анализ расходов на образование показывает рост этих расходов в абсолютном выражении, однако по отношению в целом к консолидированному бюджету и ВВП происходит их снижение. В то же время общий объем финансирования белорусской образовательной системы остается недостаточным для эффективного ее функционирования. Финансирование, направляемое на обновление и укрепление материально-технической базы, не достигает необходимых 10% от ВВП. Научно доказано, что недофинансирование образования в течение длительного времени подрывает жизненно важные циклы воспроизводственного процесса в науке и образовании, что может привести к невосполнимым потерям научно-образовательного потенциала, отразится на качестве образовательной деятельности [1, с. 248].

Сметное планирование бюджетных средств по направлениям и типам образовательных учреждений осуществляется на основе следующей технологии. В первоочередном порядке составляется смета затрат на образование и направлениям деятельности отделами образования районных исполнительных комитетов с учетом заявок образовательных учреждений и на основе действующих нормативов. Данные сметы представляются в вышестоящие областные исполнительные комитеты для последующего составления Министерством образования общей сметы расходов на образование. При этом сохраняется единый методический подход к составлению сметы расходов, как по Министерству, так и по учреждению образования, при наличии некоторых особенностей. Так численность учительского состава и его фонд заработной платы определяется исходя из среднегодовой численности учащихся, количество учащихся на одного учителя и тарифной ставки. Далее согласно штатному расписанию определяются величины надбавок.

Кроме того, планируется фонд оплаты труда совместителей, не входящих в штат учреждения образования, специальные доплаты. Расходы связи, командировочные расходы составляются на основе отчетных данных, от так называемого достигнутого уровня, но с учетом корректировки величины этих расходов на инфляционное ожидание. Нормативы этих расходов по учреждениям образования не установлены. Выделение средств на приобретение оборудования, текущий ремонт зданий и сооружений осуществляется на основе возможностей государственного бюджета. Коммунальные расходы планируются на основе заключенных договоров с организациями, оказывающими эти услуги.

В то же время используемая методика сметного финансирования ведет к большому росту трудозатрат на всех уровнях составления и исполнения смет.

Совершенствование механизма бюджетного финансирования предполагает исследование не только проблем связанных со структурой бюджетных расходов, их целевым расходованием, но и объективной оценкой качества образовательных услуг.

В условиях развития рыночных отношений оценка качества результатов деятельности образовательного учреждения должна быть объективно увязана с величиной финансовых ресурсов выделяемых из бюджетов различных уровней для эффективного функционирования учреждений дошкольного, начального, общего среднего образования, внешкольного воспитания и обучения.

Неразработанность системы оценки деятельности образовательных учреждений во многом связана с тем, что финансирование этих учреждений, осуществляются на основе сметы затрат. Сравним характеристики затратного метода планирования расходов и бюджетирования, ориентированного на результат.

Таблица 3 – Сравнительные характеристики бюджетирования, ориентированного на результат и затратного метода финансирования

№ п/ п	Планирование исполнения бюджета, контроль за расходованием средств	Затратный метод	Бюджетирование, ориентированное на результат
1	Цель планирования	Распределить выделенные средства между бюджетополучателями	Увязка объема бюджетных средств, их структуры с приоритетным направлениями государственной политики в сфере образования с учетом ожидаемых результатов ее реализации
2	Уровень планирования и экономическое обоснование выделяемых средств	В разрезе министерств, на основании заявленной потребности в бюджетных средствах (по установленной норме)	Исходя из приоритетов развития отрасли (сферы образования); отраслевых программ и ожидаемых результатов их реализации
3	Структура расходов бюджета	Приоритет экономической и ведомственной классификации расходов	Приоритет программной и функциональной классификации
4	Ответственность министерства	За целевое использование средств	За достижение запланированных результатов с рациональными затратами
5	Степень ответственности министерств	Ограничена	Высокая степень распоряжения выделяемыми ресурсами в рамках утвержденных программ
6	Уровень принятия решений	Высокая степень централизации	Делегирование полномочий бюджетополучателям с целью эффективного использования средств
7	Система контроля	Основной вид контроля – внешний	Доминирует внутренний самоконтроль министерства
8	Объекты контроля	Статьи затрат в соответствии с бюджетной классификацией	Общий объем расходов и полученные результаты по программам; качество системы внутреннего контроля, его результативность
9	Отчет об исполнении бюджета	Обоснование фактических расходов и объяснение причин их отклонений от плановых величин	Обоснование фактических расходов и их взаимосвязь с полученными результатами по программам
Источник: разработано по [5, с. 45–55; 6, с. 19–26].			

Следует отметить, что внедрение системы бюджетирования по результатам является сложной задачей и требует формирования объективной, посредством системы показателей, оценки работы органов управления образовательным учреждением.

В условиях ограниченности финансовых ресурсов, выделяемых для финансирования системы образования, необходимо сделать правильный выбор показателей результативности деятельности как в целом отрасли образования, так и образовательного учреждения.

Для того, чтобы дать реальную оценку действующей системе государственного регулирования деятельности образовательных учреждений, недостаточно рассмотреть только методы финансирования системы образования. Целесообразно исследовать инструменты государственного регулирования, определяющие источники финансирования образования, включая и систему налоговых льгот.

Ключевым инструментом государственного регулирования рынка образовательных услуг является платность образовательных услуг. К другим инструментам государственного регулирования относят: введение централизованного тестирования при поступлении в учебные заведения; проведение аттестации и аккредитации учреждений образования; распределение государственного заказа на подготовку специалистов на конкурсной основе; льготное налогообложение; внедрение системы образовательных кредитов, становление автономных учреждений; дополнительное финансирование отдельных уровней системы образования путем создания фондов и разработки целевых программ; инвестирование государственных и частных ресурсов в образование для развития национальной экономики.

Для современного белорусского государственного сектора рынка образовательных благ характерно появление и непрерывный рост доли платных услуг. Это, во-первых, платное обучение студентов в средних специальных и высших учебных заведениях сверх конкурсного набора. Во-вторых, плата за дополнительные образовательные услуги для части учеников по предметам, не предусмотренным государственным стандартом. Государственные учреждения образования оказывают своим потребителям на платной основе дополнительные образовательные услуги в виде: курсов, кружков, студий, других объединений по интересам; открытия групп, обеспечивающих дополнительное изучение образовательных программ, предметов, дисциплин сверх предусмотренного учебным планом; организации платных услуг на дому и т. д.

Оказание платных образовательных услуг государственными учреждениями - это международная практика. Большинство западноевропейских стран идут по этому пути развития образования.

Введение в государственных учреждениях образования платных образовательных услуг связано с необходимостью привлечения дополнительных средств в связи с тем, что бюджетное финансирование не обеспечивает устойчивое функционирование и развитие образовательной системы. Важными причинами также являются все более глубокое проникновение в сферу образования рыночных отношений и потребность в непрерывном совершенствовании и развитии накопленных знаний.

Надо отметить, что в связи с предоставленной государством возможностью учреждениям образования оказывать платные образовательные услуги, происходит рост численности обучающихся по специальностям, которые не востребованы на рынке труда.

Рассмотренная тенденция, связанная с развитием системы образования, ее финансированием в условиях экономического роста, не является позитивной. Так как в современной белорусской практике широко используется предоставление дополнительных образовательных услуг, которые носят обязательный характер и, зачастую, дублируют образовательные услуги, предусмотренные государственной программой обучения. Они трансформируются в инструмент взимания платы с родителей, что нарушает принцип равной доступности обучающихся к образовательным услугам, финансируемых за счет государственного и региональных бюджетов.

Широко распространено в системе образования республики финансирование учреждений из негосударственных источников. Развивается система попечительских советов, члены которых принимают участие в целевом финансировании образовательных учреждений. Однако потенциал развития этого источника финансирования образования невелик. Его ограничивает не только недостаток средств у многих промышленных предприятий, коммерческих организаций, но и недостаточно рациональный налоговый режим. В соответствии с действующим законодательством, спонсорская помощь, получаемая образовательными учреждениями от юридических лиц, облагается налогом на добавленную стоимость, а доходы, полученные от аренды зданий и помещений, сдачи макулатуры и металлолома – налогом на прибыль.

Многие учреждения образования для восполнения недостаточного финансирования вынуждены прибегать также к коммерческой (внебюджетной) деятельности. Одной из форм такой деятельности является сдача в аренду помещений. В некоторых случаях это оказывается оправданным, к примеру, если аренда представляет услуги для обучающихся (ксерокопирование, доступ в Интернет), а исключение арендуемых площадей из образовательного процесса не наносит ему урона. Однако чаще всего коммерческая деятельность образовательных учреждений негативно сказывается на качестве обучения, используя часть ресурсов образовательного учреждения (здания, оборудование, инфраструктуру и т.п.), принадлежащие государству либо приобретенные за бюджетные средства.

Приоритеты решения проблем эффективности и повышения качества современной системы образования, ориентированной на потребности рынка знаний, труда, экономический рост, делают актуальным вопрос о разработке и реализации образовательной политики страны, учитывающей ее конкретные потребности, условия и ресурсы. Особое место в образовательной политике должно отводиться регулированию вопросов взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг.

Для развития рынка образовательных услуг имеют значение демографические и экономические показатели развития общества. Как показывают прогнозы специалистов, демографический спад окажет значительное воздействие на деятельность образовательных учреждений различных уровней, прежде всего в силу сокращения спроса на образовательные услуги со стороны населения, когда общее количество абитуриентов сравнится или будет ниже современных размеров выпуска обучаемых в учреждениях.

На фоне роста выпуска промышленной продукции в республике наблюдается увеличение доходов населения, при одновременной относительной стабилизации индекса потребительских цен на товары и услуги. В структуре платных услуг образовательные услуги занимают шестое место после услуг пассажирского транспорта, бытовых и коммунальных услуг и т.д. При общем росте индекса цен на услуги, родительская плата за питание детей в дошкольных учреждениях, плата за обучение в учреждениях образования в последние годы имеет тенденцию к стабилизации и не соответствует общему росту цен. Таким образом, у населения есть возможность инвестиций в образование. Инвестиции в образование должны работать не на количественное увеличение выпускников, так как это повлечет трудности с их трудоустройством, а должны быть ориентированы на непрерывное образование в целях уменьшения численности безработных.

В результате, данные вопросы разработки механизма финансирования образования на основе внедрения системы методов финансирования и инструментов государственного регулирования, ориентированного на результат приобретают особую актуальность в условиях глобализации и модернизации белорусского образования на современном этапе его развития.

Выводы. В современном обществе возрастает роль образовательной системы, которая выполняет ряд важнейших функций: обеспечение различных сфер экономики квалифицированными кадрами, создание новых технологий, проведение научных исследований и т.д. Именно поэтому решающую роль в обеспечении экономического роста нашей страны будет играть своевременная и качественная подготовка специалистов для удовлетворения потребностей науки, экономики и общества в целом.

Затратный подход к финансированию системы образования не может содействовать созданию конкурентоспособного рынка образовательных услуг и привести к требуемым институциональным изменениям бюджетной системы.

Традиционный порядок распределения бюджетных ассигнований школам, согласно которому каждой школой составляется смета расходов, исходя из норм, был эффективным в условиях централизованной системы. Однако сейчас он приводит к негибкому и малоэффективному использованию ограниченных средств.

В последние годы государственная политика направлена на усиление финансовой поддержки образования как из государственного, так и из частного сектора. Однако растущее беспокойство вызывает эффективность использования этих средств. Система предостав-

ления платных образовательных услуг до конца не продумана и не упорядочена. Непрозрачность и неотрегулированность этой сферы приводит к неэффективности и неравенству.

С переходом к рыночным отношениям меняются источники и методы финансирования. Наряду с бюджетным финансированием сферы образования, созданием институциональных условий повышения эффективности использования бюджетных средств, привлекаются внебюджетные ресурсы, хотя образование и не относится к числу отраслей, где могут быть широко использованы возможности рыночного саморегулирования и соответствующей коммерческой деятельности.

Механизм планирования бюджетных финансовых ассигнований системы образования по уровням нельзя рассматривать в отрыве от моделей оценки образовательных услуг, оказываемых учреждениями образования потребителям этих услуг, так как величина выделяемых бюджетных средств, их эффективность должна быть увязана с результирующими показателями деятельности учреждения образования. Доминирующая в обществе модель оценки образовательных услуг определяет наиболее общие принципы построения системы финансирования образования. В зависимости от степени распределения выгод от образования между обучаемыми, отдельными общественными структурами (региональными, отраслевыми) и обществом в целом формируется механизм перераспределения средств в системе образования, что определяется необходимостью формирования системы государственного регулирования.

Следует учитывать опыт других стран по привлечению средств для финансирования образования.

В развитых странах образование выступает как отрасль экономики с огромным экспортным потенциалом, образовательные учреждения все больше приобретают статус институтов свободного предпринимательства, а потребитель образовательных услуг занимает центральное место в образовательной системе со своими интересами и выбором. Рынок образовательных услуг и продуктов подчиняется действию свободных рыночных механизмов. Государство же, активно не вмешиваясь в сферу образования, создает необходимые для такого рынка условия: оно не подавляет конкуренцию производителей образовательных услуг и не нарушает принцип социальной справедливости в этой сфере.

Важно отметить, что нигде в мире не существует идеальной модели финансирования образования. Некоторые страны успешно совместили различные источники финансирования образовательных учреждений, но в каждом отдельном случае есть свои особенности и недостатки.

Полезные модели развития рынка образовательных услуг можно заимствовать из моделей организации рынков образовательных услуг таких стран, как Германия, Канада, Австралия, где наблюдается тенденция ухода от существующей негибкой и неэффективной системы бюджетного финансирования в пользу системы целевого финансирования или бюджетирования, ориентированного на результат.

Применительно к Беларуси, наиболее значимыми остаются вопросы, связанные с выбором конкретной модели финансирования образования и инструментов регулирования рынка образовательных услуг в условиях становления экономики знаний.

При таких исходных условиях одним из главных направлений образовательной политики в стране становится поиск и эффективное использование инструментов государственного регулирования образования, посредством которых возможно реально улучшить финансовое обеспечение отрасли в целях содержательной модернизации образовательного пространства. Однако большинство из них практически не функционируют. Если использование централизованного тестирования еще вызывает много разногласий, но все же активно используется, то механизм предоставления образовательных кредитов очень далек от реализации. Поэтому требуется, с одной стороны, кардинальная реконструкция отраслевых финансово-экономических инструментов и механизма в целом, с другой стороны, сохранение имеющего образовательного потенциала.

Abstract. The analysis of foreign experience in financing education system is presented in the paper. The mechanism of education financing in the Republic of Belarus based on the cost-based me-

thod of planning budget appropriation is also described. The paper presents the ways of improving education financing.

Литература

1. Социально-экономические проблемы развития профессионального образования [Текст] / Мин-во образования Респ. Беларусь, Республиканский ин-т проф. образования; авт.-сост. Ю. И. Кричевский; науч. ред. А. Х. Шкляр. – Минск : РИПО, 2006. – 342 с.
2. Бычкова, Г. М. Инновационный механизм повышения эффективности высшего образования Беларуси [Текст] / Г. М. Бычкова. – Минск, 2004. – 186 с.
3. Итоги работы системы образования в 2007 году и основные задачи по её развитию в 2008 году [Текст] / Министерство образования Республики Беларусь. – Минск : РИВШ, 2008. – 250с.
4. Клименко, В. А. Образование в современном обществе: проблемы и перспективы развития : монография [Текст] / А. В. Клименко. – Минск : Белорусский национальный технический университет, 2007. – 295 с.
5. Крашенинников, А. В. Механизм финансирования высшего профессионального образования [Текст] / А. В. Крашенинников // Экономика XXI века. – 2008. – № 4. – С. 45–55.
6. Осовецкая, Н. Школа как автономное учреждение: за и против [Текст] / Н. Осовецкая // Народное образование. – 2008. – № 6. – С. 19–26.

Логистизация транспортной инфраструктуры: вопросы теории

А. В. Пшул

Транспортная инфраструктура представляет собой сложную систему с присущими ей внутренними взаимосвязями. Так, в ней можно выделить статическую и динамическую подсистемы. К статической подсистеме относится собственно инфраструктура: пути сообщения, дороги, железнодорожные и водные пути, грузовые и пассажирские терминалы. К динамической подсистеме можно отнести подвижной состав различных видов транспорта: автомобили, вагоны, воздушные и водные суда. Взаимосвязанное функционирование данных подсистем обеспечивает выполнение транспортной инфраструктурой своей роли в национальной экономике и делает возможным развитие рынка перевозок или рынка транспортных услуг. Транспортная услуга – результат деятельности исполнителя транспортной услуги по удовлетворению потребностей пассажира, грузоотправителя, грузополучателя в перевозках в соответствии с установленными нормами и требованиями [2, с.14].

Под уровнем развития транспортной инфраструктуры следует понимать степень ответственности существующей инфраструктуры запросам национальной экономики с целью обеспечения экономического роста. Т.е. уровень развития транспортной инфраструктуры не должен сдерживать темпы экономического роста. Также понятие «уровень развития транспортной инфраструктуры» обладает как количественными, так и качественными характеристиками. К количественным характеристикам можно отнести длину путей сообщения (по видам и типам), плотность (относительно территории, населения, коэффициент Энгеля, универсальный коэффициент Успенского). Качественные показатели характеризуют уровень организации материальных и связанных с ним информационного и финансового потоков.

Однако, помимо степени насыщения страны транспортной сетью, следует учитывать и уровень организации потоков в системе. Так, помимо материального, процесс транспортировки порождает сопутствующие информационный и финансовый потоки. Несогласованная работа элементов транспортной системы приводит к снижению скорости этих потоков, возрастанию транспортных издержек, что, в конечном счете, приводит к удорожанию конечного продукта. В настоящее время система организации этих потоков, особенно в сфере товародвижения, имеет специфические черты, отражающие наследие планово-распределительной модели управления, состоящей из снабженческо-сбытовых баз [3, с.91]. В государствах-членах ЕС вопрос оптимальной организации потоков в транспортной системе вызван чрезмерной перегруженностью некоторых участков в транспортной системе (bottlenecks), несмотря на прирост протяженности путей сообщения на 20 % в период с 1990 по 2003 годы [1, с. 8, 88].

В сложившихся условиях эффективное функционирование транспортной инфраструктуры, рынка транспортных услуг, в большей степени зависит от построения системы комплексного логистического обслуживания субъектов рынка.

Логистика как наука и практическая деятельность возникла, когда в обществе изменилась постановка проблемы снижения затрат, фокус с отдельных функций был перенесен на потоки. Объектом рассмотрения логистики стали потоки и потоковые процессы – материальные (МП), информационные, финансовые, трудовые, сервисные и другие потоки, состоящие из относительно однородных элементов и перемещающиеся от источника возникновения до места назначения в рамках определенной хозяйственной системы [6, с.11].

Базисная идея логистики состоит в следующем. Все стадии производства и сбыта продукции от добычи сырья до конечного потребления объединяют в единый процесс движения и трансформации продукта. Все функциональные области – производство, снабжение

и сбыт, транспортирование, информационный обмен – связывают в единую цепочку на основе общего интегратора – материального и информационных потоков. Входящий материальный поток в ходе бизнес-процесса фирмы преобразуется, приобретая добавленную стоимость и обрастая информационными потоками.

Логистическая система – адаптивная система с обратной связью, выполняющая те или иные логистические функции и логистические операции, состоящая, как правило, из нескольких подсистем и имеющая развитые связи с внешней средой [2, с.12].

Опыт использования логистических систем (ЛС) в развитых капиталистических странах показывает, что транспортные расходы при этом сокращаются на 7 – 20%, расходы на погрузочно-разгрузочные работы и хранение материальных ресурсов и готовой продукции уменьшается на 15-30 %, общие логистические издержки – на 12 – 35 %, а также ускоряется оборачиваемость материальных ресурсов на 20 – 40% и снижаются запасы материальных ресурсов и готовой продукции на 50 – 200% [4, с.493].

Внедрение логистики на макроуровне благоприятно отражается, прежде всего, на сфере обращения (транспорт, склады): снижаются запасы, сокращаются транспортные расходы, уменьшается количество операций с грузом. Применение логистики, по данным экспертных оценок, позволяет достичь снижения уровня запасов на 30-50 % и сократить время движения продукции на 25-45 % [6, с.13].

При рассмотрении логистической системы можно выделить следующие уровни:

- микрологистические системы отдельных предприятий, или внутрифирменная логистика;
- мезологистические, или региональные, системы;
- макрологистические, или национальные, системы.

Целями создания национальной логистической системы являются:

- привлечение дополнительного грузопотока на незагруженные элементы транспортной инфраструктуры Республики Беларусь;
- сокращение времени доставки грузов;
- повышение качества обслуживания субъектов рынка и расширение набора предоставляемых услуг;
- снижение транспортных издержек;
- повышение конкурентоспособности экспортных грузов и транспортных услуг на международном рынке.

Основой создаваемой системы должны стать транспортно-логистические центры, которые будут заниматься разработкой логистических схем доставки грузов с использованием технических и технологических возможностей данных центров по перегрузке с одного вида транспорта на другой, складированию и хранению, упаковке и оформлению перевозочных документов, включая таможенное оформление и выполнение других логистических операций. Кроме того, привлечение и переработку транзитных грузопотоков на базу транспортно-логистических центров можно осуществить за счет концентрации и распределения мелкопартионных грузов. Вышеуказанные функции будут выполнять экспедиторы и участники перевозочного процесса на договорной основе, где сначала будет проработана логистическая схема доставки груза с целью привлечения клиента и получения возможности заключения договора транспортной экспедиции [2, с.7].

География размещения транспортно-логистических центров зависит от следующих факторов:

- наличие существующей транспортно-складской инфраструктуры, перспективы ее модернизации и расширения;
- наличие международных транспортных коридоров и их близость;
- промышленная развитость региона;
- объемы производства экспортных грузов;
- целесообразность включения центра в существующие транспортно-логистические схемы;
- возможность расположения в особых (свободных) экономических зонах.

Так, в Польше логистические центры расположены главным образом вдоль международных транспортных коридоров № 2 (Берлин – Варшава – Минск – Москва), № 3 (Берлин

– Вроцлав – Катовице – Краков – Львов – Киев) и крупных морских портах (Гданьск). В Варшаве логистические центры расположены в зоне аэропорта или в непосредственной близости и оснащены железнодорожными и автомобильными подъездными путями.

В Германии плотность размещения логистических центров выше и расположены они в наиболее промышленно развитых регионах страны (Северный Рейн-Вестфалия, Прирейнский Юго-Запад, Бавария) и крупных городах.

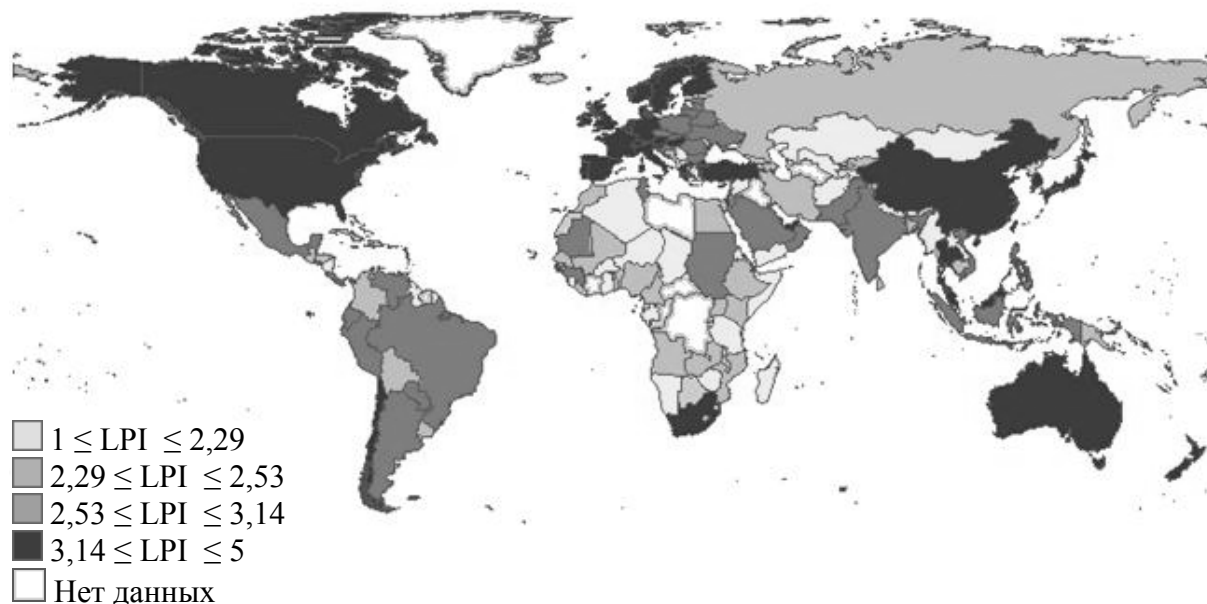

Рисунок 1 – Международный рейтинг по Индексу логистической производительности (LPI)

Для оценки уровня логистизации транспортных услуг используется Индекс логистической производительности (LPI), который позволяет определить различия между странами в этой сфере (рисунок 1). Данный индекс имеет несколько составляющих:

- качество транспортной и IT инфраструктуры для логистики;
- эффективность и результативность таможенного оформления и других пограничных процедур;
- удобство международных отправок;
- конкуренция на местном рынке транспортных услуг;
- возможность отслеживать отправления;
- уровень логистических затрат;
- своевременность доставки;

LPI рассчитывается исходя из информации, собранной транспортными и экспедиторскими компаниями и основывается на экспертных оценках, которые собираются путем он-лайн опроса более чем 800 специалистов в области логистики. Каждый произвел оценку семи указанных выше показателей для восьми стран, которые были выбраны автоматически, исходя из торговых потоков, уровня дохода, географического положения, основываясь на выборке из случайных чисел. Оценка производительности проводилась по 5-бальной шкале (5 – высший бал).

Для расчета LPI использовались более 5000 оценок для каждой страны, что позволило рассчитать индекс для 150 стран мира. LPI рассчитывался как средняя взвешенная семи составных показателей, на основе метода доверительного компонентного анализа.

В настоящее время транспортная система Республики Беларусь по многим позициям работает без единой координации ее элементов как на стратегическом, так и на оперативном уровнях в процессе доставки материальных ресурсов и готовой продукции, в том числе при синхронизации логистических потоков в процессе взаимодействия с клиентами. Такое положение объясняется тем, что транспортная система страны была создана для планового хозяй-

ствования и до настоящего времени она не адаптирована и не приведена в соответствии с рыночными отношениями в условиях конкуренции на рынке транспортных услуг, особенно при международных перевозках. В условиях же глобализации транспортно-логистическая система Беларуси должна быть интегрирована в аналогичную мировую систему, а логистические потоки при этом должны функционировать синхронизированно с грузоотправителями и грузополучателями на всех звеньях логистической цепи. Значительная роль при этом должна быть отведена энергосберегающим технологиям, например, при использовании контейнерных (комбинированных) перевозок, где реализуются преимущества участвующих видов транспорта в логистических схемах транспортировки.

Повышение качества транспортного обслуживания экономики Республики Беларусь при доставке грузов в международном сообщении возможно только на основе поиска новых форм взаимодействия видов транспорта (перевозчиков), таможенных органов и экспедиторов, грузовладельцев и иных участников логистической цепи доставки грузов. Например, из-за задержек товаров и их конфискации нашими таможенными органами грузовладельцы выбирают маршрут перевозки в обход Республики Беларусь. В частности, по экспертным оценкам из-за переключения маршрутов с Белорусской железной дороги на альтернативные маршруты доставки было недополучено более 20 млн. долларов США провозных платежей. При этом налоговые платежи в бюджет республики составили бы около 6,2 млн. долларов США. Логистическая деятельность в Беларуси очень слабо регламентирована. Республиканское законодательство формировалось в 70–80-х годах прошлого века, что явно недостаточно для современных условий. В настоящее время нет работающих механизмов регулирования транспортно-логистического рынка, как нет и единой программы развития. Одной из таких форм является создание сети транспортно-логистических центров, позволяющих реализовать концепцию логистики на транспорте. Требования рынка не ограничиваются только спросом на транспортные перевозки, потребители диктуют условия, определяя состав и уровень качества оказываемых им услуг [5, с. 53].

Роль транспорта в экономике Республики Беларусь можно охарактеризовать через его долю в валовой добавленной стоимости, которая за последние пять лет не превышает 10–11 %. Относительно низкий вклад транспорта Беларуси в валовую добавленную стоимость объясняется недостаточно рациональным использованием ресурсов на транспорте и слабым развитием транспортного сервиса, не связанного с перевозкой, который составляет 18 % (в развитых странах этот показатель равен 25–30 %). Выход из данной ситуации может быть найден в развитии транспортно-логистической системы путем создания сети транспортно-логистических центров.

Рисунок 2 – Оценка логистической производительности Республики Беларусь

В настоящее время в Республике Беларусь нет ни одного транспортно-логистического центра, который бы соответствовал мировым критериям и выполнял роль

координатора всех этапов транспортного процесса. Многие предприятия или организации, которые называют себя или свои склады логистическими центрами, на самом деле таковыми не являются, так как выполняют, как правило, 2–3 вида узкоспециализированных услуг. В частности, отсутствует единая концепция развития Брестского транспортного узла и прилегающих к нему территорий с целью преобразования его из «транзитно-перевалочного» центра в логистический и дистрибьюционный центр Западной Республики Беларусь. То же можно сказать и о Гродненском транспортном узле. Технологическая оснащенность складов и площадок этих транспортных узлов остается на крайне низком уровне, что приводит к снижению скорости обработки грузов и товародвижения, которые на Западе выше белорусской почти в 2 раза, что сказывается на общем индексе логистической производительности (Рисунок 2). В результате грузы аккумулируются в логистических центрах и терминалах стран Западной Европы, а затем транзитом проходят через территорию Республики Беларусь.

Следует указать, что подобная ситуация наблюдается и в России, когда грузы транзитом проходят через территорию России, аккумулируются в логистических центрах и на терминалах соседней Финляндии, где формируются мелкие партии товаров для отправки в Европу и Америку. Однако основная масса транзитного грузопотока (по оценкам специалистов – 70–80 %) возвращается обратно в Россию. Поэтому Россия очень активно занимается созданием транспортно-логистической системы, дающей наиболее оптимальный способ получения валютных поступлений от экспорта транспортных услуг.

Таким образом, проанализировав различные стратегии развития транспортной инфраструктуры, можно выделить следующие особенности. В развивающихся странах политика в области инфраструктуры направлена на удовлетворение базовых потребностей населения и предприятий в транспортных услугах с одной стороны, а с другой – создание базы для экономического роста на основе развития торговли и транзита. В экономически развитых странах политика стратегии в области транспорта и управления транспортными потоками главным образом сосредоточена на использовании логистики, развитии логистической инфраструктуры для оптимизации транспортной сети и равномерному распределению нагрузки между всеми видами транспорта, в том числе на основе мультимодальных схем.

Abstract. The problems of logistics in transport infrastructure are considered in the paper. Transport infrastructure consists of two sub-systems – static and dynamic. The quality of transport service depends on the development of both the subsystems. But nowadays it is more important to find the way of more intensive and optimal use of transport infrastructure. The paper offers to use logistic technologies in transportation and considers the parameters of logistic service quality.

Литература

1. Energy and Transport in figures 2006. Part 3 : Transport / Eurostat, 2006. – 93 p.
2. Jenkins, G. P. Evaluation of The Benefits of Transnational Transportation Projects / G. P. Jenkins, Chun-Yan Ku // Journal of Applied Economics. Vol IX, No. 1 (May 2006). P. 1–17.
3. The world development indicators 2008 / The World Bank. – Washington : World Bank, 2008. – 419 p.
4. Trends in Transport Sector 1970 – 2004 / European Conference of Ministers of Transport. – P., 2006. – 61 p.
5. Еловой, И. А. Оценка конкурентоспособности логистических транспортно-технологических систем : методические рекомендации / И. А. Еловой. – Гомель : БелГУТ, 2005. – 43 с.
6. Кархова, С. А. Формирование региональной транспортно-логистической системы : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / С. А. Кархова. – Иркутск, 2004. – 207 с.

Формирование и оценка экономического потенциала предприятия

О. В. АРАШКЕВИЧ

Введение

Экономика нашей страны все в большей степени приобретает рыночный характер, при этом предприятия для оценки своей деятельности продолжают применять лишь стандартные методики финансового анализа, базирующиеся на расчете различных коэффициентов финансовой устойчивости, платежеспособности и т.д. Многие предприятия уже накопили ценный "багаж" информации о своей производственно-хозяйственной деятельности, однако, как пользоваться этой информацией при подготовке стратегических управленческих решений, руководители и менеджеры предприятия, как правило, не знают.

По этим и многим другим причинам в настоящее время технологии, с помощью которых предприятие может оценивать свое текущее состояние и вырабатывать эффективные и результативные стратегии будущего развития, претерпевают значительные изменения.

В связи с этим резко встает вопрос о выборе инструментария оценки потенциала предприятия, который позволит оперативно определять внутренние возможности и слабости подчиненной хозяйственной единицы, обнаруживать скрытые резервы в целях повышения эффективности ее деятельности.

Основная часть

Научный интерес к проблеме оценки потенциала промышленного предприятия заставляет обратиться к анализу накопленного теоретического материала.

В конце 1970-х, начале 1980-х г.г. вышло много публикаций, содержащих различные аспекты понятия "потенциал". В большинстве работ отмечается важность изучения проблем оценки потенциала и указывается на существование значительных различий в определении самого понятия потенциала, его сущности, состава и соотношения с другими категориями.

В этимологическом значении термин "потенциал" происходит от латинского. В словаре иностранных слов Васюковой И.А. приводится толкование термина как "мощь, сила". В Большой Советской Энциклопедии приводится определение термина "потенциал" как "...средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и которые могут быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенных целей, осуществления плана; решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области".

Анализ публикаций по проблеме оценки потенциала выявляет слабую её проработку на уровне отдельной отрасли и, особенно, на уровне предприятия. В некоторых публикациях лишь констатируется тот факт, что вопросы оценки потенциала отдельных предприятий остались в стороне от внимания исследователей.

Основная масса публикаций по теории потенциалов посвящена такому оценочному показателю как экономический потенциал предприятия.

Самоукин А.И. [5] считает, что экономический потенциал необходимо рассматривать во взаимосвязи со свойственной каждой общественно-экономической формации производственными отношениями, возникающими между отдельными работниками, трудовыми коллективами, а также управленческим аппаратом предприятия, организации, отраслей народного хозяйства в целом по поводу полного использования их способностей к созданию материальных благ и услуг. В данном определении, на наш взгляд, подчеркнута достаточно важ-

ная черта экономического потенциала. Однако экономический потенциал в равной степени зависит от уровня развития производительных сил.

Анализ последних публикаций, посвященных проблемам оценки потенциала предприятия, позволяет выделить наиболее удачный подход, предложенный Мерзликиной Г.С. и Шаховской Л.С. [6], согласно которому к предметным составляющим экономического потенциала промышленного предприятия необходимо отнести:

- рыночный потенциал: потенциальный спрос на продукцию и доля рынка, занимаемая предприятием, потенциальный объем спроса на продукцию предприятия, предприятие и рынок труда, предприятие и рынок факторов производства;
- производственный потенциал: потенциальный объем производства продукции, потенциальные возможности основных средств, потенциальные возможности использования сырья и материалов, потенциальные возможности профессиональных кадров;
- финансовый потенциал: потенциальные финансовые показатели производства (прибыльности, ликвидности, платежеспособности), потенциальные инвестиционные возможности.

Так, Марушков Р.В. в своем диссертационном исследовании на тему "Оценка использования экономического потенциала предприятия (на примере предприятий печатной отрасли)" [5] трактует экономический потенциал, как "...способность предприятия обеспечивать свое долговременное функционирование и достижение стратегических целей на основе использования системы наличных ресурсов". Данное определение позволило Марушкову Р.В. разработать структурную многоуровневую модель формирования экономического потенциала предприятия на основе поэтапно-структурного подхода как видно из рисунка 1.

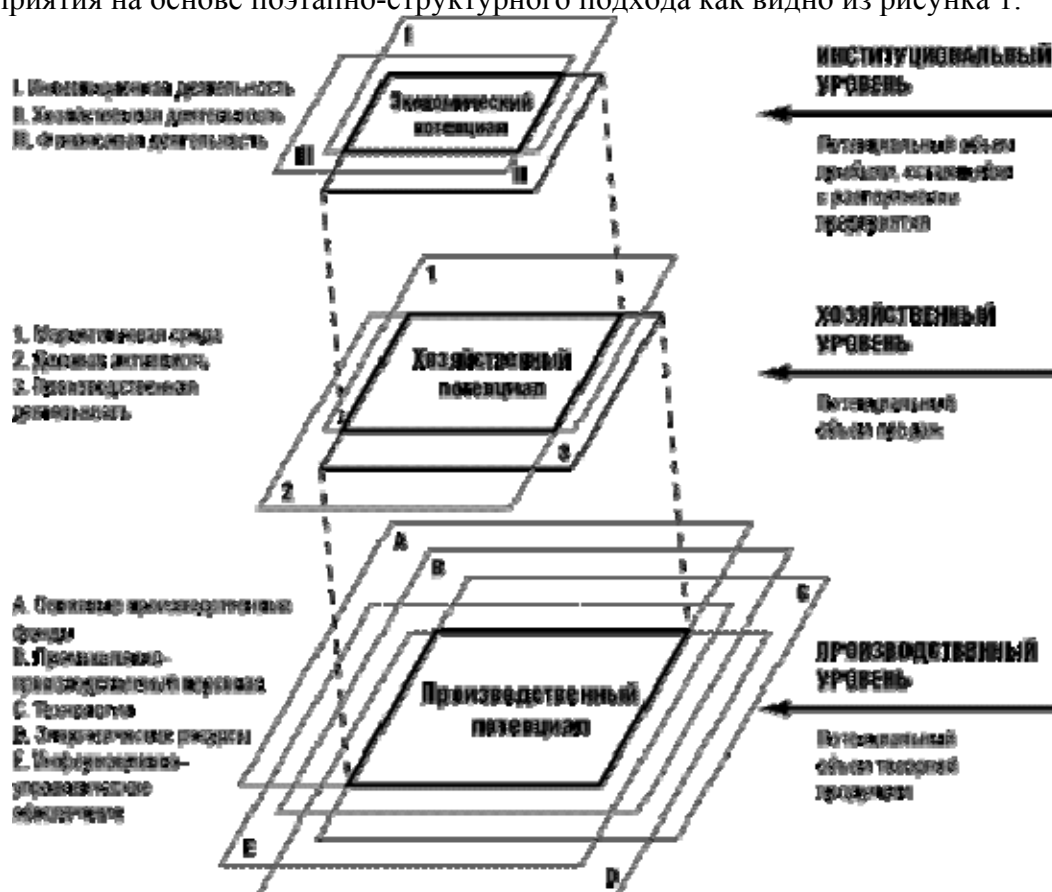

Рисунок 1 – Модель формирования экономического потенциала предприятия

Согласно рисунку 1, материальной основой экономического потенциала являются финансовые ресурсы, отраженные в балансе предприятия, а величина экономического потенциала есть результат их совокупных усилий, выраженный потенциальной прибылью, остающейся в распоряжении предприятия. Поэтапно-структурный подход к формированию величины экономического потенциала предполагает выделение промежуточных уровней обобщения потенциальных возможностей предприятия. Нижним уровнем является производственный потенци-

ал, представляющий способность производственной системы производить материальные блага, используя ресурсы производства. Связующим звеном является хозяйственный потенциал, то есть совокупная способность производственного потенциала предприятия и уровня его деловой активности в условиях существующей маркетинговой среды удовлетворять потребности рынка в определенном объеме материальных благ и услуг.

Рассмотрим составляющие экономического потенциала, начиная с базиса – **производственного потенциала**.

В дополнение к понятию производственного потенциала, предложенному Мерзликиной Г.С. и Шаховской Л.С., можно привести развернутое определение Ревуцкого Л.Д. [6]. Он под "производственным потенциалом" понимает объем работ в приведенных единицах измерения затрат труда (нормо-часы), который может быть выполнен в течение некоторого периода времени (например, года) основными производственными рабочими на базе имеющихся производственных средств при двух-, трехсменном режиме работы и оптимальной организации труда и производства.

По его мнению, именно данное понятие лежит в основе расчета системы экономических оценок производственного потенциала предприятия, которых всего шесть:

1 потенциальная годовая производственная мощность в расчетных единицах, развернутая по видам основной и побочной продукции;

2 потенциальный годовой валовой объем выпускаемой продукции, работ, услуг (выручка), в рублях;

3 потенциальная величина добавленной стоимости, условно-чистой или конечной продукции, в рублях;

4 чистый потенциальный годовой доход (объем произведенной чистой продукции);

5 потенциальная годовая прибыль предприятия от произведенной деятельности при возможных вариантах ценовой стратегии предприятия, в рублях;

6 потенциальная прибыль, подлежащая распределению после уплаты налогов, в рублях.

Берлин А. и Арзамов А. в статье "Планирование капитальных вложений на предприятии в условиях инвестиционного кризиса" [1] отмечают, что "...необходимо различать понятия производственно-экономического и рыночного потенциала предприятия. Последний представляет собой максимально возможный объем реализации при данном уровне обеспеченности ресурсами и является мерой использования первого".

По их мнению, производственно-экономический потенциал характеризуется размерами имеющихся у предприятия основных средств и персонала. Однако в современных условиях в качестве его важнейших составляющих, на взгляд вышеотмеченных авторов, необходимо рассматривать также применяемые технологии и управленческие ресурсы.

Берлин А. и Арзамов А. также отмечают, что величина производственно-экономического потенциала предприятия предопределяет его конкурентоспособность на целевом рынке, которая характеризует способность (сегодняшнюю и перспективную) проектировать, изготавливать и сбывать товары, по своим ценовым и иным качествам в комплексе более привлекательные для потребителей, чем продукция конкурентов. Чем больше эта величина, тем у данной хозяйствующей единицы благоприятнее предпосылки для успешной деятельности и более устойчивые позиции она может занять на соответствующем целевом рынке. Увеличить объем ее потенциала и, следовательно, повысить конкурентоспособность можно с помощью инвестиций в человеческий капитал, технико-технологическую базу производства и совершенствование управления.

На наш взгляд, предложенные понятия содержат некоторые недостатки:

– первый подход определяет три составляющих производственного потенциала: производственную (объем производства продукции, основные средства), материальную (использование сырья и материалов), кадровую (профессиональные кадры), однако не указывает их взаимосвязь и взаимозависимость, что ставит под сомнение достаточность этих составляющих и не дает возможности для разработки механизма оценки и управления;

– второй подход описывает связь двух составляющих: производственной и кадровой, но предлагает оценку только для производственной (шесть экономических оценок, из кото-

рых как минимум две последних, по нашему мнению, служат для оценки финансового потенциала). Кроме того, в определение производственного потенциала включаются лишь показатели в стоимостном выражении, а в действительности это должно быть дополнено количественными показателями, коэффициентами, соотношениями, экспертными оценками.

Таким образом, *под производственным потенциалом предприятия (ППП) следует понимать отношения, возникающие на предприятии по поводу достижения максимально возможного производственного результата при наиболее эффективном использовании:*

– интеллектуального капитала предприятия для поиска передовых форм организации производства;

– имеющейся техники в целях получения наиболее высокого уровня технологий;

– материальных ресурсов для обеспечения максимальной экономии и оборачиваемости.

Характер этих отношений определяется трансформациями внутренней и внешней среды предприятия, при которых роль ППП заключается в поиске и реализации внутренних источников саморазвития в целях обеспечения стабильной работы предприятия. В таблице 1 представлена система показателей, характеризующая уровень ППП производственной системы.

Таблица 1 – Система оценочных показателей при определении уровня ППП

Направление исследования	Показатели оценки производственной составляющей	Показатели оценки материальной составляющей	Показатели оценки кадровой составляющей
Анализ движения составляющих ППП	Коэффициент обновления ОФ; Коэффициент выбытия ОФ; Коэффициент прироста ОФ.	Коэффициент неравномерности поставок материалов; Коэффициент вариации.	Коэффициент оборота по приёму; Коэффициент оборота по выбытию; Коэффициент текучести кадров; Коэффициент постоянства кадров.
Текущее состояние составляющих ППП	Коэффициент износа ОФ; Коэффициент годности ОФ; Коэффициенты использования парка наличного, установленного, сданного в эксплуатацию оборудования; Показатели, характеризующие фонд времени использования оборудования; Коэффициенты использования производственных мощностей.	Коэффициент обеспеченности материальными ресурсами фактический; Коэффициент обеспеченности материальными ресурсами плановый.	Среднегодовая выработка продукции одним работающим; Показатели баланса рабочего времени.
Эффективность использования составляющих ППП	Фондоотдача; Фондоемкость; Рентабельность по ОФ; Коэффициент загрузки оборудования; Коэффициент сменности; Коэффициент интенсивной нагрузки оборудования; Показатель интегральной нагрузки.	Материалоотдача продукции; Материалоемкость продукции; Удельный вес материальных затрат в себестоимости продукции; Коэффициент использования материалов.	Изменение среднего заработка работающих за период; Изменение среднегодовой выработки; Непроизводительные затраты рабочего времени; Сравнение средних тарифных разрядов работ и рабочих; Экономия (перерасход) фонда заработной платы.

Второй уровень экономического потенциала представлен **маркетинговым (рыночным) потенциалом предприятия**.

Научный интерес к проблеме определения сущности маркетингового потенциала промышленного предприятия заставляет обратиться к анализу накопленного теоретического материала.

Гончарук В.А. [4] в своей монографии «Маркетинговое консультирование» классифицирует потенциал предприятия по ряду составляющих, среди которых выделяет и маркетинговую составляющую. Автором не дается определения маркетингового потенциала предприятия, он лишь предлагает систему факторов, которую необходимо оценить, и дает их краткое описание:

1 наличие и уровень исследований. При полном отсутствии исследовательской функции маркетинга на предприятии часто не могут быть применены стратегии диверсификации, так как выход на новые рынки с новой продукцией без отслеживания хотя бы реакции рынка стопроцентно обречен на неудачу. Создание маркетингового подразделения «с нуля» для обеспечения исследовательской функции требует значительных затрат времени;

2 ценовая политика. На некоторых предприятиях ценовая политика может являться «камнем преткновения» – принят единственный способ ценообразования, и любые отклонения запрещены. Это ограничивает выбор возможных стратегий;

3 методы продвижения и стимулирования. В принципе, применяемые методы не накладывают существенных ограничений на стратегии, так как могут быть скорректированы для достижения новых целей. Опыт предприятия в применении эффективных методов расширяет его возможности в выборе стратегий;

4 реальная доля рынка предприятия. Знание реального положения вещей необходимо для разработки стратегий. В то же время информация предприятия о доле рынка не всегда надежна.

На наш взгляд, предлагаемая трактовка маркетинговой составляющей в структуре потенциала предприятия, носит довольно расплывчатый характер. Во-первых, оценка маркетингового потенциала должна быть направлена на определение конкурентоспособности хозяйствующего субъекта, а не служить исключительно инструментом формирования эффективной стратегии развития предприятия. Во-вторых, по вышеуказанным причинам, наличия одного количественного показателя (реальная доля рынка) недостаточно для определения эффективности коммерческой деятельности предприятия. В-третьих, оценка маркетинговой составляющей должна также включать оценку внутренней среды службы маркетинга, ее взаимоотношения с другими подразделениями организации, а также с внешней средой.

На наш взгляд, основой экономического потенциала должна быть именно маркетинговая составляющая, так как в условиях рыночной экономики усиление конкурентных отношений на мировых и отечественных рынках, стремительное развитие и смена технологий, растущая диверсификация бизнеса предъявляют новые требования к процессу планирования деятельности предприятия – не от производства, а от потребности.

Анализ публикаций по теории потенциалов позволяет выделить ряд моментов, присутствующих большинству из них. Во-первых, маркетинговую составляющую, как правило, представляют отдельным блоком в структуре рыночного потенциала. Во-вторых, в структуре рыночного потенциала чаще всего выделяют производственные, финансовые, материальные ресурсы предприятия, не отдавая должного вниманию качеству использования интеллектуального капитала маркетинговой системы предприятия.

Понятие маркетингового потенциала, как такового, анализируется Поповым Е.В. [7] в статье «Потенциал маркетинга предприятия», под которым автор понимает «максимальную возможность предприятия в использовании всех передовых наработок в области маркетинга». Следует отметить, что, во-первых, данное определение маркетингового потенциала носит довольно абстрактный характер, так как не уточнено, что автором понимается под «наработками»; во-вторых, не определены критерии, по которым можно судить о том, являются ли «наработки в области маркетинга» передовыми или нет; в-третьих, кадры службы маркетинга явно не попадают под определение «наработок», следовательно, судя по определению, автором не учитывается человеческий капитал при оценке маркетингового потенциала хозяйствующего субъекта.

Используемая автором методика оценки потенциала маркетинга включает оценку человеческих ресурсов, обеспечивающих маркетинговую деятельность. Следовательно, можно говорить о несоответствии понятия маркетингового потенциала критериям его оценки.

Другое определение маркетинговому потенциалу дают Баранчев В. и Стрижов С. [1] По их мнению, маркетинговый потенциал предприятия представляет собой «меру готовности, способности, возможности предприятия, его маркетинговой службы своевременно и качественно исполнять маркетинговые функции, решать намеченные задачи», а также «степень

соответствия данного состояния маркетинговой службы тому состоянию, которое требуется для решения поставленных задач».

Данное определение является весьма удачным, однако, на наш взгляд, основная задача, которую призвана решать маркетинговая система – повышение конкурентоспособности предприятия в условиях изменчивой внешней среды.

Сведем все выше рассмотренные понятия маркетингового потенциала в единую таблицу и проведем их сравнительный анализ.

Таблица 2 – Сравнительный анализ понятия маркетингового потенциала предприятия

Критерии оценки	Авторы		
	Гончарук В.А.	Берлин А., Арзамов А.	Мерзликина Г.С., Шаховская Л.С.
Место маркетингового потенциала в общем потенциале предприятия	МПП является составляющей общего потенциала	МПП является составляющей ПЭП	МПП является составляющей РПП
Характеристика маркетингового потенциала предприятия	1. Наличие и уровень исследований. 2. Ценовая политика. 3. Методы продвижения и стимулирования. 4. Реальная доля рынка.	Максимально возможный объем реализации при данном уровне обеспеченности ресурсами	1. Потенциальный спрос на продукцию. 2. Доля рынка, занимаемая предприятием. 3. Потенциальный объем спроса на продукцию предприятия. 4. Предприятие и рынок труда.
Критерии оценки	Авторы		
	Марушков Р.В.	Попов Е.В.	Баранчев В., Стрижов С.
Место маркетингового потенциала в общем потенциале предприятия	МПП является составляющей ХПП	МПП является составляющей общего потенциала	МПП является составляющей общего потенциала
Характеристика маркетингового потенциала предприятия	Способность маркетинговой среды удовлетворять потребности рынка в определенном объеме материальных благ и услуг.	Максимальная возможность предприятия в использовании всех передовых наработок в области маркетинга.	Мера готовности, способности, возможности предприятия, его маркетинговой службы своевременно и качественно исполнять маркетинговые функции, решать намеченные задачи; степень соответствия данного состояния маркетинговой службы тому состоянию, которое требуется для решения поставленных задач.

* составлено автором

МПП – маркетинговый потенциал предприятия; ХПП – хозяйственный потенциал предприятия; ПЭП – производственно-экономический потенциал; РПП – рыночный потенциал предприятия

Анализируя данные таблицы 2, автор пришел к следующему выводу: маркетинговый потенциал предприятия следует рассматривать как составляющую общего потенциала предприятия. Возможно, рассматривать данную категорию и в составе рыночного потенциала, который характеризует все отношения предприятия с рыночной средой.

На наш взгляд, *под маркетинговым потенциалом предприятия (МП) понимается способность маркетинговой системы хозяйствующего субъекта обеспечить его постоянную конкурентоспособность на основе:*

- качественного управления и организации маркетинга предприятия в целом;
- эффективного использования человеческого капитала;
- применения новейшего маркетингового инструментария;
- рационального использования имеющихся финансовых и материальных ресурсов.

Автором выделяются следующие направления исследования маркетингового потенциала как объекта (таблица 3).

Определенный маркетинговый потенциал отражает фактический уровень способностей маркетинговой системы в сложившихся условиях. Перспективный маркетинговый потенциал характеризует способность маркетинговой системы предприятия обеспечить его конкурентоспособность на перспективу. Уровень перспективного потенциала часто определяют как потенцию, которая определяется невыявленными, нераскрытыми, несформированными и неовеществленными возможностями.

Таблица 3 – Классификация маркетингового потенциала предприятия по основным признакам

Классификационный признак	Вид маркетингового потенциала
По степени реализации	Достигнутый МП
	Перспективный МП
По функциям маркетинга	МП, характеризующий способность маркетинговой системы выполнять свои основные функции
По критерию жизненного цикла	Подход к оценке МП в разрезе жизненного цикла изделия
	Подход к оценке МП в разрезе фаз жизненного цикла организации
По методам исследования	Результатный подход к оценке МП
	Диагностический подход к оценке МП
	Системный подход к оценке МП
По критериям оценки	МП общего управления и организации
	МП персонала
	Потенциал маркетингового инструментария
	Потенциал финансово-материальных ресурсов маркетинга

Для рассматриваемых понятий общими элементами являются ресурсы, позволяющие реализовать имеющиеся возможности. Однако понятие «потенция» включает такие ресурсы, которые создают скрытые возможности. Понятие «потенциал» создает ресурсы, обладающие действенными, конкретными, изученными возможностями, которые уже в настоящее время могут использоваться в производственно-хозяйственной деятельности предприятия.

По функциональному признаку маркетинговый потенциал характеризует способность маркетинговой системы:

- проводить маркетинговые исследования;
- сегментацию рынков сбыта продукции и позиционирование;
- изучать потребителей продукции и конкурентов;
- исследовать окружающую среду предпринимательской деятельности;
- определять номенклатуры выпускаемой продукции, цены, льготы, скидки;
- разрабатывать товарную марку; проводить рекламную кампанию и т.д.

Классификация маркетингового потенциала предприятия по основным классификационным признакам дает основание для вывода, что маркетинговый потенциал не является стандартизированной категорией, а постоянно трансформируется под воздействием макро– и микросреды.

Ряд публикаций по теории потенциалов посвящен такому оценочному показателю, как рыночный потенциал предприятия, однако четкого и ясного представления о структуре рыночного потенциала предприятия пока также не дано.

Мерзликина Г.С. и Шаховская Л.С., в своей монографии "Оценка экономической состоятельности предприятия" [6] к предметным составляющим потенциала промышленного предприятия относят рыночный потенциал, который характеризует потенциальный спрос на продукцию и долю рынка, занимаемую предприятием; потенциальный объем спроса на продукцию предприятия; предприятие и рынок труда; предприятие и рынок факторов производства. Более подробно показатели рыночного потенциала представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Показатели индикативной оценки маркетингового (рыночного) потенциала предприятия

№	Наименование показателя	Количественная или качественная характеристика показателя	Тенденция показателя
1	2	3	4
1	Соотношение реализованная продукция / товарная продукция, %		
2	Доля рынка, %		
3	Темп изменения физического объема производства, %		
4	Конкуренты		
5	Диверсификация продукции		

1	2	3	4
6	Диверсификация клиентуры		
7	Физический спрос на продукцию		
8	Профессиональный состав кадров		
9	Соотношение изменение доли рынка / изменение емкости рынка		
10	Соотношение индекс реализованной продукции / индекс инфляции		
11	Износ ОФ, %		
12	Соотношение обновление / выбытие ОФ		
13	Доля материальных затрат в себестоимости продукции, %		
14	Соотношение коэффициент оборота по приему / коэффициент оборота оп выбытию, %		
15	Поставщики ОПФ		
16	Поставщики сырья, материалов		
17	Профессиональный состав кадров		
18	Соотношение изменение цен на сырье, материалы / изменение цен на готовую продукцию		
19	Соотношение возможность удовлетворения потребности / потребность		
19.1.	ОПФ		
19.2.	Материальные ресурсы		
19.3.	Трудовые ресурсы		

Положительными моментами предлагаемой структуры рыночного потенциала является достаточно детальный перечень количественных и качественных показателей, характеризующих маркетинговую составляющую. Кроме того, тенденция изменения показателя позволяет определить не только текущее состояние маркетинговой системы, но и процесс ее изменения под влиянием как внешней, так и внутренней среды. Однако и в данной классификации признаков маркетингового потенциала отсутствует оценка функционирования маркетинговой службы, не проводится анализ внутренней среды маркетинговой системы.

Несмотря на разнообразие интерпретаций рассматриваемого понятия, можно отметить ряд моментов, присущих большинству подходов:

1 в структуре рыночного потенциала отдельным блоком выделяют ресурсы, имеющиеся в распоряжении предприятия. При их классификации чаще всего говорят о трудовых, информационных, финансовых и материальных (производственно-технических) ресурсах. Трудовые ресурсы иногда предлагается рассматривать как интеллектуальные. Большинство авторов придают им первостепенное значение, так как люди – самый важный ресурс всякой организации и являются центральным звеном в любой системе управления. В целях стратегического анализа человеческие ресурсы подразделяются на три составляющие: лица, принимающие решения, коллектив предприятия (сотрудники как единое целое) и персонал как трудовой потенциал. Целесообразность такого подхода во многом зависит от глубины анализа и уровня системы стратегического управления на предприятии в целом;

2 кроме ресурсной составляющей, в современной экономической теории выделяют блок управления. В нем, как правило, различают три подсистемы: планирования – нацелена на выявление будущего потенциала успеха; реализации – имеет задачами создание нового потенциала и превращение существующего в факторы успеха; контроля – выполняет функции проверки эффективности осуществления планов и решений и постоянного контроля за достоверностью плановых предпосылок.

Приемлема и позиция разделения функции управления на пять составляющих: планирование, организация, контроль, мотивация и координация. И тот, и другой подходы полностью охватывает систему управления. В данном случае мы сталкиваемся с одинаковыми по смыслу понятиями, но представленными в разных интерпретациях, что в целом не меняет сути.

Анализ научной литературы в области финансового менеджмента также не дает исчерпывающего понятие финансового потенциала.

На наш взгляд, *финансовый потенциал промышленного предприятия это отношения, возникающие на предприятии по поводу достижения максимально возможного финансового результата при условии:*

- *наличия собственного капитала, достаточного для выполнения условий ликвидности и финансовой устойчивости;*
- *возможности привлечения капитала в объеме, необходимом для реализации эффективных инвестиционных проектов;*
- *рентабельности вложенного капитала;*
- *наличия эффективной системы управления финансами, обеспечивающей прозрачность текущего и будущего финансового состояния.*

Финансовый потенциал производственной системы может быть представлен следующей системой показателей, представленной в таблице 5.

Таблица 5 – Рейтинговая оценка финансового потенциала предприятия

Наименование показателя	Высокий уровень ФПП	Средний уровень ФПП	Низкий уровень ФПП
1. Коэффициент финансовой независимости	>0.5	0.3-0.5	<0.3
2. Коэффициент текущей ликвидности	>2.0	1.0-2.0	<1.0
3. Коэффициент срочной ликвидности	>0.8	0.4-0.8	<0.4
4. Коэффициент абсолютной ликвидности	>0.2	0.1-0.2	<0.1
5. Рентабельность всех активов	>0.1	0.05-0.1	<0.05
6. Рентабельность собственного капитала	>0.15	0.1-0.15	<0.1
7. Эффективность использования активов для производства продукции	>1.6	1.0-1.6	<1.0
8. Доля заемных средств в общей сумме источников	<0.5	0.7-0.5	>0.7
9. Доля свободных от обязательств активов, находящихся в мобильной форме	>0.26	0.1-0.26	<0.1
10. Доля накопленного капитала	>0.1	0.05-0.1	<0.05

Заключение

В результате проведенных автором исследований был сформулирован свой вариант трактовки экономического потенциала, используемый в данной статье, основанный на использовании идей таких зарубежных и отечественных ученых, как Арзамов А., Берлин А., Гончарук В., Карпенко Е., Марушков Р., Мерзликина Г., Попов Е., Ревуцкий Л., Самоукин А., Шаховская Л.

В составе основных составляющих экономического потенциала производственной системы автор выделил:

- производственный потенциал, который является отражением внутренних возможностей производственной системы – предприятия;
- рыночный потенциал, формирующий возможности внешней среды предприятия;
- финансовый потенциал как результирующий взаимодействие производственного и рыночного потенциала.

Abstract. The problems of the formation and estimation of the economic potential of an enterprise are considered in the paper.

Литература

1. Баранчеев, В. Анализ и оценка маркетингового потенциала предприятия [Текст] / В. Баранчеев, С. Стрижов // Маркетинг. – 1996. – № 5.
2. Берлин, А. Планирование капитальных вложений на предприятии в условиях инвестиционного кризиса [Текст] / А. Берлин, А. Арзамов // Финансист. – 2001. – № 4.

3. Гончарук, В. А. Маркетинговое консультирование [Текст] / В. А. Гончарук. – М. : Дело, 1998. – 248 с.
4. Карпенко, Е. М. Потенциал производственной системы: сущность, методика оценки, процесс актуализации [Текст] / Е. М. Карпенко. – Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого. – 377 с.
5. Марушков, Р. В. Оценка использования экономического потенциала предприятия: Автореф. дис. ... канд. экон. наук: (08.00.05) [Текст] / Р. В. Марушков. – М., 2000. – 20 с.
6. Мерзликина, Г. С. Оценка экономической состоятельности предприятия [Текст] / Г. С. Мерзликина, Л. С. Шаховская. – М. : ЮНИТИ-М, 1999. – 286 с.
7. Попов, Е. В. Оценка потенциала маркетинговой деятельности [Текст] / Е. В. Попов // Маркетинг. – 2000. – № 2.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 26.11.07

Методика оценки влияния «теневое» сектора на состояние и развитие экономической системы

А. П. БАШЛАКОВА

Рассматривая проблематику, связанную с нелегальным сектором экономики, все исследователи отмечают в различных вариациях причины и предпосылки её возникновения, связанные с параметрами действующей системы государственного регулирования. Вместе с тем, между нелегальной экономикой и легальным сектором экономической системы, включая сферу государственного регулирования, существует и обратная связь, заключающаяся в индуцировании нелегальным сектором экономики определенных явлений и тенденций в легальном секторе, а также во влиянии состояния «теневое» сектора на матрицу возможностей и эффективность сферы государственного регулирования.

Представляется очевидным, что наличие нелегального сектора в экономической системе оказывает влияние на производство конечного продукта легального сектора через корректировку условий функционирования последнего. С позиции макроэкономического равновесия к условиям, оказывающим непосредственное влияние на производство легального продукта, относятся:

- платёжеспособный спрос (D);
- цена реализации (равновесная цена рынка – P);
- издержки, связанные с предложением (C).

Рассмотрим влияние нелегального сектора на эти макроэкономические параметры.

Наличие нелегального сектора создает дополнительный спрос на деньги и снижает платёжеспособный спрос легального сектора экономики. В данном случае существует два варианта взаимодействия легального и нелегального сектора:

- дополняющий, при котором оба сектора ориентированы на различные сегменты платёжеспособного спроса (при этом в сфере функционирования нелегального сектора легального предложения нет либо оно чрезвычайно невелико);
- конкурирующий, при котором оба сектора ориентированы на один и тот же сегмент платёжеспособного спроса.

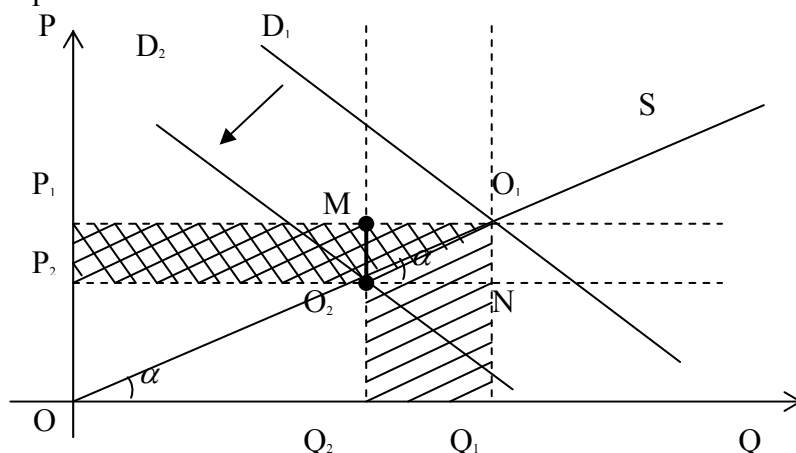

Рисунок 1 – Изменение рыночного равновесия под влиянием нелегального спроса на деньги

При дополняющем взаимодействии нелегальный сектор не оказывает существенное влияние на цепные индексы параметров функционирования официальной экономики, вместе

с тем, платёжеспособный спрос нелегального сектора представляет собой потенциал реальных секторов, как имеющих, так и имеющих вероятность возникновения.

При конкурирующем взаимодействии нелегальный сектор является непосредственной причиной снижения платёжеспособного спроса соответствующего легального сектора. Снижение легального продукта из-за нелегального спроса на деньги показано на рисунке 1.

При этом нелегальный спрос на деньги уменьшает спрос легального сектора, что приводит к сдвигу кривой спроса из положения D_1 в положение D_2 . Общие потери конечного продукта легального сектора составят разность между площадью фигуры $P_1O_1Q_1O$ и площадью фигуры $P_2O_2Q_2O$, при этом за счёт дополнительного спроса на деньги потери конечного легального продукта составят площадь фигуры $O_2O_1Q_1Q_2$.

С позиции методологии расчёта потерь легального продукта следует отметить, что классический метод цепных подстановок при распределении потерь дополнительного спроса на деньги и от влияния на цены здесь не применим, поскольку ставит величину потерь по каждому фактору в зависимость от очерёдности расчёта. Так, если влияние дополнительного нелегального спроса на деньги рассчитывается первым, то потери легального продукта по этому фактору будут численно равны площади фигуры $Q_2MO_1Q_1$, а по фактору давления нелегального сектора на цены – площади фигуры $P_1MO_2P_2$. Если же влияние нелегального ценового давления рассчитать первым, то получим другой результат: снижение легального продукта из-за данного фактора составит площадь фигуры $P_1O_1NP_2$, а по причине дополнительного нелегального спроса на деньги – площадь фигуры $Q_2O_2NQ_1$. Площадь фигуры O_2MO_1N относится к тому фактору, влияние которого анализируется первым. Чтобы избежать этого искажения, площадь фигуры O_2MO_1N необходимо делить между факторами пополам по линии O_2O_1 .

Следовательно, величина потерь легального продукта (ΔPp_1) будет определяться:

$$\Delta Pp_1 = \Delta Q_1 * P_1 - \frac{\Delta Q_1 * \Delta P_1}{2}. \quad (1)$$

Так как $\Delta P_1 = \Delta Q_1 * tg\alpha$, то:

$$\Delta Pp_1 = \Delta Q_1 * P_1 - \frac{\Delta Q_1^2 * tg\alpha}{2}. \quad (2)$$

Экономический смысл $tg\alpha = \frac{\Delta P}{\Delta Q}$ состоит в эластичности цен на исследуемом рынке в зависимости от объёма предложения. Если цена предложения абсолютно неэластична, то есть постоянна при любом объёме предложения, то $tg0^0 = 0$, и, соответственно, $\Delta Pp_1 = \Delta Q_1 * P_1$, что означает изменение легального продукта только за счёт влияния нелегального спроса на деньги (рисунок 2).

Данная ситуация свойственна рынкам с конкурентным взаимодействием легального и нелегального секторов, при котором легальные субъекты не могут превысить цены относительно нелегальных, а сделать их ниже не позволяют более высокие издержки.

Другим важным фактором влияния нелегального сектора на легальную экономику является необходимость учитывать «теневое» предложение в процессе ценообразования. При этом какой бы концепции ценообразования ни придерживались субъекты хозяйствования легального сектора экономики, наличие конкурентного ценового сектора, как правило, вызывает необходимость установления более низких цен на предлагаемые легальные продукты по сравнению с возможными.

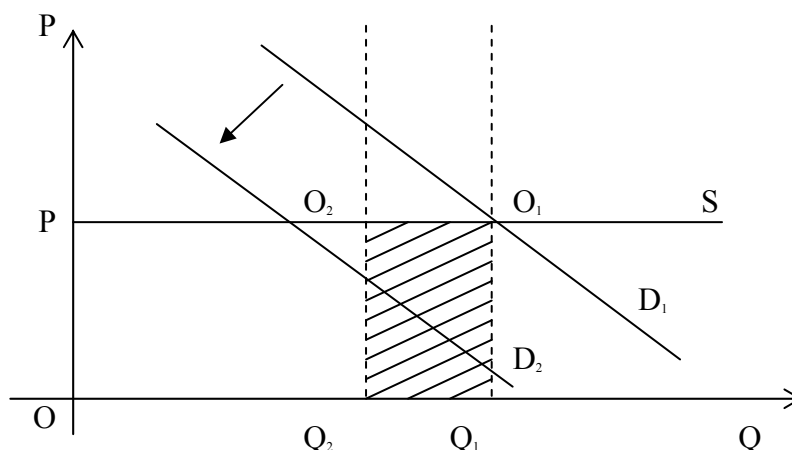

Рисунок 2 – Изменение легального продукта под влиянием нелегального спроса на деньги

На рынках, где нелегальный сектор не является конкурентным, снижение цены легального предложения обусловлено адсорбцией «теневым» сектором части платёжеспособного спроса, что приводит к необходимости снижения равновесной цены (рисунок 1). Численно стоимость потерь легального продукта (ΔPp_2) равна площади фигуры $P_1O_1O_2P_2$:

$$\Delta Pp_2 = Q_2 * \Delta Q_1 * tg\alpha + \frac{\Delta Q_1^2 * tg\alpha}{2} = (Q_2 * \Delta Q_1 + \frac{\Delta Q_1^2}{2}) * tg\alpha. \quad (3)$$

На рынках, где нелегальный сектор составляет конкуренцию легальному, ориентируясь на те же сегменты потребительского спроса, потери легального продукта обусловлены снижением объёмов предложения при неэластичном по цене спросе. Поскольку в процессе ценообразования предприятия легального сектора не могут превысить цену нелегального предложения, а сделать её ниже также невозможно, так как нелегальные издержки, как правило, ниже легальных, то цену на рассматриваемом конкурентном рынке можно принять неэластичной по спросу. При этом объём потерь легального продукта численно равен площади фигуры $O_2O_1Q_1Q_2$, а $\Delta Pp_2 = \Delta Q_1 * P$ (рисунок 3).

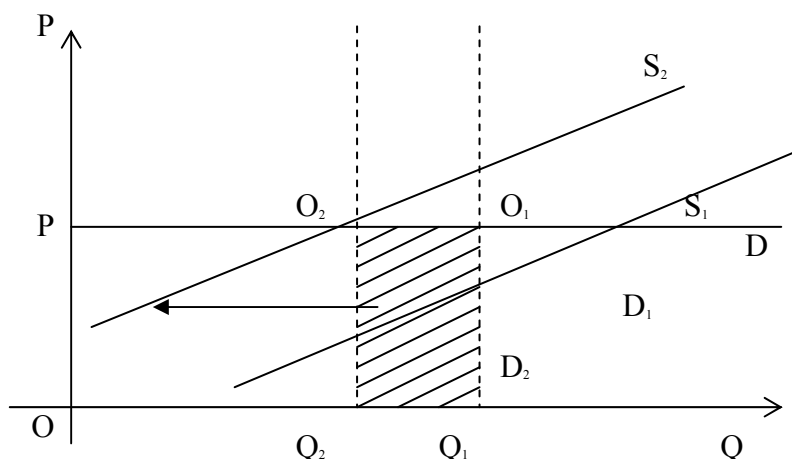

Рисунок 3 – Потери легального продукта из-за конкуренции секторов легальной и нелегальной экономики

В обеих рассматриваемых с позиции влияния нелегального сектора на равновесную цену ситуациях (с дополняющим либо конкурентным взаимодействием) можно констатировать снижение объёмов легального предложения по сравнению с возможным.

При дополняющем взаимодействии это обусловлено сдвигом кривой спроса влево – вниз, так как при адсорбции части средств нелегальным предложением то же количество то-

вара может быть продано по более низкой цене либо меньшее количество товара по той же цене. Более низкая цена предложения при неизменных издержках приводит к сокращению предложения, так как рынок становится менее привлекательным для субъектов хозяйствования. Графически данная ситуация представлена на рисунках 4 и 5.

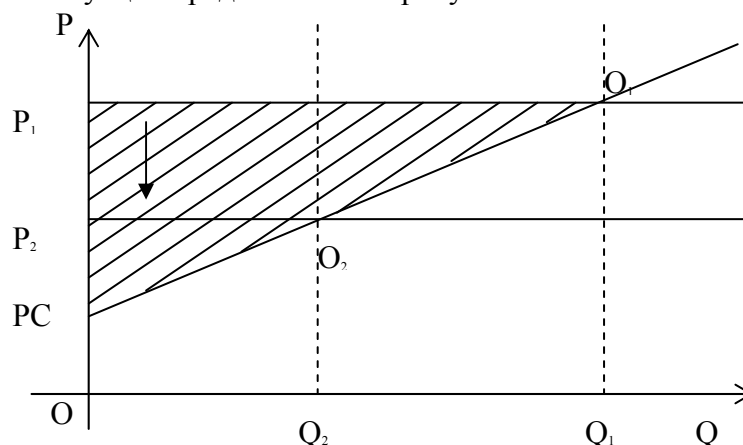

Рисунок 4 – Изменение прибыли субъектов рынка при дополняющем взаимодействии легальной и нелегальной экономики

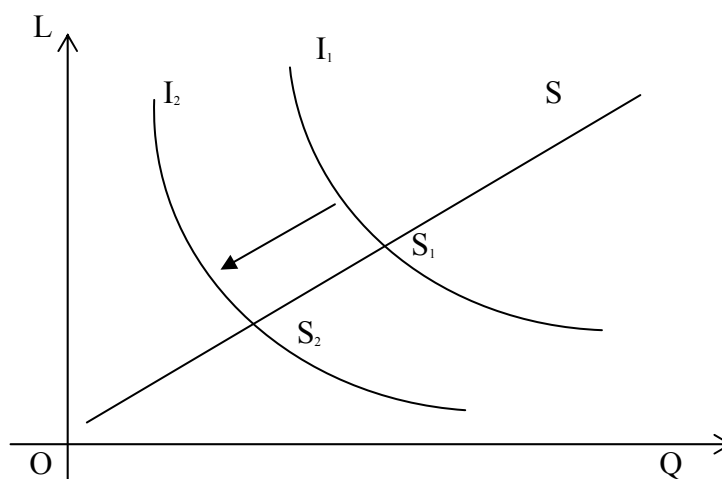

Рисунок 5 – Изменение предложения субъектов рынка при дополняющем взаимодействии легальной и нелегальной экономики

Снижение цены с уровня P_1 до уровня P_2 приводит к снижению объёмов прибыли (площадь фигуры PCP_2O_2 меньше площади фигуры PCP_1O_1), что делает рынок менее привлекательным для агентов предложения (рисунок 4), а также к снижению безубыточных для предприятия объёмов производства (Q_2 меньше Q_1). Снижение прибыльности приводит к сдвигу кривой производственного безразличия влево – вниз и к снижению предложения (рисунок 5). Помимо этого, кривая производственного безразличия (I) сдвигается из положения I_1 в положение I_2 , поскольку меньшая прибыльность предложения делает его менее привлекательным для субъектов хозяйствования.

Помимо влияния на равновесный объём спроса легального сектора и равновесной цены, нелегальный сектор оказывает существенное влияние на издержки. Поскольку оба сектора пользуются и теми же ресурсами (рабочей силой, материально-сырьевыми ресурсами, а также чаще всего финансовыми и производственным капиталом), то наличие нелегального сектора приводит к повышенному спросу на факторы производства. Так как в краткосрочной (благодаря длительному воспроизводственному циклу) и в долгосрочной перспективе (по закону редкости ресурсов) предложение ресурсов, как правило, неэластично, то повышение спроса на производственные ресурсы неизбежно приводит к росту цен на них и, как следствие, к росту производственных издержек (рисунок 6 и 7).

На рисунке 6 проиллюстрирована динамика цен на ресурсы на рынке в условиях неэластичного предложения. Поскольку производство и импорт производственных ресурсов нелегальным сектором затруднены, это является дополнительным аргументом в пользу неэластичности предложения в рамках проводимого анализа. Затруднённость нелегального производства и импорта факторов производства объясняется следующими причинами:

- факторы производства легко регистрируемы в процессе перемещения и обмена, поскольку требуют определённой инфраструктуры, нелегальное функционирование которой невозможно;
- оптимальный размер производственных структур для воспроизводства данных факторов весьма велик, что делает невозможным их сокрытие.

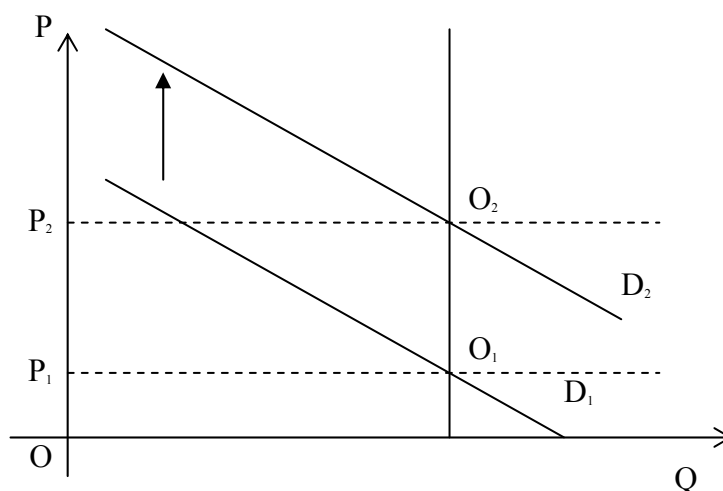

Рисунок 6 – Изменение цен на ресурсы на рынке в условиях неэластичного предложения.

Рост цен на факторы производства означает рост уровня издержек, что приводит к снижению прибыльности предложения на исследуемых рынках, а также к снижению оптимальных для производителя объёмов производства (рисунок 7), то есть сдвиг кривой издержек из положения C_1 в положение C_2 приводит к снижению оптимальных объёмов предложения с Q_1 до Q_2 в условиях неэластичности цен.

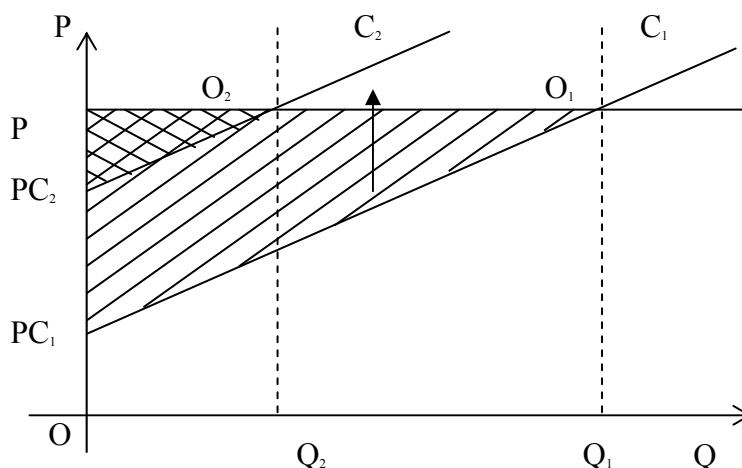

Рисунок 7 – Влияние изменения издержек производства на изменение оптимальных объёмов предложения

Снижение предложения благодаря добавочному нелегальному спросу на факторы производства одинаково характерно как для дополняющего, так и для конкурентного взаимодействия легального и нелегального секторов (рисунки 8 и 9).

В условиях конкурирующего взаимодействия (рисунок 8) снижение предложения приведёт к сдвигу кривой предложения S_1 в положение S_2 со снижением равновесного объёма предложения с Q_2 до Q_3 .

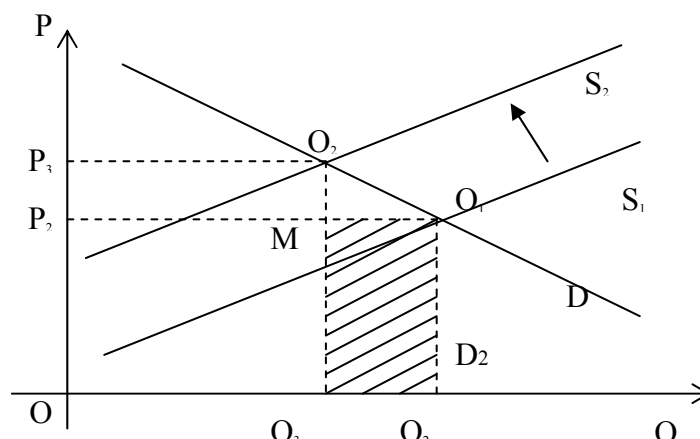

Рисунок 8 – Снижение предложения из-за добавочного нелегального спроса на факторы производства

Номинальный новый легальный продукт составит площадь фигуры $OP_3O_2Q_3$, однако сегмент $P_2P_3O_2M$ будет составлять инфляционное увеличение номинального продукта, следовательно, фактический продукт будет равен площади фигуры OP_2MQ_3 , а потери фактического продукта (ΔPp_3) составят $Q_3MO_1Q_2$:

$$\Delta Pp_3 = \Delta Q_2 * P_2. \quad (4)$$

При конкурентном взаимодействии легального и нелегального секторов (рисунок 9) в условиях ценовой неэластичности спроса потери продукта составят площадь фигуры $Q_2O_1O_2Q_3$:

$$\Delta Pp_3 = \Delta Q_2 * P. \quad (5)$$

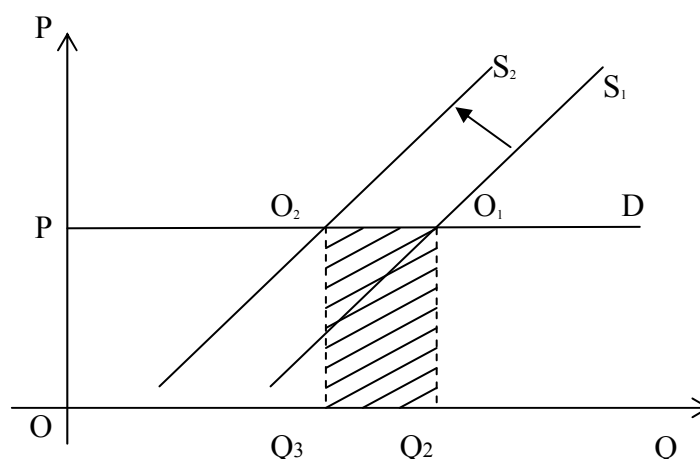

Рисунок 9 – Потери продукта при конкурентном взаимодействии легального и нелегального секторов экономики

При дополняющем состоянии легального и нелегального секторов экономики общие потери легального продукта, вызванные существованием нелегального сектора экономики, обуславливаются тремя основными факторами:

– дополнительным спросом на деньги со стороны нелегального спроса, что вызывает снижение платёжеспособного спроса на легальный продукт;

– понижающим влиянием на равновесные цены легальных рынков, что вызывает снижение объёмов предложения;

– стагнационным воздействием дополнительного спроса на неэластичное по цене предложение воспроизводственных ресурсов.

Общий уровень потерь легального продукта (ΔPp) при этом составляет:

$$\begin{aligned}\Delta Pp &= \Delta Pp_1 + \Delta Pp_2 + \Delta Pp_3 = (\Delta Q_1 * P_1 - \frac{1}{2} \Delta Q_1^2 * \frac{\Delta P_1}{\Delta Q_1}) + (Q_2 * \Delta Q_1 * \frac{\Delta P_1}{\Delta Q_1} + \frac{1}{2} \Delta Q_1^2 * \frac{\Delta P_1}{\Delta Q_1}) + \\ &+ \Delta Q_2 * P_2 = \dots \Rightarrow \\ \Rightarrow \Delta Pp &= Q_1 P_1 - Q_3 P_3 = \sqrt{Q_3 P_3 * \frac{1-kd}{kdk s}} * (\sqrt{Q_3 P_3 * \frac{1-kd}{kdk s}} - Q_3 + \frac{P_3}{kd}) * ks - Q_3 P_3 = \\ &= (Q_3 P_3 * \frac{1-kd}{kdk s} - Q_3 \sqrt{Q_3 P_3 * \frac{1-kd}{kdk s}} + \frac{P_3}{kd} * \sqrt{Q_3 P_3 * \frac{1-kd}{kdk s}}) * ks - Q_3 P_3 = \\ &= Q_3 P_3 * \frac{1-kd}{kd} - Q_3 * ks * \sqrt{Q_3 P_3 * \frac{1-kd}{kdk s}} + \frac{P_3 ks}{kd} * \sqrt{Q_3 P_3 * \frac{1-kd}{kdk s}} - Q_3 P_3 \Rightarrow \\ &\Rightarrow \frac{Q_3 P_3 * (1-2kd) + \sqrt{Q_3 P_3 * \frac{1-kd}{kd * ks}} * (P_3 * ks - Q_3 * ks * kd)}{kd},\end{aligned}\quad (6)$$

где kd – эластичность спроса по цене ($kd = \frac{\Delta P_d}{\Delta Q_d}$);

ks – эластичность предложения по цене ($ks = \frac{\Delta P_s}{\Delta Q_s}$).

Таким образом, потери легального продукта при неконкурентном (дополняющем) взаимодействии легального и нелегального секторов экономики зависят от существующего уровня легального продукта, эластичности цен спроса и предложения по их объёму, а также текущего уровня цен рассматриваемых сегментов рынка и физических объёмов легального продукта. При этом влияние нелегального сектора проявляется в фактических параметрах коэффициентов эластичности цен по объёмам предложения и спроса легального продукта. Для реализации указанной модели в стадию практических расчётов необходимо иметь в виду следующее:

1 эластичность спроса по цене (kd) представляет собой соотношение доли изменения цены предложения (ΔP_d) к доле изменения физических объёмов спроса (ΔQ_d). Показатель целесообразно определять за большие промежутки времени с элиминированием девиантных периодов методом аналитической экстраполяции. Особенностью здесь является необходимость приведения ретроспективных расчётов в актуальное состояние, так как только действующее значение показателей эластичности позволит определить текущие потери легального продукта. Горизонт расчёта не должен превышать период действия факторов, индуцирующих влияние «теневое» сектора на легальный. В частности, для переходных экономик горизонт расчёта не должен быть больше периода, в начале которого произошла децентрализация и разгосударствление управления предприятием, поскольку в централизованном плановом хозяйстве механизмы влияния «теневое» сектора на легальный были совершенно иными и не опосредовались динамическим механизмом ценового равновесия спроса и предложения, а также инвестиционной мобильностью капитала. Расчёт показателей ценовой эластичности должен базироваться на следующих принципах:

– максимально допустимый горизонт расчёта с элиминированием девиаций;

– аналитическая экстраполяция с актуализационной корректировкой показателя при появлении новых факторов, оказывающих существенное воздействие на взаимодействие легального и нелегального секторов либо прекращении действия старых;

– ограничение расчёта периодом действия отношений рыночного типа между экономическими агентами;

2 эластичность предложения по цене (ks) представляет собой отношение доли изменения цены спроса (ΔP_s) к доле изменения физических объёмов предложения (ΔQ_s). Принципы расчёта показателя идентичны тем, которые продекларированы для расчёта эластичности спроса по цене;

3 показатель текущего легального продукта представляет собой валовой внутренний продукт соответствующего сегмента экономики либо экономики в целом;

4 текущий объём легального продукта представляет собой легальный продукт, выраженный в физическом (натуральном) измерителе. Для конкурентного сегмента рынка данный показатель можно определить путем расчёта физических объёмов производства в условных показателях (товарах представителей с корректировкой объёмов производства каждого конкретного вида товаров (работ, услуг) исходя из соотношения значимых параметров данного товара и товара представителя). Для экономики в целом либо для расчёта потерь синкретических секторов, где представлены несопоставимые товары, возможно использовать расчёты в условно-натуральных единицах, алгоритм которых заключается в следующем:

– разбиение исследуемого сектора на сегменты, в которых возможно выделение товаров-представителей;

– обособленный расчёт в товарах-представителях физических объёмов продукта отдельных сегментов;

– предание сегментам весовых коэффициентов исходя из универсальных параметров товаров-представителей (количества прямого и овеществлённого труда, удельного веса в стоимостных объёмах легального продукта, материало- и энергоёмкости и т.п.);

– расчёт физических объёмов в условных единицах исходя из весовых коэффициентов отдельных сегментов;

5 текущие цены легального продукта представляют собой отношение легального продукта к его физическому измерителю.

Вышеизложенная модель позволяет рассчитать потери легальных секторов экономики от функционирования «теневого» сектора. Потери экономической системы от конкурентного взаимодействия легального и нелегального секторов равны нулю, так как в этом случае нелегальный сектор полностью воспроизводит продукт, который недопроизводит легальный сектор. Поэтому, если рассматривать экономическую систему региона, страны либо группы стран, фактические потери экономики от «теневого» сектора равны потерям легального продукта от неконкурентного (дополняющего) взаимодействия легального и нелегального секторов. Следовательно, по разработанной модели рассчитывается влияние нелегального спроса на экономику в целом.

Потери легального спроса при конкурентном взаимодействии легального и нелегального секторов определяются:

$$\Delta Pp = \Delta Pp_1 + \Delta Pp_3 = \Delta Q_1 P + \Delta Q_2 P = (\Delta Q_1 + \Delta Q_2) * P. \quad (7)$$

Поскольку при конкурентном взаимодействии секторов цены спроса и предложения неэластичны, потеря легального продукта (ΔPp_2) по ценовому фактору отсутствует.

При этом $\Delta Q_1 P$ представляет собой фактически объём платёжеспособного спроса, удовлетворяемый нелегальным сектором. Показатель $\Delta Q_2 P$ представляет собой объём потерь легального сектора от отвлечения производственных ресурсов в нелегальный сектор. Фактически $(\Delta Q_1 + \Delta Q_2) * P$ – это размер нелегального сектора экономики, методика определения которого заслуживает отдельного рассмотрения.

Потери легального сектора экономики из-за наличия нелегального сектора обуславливаются не только переориентацией на последний части факторов производства и платёже-

способного спроса, но и некомпенсируемым влиянием нелегального сектора на условия функционирования экономики в целом, к факторам которого относятся:

- наличие структурных сдвигов в экономике, обусловленных особенностями функционирования нелегального сектора;
- неравномерное развитие нелегального сектора по отраслям, что создает искажённую систему рыночных сегментов для легальных секторов, не конкурирующих с нелегальными;
- повышенные трансакционные издержки взаимодействия легального и нелегального секторов, что индуцирует потери продукта по обе стороны такого взаимодействия.

Расчёт чистых потерь легального продукта осуществляется по итоговой формуле (6).

Abstract. Methods of estimating the influence of the “shadow” sector on the state and development of the economic system are considered in the paper. It also presents the methods of calculating clear losses of legal product by the economic players of the system due to the illegal sector.

Литература

1. Dallago, B. The irregular economy in transition: features, measurement and scope / B. Dallago. – Output Decline in Eastern Europe: Unavoidable, External influence or Homemade? Ed. by R.Z. Holzman et al. IIASA, Luxemburg, 1994.
2. Ginsburgh, V., Michel, P. and Padoa Schioppa, F. Macroeconomic policy in the presence of an irregular sector / V. Ginsburgh, P. Michel and F. Padoa Schioppa. – The economics of the Shadow Economy, Ed. By W. Gaerther and Wenig, 1985.
3. Есипов, В.М. Теневая экономика: учеб. пособие / В.М. Есипов. – М.: ОНИРИО Московского института МВД России, 1997. – 475 с.
4. Ечмаков, С.М. Теневая экономика: анализ и моделирование / С.М. Ечмаков. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 405 с.
5. Национальные счета Республики Беларусь. Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Мн., 2007. – 168 с.
6. Чашин, А.Р. Государственное воздействие на ненаблюдаемую экономическую деятельность в отраслях сферы услуг: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / А.Р. Чашин; Уральский гос. экон. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.

УДК 336.71

Управление ресурсами банка: методологический аспект

Н. Л. ДАВЫДОВА, С. В. СПЛОШНОВ

Позитивные тенденции, сложившиеся в производственном секторе экономики Республики Беларусь, устойчивый экономический рост в последние 7–8 лет требуют трансформации подходов к оценке и управлению деятельностью коммерческих банков.

Концепцией развития банковской системы Республики Беларусь на 2001–2010 гг. среди приоритетов были выделены расширение ресурсной базы банков, оптимизация их активов и пассивов, повышение капитализации. Таким образом, на первый план в системе банковского менеджмента выдвинуты взаимоувязанные и взаимообусловленные аспекты управления ресурсами, рисками и прибыльностью деятельности.

Задача банковского менеджмента как совокупности процедур «управления отношениями в процессе формирования и использования денежных ресурсов» [1, с. 68] – реализация интересов и приоритетов акционеров, достижение согласованного с ними планируемого финансового результата с учетом установленных государством правил и порядка осуществления банковских операций, экономических ограничений, а также необходимости обеспечения интересов персонала.

В экономической литературе нет четкого согласованного мнения относительно объектов банковского менеджмента. В частности, в качестве объектов выделяют: денежные ресурсы банка и их движение, организационные структуры банка и персонал [1, с. 7]; маркетинг, технологические, трудовые, финансовые, организационные ресурсы и другие функциональные подсистемы [2, с. 340]. На наш взгляд, объектом менеджмента выступает ресурсный потенциал коммерческого банка как совокупность финансовой, юридической, технико-технологической, организационной, управленческой, кадровой, исторической и внешней (имиджевой) составляющих [3, с. 19].

Любые принимаемые руководством банка управленческие решения, касающиеся проведения операций или внутрибанковской деятельности, затрагивают одну или несколько составляющих ресурсного потенциала (подсистем управления), причем возможный суммарный эффект от решений по отдельным составляющим не всегда позитивен (рис. 1).

Управленческие решения, принятые по отдельным составляющим ресурсного потенциала банка, прямо или косвенно воздействуют на финансовую подсистему, влияют на совокупный финансовый результат.

Подобный подход хорошо согласуется с общепринятыми трактовками термина «ресурсы фирмы (организации)». Последние рассматриваются как «средства, возможности, ценности, запасы фирмы, источники ее доходов» или как «основные ресурсы, используемые организацией» (человеческие ресурсы, капитал, материалы, технология и информация). Совокупность ресурсов организации призвана обеспечивать стабильность ее работы по направлениям деятельности, а также получение прибыли [4, с. 341; 5, с. 760].

Следует подчеркнуть, что понятие «ресурсы» банка не является тождественным «ресурсному потенциалу», а подразумевает лишь его финансовую составляющую, финансовые ресурсы.

Управление ресурсами банка (во взаимосвязи финансовой подсистемы и подсистемы управления рисками) напрямую связано с совершаемыми операциями в сферах денежного оборота и кредита, является важнейшей составляющей банковского менеджмента, определяющей финансовые результаты и устойчивость кредитной организации.

Различные теоретические подходы к определению сущности ресурсов коммерческого банка предопределяют концептуальные установки в области подходов, принципов и методов управления, реализуемых в практике белорусских банков.

Рисунок 1 – Система управления

В теории банковского дела можно выделить две основные точки зрения на природу банковских ресурсов.

а) Банковские ресурсы рассматриваются как совокупность средств (включая собственные и привлеченные средства), находящихся в распоряжении банков и используемых для кредитования и других активных операций, или как совокупность «собственного капитала и фондов, а также средств, привлеченных банками в результате проведения пассивных и активно-пассивных операций, используемых для активных операций» [2, с. 48; 5, с. 759; 6, с. 388].

С этой точки зрения, ресурсы – средства или фонды денежных средств, формирующие банковские пассивы (средства акционеров и обязательства банка перед клиентами – юридическими и физическими лицами).

б) Ресурсы банка (resources) – средства, «собственные активы банка, состоящие из денежных средств в кассе и сумм, причитающихся от должников, инвестиций, кредитов, основных средств» [7, с. 314].

Представленные точки зрения, тем не менее, достаточно близки. Ресурсная база банка, используемая для проведения активных операций, в первом случае, или ресурсы банка, как его активы, образуемые за счет собственных и привлеченных источников, во втором случае, обеспечивают деятельность банка, как экономического субъекта, позволяют получать прибыль.

Данные теоретические построения имеют выраженное понятийное сходство с трактовками фундаментальной категории экономической теории «экономические ресурсы» (от франц. *ressources* – вспомогательное средство), однако, на наш взгляд, одинаково неполно представляют сущность банковской деятельности, предопределяют первичность пассивных или активных операций соответственно.

Следует отметить, что «экономические ресурсы» рассматриваются как «источники, средства обеспечения производства» [4, с. 480] или «совокупность основных средств, материальных активов, прочих ценностей, денежных средств, находящихся в собственности фирмы и используемых для извлечения прибыли» [5, с. 760].

Теория финансов рассматривает финансовые ресурсы экономического субъекта (государства, предприятия, организации) как совокупность фондов денежных средств, находящихся в его распоряжении, то есть также указывает на доминантность источников ресурсов.

Понимание природы банковских ресурсов, на наш взгляд, существенным образом связано с пониманием сущности банка как финансового посредника (*financial intermediary*). Банковская деятельность связана с перераспределением фондов (трансформацией капиталов, сроков и рисков). Банки «сами занимают или создают фонды» для проведения активных операций. «Принимая фонды», банки принимают на себя обязательства, которые, в свою очередь, определяют «приобретенные ими обязательства других лиц и организаций» [8, с. 184].

Исходя из этого, у банка нет и не может быть средств, не размещенных в активные операции, а с другой стороны, нет и не может быть активных операций (кредиты клиентам, вложения в ценные бумаги, инвестиции и другие) без соответствующего ресурсного наполнения. Следовательно, ресурсы банка – понятие, одинаково относящееся как к активам, так и к пассивам, отражающее, с одной стороны, ресурсную базу, ресурсное наполнение активной операции, а с другой стороны, конкретные направления размещения средств. Активные и пассивные операции взаимообусловлены, находятся в неразрывном единстве, не делимы во времени и не имеют приоритета по отношению друг к другу, равно важны для результатов деятельности кредитной организации.

Неразделимость во времени нами трактуется не в смысле «немедленно» (здесь и сейчас), а в рамках одной даты валютирования; при этом происходит трансформация объемов «привлекаемых - размещаемых» средств по отдельным группам счетов и по срокам. Следует также отметить «обезличенность» трансформируемых фондов. Установление строгого соответствия отдельных активов и пассивов возможно только для целей оперативного анализа и планирования.

С нашей точки зрения, ресурсы банка (финансовые ресурсы) – совокупность фондов денежных средств, уже размещенных в различные виды активных операций, кредиты и ценные бумаги, использованных для приобретения основных фондов и технических средств, находящихся в кассе в виде наличных денег или на корреспондентских счетах банка. Данным определением подчеркивается единство пассивных и активных операций банка как целостного объекта управления, невозможность их разделения во времени.

Говорить о первичности пассивов при их трансформации в активные банковские операции или, наоборот, о приоритете активной операции (например, кредитовании конкретного клиента) перед ее ресурсным наполнением можно лишь для целей планирования ресурсных потоков в банке в зависимости от уровня централизации в управлении ресурсами, от уровня планирования.

Дискуссионность в вопросе о сущности банковских ресурсов находит отражение и в аспектах управления. Представляется возможным выделить три основных подхода к управлению ресурсами банка.

а) *Направления использования пассивов банка определяются их структурой, срочностью, устойчивостью; пассивы первичны по отношению к активам банка, управление ресурсами осуществляется исходя из имеющихся и потенциальных пассивов.* Банк формирует портфель активов с целью, чтобы поток операционных доходов превышал расходов на заданный уровень с учётом необходимости отчисления части привлечённых средств (юридических и физических лиц) в фонд обязательных резервов, а также в активы с низкой доходностью (резерв ликвидности). Операции на межбанковском рынке в части покупки ресурсов осуществляются в целях регулирования ликвидности.

Такой подход являлся исторически первым и появился в условиях наличия дешевых источников финансирования (США, 40-50-е гг. XX века). Именно тогда в западной литературе были сформулированы принципы двух вариантов управления спрэдом: метода распределения активов (метод общего фонда средств) и более гибкого метода конвертации активов (метод разъединения источников фондов), многократно рассмотренных в современной отечественной учебной литературе и ряде публикаций [9, 10]. Объектом управления здесь является разница между уплачиваемыми и получаемыми банком процентными расходами и доходами.

Фактически рассматриваемый подход определяет совокупность источников средств как постоянную заданную величину, на основе которой происходит балансирование сроков; можно выделять чувствительную к изменениям процентной ставки часть, за счет которой и произойдет финансирование чувствительных к изменениям процентной ставки активов. При этом ставка размещения средств должна превышать ставку привлечения:

$$R > \sum \frac{\alpha_i \times e_i}{(1 - r_i)}, \quad (1)$$

где R – планируемая процентная ставка размещения средств, α_i – доля i -го депозита в общей сумме анализируемой части привлеченных средств (платных привлеченных пассивов), e_i – процентная ставка по i -му депозиту в %, r_i – норма обязательных резервов по i -му депозиту.

Модель (1) может корректироваться с учетом рисков активных операций. В этом случае риск невозврата средств, а следовательно, потенциальная необходимость для банка по созданию резерва на возможные потери по активам, подверженным кредитному риску и под обесценение ценных бумаг, будет компенсирована за счет увеличения процентной ставки, что в белорусских условиях не всегда оправдано (например, в случае кредитования валообразующих предприятий, платежеспособность которых не всегда оптимальна).

Использование рассмотренного подхода к определению процентных ставок также является составляющей *RAROC*–метода (*risk-adjusted return on capital*) и позволяет планировать величину дохода на размещаемые средства, скорректированную на величину возможных потерь. Таким образом, банк, с одной стороны, увязывает различные группы источников (пассивов) с их размещением, с другой стороны, принимает решение о совершении какой-либо активной операции только тогда, когда операционная прибыль от нее, определенная с учетом принимаемых рисков, будет не ниже планируемой банковской маржи.

Рассмотренные методы содержат ряд существенных недостатков, что ограничивает возможности их практического использования. Во-первых, в условиях острой конкуренции банков на рынке привлеченных средств, изменчивости процентных ставок, возможных «административных» перераспределениях клиентской базы говорить о значительной стабилизации структуры источников и сроков привлечения средств не приходится. Во-вторых, структура платных привлеченных пассивов банков не соответствует составу и структуре активов по срочности в связи с изменчивостью спроса на различные виды кредитов, рыночной конъюнктуры на рынке ценных бумаг и др., то есть размещение средств на оптимальные с точки зрения планирования сроки и по планируемым процентным ставкам на практике затруднено.

б) *Управление ресурсными потоками осуществляется исходя из потребностей клиентов-кредитополучателей или приоритетов банка по размещению средств.* Банк «поддерживает постоянный баланс между потребностями в ресурсах и возможностями их приобретения на условиях, обеспечивающих финансовую устойчивость» [11]. Объем и структура депозитной базы банка обуславливаются потребностями клиентов, а следовательно, процентная ставка по привлекаемым ресурсам устанавливается исходя из процента, который способен заплатить конкретный клиент-кредитополучатель. Таким образом, при реализации данного подхода, банк контролирует приток пассивов (средств юридических и физических лиц, межбанковских кредитов и др.) исходя из возможностей их использования. Следовательно, пассивы не рассматриваются как постоянная величина, их объем и структура варьируются в зависимости от объемов кредитования и иных факторов.

Основной недостаток данного подхода связан с тем, что фактически банки не ограничивают объемы привлекаемых средств юридических и физических лиц во вклады и депозиты, пересматривая процентные ставки лишь в контексте процентной политики Национального банка, а не исходя из возможностей (потребностей) клиентов, приобретающих кредитные ресурсы. Более того, именно потребности клиентов-вкладчиков определяют широкое банковское предложение в части депозитных счетов различной срочности.

Поиск эффективных направлений размещения ресурсов, интерпретация рисков кредитования в цене кредитов, переход от кредитования «административного» к кредитованию

рыночному – по-прежнему важнейшая проблема управления в системообразующих банках Республики Беларусь.

С нашей точки зрения, рассмотренный подход целесообразно применять на практике только при оценке возможности и эффективности привлечения дополнительных источников (возможно за счет повышения уровня процентных ставок) для финансирования конкретной программы их размещения (кредитование клиента, покупка государственных ценных бумаг и др.). При этом следует учитывать не средневзвешенные, а предельные издержки (*метод предельных издержек*).

Привлечение дополнительных денежных средств по более высокой процентной ставке выгодно только в том случае, если предполагаемая ставка размещения средств выше нормы предельных издержек (с учетом обязательного резервирования):

$$N = \frac{\Delta E}{\Delta Q} \quad (2)$$

$$R > \frac{1}{1 - r} \times N$$

где N – норма предельных издержек, R – ставка размещения средств, ΔE – изменение процентных расходов за счет привлечения дополнительных источников, ΔQ – прирост объема платных привлеченных пассивов, r – норма обязательных резервов.

в) *Комплексное управление активами и пассивами банка.*

Цель комплексного управления активами и пассивами банка состоит в максимизации банковской маржи (разности между процентными доходами и расходами) при приемлемом уровне риска с учетом возможных изменений процентных ставок и ликвидности. Активы и пассивы банка рассматриваются в неразрывном единстве, решения относительно привлечения и размещения ресурсов должны быть скоординированы (прямой и обратный метод планирования); в качестве объекта управления выступает весь баланс банка (портфель активов и пассивов), а не его отдельные части. Процедуры управления ресурсами при данном наиболее рыночном подходе также включают управление дисбалансами и средневзвешенным сроком погашения.

В современных условиях предоставление основных банковских услуг, то есть привлечение депозитов и кредитование, приводит к формированию потоков доходов и расходов, связанных не только с процентными платежами, но и с комиссионными сборами, в том числе за сопутствующие и смежные услуги (за банковские переводы, снятие денежных средств со счетов наличными, эмиссию и обслуживание банковских пластиковых карточек). По кредитным операциям, кроме основной процентной ставки, часто устанавливаются дополнительные комиссии за рассмотрение документов и обслуживание кредита, причем их величина в некоторых белорусских банках в пересчете на годовой процент превышает основное процентное вознаграждение.

Кроме того, несбалансированность активных и пассивных операций по срокам связана не столько с приоритетами оперативного управления в банке, сколько с уровнем развития денежной экономики, доступностью дешевых источников ресурсов, конъюнктурой денежного рынка, а также с субъективно или объективно сложившимися элементами функциональной или отраслевой специализации банка, особенностями и устойчивостью его клиентской базы. Все это определяет недостаточность традиционных методов управления спрэдом.

Поэтому, на наш взгляд, задачей скоординированного комплексного управления активами и пассивами является достижение такой структуры баланса, которая в условиях изменчивой рыночной конъюнктуры позволила бы банку соответствовать избранной миссии, достигать краткосрочные и стратегические цели, реализовывать программы развития, удовлетворять интересы всех субъектов системы банковской деятельности (акционеров, менеджеров, клиентов банка и государства).

Критериями эффективности управления ресурсами выступают в этом случае динамика показателей прибыльности банка (рентабельность капитала и активов) при одновременном выполнении регулятивных требований.

Abstract. The paper considers a methodological concept of bank resource management.

Литература

1. Банковский менеджмент: учеб. пособие [Текст] / Н.П. Беяцкий, Б.Д. Семёнов, С.Д. Вермеенко. – Минск : БГЭУ, 2004.
2. Организация деятельности коммерческих банков: учебник [Текст] / Г.И. Кравцова, Н.К. Василенко, И.К. Козлова и др.; под ред. Г.И. Кравцовой. 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : БГЭУ, 2002.
3. Сплошнов, С.В. Концептуальные подходы к оценке эффективности деятельности коммерческого банка [Текст] / С.В. Сплошнов // Вестник Ассоциации белорусских банков. – 2001. – № 27. – С. 17–25.
4. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь [Текст] / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 3-е изд. – М. : ИНФРА-М, 2001.
5. Малый экономический словарь [Текст] / Под ред. А.Н. Азрилияна. – М. : Институт новой экономики, 2000.
6. Деньги, кредит, банки: учебник [Текст] / Г.И. Кравцова [и др.]; под ред. Г.И. Кравцовой. – Мн.: БГЭУ, 2003.
7. Банковское дело. Словарь [Текст] / Пер. с англ. – М. : ИНФРА-М, 2001.
8. Словарь современной экономической теории Макмиллана [Текст]. – М. : ИНФРА-М, 1997.
9. Захорошко, С. Управление пассивами и активами методом распределения пассивов [Текст] / С. Захорошко // Вестник Ассоциации белорусских банков. – 2005. – № 26. – С. 24–26.
10. Захорошко, С. Новый метод управления процентной маржой [Текст] / С. Захорошко // Банк. вестник. – 2006. – № 5. – С. 37–39.
11. Тарасов, В. Модель управления пассивами коммерческого банка [Текст] / В. Тарасов, С. Румас // Вестник Ассоциации белорусских банков. – 2001. – № 4. – С. 36–37.

Методологические подходы к оптимизации налоговой нагрузки

Ю. С. Пронузо

Налоги для государства то же, что паруса для корабля. Они служат тому, чтобы скорее ввести его в гавань, а не тому, чтобы завалить его своим бременем или держать всегда в открытом море и чтоб, наконец, потопить его.

Екатерина II

По данным исследования деловой среды «Doing Business 2008», которая ежегодно проводится Всемирным банком и Международной финансовой корпорацией в 178 странах, Республика Беларусь занимает последнее 178 место по количеству уплачиваемых налогов [1]. Эксперты Всемирного банка насчитали в Республике Беларусь 124 платежа. Этот показатель строится на данных обо всех прямых и косвенных налогах, неналоговых платежах, регистрационных сборах, с которыми могут столкнуться субъекты хозяйствования Республики Беларусь. Это предопределяет излишне фискальный характер налоговой системы и актуальность проблемы оптимизации налоговой нагрузки для белорусских предприятий.

В 2007 году налоговая нагрузка на экономику Республики Беларусь с учетом отчислений в Фонд социальной защиты населения (ФСЗН) составила 47,3% к валовому внутреннему продукту. Центральное место в структуре налоговой нагрузки отводится налогу на добавленную стоимость (НДС) и налогу на прибыль и доходы организаций – 20,3% и 15,1% налоговых доходов бюджета, соответственно. В этом показателе отчисления в фонд социальной защиты населения (ФСЗН) занимают 11,7% [2].

В соответствии с данной структурой налоговых поступлений, наиболее значимыми, как для республиканского бюджета, так и для предприятий, выступают НДС, налог на прибыль и отчисления в ФСЗН. Проведем анализ налоговой нагрузки с учетом данных базовых платежей на микроуровне – на уровне предприятия.

Дополнительно следует отметить, что, несмотря на то, что в структуре налоговых доходов бюджета налог на прибыль имеет значительный удельный вес, анализ налоговой нагрузки предприятия целесообразно рассматривать без учета данного налога. Это объясняется тем, что если объем платежей в бюджет возрастает за счет увеличения платежей по налогу на прибыль, то этот факт нельзя расценивать как усиление фискального давления. В этом случае увеличение налоговой нагрузки следует воспринимать как позитивный сдвиг в её динамике, поскольку он обусловлен улучшением финансового положения предприятия. И, напротив, если налоговая нагрузка снизилась за счет уменьшения налога на прибыль в связи с ухудшением финансовых результатов деятельности предприятия, то вряд ли такую динамику можно признать положительной.

Для упрощения анализа рассмотрим базовые группы налогов, имеющих наибольшее влияние на налоговую нагрузку предприятия: НДС, сбор в республиканский фонд поддержки производителей сельскохозяйственной продукции, продовольствия и аграрной науки и налог с пользователей автомобильных дорог, уплачиваемые в 2007 г. единым платежом (республиканский единый платеж) и взносы в ФСЗН. Выбор данной группы налогов определяется чисто практическими соображениями: именно эти налоги составляют основные суммы налоговых платежей предприятия. Таким образом, сумма подлежащих к уплате налогов (Н) составит:

$$H = B * C_{\text{НДС}} + (B - B * C_{\text{НДС}}) * C_{\text{Е}} + \Phi З П * C_{\text{ФСЗН}}, \quad (1)$$

где B – выручка от реализации продукции;

$C_{\text{НДС}}$ – ставка при изъятии НДС, выраженная десятичной дробью;

СтЕ – ставка республиканского единого платежа, выраженная десятичной дробью;

ФЗП – фонд заработной платы;

СтФСЗН – ставка начисления на фонд заработной платы, выраженная десятичной дробью.

Несмотря на достаточную разработку в экономической литературе подходов к определению «налоговая нагрузка», вопрос о методике расчета обобщающего показателя, позволяющего реально и объективно оценить данный показатель, так и не решен. В проанализированных методиках в качестве базы для сравнения используются выручка от реализации, прибыль предприятия, добавленная стоимость и др. показатели. Поскольку на конечную цель оптимизации налоговой нагрузки – максимизацию чистой прибыли, методика расчета налоговой нагрузки влияния не оказывает, то для простоты проведения расчетов предлагается в качестве базы для сравнения налоговых сумм использовать валовую выручку предприятия.

Определим долю налоговых поступлений от валовой выручки предприятия (d) как отношение

$$d = H / B. \quad (2)$$

Поскольку НДС в 2007 г. имел ставку 18% (0,1525 – ставка при извлечении налога, выраженная десятичной дробью), СтЕ = 0,03, а налоговая нагрузка на ФЗП составляет 35 % (ФСЗН), то с учетом формулы 1 выражение 2 принимает вид:

$$d = 0,177945 + 0,35 * \frac{\text{ФЗП}}{B}. \quad (3)$$

Полученное соотношение показывает долю налоговых отчислений в валовой выручке. Если значение d умножить на 100 %, то получим показатель налоговой нагрузки.

Несмотря на то, что выше указывалась нецелесообразность проведения анализа налоговой нагрузки с учетом налога на прибыль, но, поскольку сумма данного налога оказывает влияние на объем чистой прибыли предприятия, анализ будет неполным без учета данного платежа. Проанализируем налоговую нагрузку аналогично рассмотренным выше методом с учетом уплачиваемых четырех налогов и отчислений: НДС, республиканского единого платежа, отчислений в ФСЗН и налога на прибыль (СтП – ставка налога на прибыль, выраженная десятичной дробью, С – себестоимость). Тогда формула 1 примет вид:

$$H = B * \text{СмНДС} + (B - B * \text{СмНДС}) * \text{СмЕ} + \text{ФЗП} * \text{СмФСЗН} + [B - B * \text{СмНДС} - (B - B * \text{СмНДС}) * \text{СмЕ} - C] * \text{СмП} \quad (4)$$

С учетом введения нового фактора выражение 2 примет вид:

$$d = 0,177925 + 0,35 * \frac{\text{ФЗП}}{B} + \left(\frac{B - B * \text{СмНДС} - (B - B * \text{СмНДС}) * \text{СмЕ} - C}{B} \right) * \text{СмП} \quad (5)$$

Поскольку ставка налога на прибыль составляет 24 %, то формула 5 примет вид:

$$d = 0,375273 + 0,35 * \frac{\text{ФЗП}}{B} - 0,24 * \frac{C}{B} \quad (6)$$

Выражение 6 показывает долю налоговых отчислений в валовой выручке. Изменяя соотношения «фонд заработной платы – выручка» и «себестоимость – выручка», специалисты предприятия могут оценить их влияние на величину четырех базовых налогов, взимаемых с предприятия, а также варьировать общей суммой подлежащих к уплате налогов.

Ограничением рассмотренных выше моделей является учет не всех налогов и неналоговых платежей, подлежащих уплате. Для того, чтобы решить проблему оптимизации налоговой нагрузки, необходимо воздействовать на все элементы, включенные в её расчет. Рассмотрим методику анализа налоговой нагрузки, в которой производится расчет данного показателя с учетом всех подлежащих уплате налогов и платежей.

Все налоги и неналоговые обязательные платежи, выраженные в виде коэффициентов, отнесем к выручке, то есть за основу возьмем формулу налоговой нагрузки, рассчитанную к выручке от реализации [3].

Расчет показателей налоговой нагрузки проведем на условном примере производственного предприятия А. Исходные данные для расчета приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Исходные данные для расчета показателя налоговой нагрузки на предприятие А

Показатели	Обозначение	Сумма, млн. руб.	Коэффициент структуры (K1)	Коэффициент структуры, выраженный через выручку (K2)
Выручка от реализации продукции	В	2000	1	1
Налог на добавленную стоимость	НДС	305	0,1525	0,1525 х В
Республиканский единый платеж	Ед	50,85	0,025425	0,025425 х В
Себестоимость реализованной продукции В том числе:	С	1400	0,7	0,7 х В
фонд заработной платы	ФЗП	483	0,345*	0,2415 х В
отчисления в ФСЗН	ФСЗН	169,05	0,35*	0,084525 х В
экологический налог	Н _{экол}	4,2	0,003*	0,0021 х В
налог на землю	Н _{зем}	2,1	0,0015*	0,00105 х В
амортизация	А	62,5	0,0446*	0,03122 х В
Прибыль от реализации продукции	П	244,15	0,122075	0,122075 х В

* – значение коэффициента указано по отношению к себестоимости.

Предприятие А уплачивает следующие налоги и неналоговые обязательные платежи (в соответствии с налоговым законодательством 2007 года): НДС, республиканский единый платеж, экологический налог, налог на землю, взносы в ФСЗН, налог на недвижимость, налог на прибыль, местные целевые сборы из прибыли.

В таблице 1 приведены значения себестоимости и прибыли от реализации продукции предприятия А в 2007г, выраженные через выручку (0,7 х В и 0,122075 х В, соответственно). Рассчитаем налоговую нагрузку для анализируемого предприятия. Для этого выразим уплачиваемые платежи в бюджет через их ставки и источники уплаты.

$$\text{НДС} = 0,1525 \times \text{В}.$$

Республиканский единый платеж соответственно

$$\text{Ед} = (\text{В} - 0,1525 \times \text{В}) \times 0,03 = 0,025425 \times \text{В}.$$

Экологический налог по данным предприятия в 2007 году составил 0,3 % себестоимости (табл.1), следовательно:

$$\text{Н}_{\text{экол}} = 0,7 \times \text{В} \times 0,3/100 = 0,0021 \times \text{В}.$$

Налог на землю по данным предприятия в 2007 г. составил 0,15 % себестоимости (табл.1), следовательно:

$$\text{Н}_{\text{зем}} = 0,7 \times \text{В} \times 0,15/100 = 0,00105 \times \text{В}.$$

Удельный вес фонда заработной платы в себестоимости составляет 34,5 % (табл.1), следовательно

$$\text{ФЗП} = 0,7 \times \text{В} \times 34,5 / 100 = 0,2415 \times \text{В}.$$

Таким образом, взносы в фонд социальной защиты населения будут равны

$$\text{ФСЗН} = 0,2415 \times \text{В} \times 35 / 100 = 0,084525 \times \text{В}.$$

Так как расчет суммы налога на недвижимость (Н_{недв}) напрямую не связан с выручкой от реализации продукции, то выразим данный налог через его взаимосвязь с суммой амортизации. Сумма амортизации составляет 4,46 % в себестоимости продукции (табл.1), следовательно

$$\text{А} = 0,7 \times \text{В} \times 4,46 / 100 = 0,03122 \times \text{В}.$$

Между суммой амортизации и налогом на недвижимость прослеживается обратная зависимость, то есть при увеличении суммы амортизации пропорционально снижается сумма налога на недвижимость. Таким образом, сопоставив эти величины, рассчитаем, как соотносятся суммы налога на недвижимость и амортизации.

Предположим, что в нашем примере используются новые основные средства, введенные в эксплуатацию с 1 января 2007 г. со сроком полезного использования 4 года. Первоначальная стоимость основных средств составляет 250 млн. руб., амортизация рассчитывается линейным способом. Таким образом, сумма амортизации в 2007 г. составила

$$A = 250 \cdot 0,25 = 62,5 \text{ млн. руб.}$$

Соответственно, сумма налога на недвижимость равна $250 \cdot 1,2\% / 100 = 3$ млн. руб.

Отметим, что при расчете налога на недвижимость в качестве остаточной стоимости основных средств использовалась первоначальная их стоимость. Это обусловлено тем, что уплата налога на недвижимость производится авансовыми платежами. Рассчитав соотношение налога на недвижимость и суммы амортизации ($3 / 62,5$), получим коэффициент 0,048. Следовательно, налог на недвижимость равен

$$H_{\text{недв}} = 0,03122 \times B \times 0,048 = \mathbf{0,0014985 \times B}.$$

Налог на прибыль представим в виде следующего выражения:

$$H_{\text{пр}} = 0,24 \times (0,122075 \times B - 0,0014985 \times B) = \mathbf{0,0289383 \times B}.$$

Местные целевые сборы составят:

$$H_{\text{м}} = 0,03 \times (0,122075 \times B - 0,0014985 \times B - 0,0289383 \times B) = \mathbf{0,0027491 \times B}.$$

Теперь, просуммировав все полученные коэффициенты, предварительно разделив их на общий знаменатель выручки (B), получим показатель налоговой нагрузки, который составил 29,9 % (табл.2).

Таким образом, получим, что налоговая нагрузка на предприятие складывается из целого числа коэффициентов, изменяя которые можно оказывать влияние на конечный показатель. Данная методика дает возможность привести в сопоставимый вид налоги, изначально не увязанные с выручкой, и позволяет, изменяя структуру себестоимости, уровень выручки, другие показатели управлять суммами налогов, подлежащих уплате в бюджет.

В таблице 2 представлен сравнительный расчет уровня налоговой нагрузки с использованием трех методик, рассмотренных выше.

Таблица 2 – Расчет показателя налоговой нагрузки по трем методикам

Налоги и неналоговые обязательные платежи	Методика 1	Методика 2	Методика 3
НДС	0,1525	0,1525	0,1525
Республиканский единый платеж	0,025425	0,025425	0,025425
Налог на землю	-	-	0,00105
Экологический налог	-	-	0,0021
Взносы в ФСЗН	0,084525	0,084525	0,084525
Налог на недвижимость	-	-	0,0014985
Налог на прибыль	-	0,0289383	0,0289383
Местные целевые сборы из прибыли	-	-	0,0027491
Коэффициент налоговой нагрузки (d)	0,26245	0,29139	0,29878

Из данных табл. 2 видно, что показатель налоговой нагрузки, рассчитанный по первой и второй методикам, отличается на 2,9 п.п. (значение коэффициента отношения суммы налога на прибыль к выручке), а показатель, рассчитанный по второй и третьей методике – на 0,74 п.п. (удельный вес ранее неучтенных налоговых платежей в выручке).

Таким образом, ввиду незначительного расхождения между конечными показателями, рассчитанными по второй и третьей методикам, и учитывая большую трудоем-

кость расчетов по третьей методике, на предприятии можно использовать вторую методику расчета налоговой нагрузки (учитывающую четыре основных налоговых платежа).

По методике 2 целесообразно также провести анализ изменения значения d , если примем, что при каждом последующем расчете происходит увеличение очередного фактора на 1% при условии, что все другие факторы остаются неизменными (табл. 3).

Таблица 3 – Расчет изменения налоговой нагрузки под влиянием изменения отдельных факторов

Наименование показателя	С, млн. руб.	ФЗП, млн. руб.	В, млн. руб.	d
Исходные данные	1400	483	2000	0,29139
Данные с учетом изменения на 1%: себестоимости (С)	1414	483	2000	0,29223
фонда заработной платы (ФЗП)	1400	487,83	2000	0,29223
выручки (В)	1400	483	2020	0,29317

Исходя из данных таблицы 3, можно определенно сказать, что в результате увеличения на 1% себестоимости (С), налоговая нагрузка увеличилась на 0,084 п.п., в результате увеличения выручки от реализации (В) на 1%, налоговая нагрузка на предприятие увеличилась на 0,18 п.п. Также аналогичное увеличение фонда заработной платы сказалось на возрастании налоговой нагрузки на 0,084 п.п.

На основании данного анализа можно получить своего рода группу налоговых мультипликаторов (М) – отношение изменения налоговой нагрузки (НН), вызванной изменением факторов на неё влияющих. Таким образом, мы получим:

$$M_c = \Delta \text{НН} / \Delta \text{С} = + 0,084 / 1 = + 0,084;$$

$$M_v = \Delta \text{НН} / \Delta \text{В} = + 0,18 / 1 = + 0,18;$$

$$M_{\text{фзп}} = \Delta \text{НН} / \Delta \text{ФЗП} = + 0,084 / 1 = + 0,084.$$

Аналогичным образом можно произвести расчет изменения налоговой нагрузки в результате изменения одного из факторов по третьей методике. На предприятии данной моделью можно пользоваться при оптимизации уровня налоговых платежей в условиях изменения объема работ (выручки от реализации), уровня и структуры затрат (например, увеличение доли затрат труда). Преимущество данного способа состоит в том, что, используя данные налоговые мультипликаторы, можно с определенной точностью рассчитать, как изменятся подлежащие уплате налоги и платежи в результате изменения одного из анализируемых показателей (выручки, себестоимости, фонда заработной платы).

Одним из методов управления данными показателями выступает выбор учетной политики предприятия. Законодательство в ряде случаев предоставляет налогоплательщику возможность самостоятельно выбрать способ налогового учета той или иной операции. В зависимости от конкретной ситуации экономически может быть выгоднее тот или иной вариант.

Наиболее важным моментом в учетной политике предприятия следует отметить изменение момента фактического определения выручки от реализации продукции. Налогами из выручки (НДС, единый платеж) должны облагаться реальные денежные доходы, а не суммы дебиторской задолженности, поэтому целесообразнее определение выручки на предприятии по мере оплаты. В исключительных случаях, когда предприятие рассчитывается за отгруженную продукцию авансовыми платежами, в учетной политике может применяться метод определения выручки по отгрузке.

Выбор метода ускоренной амортизации ведет к снижению налогооблагаемой базы по налогу на прибыль и, соответственно, суммы налога на прибыль. Также, применяя ускоренную амортизацию, можно сократить остаточную стоимость основных средств и, соответственно, снизить налог на недвижимость. Если применение ускоренной амортизации не приве-

дет прибыльное предприятие в убыточное, то данный метод начисления амортизации экономически целесообразен.

Однако следует иметь в виду, что выбор амортизационной политики предприятия и методов переоценки основных средств напрямую связаны между собой. Если прибыль предприятия высокая, то необходимо применять нелинейные методы ускоренной амортизации и производить переоценку основных средств по коэффициентам. Если же прибыль низкая, то выгоднее начислять амортизацию линейным методом и переоценку производить прямыми методами.

На сумму налога на прибыль и налога на недвижимость также оказывает влияние выбор методов списания материальных запасов на производство, порядок отнесения на себестоимость реализованной продукции отдельных видов расходов – МБП, РБП (путем непосредственного их списания на себестоимость по мере совершения затрат или с помощью предварительного образования резервов предстоящих расходов и платежей). Например, метод ФИФО занижает себестоимость продукции и завышает прибыль, а следовательно, и налог на прибыль, а метод ЛИФО завышает себестоимость и, следовательно, занижает прибыль к налогообложению. Учет затрат на ремонт текущего периода ведет к снижению налогооблагаемой базы за счет увеличения себестоимости [4].

Основным фактором, оказывающим влияние на сумму отчислений в ФСЗН, выступает размер фонда заработной платы. Поскольку процент начислений на фонд заработной платы достаточно велик (35 %), то в данной ситуации предприятию остается лишь варьировать суммой фонда заработной платы для оптимизации отчислений.

Необходимо подчеркнуть, что налоговая нагрузка конкретного предприятия может существенно отличаться от налоговой нагрузки других предприятий. Такое неравномерное распределение налогового бремени между предприятиями объясняется структурой производственных затрат, мерами ценового регулирования. В частности, наибольшее налоговое давление испытывают предприятия трудоемких отраслей. В то же время материалоемкие предприятия находятся в относительно более выгодных условиях, что объясняется главным образом возможностью существенного уменьшения налоговых обязательств за счет высокого входного НДС.

Таким образом, используя предложенные оптимизационные модели и возможности регулирования основных экономических показателей деятельности, у предприятия имеется возможность оптимизировать сумму подлежащих к уплате налоговых платежей и максимизировать чистую прибыль.

Abstract. In the paper the methods of optimization of tax loading which can find the practical application at enterprises are considered. The minimization of taxes is the term which misleads. The reduction of one tax can lead to the increase in the others. Actually, the purpose should not be the minimization of taxes, but the increase in the profit of the enterprise after the taxation. Hence, it is a question of not mechanical reduction of taxes, but the construction of an effective control system by the enterprise.

Литература

1. <http://russian.doingbusiness.org/ExploreEconomies/?economyid=19>
2. <http://www.nalog.by/ndok/use/?page=2>
3. *Винокурова, Т.П.* Развитие методик расчета и анализа обобщающего показателя оценки налоговой нагрузки в организациях с многоотраслевой деятельностью / Т.П. Винокурова // Бухгалтерский учет и анализ. – 2007. – №2.
4. *Налоги и их применение в финансово-экономических расчетах, ценообразовании (теория, практика).* – 3-е изд., доп. и перераб./ С.И. Адаменкова, О.С. Евменчик. – Минск : Элайда, 2005. – 568с.

Социально-экономические проблемы экологии

Н. С. КАРБЫШЕВА

В XXI веке самой актуальной проблемой становится проблема выживания человеческой цивилизации. Еще в начале века В.И.Вернадский высказывает мысль о том, что в недалеком будущем изменения антропогенного характера в природе приобретают планетарный характер. Этот прогноз в настоящее время стал реальностью. Биосфера уже не в состоянии справиться с вредными отходами нашей цивилизации и начинает постепенно деградировать, что ставит под угрозу существования самой жизни на Земле. Президент Республики Беларусь в своем послании белорусскому народу и Национальному собранию 29 апреля 2008 года отметил, что экологические проблемы ныне приобретают масштабы необратимых катастроф [6]. Если сейчас не принять срочных мер по ее сохранению, то в недалеком будущем человечество может оказаться в ситуации, когда уже никакие социально-экономические отношения и другие меры не в состоянии будут предотвратить экологическую катастрофу в глобальном масштабе. Поэтому экологическая проблема – это не одна из важнейших проблем, как это принято считать, а проблема первостепенной важности. И недопустимо ее финансировать по остаточному принципу.

Анализ современной экологической проблематики свидетельствует о том, что в нынешних условиях угроза глобальной экологической катастрофы приобретает реальные очертания, поскольку показатели качества окружающей среды стремительно ухудшаются.

Глобальной окружающей среде постоянно наносится колоссальный ущерб. С точки зрения современных процессов деградации и разрушения окружающей среды под влиянием хозяйственной деятельности один день планеты можно оценить следующими данными [7]: ежедневно 60 млн. тонн парниковых газов, как продукт деятельности промышленности и транспорта, поступают в атмосферу; истребляются и уничтожаются 55 тыс. гектар тропических лесов; вследствие загрязнения Мирового океана погибают 220 тыс. тонн рыбы; превращаются в пустыню 220 тыс. гектар земель; вымирают и исчезают от 10 до 20 видов животного и растительного мира.

Уничтожение биологического разнообразия является весьма опасным явлением для человечества. Биоразнообразие является главным источником удовлетворения многих потребностей человека. Это прежде всего продукты питания, лекарства, источники сырья для одежды, производства строительных материалов и т.д. Биологическое разнообразие имеет также огромное значение для организации отдыха человека. Окружающая растительность служит основной базой для получения лекарственных препаратов, с помощью которых человечество избавляется от многих болезней. Гибель одного вида растений приводит к исчезновению примерно 30 видов мелких животных. К настоящему времени погибло около 120 видов млекопитающих и 150 видов птиц, 600 видов животных находятся на стадии вымирания [10].

Таблица 1 – Темпы вымирания видов животных

Годы	Число вымерших видов животных	
	млекопитающих	птицы
До 1800	33	30
1801-1850	2	20
1851-1900	31	50
1901-1950	40	50
Всего	106	150

Источник: [2]

Экологическая проблема – это проблема выживания человека и сохранения всего живого на земле. Общество всю свою историю развивалось за счет ресурсов окружающей среды. Резкий скачок в потреблении природных ресурсов связан с изменениями, которые произошли на Земле в последние 100 лет: население увеличилось более чем в 3 раза, объем производства товаров и услуг – в 20 раз, в том числе промышленного в 50 раз. За всю историю развития человеческого общества из недр Земли извлечено около 200 млрд. тонн угля, около 100 млрд. тонн нефти, 50 млрд. тонн железной руды, 300 млрд. тонн медной руды, причем 50-85% добычи приходится на последние 30 лет. Однако только 10% сырья, извлекаемого из недр планеты, превращается в готовую продукцию, а остальные 90% идут в отходы, которые загрязняют биосферу [11].

В настоящее время состояние системы общество-природа вступило в стадию кризиса, так как скорость антропогенных нарушений природы выше скорости ее самовосстановления. Высокая антропогенная нагрузка на природную среду, вызванная расточительным ресурсозатратным хозяйствованием, подрывает естественную среду обитания человека и может привести к исчезновению человеческого общества и всего живого на земле.

Ныне человечество осознало, что природный эколого-экономический потенциал подошел к критической черте устойчивости, что биосфера и ее составные части имеют пределы саморегуляции и самовосстановления, нарушение которых может привести к планетарной катастрофе. Глобальные экологические проблемы определили экономическую альтернативу: или человеческое общество изменит свое отношение к использованию природных ресурсов, либо «захлебнется» в собственных отходах. Других перспектив у человечества не существует.

Сильнейшие антропогенные изменения в настоящее время претерпевает атмосфера земли: модифицируются ее свойства и газовый состав, возрастает опасность разрушения ионосферы и стратосферного озона, повышается ее запыленность. Нижние слои атмосферы насыщаются вредными для живых организмов газами и веществами промышленного и другого хозяйственного происхождения. Техногенные выбросы в воздушный бассейн насчитывают десятки тысяч различных веществ, но наиболее распространенными являются окись углерода, диоксид серы, окись азота и другие, порождающие кислотные осадки, резко увеличивается кислотность дождей, снега, туманов, которые снижают урожайность, губят растительность, уничтожают жизнь в пресных водах, разрушают здания. Суммарные мировые антропогенные выбросы двух главных загрязнителей воздуха – диоксида серы и оксидов азота – составляют ежегодно более 255 млн. тонн [4].

Техногенное загрязнение атмосферы приводит к изменению климата. С конца XIX века по настоящее время отмечается тенденция повышения средней глобальной температуры атмосферы. В ближайшие 50 лет ученые прогнозируют повышение среднегодовой температуры на Земле в пределах от 1,5°C (близ экватора) до 5°C (в высоких широтах). За 100 лет температура в Северном полушарии выросла больше, чем за предыдущую тысячу лет [8]. Повышение средней глобальной температуры вызвало так называемый «парниковый эффект», который грозит небывалым экологическим, экономическим и социальным взрывом. В результате потепления климата уровень воды в океанах может подняться на 1-2 м за счет морской воды и таяния полярных льдов. Это приведет к тому, что примерно ¼ территории Египта и ½ территории Бангладеш могут быть поглощены морем. Это будет началом трагедии для 46 млн. человек. Подъем уровня Мирового океана вызовет колоссальные затопления, необходимость переселения до 1 млрд. человек [8]. В такой ситуации могут оказаться многие другие государства. Повышение температуры приводит к понижению влажности почвы во многих регионах планеты. В результате этого засухи и тайфуны становятся частым явлением. Восточное побережье США подвергается и будет в дальнейшем подвергаться разрушительным штормам. Наводнение в Западной Европе и других частях земли станут чаще.

Среди стран мира самые крупные загрязнения атмосферного воздуха осуществляет США, которые только в 2003 году выбросили в мировой воздушный бассейн сернистого ангидрида 13821 тыс. тонн (на 1 жителя – 47,5 кг), оксидов азота 18716 тыс. тонн (на 1 жителя – 65 кг), окиси углерода 123568 тыс. тонн (на 1 жителя – 19,7 кг) [12].

Таблица 2 – Загрязнение атмосферного воздуха от стационарных источников в странах СНГ

Страны	2000		2005	
	Всего тыс. тонн	на 1 жителя (кг)	Всего тыс. тонн	на 1 жителя (кг)
Беларусь	338	39	402	41
Азербайджан	515	65	558	67
Армения	30	9	51	16
Грузия	19	4	24	6
Казахстан	2430	163	2969	197
Кыргызстан	34	7	35	7
Молдова	15	4,1	20	5,6
Россия	18820	129	20425	143
Таджикистан	30	5	34	5
Узбекистан	756	31	701	27
Украина	3959	80	4449	94

Источник: [12]

Самые крупные загрязнения атмосферного воздуха из стран СНГ, как свидетельствуют данные таблицы 2, осуществляют Россия, Казахстан и Украина.

В Республике Беларусь по наибольшим загрязнениям воздушного бассейна выделяются Витебская область, осуществившая выброс загрязняющих веществ в 2006 году в объеме 113,6 тыс. тонн (на 1 жителя – 88 кг) и Гомельская область – 97,6 тыс. тонн (на 1 жителя – 66 кг) [12]. Загрязнение атмосферного воздуха в республике в 2006 году свидетельствует о том, что выбросы загрязняющих веществ в атмосферу были выше уровня 2005 года, как по стационарным, так и по передвижным источникам. Рост их количества отмечен по всем основным веществам-загрязнителям – оксид углерода, диоксид серы, оксид азота и твердые частицы. Увеличились также удельные показатели выбросов, соотнесенные с объемом произведенного ВВП. Так, отношение валового прироста выбросов к росту ВВП составило 1,04. Подобное увеличение произошло за счет передвижных источников. В 3-м квартале 2007 года было обследовано лабораториями Минприроды 2343 источника выбросов загрязненных веществ в атмосферу воздуха на 1033 предприятиях и было выполнено 31434 анализа. В результате аналитического контроля было установлено превышение нормативов выбросов на 51 предприятия по 15 ингредиентам. Более половины (55%) всех выявленных случаев нарушения составили выбросы углерода оксида [9].

В результате хозяйственной деятельности значительные изменения происходят и в структуре гидросферы. Многие реки, озера, моря превращаются в места сброса различных отходов и загрязняющих веществ. В мировой океан сбрасываются ежегодно до 300 млрд. м³ сточных вод, 90% которых не подвергается предварительной очистке [4]. Это приводит к угнетению океанической биоты и, следовательно, к сокращению пищевой базы человека. Качественное изменение гидросферы становится в наше время главным фактором количественного сокращения запасов пресной воды на Земле.

Потребление пресной воды в мире за период с 1900 по 1995 годы увеличилось в шесть раз, что в два раза превышает темпы прироста населения. Если эти тенденции сохраняются, то к 2025 году в условиях дефицита воды будут проживать каждые два из трех жителей земли. Главным источником обеспечения человечества пресной водой является активно возобновляемые поверхностные воды, которые составляют около 39000 км³ в год. В 1970-е годы эти ежегодно возобновляемые ресурсы пресной воды обеспечивали одного жителя Земли в среднем в объеме около 11 тыс. м³ в год, в 1980-е годы обеспеченность водными ресурсами на душу населения сократилась до 8,7 тыс. м³ в год, а к концу XX века – до 6,5 тыс. м³ в год. Учитывая прогноз роста численности населения земного шара к 2050 году (до 9 млрд. человек), обеспеченность пресной водой снизится до 4,3 тыс. м³ в год. Согласно подсчетам экспертов, причиной 80% всех заболеваний в развивающихся странах является отсутствие безопасной воды и плохие санитарно-гигиенические условия. Каждый год по этой причине умирают более 5 млн. человек и половина из них – дети [15].

Загрязнение водных экосистем представляет огромную опасность для всех живых организмов, и в частности для человека. Поступление в водоемы значительного количества биогенных веществ – азота, фосфора и других элементов в виде удобрений, моющих веществ, отходов животноводства, атмосферных аэрозолей т.д. приводит к массовому размножению одноклеточной золотистой и сине-зеленой водоросли, которые ухудшают качество воды, поглощая кислород и уничтожая всю остальную морскую жизнь: моллюсков, ракообразных, рыб. Так, в 1988 году в Северном море погибли десятки тысяч тюленей, в тушах которых было обнаружено до 150 различных отравляющих веществ [17].

По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь, в водоемы бассейнов Балтийского и Черного морей в 2006 году произведен сброс отдельных загрязняющих веществ со сточными водами в следующих количествах: хлориды – 74 тыс. тонн, сульфаты – 63 тыс. тонн, азот нитратный – 4 тыс. тонн, нефтепродукты – 190 тонн, сухой остаток – 472 тыс. тонн, синтетические поверхностно-активные вещества – 176 тонн, взвешенные вещества – 15 тыс. тонн, железо – 465 тыс. тонн [12].

Основное влияние на качество поверхностных вод оказали вещества как техногенного происхождения, так и естественного, связанные с природными гидрохимическими свойствами территории. К первым из них относятся соединения азота аммонийного и нитратного, легкоокисляемые органические вещества, фенолы, нефтепродукты, фосфаты, цинк, никель. Ко вторым относятся железо общее, марганец, медь. Всего в поверхностные водоемы Беларуси сброс загрязненных сточных вод в 2006 году составил 9 млн. м³. В 3-м квартале 2007 года лабораториями Минприроды проанализировано 4733 пробы сточных вод на 1802 предприятиях и выполнено 76104 анализа [9]. При этом превышение нормативов сбросов в поверхностные воды зафиксированы по 21 ингредиенту на 167 предприятиях. Больше количество нарушений отмечалось по азоту аммонийному и фосфатам [9].

Проблема качества подземных вод в Беларуси, используемых для хозяйственно-питьевого снабжения, вызвана повышенной концентрацией железа и марганца, а также недостаточным содержанием в них йода и фтора, с точки зрения физиологических потребностей человека. Природные причины неудовлетворительного качества питьевых вод характерны в основном для источников централизованного водоснабжения. В сельской местности в водах общественных колодцев, используемых населением, удельный вес проб в 2006 году не соответствовал гигиеническим нормам по санитарно-химическим показателям на 40-45%, по микробиологическим показателям – на 20-25%. Основным загрязнителем вод колодцев являются нитраты [14].

Сильно подвержена антропогенному воздействию и литосфера в результате активного вторжения человека в земные недра, производимые изменения рельефа местности и природных ландшафтов, строительства крупных инженерно-технических сооружений, разрушения и загрязнения почвенного покрова, и ряда других процессов. В особенности велики потери почвенных ресурсов. Общая площадь утраченных для мирового сельского хозяйства обрабатываемых земель достигла за всю историю человечества 20 млн. км², что больше площади всей пашни, используемой в настоящее время (около 15 млн. км²). В результате застройки, горных работ, отвода территории для дорог и других мероприятий мировое сельское хозяйство ежегодно теряет от 50 до 70 тыс. км² ценных плодородных земель [5]. Крупной мировой проблемой стал в последнее десятилетие процесс опустынивания. Ежегодно превращаются в пустыню около 6 млн. гектаров плодородной земли, а еще 21 млн. гектар деградируют в такой степени, что растениеводство на этих почвах становится экономически невыгодным [8].

Для формирования почвы требуются сотни и тысячи лет. В почве постоянно происходят процессы созидания и разрушения. Ученые доказали, что для создания 2-3 см слоя почвы требуются от 200 до 1000 лет при благоприятных условиях. Главная ценность почвы состоит в том, что благодаря ей люди имеют все необходимое для своей жизнедеятельности.

Сокращение пахотных земель в настоящее время является результатом серьезных экологических проблем. Основными загрязнителями почвы являются пестициды, минеральные удобрения, отходы и отбросы производства, газодымовые выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, а также нефть и нефтепродукты. В мире ежегодно производится более миллиона

тонн пестицидов. Многие ученые в настоящее время приравнивают влияние их на здоровье населения к воздействию на человека радиоактивных веществ. Пестициды вызывают глубокие изменения всей экосистемы, воздействуя на все живые организмы, в то время как человек использует их для уничтожения ограниченного числа видов организмов. Поэтому можно с уверенностью сказать, что общий экологический вред от использования пестицидов многократно превышает пользу от их применения. Немалый вред почве наносит и чрезмерное использование минеральных удобрений и ядохимикатов, которые подавляют биологическую активность почв, уничтожают микроорганизмы, червей, уменьшают естественное плодородие почвы.

Основная масса веществ, загрязняющих почвы городов, является составляющими выбросов промышленных предприятий и автотранспорта. К наиболее загрязненным городам республики по суммарному показателю загрязнения почв относятся Минск, Гомель, Витебск, Могилев, Бобруйск, Орша. Как показали исследования, основными загрязнителями почв городов выступают нефтепродукты, тяжелые металлы и сульфаты [14].

Значительное влияние на структуру земельного фонда Беларуси продолжают оказывать последствия Чернобыльской катастрофы, в результате которой радиоактивному загрязнению было подвержено более 20% территории республики. На 1 января 2007 года было выведено из сельскохозяйственного оборота 248,7 тыс. гектар загрязненных радионуклидами земель (1,2% от общей площади земель Беларуси) [14].

Наиболее опасным загрязнителем атмосферы является радиоактивное загрязнение. Главную радиоактивную опасность представляют запасы ядерного оружия и топлива, радиоактивные осадки, образующиеся в результате ядерных взрывов и аварий. В настоящее время в мире накоплены десятки тысяч тонн расщепляющихся материалов, которые обладают огромной суммарной активностью.

С 1945 по 1996 год США, Великобритания, Франция, Китай и Россия произвели в надземном пространстве более 400 ядерных взрывов, что привело к повышению естественного фона на Земле на 2% [1]. Дальнейшее нарастание уровня радиации осуществлялось в результате аварий, производства и захоронения радиоактивных отходов.

Одно из крупных известных сейчас скоплений радионуклидов на территории России находится на Урале, около города Челябинска, на ПО «Маяк», что привело к сильному загрязнению Челябинской, Свердловской, Курганской и Тюменской областей.

Радиоактивное загрязнение окружающей среды на территории Республики Беларусь связано с аварией на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года, в результате которой было выброшено около 7,5 тонн ядерного топлива и продуктов деления с суммарной активностью около 50 млн. Ки. Этот выброс соответствует 500-600 Хиросимам [1] и превышает выбросы за все годы испытаний атомного оружия в атмосфере [13]. Всего радиоактивным выбросом ЧАЭС было загрязнено 80% территории Беларуси, вся северная часть Правобережной Украины и 19 областей России. Следы Чернобыля обнаружены во многих странах Европы, а также в Японии, на Филиппинах, в Канаде [1]. Катастрофа на ЧАЭС приобрела глобальный характер.

Авария на ЧАЭС вызвала необходимость миграционных перемещений населения, и, прежде всего, в Гомельской и Могилевской областях. В результате численность жителей в зонах радиоактивного загрязнения сократилась по сравнению с 1986 годом на 13% [10]. Из 860 тыс. человек, участвовавших в ликвидации последствий аварии, более 55 тыс. ликвидаторов умерли, десятки тысяч стали инвалидами. Полмиллиона человек до сих пор проживают на загрязненных территориях [1].

Одной из наиболее острых экологических проблем является проблема отходов, в том числе и радиоактивных. В настоящее время на дне Мирового океана находится шесть атомных подводных лодок с девятью атомными реакторами и пятидесятью боеголовками. Только США с целью захоронения радиоактивных отходов сбросили в океан более 86 тыс. контейнеров суммарной радиоактивностью около 95 кКи. Захоронения радиоактивных отходов в морях производили Великобритания, Франция, Италия, Германия, Швеция, Бельгия, Нидерланды и Россия [13]. Все это создает огромную потенциальную экологическую опасность.

В результате аварий на предприятиях Минатома России (ПО «Маяк», «Сибирский химкомбинат», «Краснодарский горно-химический комбинат») сосредоточены 600 млн. м³ радиоак-

тивных отходов с суммарной активностью 1,5 млрд. Ки. Источниками радиоактивных отходов является также Военно-морской флот, атомный ледокольный флот, судостроительная промышленность. На их долю приходится 240 тыс. м³ отходов с активностью более 2 млн. Ки [1].

С расширением производства отходы приобретают все более сложный морфологический состав и возрастает их химическая опасность. Только на территории Беларуси в 2006 году отходы производства составили 33,46 млн. тонн [14]. Места захоронения отходов превращаются в источники долговременного негативного влияния на окружающую среду и здоровье человека.

К числу важнейших факторов, которые оказывают влияние на здоровье человека, относится экологический фактор. По данным экспертов ВОЗ, здоровье населения зависит на 20-22% от генетических факторов, на 7-12% от уровня медицинского обслуживания, на 50-52% от образа жизни людей и на 18-20% от состояния окружающей среды. Однако существует и другие оценки, которые 40-50% причин заболеваний относят за счет качества окружающей среды [1]. Так, четверть городского населения России живет в экологически неблагоприятной обстановке, связанной с загрязнением окружающей среды городов: в 66 городах, где превышение ПДК вредных веществ в воздухе составило 10 и более раз, уровень общей заболеваемости среди 40 млн. их жителей выше среднего по городам страны в 1,6-2 раза [1].

Среди областей Республики Беларусь наибольшие показатели обращаемости по поводу заболеваний отмечены в Гомельской и Минской областях. Ведущая роль в заболеваемости населения городов Беларуси принадлежит болезням органов дыхания, связанных с загрязнением атмосферного воздуха. Их доля всего населения составляет 50,4% в т.ч. для взрослых – 36,3%, для подростков – 64,8%, для детей – 72,5% заболеваний [14]. Необходимо отметить, что заболеваемость населения злокачественными новообразованиями неуклонно возрастает. И если в 1985 году состояло на учете больных 90356 человек, в 2000 году – 159554 человека, то в 2006 году их количество составило 202834 человека [3]. Особый рост новообразований, впервые установленный диагноз, отмечается среди подростков: если в 2002 году количество зарегистрированных случаев составило 870, то в 2006 году – 1478 случаев [3]. Заболеваемость детей в городах повсеместно в 1,3-1,4 раза выше, чем в областях [14]. Ныне в Беларуси, как отмечает Президент Беларуси Лукашенко А.Г., нормальное здоровье имеет только каждый десятый школьник, а 30% детей страдают хроническими заболеваниями [6].

В связи с ростом заболеваемости и превышением смертности над рождаемостью в 2006 году в Республике Беларусь продолжалось сокращение численности населения страны, и показатель естественного прироста оставался отрицательным (-4,3%). За этот год общее количество населения уменьшилось на 49,6 тыс. человек [14].

Проблемы сохранения жизни на Земле могут быть решены не только за счет рационального использования природных ресурсов, осуществления природоохранной экологической деятельности, но и путем переориентации взглядов каждого человека в отношении к окружающей среде. Таким образом, для преодоления экологического кризиса необходим переход к новой идеологии, к экологизации производства и всей экономики.

Одной из главных причин негативного воздействия человека на окружающую среду является недостаточная образованность и осведомленность, поэтому успешное решение экологических проблем зависит от экологического образования и воспитания человека. Суть экологического образования должна заключаться в формировании системы взглядов и убеждений нового человека, способного бережно относиться к окружающей среде и свою производственную деятельность согласовывать с экологическими последствиями. Экологическое образование в центре внимания ООН и ЮНЕСКО. В 1968 году в Париже состоялась межправительственная конференция ЮНЕСКО по рациональному использованию и охране ресурсов биосферы, была принята программа «Человек и биосфера», в которой впервые был подчеркнут общечеловеческий характер экологического образования. Дальнейшее развитие идей в области экологического образования было осуществлено на конференциях в Москве (1987 г.), Рио-де-Жанейро (1992 г.).

В Беларуси система экологического образования базируется на Республиканской программе образования в области окружающей среды, где отмечается, что образование должно

быть единым, непрерывным: начиная с дошкольного воспитания и завершая подготовкой и переподготовкой кадров взрослого населения.

Для успешного решения экологических проблем в глобальном масштабе необходимо гармонизация взаимоотношений человека и природы, которая предполагает формирование экологической культуры и мышления у всех слоев населения мира и особенно у руководителей правительств всех стран, ибо глобальные проблемы экологии должны решаться на путях развития сотрудничества между всеми государствами, входящими в систему всемирного хозяйства.

По расчетам экспертов, каждое государство должно выделять на природоохранные мероприятия не менее 5% валового национального продукта, однако пока выделяют от 1 до 2% [16]. По нашему мнению, этих средств далеко недостаточно для решения всех глобальных экологических проблем, для предотвращения экологической катастрофы. Пора это осознать правительствам всех стран мира, а главам государств собраться в ООН и принять единое решение о сокращении многих непроизводительных расходов и, прежде всего военных, помня о том, что может наступить такой момент, когда некому и не с кем будет воевать.

В 1987 году был опубликован доклад Международной комиссией по окружающей среде и развитию (МКОСР) при ООН под названием «Наше общее будущее», в котором был поднят вопрос о необходимости поиска новой модели развития цивилизации. В докладе также четко указана невозможность поднимать и решать крупно масштабные экологические проблемы, вне их связи с социальными, экономическими и политическими проблемами.

Abstract. The paper presents the whole range of socio-economic and ecological problems on the global, regional and local scales and ways of preventing the ecological catastrophe.

Литература

1. Акимова, Т.А. Экология: учебник для вузов [Текст] / Т.А. Акимова, В.В. Хаскин. – 2-е изд. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 566 с.
2. Гладков, Н.А. Охрана природы [Текст] / Н.А. Гладков, А.В. Михеев, В.М. Галушин. – М., 1975.
3. Заболеваемость и смертность населения Республики Беларусь: стат. сборник / М-во статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2007. – 232 с.
4. Коробкин, В.И. Экология: учебник для вузов [Текст] / В.И. Коробкин, Л.В. Предельский. – 9-е изд. – Ростов н/Д. : Феникс, 2003. – 576 с.
5. Лазаревич, Н.А. Биотехнологические проблемы современной социальной экологии [Текст] / Н.А. Лазаревич. – Минск : Белорусская думка, 2006. – 212 с.
6. Лукашенко, А.Г. Послание Президента А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию [Текст] / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия – 2008. – 30 апреля. – С. 2.
7. Лукьянчиков, Н.Н. Экономика и организация природопользования [Текст] / Н.Н. Лукьянчиков, И.М. Потравный. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 591 с.
8. Маврищев, В.В. Основы экологии: учеб. пособие [Текст] / В.В. Маврищев. – Минск : Вышэйшая школа, 2003. – 416 с.
9. О превышении нормативов выбросов/сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду предприятиями Республики Беларусь: информационный бюллетень №30 – 3-й кв. 2007 г. [Текст] / М-во природных ресурсов и охрана окружающей среды Республики Беларусь. – Минск, 2007.
10. Основы экологии: учеб. пособие для вузов [Текст] / Е.Н. Мешечко [и др.]; под ред. Е.Н. Мешечко. – Минск : Экоперспектива, 2002. – 376 с.
11. Основы экономической теории: учеб. пособие [Текст] / В.Л. Ключня [и др.]; под ред. В.Л. Ключни. – 2-е изд. – Минск : Экоперспектива, 2004. – 392 с.
12. Охрана окружающей среды в Беларуси: стат. сборник [Текст] / М-во статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2007. – 207 с.
13. Пивоваров, Ю.П. Радиационная экология: учеб. пособие [Текст] / Ю.П. Пивоваров, В.П. Михалев. – Минск : Академия, 2004. – 240 с.

14. Состояние природной среды Беларуси: экологический бюллетень, 2006 год [Текст] / Национальная академия наук Беларуси, М-во природных ресурсов и охраны окружающей среды. Под общей ред. академика НАН Беларуси В.Ф. Логинова. – Минск : Издательский центр БГУ, 2007. – 377 с.
15. Шимова, О.С. Экономика природопользования: учеб. пособие [Текст] / О.С. Шимова, Н.К.Соколовский. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 377 с.
16. Экономическая теория: учеб пособие [Текст] / Н.И. Базылев [и др.]; под ред. Н.И. Базылева, С.П. Гурко. – Минск : Экоперспектива, 2004. – 637 с.
17. Яблоков, А. Сбережем ли среду обитания? [Текст] / А. Яблоков // Правда. – 1989. – 13 января.

Белорусский государственный университет

Поступило 9.07.08

УДК 338.46:37:330.341.1:001

Инновационный потенциал вузовского сектора науки: состояние и направления развития

Т. В. ФАДИНА

Ценность вузов сегодня определяется не только их образовательным потенциалом, но и, что особенно актуально, научно-инновационным. Научная деятельность организаций и учреждений образования является одной из ключевых составляющих национальной инновационной системы.

Латуха О. А. выделяет следующие направления осуществления инновационной деятельности вуза [4]:

- деятельность по созданию инноваций как фактор развития инновационной деятельности вуза;

- обучение инновационной деятельности как фактор производства инновационных кадров;

- образовательная деятельность как фактор поддержки и развития инноваций.

К первому направлению относятся работы, результатом которых является непосредственное создание инновационных продуктов и услуг.

В последние три года отмечается качественно новый этап организации научных исследований в университетах страны. Сегодня применяется принятый в научной сфере программно-целевой метод планирования научных исследований. Ученые вузов активно участвуют в фундаментальных и прикладных исследованиях. В 2008 году ученые принимали участие в выполнении свыше 740 заданий государственных программ фундаментальных и прикладных научных исследований и свыше 100 заданий государственных научно-технических программ, при выполнении которых получен ряд важных результатов. Ежегодно около 800 университетских разработок находят применение в производстве, около 1000 – в учебном процессе [3].

Наблюдается рост количества подаваемых вузами заявок и получаемых патентов на изобретения. Их доля составляет порядка 20-25% от всех национальных заявителей. Университеты владеют порядка 18% действующих патентов на изобретения в Беларуси. Общий объем финансирования научно-технической и инновационной деятельности вузов составил в 2007 году более 125 миллиардов рублей [1].

Вместе с тем проблемными остаются вопросы передачи и использования научных разработок, не в полной мере задействован механизм лицензионных контрактов. Доля лицензионных договоров на передачу научно-технической продукции составляет всего 1% рынка лицензий республики.

Довольно остро стоит и проблема обеспеченности оборудованием. Для проведения современных научных исследований необходимо большое количество дорогостоящего и часто уникального оборудования. Одним из вариантов решения данной проблемы в условиях недостаточности финансирования является создание в вузах и научных организациях центров коллективного пользования оборудованием. На сегодняшний день уже открыты десять таких центров. Кроме того, развитие происходит в направлении межвузовской и межведомственной кооперации специализации в целях централизованного осуществления научных исследований.

В 2008 году за счёт средств республиканского бюджета для вузов было приобретено научное оборудование на сумму более 4 миллиардов белорусских рублей [3].

О высоком инновационном потенциале вузовского сектора науки говорит и факт развития международного сотрудничества в области исследовательских проектов, а также экспорт научно-технических разработок.

Университеты сотрудничают с научными организациями из 58 стран мира в рамках более 600 договоров. Наиболее крупным партнером является Россия.

Совместно с зарубежными партнерами ученые вузов участвуют в выполнении порядка 120 проектов международных программ, фондов и грантов.

Постоянно растет количество заключенных и выполненных контрактов на поставку научной продукции за рубеж. В 2008 году внешнеэкономическую деятельность выполняли 10 университетов и Технопарк БНТУ «Метолит» в рамках 255 контрактов и договоров (для сравнения в 2007 году – 229). Общий объем финансирования контрактов составил около 16,5 млн. долларов США.

Экспортируется научно-техническая продукция в 36 стран мира. При этом наиболее крупными партнёрами вузов являются Россия, куда поставлено продукции на 1,7 млн. долларов США, Казахстан – 370 тысяч долларов США, Латвия – 340 тысяч долларов США, а также Германия, Китай, Израиль, Швейцария, Республика Корея, Франция и ряд других государств.

Наибольшим спросом пользуются научные разработки в области нанотехнологий и новых материалов, радиоэлектроники, информационных технологий, телекоммуникаций, лазерных технологий, медицины и здравоохранения, строительства, легкой промышленности [3].

Заметное влияние на инновационное развитие страны оказывают следующие вузы: ВГУИР, БГУ, БНТУ, БРУ, БелГУТ, БГТУ, ВГТУ, ГГУ, ГГТУ. Так, учреждения, подразделения и предприятия БГУ в 2008 году успешно выполняли 92 контракта с исследовательскими центрами, институтами, фирмами и компаниями 26 стран и реализовали на внешний рынок наукоемкой продукции на 1,7 млн. долл. БГУИР за аналогичный период заключил новые контракты с Венесуэлой, Индией, Китаем, Россией и другими странами на общую сумму около 10,7 млн. долл.

Министерство образования нацеливает исследовательскую деятельность вузов на решение конкретных проблем экономики. В связи с этим с целью более эффективной интеграции вузовской науки и реального сектора экономики Министерство образования сформировало так называемый «Задачник от промышленности», представляющий собой перечень проблем развития предприятий и организаций, который постоянно обновляется.

Обучение инновационной деятельности стимулирует её развитие в самом вузе и на производстве. Данное направление предполагает научно-исследовательскую деятельность студентов, аспирантов, докторантов.

Сегодня в составе вузов и их научных подразделений работает более 4000 молодых ученых. В целях стимулирования их исследовательской деятельности в 2008 году для проведения научных исследований было выделено свыше 550 миллионов рублей для выполнения порядка 80 научно-исследовательских работ.

В 2007 году обучением аспирантов занимались 44 высших учебных заведения страны. Общая численность аспирантов по республике составила 4498 человек, 75,5% которых обучаются при аспирантурах вузов (таблица 1) [2].

Таблица 1—Основные показатели деятельности аспирантуры

Показатели	Год	
	2006	2007
число вузов, имеющих аспирантуру	43	44
численность аспирантов	3640	3394
прием в аспирантуру	1150	1107
выпуск из аспирантуры	899	842
в том числе с защитой диссертации (%)	45 (5%)	39 (4,6%)

Данные таблицы свидетельствуют о снижении по всем показателям деятельности вузовской аспирантуры, несмотря на увеличение количества высших учебных заведений, имеющих в своей структуре аспирантуру. Численность аспирантов вузов за рассматриваемый период снизилась на 6,8%, а фактический выпуск из аспирантуры уменьшился на 6,3%.

Незначительная доля аспирантов, окончивших обучение с защитой кандидатской диссертации говорит о низкой эффективности работы аспирантуры. Так, в 2007 году из 842 че-

ловек, с защитой кандидатской диссертации закончили аспирантуру всего 39 человек, что составляет 4,6% общего числа выпускников. При этом в Брестской, Минской и Могилевской областях выпуска аспирантов с защитой кандидатских диссертаций не было вообще.

Значительно снижает эффективность аспирантуры и досрочное прекращение обучения. В целом по республике в 2007 году данный показатель составил 694 человека (15,4% от общей численности аспирантов).

В 2007 году в республике насчитывалась 21 докторантура в составе высших учебных заведений. Общая численность докторантов в республике составляла 144 человека, при этом 64,6% обучались в докторантурах вузов [2].

Показатели работы докторантур высших учебных заведений республики представлены в таблице 2.

Таблица 2 — Основные показатели деятельности докторантуры

Показатели	Год	
	2006	2007
число вузов, имеющих докторантуру	20	21
численность докторантов	99	93
прием в докторантуру	34	22
выпуск из докторантуры	20	29
в том числе с защитой диссертации (%)	2 (10%)	2 (6,9%)

В 2007 году по сравнению с 2006 годом численность докторантов сократилась на 6%. В значительной степени сократился прием в докторантуру (на 35%) и составил всего 22 человека.

Эффективность деятельности вузовской докторантуры в целом по республике является достаточно низкой и в 2007 году составила 6,9%. Из 29 выпускников докторантуры, диссертации защитили всего 2 человека (Витебская область и г. Минск).

Объективными причинами низкой эффективности работы аспирантур и докторантур является незначительный уровень морального и материального стимулирования. Как следствие талантливая молодежь покидает науку, предпочитая работу в более прибыльных сферах. В таких условиях важным представляется принятие дополнительных мер по материальному стимулированию, улучшению социальной защищенности, повышению статуса и престижа научного работника.

Весьма важным аспектом инновационной деятельности вузов является привлечение студентов к активной исследовательской работе. Как отметил первый заместитель министра образования А.И. Жук, «свою задачу Министерство образования видит в формировании инновационной активности студентов и навыков их работы в творческих научных коллективах и лабораториях, а также оказании помощи наиболее одаренной молодежи в творческом росте и карьерном продвижении».

Сегодня в стране в научных исследованиях принимают участие более 30% студентов. Для активизации студенческой исследовательской деятельности создан Республиканский центр научно-исследовательской работы студентов, ведётся работа по привлечению студентов 3–5 курсов к выполнению заданий по НИР. Ежегодно в стране проводится конкурс студенческих научных работ. В 2007 году в данном конкурсе приняли участие более 3 тысяч студентов из 49 вузов страны. В восьми университетах республики функционируют 50 студенческих научно-исследовательских лабораторий и конструкторско-технологических и проектных бюро [1].

Третье направление инновационной деятельности является традиционным для вузов и предполагает формирование кадрового потенциала инновационного развития экономики на основе новейших достижений науки и техники.

Исследования ученых свидетельствуют, что для обеспечения пятидесятипроцентной доли наукоемкой продукции в ее общем объеме производства республике потребуется более 60 тысяч специалистов качественно нового уровня [6].

Здесь особую значимость приобретает повышение качества образования. В Республике Беларусь осуществляется постоянная модернизация высшего образования в целях повы-

шения его доступности, привлекательности и востребованности. Приняты новые правила приёма в вузы, обновляется структура и содержание образования, организуется подготовка специалистов на базе современного производства.

В стране разработана система управления качеством образования, методические рекомендации по их развитию для руководства высших учебных заведений.

Ключевым показателем эффективности высшего образования и качества подготовки кадров становится степень ориентированности образовательных программ на потребности рынка труда.

В республике проводится работа по созданию взаимодействия рынка труда и высшего образования. Так, в соответствии с заявленной потребностью в 2008 году Министерство образования увеличило приём в вузы страны по следующим специальностям: «Вычислительная техника» (на 8%), «Энергетика» (на 9,3%), «Горнодобывающая промышленность» (12%), «Транспорт» (3,2%), «Архитектура и строительство» (7%). При этом был сокращен приём на педагогические специальности. Ежегодно корректируется и структура подготовки специалистов [3].

Тем не менее, в стране наблюдается перепроизводство специалистов юридического и экономического профиля. В то же время не хватает специалистов строительного, медицинского, энергетического профилей. Так, в городской местности число безработных обладателей диплома бухгалтера составляет 830 человек, в то время как потребность в этих специалистах на рынке труда, исходя из количества вакансий, заявленных в государственную службу занятости, составляет 338 человек. Предложение превышает спрос и в отношении экономистов – соответственно 655 и 176 человек. Количество дипломированных специалистов с юридическим образованием почти в семь раз превышает потребности экономики [5].

Ведутся работы по постепенной реорганизации материально-технической базы. Необходимо решать вопросы обеспечения достаточного количества учебных помещений, комплектации библиотек литературой, компьютеризации учебного процесса. Основой качественного обучения должны стать научные лаборатории с современной техникой, специальным оборудованием, приборами, тренажерами.

Существенно и то, что сохраняется бюджетная форма обучения студентов в вузах. К тому же в сфере платного обучения государство часть расходов берет на себя. Так, по словам заместителя премьер-министра Республики Беларусь, плата за обучение в вузе в среднем по республике составляет 1017 долларов США в год, при этом государство затрачивает на подготовку одного специалиста около 1750 долларов США в год.

Сохранена система распределения выпускников высших учебных заведений, при этом они могут распределяться как на предприятия государственной, так и негосударственной форм собственности. Так, в 2006/2007 учебном году было распределено 94% выпускников бюджетной формы обучения [5].

В Республике Беларусь отмечается рост спроса на высшее образование. Так, численность студентов вузов в 2008/2009 году составила 420 690 человек. В 2007/2008 году данный показатель составлял 396 910 человек. В настоящий момент показатель количества студентов на 10 тыс. человек в Беларуси (430) является одним из наиболее высоких в Европе. Такой массовый характер высшего образования в стране обусловлен престижностью его получения, а также отсутствием в стране значительных запасов природных ресурсов, что делает человеческий капитал стратегическим фактором развития государства [3].

Ключевую роль в формировании кадрового потенциала играет профессорско-преподавательский состав университетов.

Именно на его плечи ложится ответственность за формирование кадров высшей квалификации, соответствующей потребностям современной экономики. Явно заниженная оценка труда данной категории работников, от которых требуются дополнительные усилия, является серьезной преградой на пути формирования кадров.

Образовательный процесс в вузах страны обеспечивают свыше 23 тысяч преподавателей. Из них 1291 – доктор наук и 7954 – кандидата наук. Ученое звание профессора имеют 1199 человек, доцента – 6094 человек [1].

К основным проблемам кадрового обеспечения можно отнести низкий уровень заработной платы по сравнению с другими отраслями национальной экономики Республики Беларусь. В 2008 году заработная плата в сфере образования возросла всего на 0,7%, что значительно ниже других отраслей экономики, где прирост составил в среднем порядка 9-10% к предыдущему году. Как результат данных процессов наблюдается значительный отток преподавателей в другие, более доходные, сферы экономики, снижение социального статуса вузовского работника. Также имеет место значительная миграция преподавателей за рубеж. Причем в последние годы наблюдается рост эмиграции научной элиты и профессуры именно ведущих вузов и научных организаций Республики Беларусь. И хотя среди трех отраслей науки вузовская пострадала в наименьшей степени, тем не менее, пока сохраняются причины, вызывающие миграцию, отток из страны лучших умов будет наносить существенный урон инновационному развитию страны. Недостаточный уровень заработной платы заставляет преподавателей искать подработку по внешнему или внутреннему совместительству, что также отражается на качестве преподавания.

Кроме того, на качестве образовательного процесса сказывается и отсутствие действенных механизмов повышения квалификации. В вузах нашей страны каждый преподаватель имеет право один раз в пять лет повышать квалификацию с отрывом от основной работы и с сохранением заработной платы до четырех месяцев, а в отдельных случаях, – до года. Однако в реальности данное право практически не реализуется, в том числе и из-за позиции некоторых руководителей, ссылающихся на отсутствие средств и необходимость выполнения учебной нагрузки. А если и реализуется, то в большинстве своём носит формальный характер. Тем самым значительно снижается качество образовательного процесса.

Да и сама система повышения квалификации научно-педагогических кадров требует существенных изменений. Необходимо обеспечить взаимодействие всех заинтересованных институтов образования, науки, управления.

Не менее существенной является и проблема старения педагогических кадров (прежде всего, специалистов высшей квалификации). Так, в Республике Беларусь наибольшее количество профессорско-преподавательских работников, имеющих степень доктора наук, находятся в возрастной группе от 50 лет и старше (88%). Аналогичная ситуация наблюдается и с профессорско-преподавательскими работниками, имеющими степень кандидата наук (56%). Средний возраст специалистов, которым присуждается ученая степень кандидата наук составляет 33,4 года, доктора наук – 52,4 [7].

Таким образом, современные высшие учебные заведения, представляют собой сложные учебно-научно-инновационные комплексы. Они являются важным звеном национальной инновационной системы, что подтверждается результатами их научно-исследовательской деятельности. Однако имеющиеся проблемы не дают возможности в полной мере использовать весь инновационный потенциал вузов. Решение вопросов трансфера научных разработок, обеспечение необходимым оборудованием, повышение эффективности деятельности аспирантуры и докторантуры, повышение качества образовательного процесса позволит поднять инновационную деятельность высших учебных заведений на новый уровень.

Abstract. The state and the ways of the development of high school science are considered in the paper. The value of high schools is defined not only by their educational potential, but also by innovative one. Scientific activity of the universities is important component of national innovative system. However, the existing problems do not give possibility to use all innovative potential of high schools. Their solution will allow to raise the innovative activity of higher educational institutions to a new higher level.

Литература

1. Барышевский, В. Интеграция высшего образования и науки – путь к инновациям [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.metolit.by/ru/dir/item.php/440>

2. Войтов И. В. Состояние системы подготовки научных кадров высшей квалификации в Республике Беларусь (итоги 2007 г.) [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://belisa.org.by/ru/izd/other/Kadr2008/kadr08_10.html
3. Жук А. В Беларуси 430 студентов на 10 тысяч населения [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.univer.by/aleksandr-zhuk-v-belarusi-430-studentov-na-10-tysyach-naseleniya/1660>
4. Латуха О. А. Комплексная оценка инновационной деятельности вуза: теоретические и методические аспекты [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.vvsu.ru/UserFiles/File/depnauki/avtLatuxa261107.doc>
5. По данным Белорусского телеграфного агентства [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.belta.by/ru/news/archive?date=02_10_2007&page=2&id=178624
6. Хрусталева Б. М. Три звена успешного развития экономики [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://priem.bntu.by/ru/conference/congrcs/sftn/bmxrustalev/>
7. Шарый И. Н. Проблемы воспроизводства научных кадров в условиях инновационного развития [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://belisa.org.by/ru/izd/other/Kadr2008/kadr08_173.html

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 26.06.09

Основные подходы к определению человеческого капитала

А. В. ВАСИЛЬЕВ

Введение. Понятие человеческого капитала широко используется мировой экономической наукой, доказавшей необходимость и высокую эффективность вложений в человека, и занимает одно из центральных мест в теории и практике рыночного хозяйства. Использование понятия «человеческий капитал» дает возможность применить экономический подход к изучению явлений и процессов, которые ранее считались объектами психологических, демографических и социальных исследований. Эта категория позволяет по-новому подойти к анализу таких кардинальных проблем, как экономический рост, распределение доходов, место и роль образования в процессе общественного воспроизводства, взаимозависимость инвестиций в человека и уровней производительности и доходов, мотивация, планирование семьи и ведение домашнего хозяйства, миграция, дискриминация на рынках труда и т.д. Концепция человеческого капитала применима в изучении вопросов обеспечения рациональной занятости и оптимального функционирования рынка труда. Таким образом, она позволяет с единых позиций изучать многие явления рыночной экономики.

Анализ существующих методических подходов к сущности и оценке человеческого капитала. Возникновение самого понятия человеческого капитала связано с усилением тенденции социологизации науки в целом и экономической теории в частности. Хотя понимание важности человеческого капитала и пришло в экономическую науку, но четкое определение этой категории экономической теории отсутствует.

В современной экономической литературе как зарубежной, так и отечественной имеются самые различные трактовки рассматриваемой нами категории. Человеческий капитал – понятие многогранное и чрезвычайно сложное. В связи с этим вполне закономерно существование множества определений и трактовок рассматриваемой категории, отражающих особенности различных подходов к анализу. Приведем в качестве примера некоторые имеющиеся в современной экономической литературе.

Как правило, под человеческим капиталом понимают воплощенную в человеке способность приносить доход. Эта способность включает в себя как врожденные, так и приобретенные характеристики человека: физические, интеллектуальные, психологические. К важным компонентам человеческого капитала относят также потенциал трудовой мобильности, мотивацию, уровень потребностей человека, которые определяют стремление человека к усердной работе и проявлению инициативы [1, с. 87].

Под человеческим капиталом понимается сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, умений, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно использовать в той или иной сфере общественного воспроизводства [2, с. 12].

Экономисты различных школ понятие человеческий капитал трактовали по-разному.

К. Маркс рассматривает рабочую силу, как составляющую часть капитала, которая становится капиталом уже после продажи «полезного труда» капиталисту. По его мнению ни рабочая сила человека, ни средства производства не являются капиталом от природы. Они приобретают это специфическое новое качество лишь в процессе производства.

По мнению А.Смита, капитал человека – это та часть его имущества (включающая орудия труда, постройки, землю, собственные способности), из которой он рассчитывает извлекать доход.

В эпоху научно-технической революции и преобразований в структуре производительных сил, фактором экономического роста становится непосредственно сам работник. Эффек-

тивность использования основных ресурсов все больше зависит от того, насколько работники морально и материально заинтересованы в достижении высоких конечных результатов. «Человеческий капитал – наиболее ценный ресурс, гораздо более важный, чем природные ресурсы или накопленное богатство. Именно человеческий капитал, а не заводы, оборудование и производственные запасы являются краеугольным камнем конкурентоспособности, экономического роста и эффективности».

Дж. Р. Маккулох считал капиталом самого человека: «Вместо того, чтобы понимать капитал как часть продукции промышленности, несвойственной человеку, который мог бы быть сделан применимым для его поддержки и способствовать производству, кажется, не существует каких-либо обоснованных причин, по которым сам человек не мог бы им считаться, и очень много причин, по которым он может быть рассмотрен как формируемая часть национального богатства».

Доказывая справедливость отнесения рабочей силы к капиталу, Ж. Б. Сэй отмечал, что способности и силы, достаточные для исполнения даже самой легкой работы, могут быть рассмотрены как капитал, который образовался лишь ежегодным накоплением и последовательным увеличением расходов на воспитание человека [3, с. 13].

Современные экономисты к понятию человеческий капитал относятся по-разному. Но они сходятся во мнении, что человеческий капитал является главной движущей силой общества, и что государство, а не только сам индивидум, должно на формирование человеческого капитала обращать особое внимание.

Теории человеческого капитала стало придаваться большое значение, так как она позволяла с общих позиций изучать многие явления рыночных отношений, выявить эффективность вложенных в человеческий фактор финансовых средств [4, с. 67].

Под человеческим капиталом в экономике понимается имеющийся у человека запас знаний, здоровья, навыков, опыта, которые используются индивидом для получения дохода. Итак, можно сказать, что это не просто совокупность знаний, способностей, которыми обладает человек, а:

- 1) приобретенный запас знаний, которые целесообразно использовать в той или иной сфере общественной деятельности, что способствует росту производительности труда и производства;
- 2) использование данного запаса приводит к росту заработков (доходов) данного работника;
- 3) увеличение доходов способствует заинтересованности работника, что приводит к дальнейшему инвестированию в человеческий капитал.

Накопление человеческого капитала состоит из определённых затрат человека (семьи, фирмы, государства) направленных:

- на поддержание здоровья;
- на получение общего или специального образования;
- на поиск работы;
- на профессиональную подготовку и переподготовку на производстве;
- миграцию по зависимым и независимым от человека причинам;
- рождение и воспитание детей;
- поиск приемлемой информации о ценах и заработках и т.п. [5, с. 54].

Чаще всего в процессе выяснения сущности человеческого капитала экономисты используют *неоклассический* подход или так называемую *теорию мейнстрима*, основными постулатами которой или ее так называемого «жесткого ядра» являются *методологический принцип индивидуализма* и *концепция «рационального поведения»*. Исходя из этого, человеческий капитал исследуется как ценность, приносящая доход, в качестве которой выступает совокупность атрибутивных (собственных) и приобретенных свойств и способностей человека.

Известный экономист С. Фишер дает такое определение этой категории: «Человеческий капитал есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию». В рамках данного подхода обосновывается, что основными источ-

никами воспроизводства человеческого капитала являются инвестиции, т.е. расходы, связанные с образованием, здравоохранением, профессиональной подготовкой, миграцией, рождением и воспитанием детей [6, с. 23].

С помощью эмпирических данных и математических моделей доказывается, что подобного рода инвестиции приносят длительный и устойчивый экономический эффект. Отсюда следует, что их можно использовать как рыночный механизм стимулирования расширенного воспроизводства человеческого капитала. Другими словами, центр усилий переносится на уровень индивидуального воспроизводства. Однако такой методологический подход в исследовании человеческого капитала теоретически мало продуктивен, а на практике и крайне опасен.

Опыт реформ в России показывает, что увеличение затрат на воспроизводство человеческого капитала, исходя из индивидуальных предпочтений на любой из фаз его воспроизводства, отнюдь не всегда приносит высокий общественный эффект. Один из примеров, подтверждающих этот факт, – это низкая рождаемость в России. Сегодня суммарный коэффициент рождаемости составляет 1,2, в то время как для простого замещения поколений, т.е. для простого воспроизводства человеческого капитала необходимо 2,6 рождений на одну супружескую пару. В первую очередь это связано с высокими затратами на рождение и воспитание детей [6, с. 23].

Не является эффективным рыночный механизм и в вопросе профессиональной подготовки человека. Осуществляя инвестиции в образование и получение квалификации, индивиды ориентируются на профессии и специальности, которые в настоящее время востребованы бизнесом и приносят большие доходы. Но через 5-6 лет ситуация на рынке труда может коренным образом измениться. Избыток специалистов ранее престижных специальностей может создать проблемы с их трудоустройством. Уже сегодня такое положение дел наблюдается среди выпускников вузов в области права, экономических специальностей и т.п. Только от 30 до 50% молодых специалистов по этим специальностям в настоящее время могут найти свободные вакансии. Это приводит к разочарованиям, неуверенности и личным трагедиям [6, с. 24].

В этой связи, в исследовании проблем человеческого капитала более плодотворным является *институциональный* подход, который, используя наиболее весомые достижения таких областей научных знаний, как философия, социология и психология, опирается на следующие методологические положения.

Данный подход дает возможность понять сущность человеческого капитала не просто как ценности, приносящей поток доходов, а как *общественной ценности*, вектор формирования и использования которой задается существующей институциональной системой. Так, например, П. Солодуха пишет: «Человеческий капитал – это институционализируемая социально-экономическая форма бытия рабочей силы, выступающая общественной ценностью и выражающая систему отношений по поводу ее формирования, совершенствования, сохранения и использования». Таким образом, качественные характеристики человеческого капитала зависят не только и не столько от величины инвестиций, направляемых на его воспроизводство, сколько от содержания институциональной системы, в рамках которой осуществляется это воспроизводство [6, с. 24].

Процесс капитализации способностей человека во многом определяет и формы человеческого капитала. Так, капитализация физических сил и потенциала выносливости и трудоспособности формирует капитал здоровья, профессиональных способностей, навыков, знаний и опыта – трудовой капитал, интеллектуальных способностей и возможностей – интеллектуальный капитал, предпринимательских способностей – организационно предпринимательский капитал, нравственных позиций и поведения, морали, уважения общественных традиций и обычаев – культурно-нравственный капитал. При этом в современной экономике капитализация способностей и возможностей человека, а также его личное благосостояние и социальный статус в определенной мере зависят от величины уже накопленного человеческого капитала и эффективности выбора форм его приложения [7, с. 8].

Отметим, что характеристика человеческого капитала была бы неполной, если не учитывать целый ряд моментов, отражающих его особенности.

Во-первых, в современных условиях именно человеческий капитал является главным фактором экономического роста, «... гораздо более важным, чем природные ресурсы или накопленное богатство Именно человеческий капитал ... является краеугольным камнем конкурентоспособности, экономического роста и эффективности». В любой отрасли экономической деятельности человеческий капитал, его объемы, качество и формы использования выступают главным фактором экономического прогресса.

Во-вторых, использование человеческого капитала и получение прямых доходов контролируется самим человеком, независимо от источников формирования (государственных, семейных, частных и др.).

В-третьих, чем больше накоплено человеческого капитала, тем дороже обходится потеря заработков.

В-четвертых, эффективность функционирования человеческого капитала и степень отдачи (эффекта) от его применения обусловлены свободным волеизлиянием субъекта, его индивидуальными интересами, предпочтениями и ценностями, общим мировоззрением, культурным уровнем.

В-пятых, человеческий капитал многосложен и включает в себя:

1) услуги человеческого капитала, которые предлагаются на рынке и участвуют в производстве товаров и услуг (человеческий капитал, включаемый в процесс производства, функционирующий человеческий капитал);

2) качества и способности самого человека, участвующие в производстве человеческого капитала (воспроизводящий человеческий капитал);

3) знания и результаты интеллектуальной деятельности, пригодные для патентования и купли-продажи.

Методологической основой дальнейшего анализа является концепция исследования человека как целостной личности, как диалектическое единство и различие в ней природного и социального. Поэтому в рамках комплексного подхода будем учитывать как экономические, так и неэкономические составляющие человеческого капитала.

Человеческий капитал неоднороден по своей структуре, что обусловлено существующими различиями между людьми по уровню образования, профессиональной подготовки и опыта, по интеллектуальному, физическому, эмоциональному и психологическому развитию.

В теории предполагаются разные подходы к определению его активов. Традиционно выделяются фонды образования и подготовки на производстве, поддержания и развития здоровья, обладание экономически значимой информацией, миграционная подвижность рабочей силы и фонд воспроизводства человеческого капитала, что отражает основные направления его накопления: образование и производственная подготовка, здравоохранение, миграция, поиск экономической информации, воспитание детей и уход за ними.

Авторский подход к структуре человеческого капитала. Однако среди экономистов нет окончательного согласия относительно внутреннего состава человеческого капитала. Мы предлагаем выделять следующие основные элементы (активы):

1) Капитал здоровья. Всемирная организация здравоохранения определяет здоровье как состояние полного физического и социального благополучия. Благополучие – это динамическое состояние ума, характеризующиеся некоторой психической гармонией между способностями, потребностями и ожиданиями работающего и теми требованиями и возможностями, которые предъявляет и предоставляет окружающая среда. По нашему мнению, в этом определении акцент сделан на субъективном восприятии здоровья. По существу, речь идет об удовлетворенности жизнью. Удовлетворенность жизнью, безусловно, является важной характеристикой здоровья, однако, определяется, не физическим состоянием индивида, а общими мировоззренческими категориями. Кроме того, на основе ряда публикаций можно утверждать, что, если исходить из определения ВОЗ (полное физическое и социальное благополучие), то более 60% населения развитых стран нельзя считать здоровым. Тем не менее,

здоровье – это состояние физического, умственного и социального самочувствия. Выделим три составляющих здоровья:

- биологическое – изначальное здоровье, предполагающее совершенную саморегуляцию организма, гармонию физиологических процессов;
- социальное – здоровье как мера социальной активности, деятельного отношения индивида к миру;
- личностное (психологическое) – здоровье как отрицание болезни в смысле ее преодоления.

Качественные характеристики здоровья в значительной мере определяют образ жизни носителя человеческого капитала: уровень социальной, экономической и трудовой активности, степень миграционной подвижности, приобщение к современным достижениям культуры, науки, искусства, техники и технологии, характер и способы проведения досуга и отдыха. От уровня здоровья и физического развития зависит возможность участия человека в определенных видах трудовой деятельности. Капитал здоровья оказывает влияние на производительность общественного труда, а значит, и на динамику экономического развития общества.

В этой связи в понятие капитала здоровья, как компонента человеческого капитала, должны включаться физическая сила, выносливость, работоспособность, иммунитет к болезням, период активной трудовой деятельности; в систему характеристик входят понятия заболеваемости, инвалидности, нетрудоспособности, которые объединяются в термине «глобальное бремя болезней» (DALY). Система DALY выражает в конечном итоге годы жизни, потерянные в результате преждевременной смерти носителя человеческого капитала, от нетрудоспособности или инвалидности.

От уровня здоровья и физического развития зависит возможность участия человека в определенных видах трудовой деятельности. Уже на этапе выбора специальности и вида профессионального обучения решается проблема психофизического соответствия личности конкретным видам профессиональной деятельности. Здоровье оказывает огромное влияние на производительность общественного труда, а значит, и на динамику экономического развития общества.

2) Трудовой капитал, т.е. знания и профессиональные способности, навыки и опыт, определяющие уровень квалификации. Чем сложнее труд, тем более высоки требования к квалификации, навыкам и опыту. Уровень квалификации работников относится к важнейшим компонентам человеческого капитала. Квалификация представляет собой степень и вид профессиональной обученности работника, наличие у него знаний, умений, опыта, необходимых для выполнения определённой работы. Определить конкретные, чёткие критерии уровня квалификации очень сложно, поскольку во многом этот показатель связан с такими понятиями как активность, ответственность, напряжённость, умение, ловкость, сноровка и т.д., которые невозможно количественно измерить, поскольку они зависят от настроения, домашней обстановки и т.д. и во многом определяются психологией индивида.

Ранее ведущим компонентом квалификации являлись навыки и умения, зависящие от опыта работы. В условиях НТП в производственном процессе все большее значение приобретает знание современных методов решения возникающих проблем, владение результатами новейших теоретических исследований и умение реализовывать их на практике. В этой связи опыт как компонент квалификации уступает место широте и многообразию знаний и творческим способностям индивидов. Однако наибольший экономический эффект достигается в результате совместного, «мультипликативного» воздействия этих факторов: знания и способности, приобретаемые в ходе образовательного процесса, трудовые навыки, получаемые за счет накопления производственного опыта, не взаимозаменяют, а взаимодополняют друг друга.

Главным способом получить квалифицированную рабочую силу является образование, обеспечивающее формирование способностей, необходимых для рационализации трудовой деятельности.

Еще один компонент трудового капитала, определяющий базу профессионализма, составляют знание и признание традиций, философии фирмы, ее внутренних ценностей.

3) Интеллектуальный капитал. Именно в форме интеллектуального капитала наиболее значимо проявляются особенности и суть человеческого капитала в целом. Как и предшествующая форма, интеллектуальный капитал во многом определяется уровнем образования индивида, которое обуславливает развитие интеллектуальных способностей. С другой стороны, интеллектуальный капитал служит решающим фактором выработки знаний и информации о них.

Составляющие интеллектуального капитала неоднородны, несмотря на то, что все они порождены человеческим интеллектом. Поясним. В интеллектуальном капитале выделяют две крупные составные части: интеллектуальный капитал, воплощенный в человеке в виде опыта, знаний, способностей к нововведениям и творческой деятельности и т.п.; интеллектуальный капитал, включающий патенты, лицензии, торговые марки и другие объективные факторы, связанные с наличием авторских прав. При этом интеллектуальный продукт обособляется от автора, который сам определяет направления и формы экономического использования своей собственности.

Таким образом, основное различие между этими составными частями заключается в том, что первый элемент, в отличие от второго, неотделим и неотчуждаем от тех, кому он принадлежит, и не может быть скопирован или воспроизведен.

4) Организационно-предпринимательский капитал представляет собой потенциал инновационно-творческой деятельности. «Материю» предпринимательского дела, объективную его сторону исследовали и исследуют очень немногие теоретики. Одним из них был И. Шумпетер, определивший предпринимателя как «новатора», как субъекта иницилирующего и осуществляющего инновационные проекты, технологии в организации дела. В таком понимании предпринимательство связано с особым видом деятельности – инновацией. В современных представлениях идеи Шумпетера воспринимаются обычно не более как историко-теоретический факт. Сейчас же под предпринимательством понимается любая хозяйственная или экономическая деятельность, осуществляемая на свой страх и риск и преследующая удовлетворение личных индивидуальных интересов. Такое понимание – самое распространенное – заранее предполагает, что феномен предпринимательства внутренне не связан с каким-либо определенным видом деятельности. Поэтому в современных представлениях секрет предпринимательства погружен обычно в какие-то чисто личные качества субъекта, признаваемого публикой предпринимателем. Тем не менее, основываясь на идеях И. Шумпетера, обосновавшего особое значение предпринимательских, организаторских способностей, способностей к выработке плодотворных бизнес-идей, предприимчивости, решительности, владения коммерческими секретами, можно признать совокупность этих качеств особой формой человеческого капитала.

Реализация организационно-предпринимательской формы человеческого капитала нуждается в достаточно сильной мотивации, в широкой свободе принятия технологических, организационных, социальных решений.

5) Культурно-нравственный капитал. Развитие экономики определяется не только квалификационным уровнем работников, но и общим уровнем их культурного развития, который непосредственно влияет на способность находить нетривиальные, оригинальные решения научных, организационных, технологических проблем.

Культурно-нравственные характеристики человеческого капитала предполагают признание существующей в обществе системы ценностей, культуры, этических норм и норм морали и т.д., которые определяют линию поведения человека, его отношение к делу, вещам, другим людям и самому себе, что, в конечном счете, сказывается на качестве человеческого капитала. Культурно-нравственный капитал определяется духовным развитием индивидуума, условиями его воспитания, уровнем полученного образования.

Важность культурно-нравственных качеств населения для нормальной экономической деятельности неоднократно подчеркивалась классиками политической экономии У. Петти и А. Смитом. Свидетельством взаимосвязи этических и экономических проблем можно считать тот факт, что Адам Смит начинал свою научную деятельность как профессор нравст-

венной философии, то есть теории морали. Центральная идея А. Смита о «невидимой руке» была впервые сформулирована не в «Богатстве народов», а в «Теории нравственных чувств».

Одной из проблем современности является отсутствие прогресса в нравственно-культурной сфере, отрыв от гуманных традиций прошлого, упрощение морали, акцент не на духовные, этические ценности, а на материальные. По общему признанию западных специалистов в последние десятилетия наблюдается повсеместное расхождение между этическими нормами и их соблюдением.

И государство, и деловые круги осознают взаимовлияние экономики и культуры. В этой связи в мире наметилась тенденция к гуманизации образования, серьезное внимание уделяется художественно-эстетическому воспитанию. Основные качественные характеристики рассмотренных выше активов человеческого капитала представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1

Качественные оценки активов человеческого капитала

Формы человеческого капитала	Основные качественные характеристики
Капитал здоровья	- состояние здоровья по результатам медицинского обследования; - заболеваемость – частота и перечень перенесенных заболеваний за прожитые годы (анамнез, история болезни); - потери рабочего (жизненного) времени на болезни, лечение и оздоровление (чел.-дней); - потенциал предстоящей активной жизни (лет).
Трудовой капитал	- уровень профессионального образования (производственное, ПТУ, техникум, ВУЗ, их репутация); - профессиональный опыт; - профессиональные достижения и рост; - совмещение профессий.
Интеллектуальный капитал	- перечень объектов интеллектуальной собственности и формы закрепления авторских прав (патент, авторское свидетельство, специальные документы); - интенсивность использования интеллектуальной собственности (тиражи, частоты, доходы); - рейтинг интеллектуальных продуктов (например, рейтинг популярности композиторов и их песен).
Организационно-предпринимательский капитал	- собственный капитал предпринимателя (форма и оценка); - контролируемый капитал (форма и оценка); - права собственности на ограниченные ресурсы (земля, полезные ископаемые, проекты); - организационные привилегии и коммерческие секреты (ноу-хау); - рейтинг организаторского опыта и достижений.
Культурно-нравственный капитал	- уровень образования (начальное, среднее, высшее); - оценки интеллекта, эрудиции и культуры (тесты, социологические оценки); - факты отклоняющегося поведения и проступки (преступления, судебные решения, оценки родственников, сослуживцев, досье правоохранительных органов).

Значимость и соотношение приведенных выше компонентов человеческого капитала зависят от конкретно-исторических и социально-экономических условий, наиболее важными из которых являются НТП и рыночные преобразования экономики.

Выводы. Человеческий капитал как экономическую категорию характеризует накопленный запас здоровья, знаний, умений, организационно-предпринимательских способностей, трудового и социального опыта, культурных традиций и обычаев, целенаправленно используемый для производства продуктов и услуг, а также для удовлетворения насущных общественных и индивидуальных потребностей, увеличивая тем самым доходы человека, предприятия и общества в целом.

Abstract. The article describes a comparative analysis of the main approaches to the definition of human capital. Human capital as an economic category characterizes the accumulated stock of health, knowledge, skills, organizational and entrepreneurial skills, employment and social experience, cultural traditions and customs, specifically used for the production of products and services, as well as to meet the pressing social and individual needs, thereby increasing income people, businesses and society as a whole. In the author's approach is proposed to allocate the following forms of human capital: health capital, intellectual, organizational, entrepreneurial, cultural and moral capital.

Литература

1. Аширова, Г.Т. Современные проблемы оценки человеческого капитала / Г.Т. Аширова // Вопросы статистики, 2003. – №3. – С. 26–31.
2. Удовенко, И.М. Человеческий капитал как основной источник экономического роста Беларуси в XXI веке / И.М. Удовенко // Белорусская экономика, 2005. – №5. – С. 13–19.
3. Синявская, О.В. Основные факторы воспроизводства человеческого капитала / О.В. Синявская // Экономическая социология, 2001. – №1. – С.43.
4. Андреев, Ю.Н. Человеческий капитал в инновационной экономике / Ю.Н. Андреев // Экономическая социология, 2001. – №1. – С. 12–15.
5. Чеботарев, Н.И. Человеческий капитал – неотъемлемый фактор экономического роста / Н.И. Чеботарев // Маркетинг, 2005. – №4. – С. 12–23.
6. Корчагин, Ю.А. Российский человеческий капитал. Фактор развития или деградации? / Ю.А. Корчагин; Воронеж: ЦИРЭ, 2005. – 252с.
7. Трубина, И.О. Развитие человеческого капитала как основополагающий фактор повышения конкурентоспособности фирмы в современной экономике / И.О. Трубина, Е.М. Артюшина // Образование и общество, 2007. – №1. – С. 7–9.

Оценка влияния диверсификации на эффективность функционирования предприятий машиностроения

Б. В. Болломчук, Н. П. Драгун

Введение. В настоящее время представители бизнеса и органов государственного управления Беларуси считают, что в условиях экономического кризиса и усиления конкуренции одним из наиболее перспективных направлений комплексного повышения эффективности промышленных предприятий является диверсификация их деятельности, заключающаяся как в повышении уровня вертикальной диверсификации, так и в освоении новых видов деятельности и, прежде всего географических (в разрезе стран), рынков сбыта. Указанные положения нашли отражение в программах социально-экономического развития промышленности и национальной экономики Беларуси [7; 12].

В то же время в литературе отсутствуют исследования, которые бы на эмпирическом материале в разрезе отраслей раскрывали направление влияния показателей диверсификации на уровень эффективности деятельности промышленных предприятий Беларуси. Настоящая работа направлена на решение указанной проблемы.

Цель исследования – эмпирически верифицировать гипотезу о влиянии диверсификации на эффективность деятельности предприятий машиностроения Беларуси, а также определить степень и направление данного влияния. В соответствии с указанной целью поставлены и решены следующие задачи:

- провести анализ существующих подходов к оценке уровня диверсификации деятельности предприятий;
- разработать методику оценки уровня и степени родственности диверсификации деятельности промышленных предприятий;
- исследовать влияние уровня и степени родственности диверсификации деятельности предприятий машиностроения г. Гомеля на экономическую и социальную эффективность их функционирования.

Гипотезы исследования. В рамках проведённого исследования нами эмпирически верифицировались следующие гипотезы:

- уровень и степень родственности диверсификации деятельности являются значимыми факторами эффективности функционирования предприятий машиностроения;
- повышение уровня горизонтальной и вертикальной диверсификации видов экономической деятельности, а также диверсификации географических (в разрезе стран) рынков сбыта оказывает положительное влияние на эффективность функционирования исследуемых машиностроительных предприятий;
- повышение степени родственности осуществляемых видов экономической деятельности положительно влияет на её эффективность для исследуемой группы предприятий.

Методика исследования и исходные данные. Основная сложность в достижении поставленной в настоящей работе цели заключается в определении показателей, объективно оценивающих уровень диверсификации деятельности промышленных предприятий. Проведённый анализ имеющихся в литературе подходов к оценке уровня диверсификации деятельности предприятий, а также полученных нами результатов их апробации на примере промышленных предприятий г. Гомеля позволил выявить следующие недостатки существующих методик:

- несмотря на то, что уровень диверсификации предлагается оценивать посредством долей различных видов деятельности, осуществляемых предприятием (например, в работах

[1; 5; 6, с.12; 10, с.16; 14; 15]), в большинстве методик принцип выделения видов экономической деятельности и применяемые авторами классификаторы не обосновываются и не указываются (например, Акылбаев М.С. [2], Гребеньковой О.А. [8] и др.);

–уровень диверсификации деятельности предприятия отождествляется с уровнем его производственной диверсификации. Диверсификация же рынков сбыта (сбытовая) не рассматривается и не оценивается (например, Евглевской Т.А., Сальниковым В. [9; 13]);

–оценивается только уровень горизонтальной диверсификации (разнообразия видов деятельности). Уровень же вертикальной диверсификации (количества осуществляемых стадий получения добавленной стоимости в рамках отдельных видов деятельности) оценке не подвергается (например, Андриановым А.С., Gort M., Jacquemin A.P., Berry Ch.H. [3; 14; 15]), что противоречит экономической сущности диверсификации [4];

–в большинстве методик оценивается только уровень разнообразия деятельности, а не степень родственности её отдельных видов. В тех же методиках, где родственность оценивается, эта оценка осуществляется либо экспертным путём (как, например, в методике Андрианова А.С. [3, с.18]), либо основывается на произвольных допущениях о родственности оцениваемых видов деятельности (как, например, в методике Jacquemin A.P., Berry Ch.H. [15]);

–использование для построения частных и интегральных показателей уровня диверсификации дольных коэффициентов, индексов энтропии и Харфиндала-Хиршмана, а также специально разработанных авторских показателей (например, предложенных Евглевской Т.А. [9, с.15]) теоретически не обосновывается;

–из всех предлагаемых авторами показателей уровня диверсификации обязательным требованиям универсальности, инвариантности измерения, уступки доли, монотонности, кардинальности соответствуют только индекс энтропии и обратный индекс Харфиндала-Хиршмана. Использование же других показателей для оценки уровня диверсификации деятельности недопустимо вследствие невыполнения указанных требований;

–предлагаемые авторами граничные значения оцениваемых показателей для интерпретации уровня диверсификации деятельности предприятий теоретически не обоснованы, что приводит к противоречивым выводам при использовании различных методик.

Во избежание отмеченных погрешностей нами разработана методика оценки уровня и степени родственности диверсификации деятельности промышленных предприятий, основывающаяся на измерении уровня диверсификации производства путём оценки разнообразия, степени родственности осуществляемых промышленными предприятиями видов экономической деятельности по ОКЭД [11] и стадий получения в их рамках добавленной стоимости, а также диверсификации сбыта – путём оценки разнообразия привязанных к каждому из указанных видов экономической деятельности географических рынков сбыта и их сегментов. Новизна предлагаемой методики заключается в оценке уровня разнообразия рынков сбыта предприятия и видов его экономической деятельности при помощи относительного индекса энтропии, количества осуществляемых предприятием стадий получения в их рамках добавленной стоимости – при помощи оценки её доли в величине товарной продукции, степени родственности видов экономической деятельности – с использованием средневзвешенной величины числа порядков знаков кода ОКЭД, на которые данные коды отдельных видов экономической деятельности предприятия отличаются между собой. Получаемые результаты позволяют выработать объективные критерии эффективности реализации корпоративной стратегии предприятия и осуществлять целевое управление диверсификацией его производственной и сбытовой деятельности. Достоверность результатов и практическая применимость указанной методики обеспечивается отсутствием необходимости использования разного рода синтетических и условных показателей, оцениваемых при помощи субъективных экспертных методов, возможностью получения всей требуемой исходной информации из данных бухгалтерской и статистической отчетности промышленных предприятий.

SADT-диаграмма (по стандарту IDEF0) декомпозиции процесса оценки уровня и степени родственности диверсификации деятельности промышленных предприятий согласно предлагаемой нами методике представлена на рисунке.

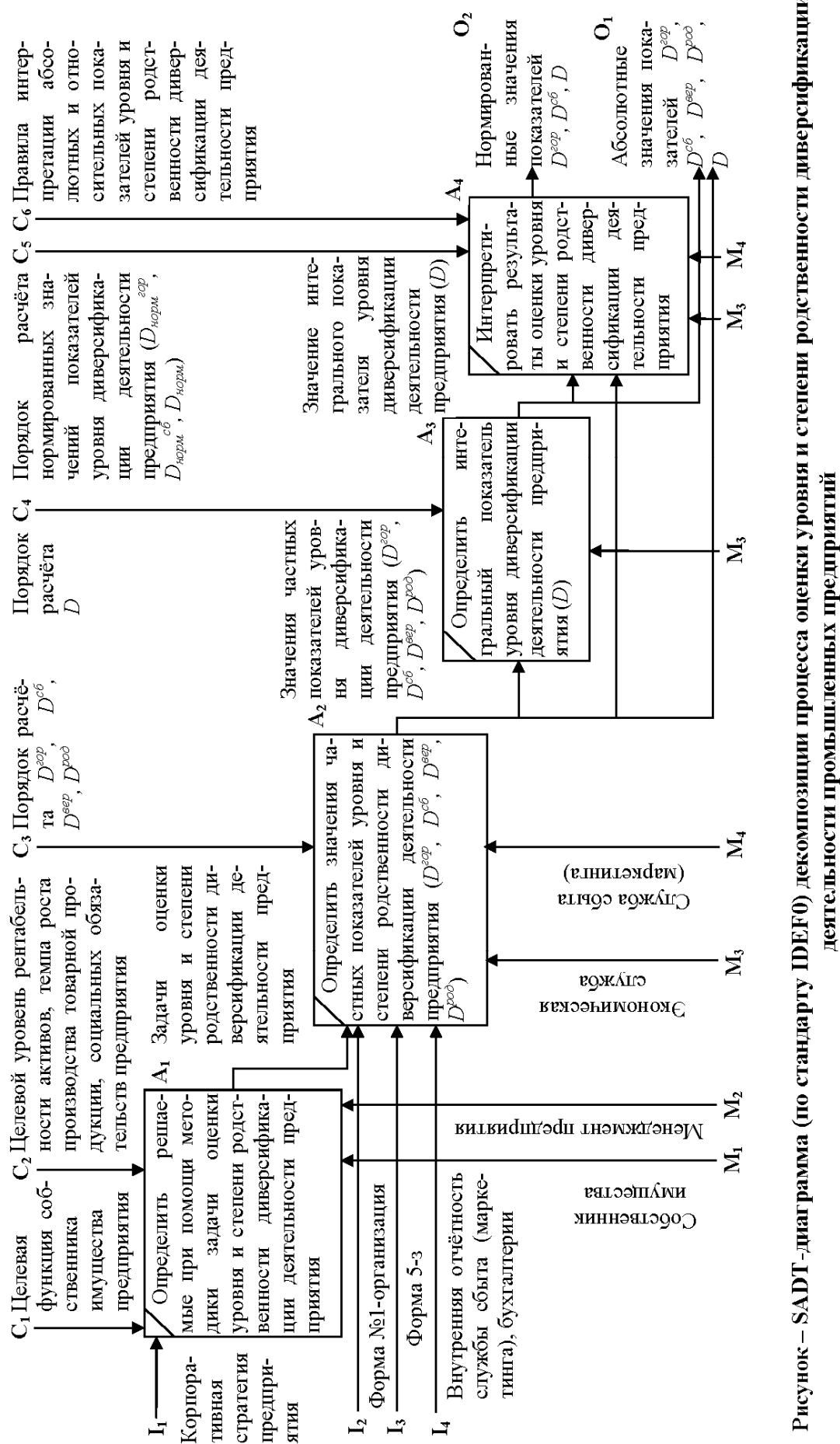

Рисунок – SADT-диаграмма (по стандарту IDEF0) декомпозиции процесса оценки уровня и степени родственных диверсификации деятельности промышленных предприятий

Источник: разработка авторов.

В результате проведённых исследований экономической сущности диверсификации деятельности промышленных предприятий нами установлена необходимость использования следующих показателей её уровня:

–уровень горизонтальной диверсификации видов экономической деятельности предприятия (D^{zop}) предлагается оценивать по формуле (1):

$$D^{zop} = \frac{1}{n} \cdot \sum_{i=1}^n \left(\frac{ТП_i}{ТП} \cdot \ln \left(\frac{ТП}{ТП_i} \right) \right), \quad (1)$$

где $ТП_i$ – величина товарной продукции предприятия в рамках i -го вида экономической деятельности в анализируемом периоде, млн. руб.;

$ТП$ – величина товарной продукции предприятия в анализируемом периоде, млн. руб.;

n – количество видов экономической деятельности по ОКЭД, осуществлявшихся предприятием в анализируемом периоде, ед.;

–уровень диверсификации рынков сбыта предприятия (D^{cb}) предлагается оценивать по формуле (2):

$$D^{cb} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \left(\frac{1}{m_i} \cdot \frac{ТП_i}{ТП} \cdot \sum_{j=1}^m \left(\frac{OP_{ij}}{OP_i} \cdot \ln \left(\frac{OP_i}{OP_{ij}} \right) \right) \right), \quad (2)$$

где OP_{ij} – объём реализации продукции i -го вида экономической деятельности предприятия на j -м географическом рынке (сегменте рынка) сбыта в анализируемом периоде, млн. руб.;

OP_i – объём реализации продукции i -го вида экономической деятельности предприятия в анализируемом периоде, млн. руб.;

m_i – число географических рынков сбыта (сегментов рынка), на которых осуществлялась реализация продукции i -го вида экономической деятельности предприятия в анализируемом периоде, ед.

–уровень вертикальной диверсификации видов экономической деятельности предприятия (D^{sep}) предлагается оценивать по формуле (3):

$$D^{sep} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \left(\frac{ТП_i - (З_i - OT_i - O_i^{coq} - A_i)}{ТП} \right), \quad (3)$$

где $З_i$ – величина затрат на производство продукции в рамках i -го вида экономической деятельности предприятия в анализируемом периоде, млн. руб.;

OT_i – величина расходов на оплату труда в рамках i -го вида экономической деятельности предприятия в анализируемом периоде, млн. руб.;

O_i^{coq} – величина отчислений на социальные нужды в рамках i -го вида экономической деятельности предприятия в анализируемом периоде, млн. руб.;

A_i – величина амортизации основных средств и нематериальных активов в рамках i -го вида экономической деятельности предприятия в анализируемом периоде, млн. руб.

–степень родственности видов экономической деятельности предприятия (D^{pod}) предлагается оценивать по формуле (4):

$$D^{pod} = \frac{1}{5 \cdot n} \sum_{i=1}^n \sum_{k=1}^n \left(s_{ji} \cdot \frac{ТП_i}{ТП} \right), \quad (4)$$

где s_{ji} – число порядков знаков кода ОКЭД (тах значение – 5), на которые код k -го вида экономической деятельности, осуществляемого предприятием в анализируемом периоде, отличается от соответствующего кода i -го вида экономической деятельности, ед.

–интегральный показатель уровня диверсификации деятельности предприятия (D) предлагается оценивать по формуле (5):

$$D = \sqrt[3]{D^{zop} \cdot D^{sep} \cdot D^{cb}} \quad (5)$$

Нами установлено, что для сравнительной оценки значений показателей уровня диверсификации деятельности предприятия D^{exp} , D^{cb} , D за несколько анализируемых периодов при равных $m_i^{\max}$ и n в указанных периодах либо значений указанных показателей нескольких предприятий между собой при равных $m_i^{\max}$ и n могут применяться нормированные к единице значения показателей D^{exp} , D^{cb} , D . Способ расчёта, а также предлагаемый порядок интерпретации получившихся абсолютных и нормированных значений показателей уровня и степени родственности диверсификации деятельности предприятия представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Порядок интерпретации абсолютных и нормированных к единице значений показателей уровня и степени родственности диверсификации деятельности предприятия согласно предлагаемой методике

Интерпретируемый показатель	Порядок расчёта показателя	Интервал значений показателя	Интерпретация значения показателя
Уровень горизонтальной диверсификации видов экономической деятельности предприятия ($D^{exp}_{гор}$)	$D^{exp}_{гор} = \frac{D^{exp}}{\frac{1}{n} \ln n}$	$0 \leq D^{exp}_{гор} \leq 1$	Чем ближе значение показателя $D^{exp}_{гор}$ (D^{exp}) к единице (правой границе интервала), тем ближе достигнутый уровень горизонтальной диверсификации экономической деятельности предприятия к максимально возможному при данном n
абсолютное значение (D^{exp})	см. формулу (1)	$0 \leq D^{exp} \leq \frac{1}{n} \ln n$	
Уровень диверсификации рынков сбыта предприятия ($D^{cb}_{гор}$)	$D^{cb}_{гор} = \frac{D^{cb}}{\frac{1}{n} \left(\frac{1}{m_i^{\max}} \cdot \ln m_i^{\max} \right)}$	$0 \leq D^{cb}_{гор} \leq 1$	Чем ближе значение показателя $D^{cb}_{гор}$ (D^{cb}) к единице (правой границе интервала), тем ближе достигнутый уровень диверсификации рынков сбыта предприятия к максимально возможному при данных n и $m_i^{\max}$
абсолютное значение (D^{cb})	см. формулу (2)	$0 \leq D^{cb} \leq \frac{1}{n} \left(\frac{1}{m_i^{\max}} \cdot \ln m_i^{\max} \right)$	
Уровень вертикальной диверсификации видов экономической деятельности предприятия ($D^{exp}_{вер}$)	см. формулу (3)	$0 \leq D^{exp}_{вер} \leq 1$	Чем ближе значение показателя к единице, тем больше уровень вертикальной диверсификации видов экономической деятельности
Интегральный показатель уровня диверсификации деятельности предприятия ($D_{гор}$)	$D_{гор} = \frac{D}{\sqrt[3]{\frac{\ln n \cdot \ln m_i^{\max}}{n^2 \cdot m_i^{\max}}}}$	$0 \leq D_{гор} \leq 1$	Чем ближе значение показателя $D_{гор}$ (D) к единице (правой границе интервала), тем ближе достигнутый уровень диверсификации деятельности предприятия к максимально возможному при данных n и $m_i^{\max}$
абсолютное значение (D)	см. формулу (5)	$0 \leq D \leq \sqrt[3]{\frac{\ln n \cdot \ln m_i^{\max}}{n^2 \cdot m_i^{\max}}}$	
Степень родственности видов экономической деятельности предприятия ($D^{род}$)	см. формулу (4)	$0 \leq D^{род} \leq 1$	Чем ближе значение показателя к единице, тем меньше степень родственности видов экономической деятельности

Источник: разработка авторов.

В качестве исходных данных для апробации изложенной выше методики и эмпирической верификации гипотез настоящего исследования использована панель данных, объектами которой выступали 9 машиностроительных предприятий г. Гомеля: РУП «Гомсельмаш», РУП «Гомельский завод литья и нормалей», РУП «Гомельский завод СИиТО», СОАО «Гомелькабель», РНПУП «Ратон», РУП «Гомельский завод «Гидропривод», ПЧУП «Випра», ОАО «Электроаппаратура», РУП «Гомельский завод станочных узлов». Период наблюдений для каждого объекта панели – 2004-2008 гг.

В качестве показателей экономической эффективности исследуемых предприятий использовались рентабельность активов по прибыли от реализации продукции (R_a) и темп роста объема производства товарной продукции в сопоставимых ценах (T_{mn}), социальной – темп роста среднемесячной заработной платы работников предприятия ($T_{зн}$) и темп роста численности работников предприятия ($T_{чр}$).

Оценка влияния диверсификации на эффективность функционирования исследуемых предприятий. На первом этапе исследования в целях обеспечения однородности данных, используемых для анализа взаимосвязи рассматриваемых нами показателей, был применён иерархический кластерный анализ методом Between-groups linkage (дистанционная мера – квадрат евклидова расстояния), в котором в качестве тестируемых переменных использовались D^{zop} , D^{cb} , D^{sep} , D^{pod} . Установлено, что исследуемая выборка предприятий является относительно однородной и разбиение её на кластеры нецелесообразно. Средние значения показателей диверсификации деятельности (D^{zop} , D^{cb} , D^{sep} , D^{pod} , D) исследуемых предприятий за период 2004-2008 гг. представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Средние значения показателей диверсификации деятельности исследуемых предприятий за период 2004-2008 гг.

Предприятие	Среднее значение показателя диверсификации				
	D^{zop}	D^{cb}	D^{sep}	D^{pod}	D
РУП «Гомсельмаш»	0,0104	0,0005	0,3220	0,8476	0,0114
РУП «Гидропривод»	0,0193	0,0042	0,4926	0,7428	0,0338
РУП «ГЗСУ»	0,0314	0,0051	0,4050	0,7331	0,0397
ПЧУП «Випра»	0,0674	0,0030	0,3321	0,8447	0,0404
РУП «ГЗЛиН»	0,0658	0,0032	0,3801	0,6883	0,0431
СОАО «Гомелькабель»	0,0595	0,0116	0,1661	0,7453	0,0484
РНПУП «Ратон»	0,0915	0,0039	0,4678	0,7721	0,0545
ОАО «Электроаппаратура»	0,0703	0,0080	0,4186	0,8087	0,0614
РУП «ГЗСИиТО»	0,1065	0,0131	0,5627	0,6902	0,0915
По исследуемой совокупности	0,0580	0,0058	0,3941	0,7637	0,0471

Источник: расчёты авторов на основе статистической отчётности исследуемых предприятий.

На втором этапе проверялась необходимость использования для исследования взаимосвязи рассматриваемых переменных панельных методов. Для этого применялся тест Бройша-Пагана (множителей Лагранжа) на гетероскедастичность при нулевой гипотезе об отсутствии в данных панельной структуры и адекватности оценивания по OLS (методу наименьших квадратов). Тест Бройша-Пагана показал, что нулевая гипотеза о возможности игнорирования индивидуальных эффектов (панельной структуры) и объединении данных должна быть принята. Поэтому метод OLS применялся нами без учёта панельной структуры данных.

На третьем этапе осуществлялась спецификация регрессионных моделей для рассматриваемых независимых переменных. В процессе спецификации нами изучались линейные, гиперболические, экспоненциальные, модифицированные экспоненциальные, степенные, показательные, логарифмические модели, включающие в том числе квадратичные эффекты и эффекты взаимодействия независимых переменных, дамми-переменные, характеризующие действие временных факторов (экономической конъюнктуры), лаговые значения независимых переменных. В качестве критериев выбора моделей применялись информационные критерии правдоподобия Акаике (AIC) и Шварца ($SBIC$), коэффициент детерминации (R^2).

Расчёты выполнялись с использованием статистического пакета SPSS 16.0 (кластерный анализ) и эконометрического пакета Eviews 5.1 (корреляционный, регрессионный анализ).

Проведённый нами на четвёртом этапе регрессионный анализ, где в качестве зависимых переменных выступали показатели экономической и социальной эффективности: R_a , T_{mn} , T_{zn} , $T_{чр}$, а независимых – показатели уровня и степени родственности диверсификации деятельности исследуемых предприятий: D^{zop} , D^{cb} , D^{sep} , D^{pod} , позволил построить следующие модели (6)–(8):

$$R_{at} = 0,521 - 0,353 D_{t-1}^{sep} - 0,364 D_{t-1}^{pod}, R^2=0,4168 \quad (6)$$

(–3,72) (–2,87)

$$T_{mnt} = 0,687 D_{t-1}^{cb-0,051} \cdot D_{t-1}^{pod-0,789}, R^2=0,2039 \quad (7)$$

(–2,39) (–2,62)

$$T_{чрт} = 0,774 D_{t-1}^{cb-0,028} \cdot D_{t-1}^{pod-0,343} \cdot e^{0,022 d_t}, R^2=0,4124 \quad (8)$$

(–3,91) (–4,29) (1,99)

где t – индекс периода, за который брались значения переменных (в скобках даны значения t -статистики для независимых переменных);

d_t – дамми-переменная, характеризующая влияние экономической конъюнктуры на темпы роста численности персонала ($d_t=0$ в период спада и 1 – в период подъёма).

Регрессионные модели (6)–(8) являются статистически значимыми, что подтверждается значениями $t_{набл} > t_{кр}$ при коэффициентах регрессии и показателями их значимости, значениями коэффициентов инфляции для независимых переменных $VIF < 5$, результатами тестов на выполнение условий Гаусса-Маркова: Вальда – на одновременное равенство коэффициентов модели нулю при $\alpha = 0,05$, Бера-Жарка – на нормальность распределения остатков, Броча-Годфри – на автокорреляцию остатков, Уайта – на гетероскедастичность.

Анализ построенных нами регрессионных моделей (6)–(8) позволяет сделать следующие выводы:

–показатели диверсификации являются значимыми факторами уровня рентабельности активов (по прибыли от реализации продукции), темпа роста объёмов производства товарной продукции в сопоставимых ценах, темпа роста численности персонала исследуемых предприятий. Статистически значимая связь между темпом роста реальной заработной платы работников исследуемых предприятий и показателями диверсификации их деятельности не установлена;

–влияние изменения значимых факторов диверсификации деятельности исследуемых предприятий на показатели эффективности их функционирования имеет временной лаг 1 год;

–значимыми факторами, связанными линейной зависимостью (6) с величиной рентабельности активов исследуемых предприятий, являются уровень вертикальной диверсификации и степень родственности видов экономической деятельности. Рост уровня вертикальной диверсификации на 1 ед. и снижение степени родственности осуществляемых видов экономической деятельности на 1 ед. вызывает снижение величины рентабельности активов на 0,35 и 0,36 п.п. соответственно;

–значимыми факторами, связанными степенной зависимостью (7) с величиной темпов роста объёма производства товарной продукции в сопоставимых ценах исследуемых предприятий, являются уровень диверсификации рынков сбыта и степень родственности видов экономической деятельности. Рост уровня диверсификации рынков сбыта на 1 п.п. и снижение степени родственности осуществляемых видов экономической деятельности на 1 п.п. вызывает снижение темпов роста объёма производства товарной продукции в сопоставимых ценах на 0,05 и 0,79 п.п. соответственно;

–значимыми факторами, связанными степенной зависимостью (8) с величиной темпов роста численности персонала исследуемых предприятий, являются уровень диверсификации рынков сбыта и степень родственности видов экономической деятельности, а также дамми-переменная d_t , которая характеризует влияние экономической конъюнктуры на темпы роста численности персонала. Рост уровня диверсификации рынков сбыта на 1 п.п. и снижение степени родственности осуществляемых видов экономической деятельности на 1 п.п. вызывает снижение темпов роста численности персонала на 0,03 и 0,34 п.п. соответственно. В пе-

риод благоприятной экономической конъюнктуры влияние переменной $d\chi$ дополнительно добавляет 0,02 п.п. к темпу роста численности персонала исследуемых предприятий.

Выводы и рекомендации. Проведённое нами исследование позволяет сделать следующие выводы в отношении сформулированных выше гипотез исследования:

1. Гипотеза о значимости уровня и степени родственности диверсификации деятельности как факторов эффективности функционирования исследуемых предприятий машиностроения подтвердилась. Однако при управлении эффективностью деятельности машиностроительных предприятий необходимо учитывать, что изменение уровня диверсификации реализуется в изменении эффективности деятельности с временным лагом 1 год.

2. Повышение степени родственности осуществляемых видов экономической деятельности положительно влияет на эффективность функционирования исследуемых предприятий машиностроения. Это означает, что при прочих равных условиях стратегия родственной диверсификации является для машиностроительных предприятий более эффективной, чем стратегия неродственной диверсификации.

3. Гипотеза о положительном влиянии роста горизонтальной и вертикальной диверсификации, а также диверсификации географических (в разрезе стран) рынков сбыта на эффективность функционирования машиностроительных предприятий должна быть отвергнута. Установлено, что для исследуемых предприятий машиностроительной отрасли рост как горизонтальной и вертикальной диверсификации, так и диверсификации рынков сбыта приводит к снижению экономической и социальной эффективности их функционирования. Иными словами, в условиях действующего в Беларуси механизма хозяйствования, существующих условиях конкуренции на рынках сбыта продукции машиностроительных предприятий и при прочих равных условиях в машиностроении более эффективными являются специализированные предприятия. Причинами этого, по нашему мнению, могут выступать:

– сложность одновременного увеличения уровня горизонтальной диверсификации и степени родственности видов деятельности вследствие недостатка капитала – большой уровень масштаба и высокая капиталоемкость машиностроительного производства не позволяют одновременно эффективно осуществлять несколько родственных видов экономической деятельности;

– необходимость выполнения возложенных на предприятия социальных функций, обуславливающих осуществление видов деятельности, неродственно связанных с видами производственной специализации. Особенно это касается крупных градообразующих предприятий;

– как следствие увеличение горизонтальной диверсификации, часто сопровождающееся снижением степени родственности видов деятельности (справедливо, например, для ПЧУП «Випра», СОАО «Гомелькабель», РУП «ГЗЛиН») – диверсификация исследуемых предприятий в большинстве случаев в некапиталоемкие виды деятельности, являющиеся неродственными по отношению к осуществляемым;

– увеличение диверсификации рынков сбыта, не сопровождающееся ростом потенциала прибыльности (для исследуемой совокупности $r_{D^{сб}R_a} = 0,159$ при $t=1,05$) из-за неблагоприятной конфигурации конкурентных сил – большое число географических рынков сбыта (в разрезе стран) обуславливает небольшие доли на них и часто неблагоприятное позиционирование в конкуренции, что приводит к низкой конкурентоспособности из-за невозможности использования рыночной власти и получения других конкурентных преимуществ;

– увеличение вертикальной диверсификации, сопровождающееся снижением эффективности использования производственных ресурсов и прибыльности функционирования (для исследуемой совокупности $r_{D^{ср}R_a} = -0,455$ при $t=3,35$) – отсутствие устойчивой связи между уровнем оплаты труда и его производительностью приводит к несоответствию между ними, что повышает уровень добавленной стоимости за счёт расходов на оплату труда, но снижает прибыльность деятельности и т.д.

Исходя из сказанного, необходимо заключить, что диверсификация не является универсальным для предприятий любых отраслей промышленности способом повышения эф-

фективности деятельности и объёма сбыта продукции (услуг). Реализацию любого управленческого решения относительно увеличения уровня диверсификации деятельности, особенно в направлении неродственных её видов, следует осуществлять очень осторожно, в обязательном порядке учитывая специфику функционирования предприятия, степень родственности его основных видов экономической деятельности, сложившуюся структуру конкуренции на рынках сбыта готовой продукции и услуг. Иначе вместо ожидаемого роста объёма и эффективности деятельности предприятие может столкнуться с экономическими проблемами, вплоть до существенного ухудшения его финансового состояния.

Abstract. In article the technique of an estimation of level and degree of likeness of a diversification of activity of the industrial enterprises, and also results of its approbation on an example of 9 enterprises of mechanical engineering of Gomel is presented. It is established that growth of level horizontal, vertical and diversifications of commodity markets makes negative impact on social and economic efficiency of the investigated enterprises. The conclusion that conditions of the mechanism of the managing operating in Belarus, existing conditions of a competition on commodity markets of production of the machine-building enterprises and with other things being equal in mechanical engineering more effective are the specialized enterprises is drawn.

Литература

1. Акулич, М. Анализ страновой диверсификации /концентрации деятельности белорусских предприятий / М. Акулич // Маркетинг, реклама и сбыт. – 2002. – №8. – С.83-85.
2. Акылбай, М.С. Формирование и развитие диверсифицированных корпоративных объединений в экономике Казахстана : автореф. ... дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / М.С. Акылбай; Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова. – Караганда, 2009. – 27 с.
3. Андрианов, А.С. Диверсификация экономических отношений хозяйствующих субъектов в конкурентной среде : автореф. ... дис. канд. экон. наук: 08.00.01 / А.С. Андрианов; Казанский государственный технический университет имени А.Н. Туполева. – Казань, 2006. – 21 с.
4. Болочук, Б.В. Экономическая сущность диверсификации деятельности организации / Б.В. Болочук, Н.П. Драгун // Потребительская кооперация. – 2009. – №4. – С. 91-96.
5. Боровко, М.В. Методика оценки диверсификации экспорта товаров Беларуси в Европейский Союз / М.В. Боровко // Экономический бюллетень. – 2009. – №3. – С. 56-67.
6. Бортников, Ю.А. Диверсификация как фактор развития экономики региона-донора : автореф. ... дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / Ю.А. Бортников; Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. – Тамбов, 2007. – 25 с.
7. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2007-2010 годы / Совет Министров Республики Беларусь // <http://www.government.by> [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.government.by/public/shared/rus/innovations_p/index.html. – Дата доступа: 27.12.2009.
8. Гребенькова, О.А. Диверсификация в агропромышленных формированиях : автореф. ... дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / О.А. Гребенькова; ГНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт экономики, труда и управления в сельском хозяйстве РАСХН». – М., 2007. – 22 с.
9. Евглевская, Т.А. Специализация, интеграция и диверсификация в АПК : (теория и практика) : автореф. ... дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / Т.А. Евглевская; АПК ФГОУ ВПО «Воронежский государственный аграрный университет имени К.Д. Глинки». – Воронеж, 2007. – 23 с.
10. Мирюков, А.В. Отраслевая интеграция и внутрифирменная диверсификация предприятий черной металлургии России : автореф. ... дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / А.В. Мирюков; Российский государственный гуманитарный университет. – М., 2006. – 29 с.
11. Общегосударственный классификатор видов экономической деятельности (ОКЭД) с изменениями №№1,2) / Национальный статистический комитет Республики Беларусь //

www.belstat.gov.by [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/klassifikator/005-2006.zip> ОКЭД. – Дата доступа: 1.11.2009.

12. Основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006-2010 годы / Совет Министров Республики Беларусь // <http://www.government.by> [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.government.by/ru/rus_gdoc_prog20062010.html. – Дата доступа: 27.12.2009.

13. Сальников, В. Диверсификация и промышленная экспансия промышленных компаний как фактор экономического роста в долгосрочной перспективе / В. Сальников // www.forecast.ru [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/EcoSchool042008/vs042008.pps. – Дата доступа: 4.11.2009.

14. Gort, M. Diversification and Integration in American Industry / M. Gort // Open Library [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://openlibrary.org/b/OL20905460M/Diversification_and_integration_in_American_industry. – Дата доступа: 4.11.2009.

15. Jacquemin, A.P. Entropy measure of diversification and corporate growth / A.P. Jacquemin, Ch.H. Berry // CiteULike [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.citeulike.org/user/matthijs/article/3339426>. – Дата доступа: 4.11.2009.

Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого

Поступило 15.02.10

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.54(045)

Этимологические версии в призме этнолингвистической аттракции

Н. П. АНТРОПОВ

Как свидетельствует этимологическая практика, без учета “культурного контекста” определение того или иного конкретного решения – особенно в части его полноты – в рамках выдвинутых версий в ряде случаев оказывается затруднительным. Это касается лексем, происхождение которых часто квалифицируется как «народная этимология». Н.И. и С.М. Толстые, подробно проанализировавшие в свое время большой славянский материал этнокультурного характера, который маркирован очевидными признаками народноэтимологического притяжения, констатировали: «Народная этимология, имеющая весьма ограниченное распространение в языке как таковом, приобретает функцию одного из наиболее продуктивных приемов организации мифопоэтического и ритуально-магического текста и превращается в особый вид магии... Благодаря этимологической магии язык оказывается неразрывно связанным с другими компонентами архаических типов культуры и мифопоэтического сознания» [12, с. 240]. При этом, по их мнению, «этимологическая магия принципиально допускает множественность этимологических толкований и семантических притяжений слова не только в разных языковых системах (диалектах), но и в пределах одной системы (культурного диалекта) в разных этнолингвистических контекстах» [12, с. 237]. Разумеется, это в первую очередь касается лексем с семантически разветвленными корнями (или потенциально допускающими такую дифференцированность) – типа рассмотренного в цитируемой статье корня *благ-* при таких его реализациях как болг. и макед. *благ* ‘сладкий’, ‘кроткий, мягкий’, ‘скромный’, а также сербск. *благо* ‘деньги, имущество’, ‘скот’ и др.

Представляется, что к этому же кругу могут быть отнесены многие славянские названия радуги, исключительно насыщенные в традиционных культурах мифологическим (мифопоэтическим) содержанием. К подобным номинациям с потенцией этимологического варьирования относятся, например, широко распространенное бел. *вясёлка* или воложинский уникализм *багатка* – обе с адъективной апелляцией (*вясёлы*, *багаты*) и соответствующим этнокультурным фоном. Однако столь очевидные связи отнюдь не покрывают в себе потенциальные семантические зоны этих лексем, поэтому вполне жизнеспособны (более того – скорее всего, как раз первичны) и иные этимологические толкования: возведение первого наименования к древнеславянской исходной основе ⁺*vez-slo*/**vęz-slo* ‘1. то, что связано, связывает; чем связывается; 2. коромысло’ [8, с. 298; 7, с. 181; 13, 32, с. 157] и соотнесение второго с названиями огня, восходящими к праславянскому корню **bagat-*, которое реализуется в **bagatje* ‘огонь’ [13, 1, с. 124], **bagaty* ‘то, что горит, тлеет; жар, огонь’ [17, 1, с. 176–177, 179–180]¹.

Как представляется, такого же рода и наиболее распространенное восточнославянское наименование семицветной небесной полосы, т.е. собственно *радуга*. Действительно, возможность его неоднозначного объяснения в связи с возможностью различного структурирования слова (*ра-дуга* // *рад-уга*) является здесь предпосылкой для действия этнолингвистической/этимологической аттракции. Предложенные (начиная с Ф. Миклошича) версии проис-

¹ Подробнее о последнем см. [2].

хождения этого наименования можно свести фактически к двум равнозначным: восточнославянское новообразование (согласно белорусскому этимологическому словарю «усходнеславянскі лакальны тэрмін») является а) суффиксальным производным с суффиксом *-oga* от прасл. адъективного корня **rad-* ‘радостный; веселый’; б) продолжением прасл. корня **doga* (= *дуга*). В последнем случае, естественно, нуждается в объяснении начальное *pa-*, в котором видели усеченные *pa(d)-*, *pa(ŭ)-* (ср. рус. диал. и укр. *райдуга*), лит. *óras* ‘воздух, небо’, наконец, экспрессивный элемент типа *ga(ŭ)-*, *жа(ŭ)-* и т.д. [10, с. 190–191; 7, с. 181–182; 13, 32, 157–158]. Причем и первая, и вторая версии столь же равнозначно могут быть вторичными как по отношению друг к другу, так и по отношению к возможным иным, т.е. собственно народноэтимологическими. Естественно, в традиционных культурах восточных славян реализуются обе аттракционные возможности.

Что касается связи с прасл. **doga*, то семантическая двусмысленность лексемы *радуга* снимается, по нашему мнению, прежде всего за счет редупликации второго элемента (ср. известные наименования типа рус. диал. *ра́дуга-дуга́*, *дуга́-ра́дуга*, а также уже однословное *дугора́дуга* и его усеченную форму *дугора́* [5, с. 95]) или же соединения/слития с названиями *дуга́*, спорадически фиксируемыми в говорах восточнославянских языков и восходящими к указанной праславянской форме с «поглощением» ими семантически неопределенного начального *pa-*. Семантическая зависимость *радуги* от *дуги* как форме мотивированной и более «старшей» (в этимологическом смысле) представляется очевидной. Соответствующие – и многочисленные – континуанты прасл. **doga* хорошо известны в славянских языках, что, конечно, не удивляет, поскольку, например, ономазиологический анализ названий радуги во всех языках Европы и их картографирование в «Лингвистическом атласе Европы» свидетельствуют, что мотивация ‘дуги’ (реализующаяся через широкий ряд денотатов) занимает бо́льшую часть европейской языковой территории [1, с. 104–108].

«Радостные» мотивы, связанные с *радугой*, известны всем восточнославянским этнокультурам и распространены исключительно широко. Редко, но все же фиксируются формулы с глагольным повтором типа *радуга раду́ет(ся)*, ср. записи из Полесского архива Института славяноведения РАН: «*Мы ка́жэм, ра́ду́ха ра́дуеца – и со́нцэ и до́ж*» (Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл.); «*Ра́дуга – людэ ра́дуеца: пато́па нэ бу́дэ*» (Сварынь Дрогичинского р-на Брестской обл.). Отмечены и коннотации такого же рода, но уже с прилагательным *весёлый*, с которым в народном сознании устойчиво связываются наименования радуги с корнем *весел-*: «[Можно ли пройти под радугой?] *Мо́жна. Вес’о́лым бу́де* [тот, кто пройдет]» или *Веселу́ха ста́ла, бу́де да́жш. Вро́де кра́сная вес’о́лая, галуба́я, зел’о́ная...*» (Малые Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.). Позитивное по преимуществу восприятие радуги – особенно в обыденном сознании – даже вне контекста версий, выдвинутых в научной этимологии позволяет предположить для восточнославянского *радуга* наличие безусловной и первичной связи с адъективным корнем **rad-*. Это, в свою очередь, дает основания для следующих равновероятных выводов:

1) Первотолчком для народноэтимологического переосмысления восточнославянского новообразования *радуга* явилось ослабление в ряде говоров взрывного в суффиксе, приведшее вначале к его «фрикативизации» и появлению форм *ра́дууа*, а затем к натуральному переходу *у → х*, что привело к возможности нового структурирования появившейся лексемы *ра́ду́ха* с выделением в ней суффикса *-ух-*, наличие которого в новой форме однозначно перевело лексему в мотивированную и послужило базой для создания новых суффиксальных отадъективных номинаций типа белорусских и полесских *ра́даўка*, *ра́довіца*, *ра́давіца*, *ра́даўніца*, рус. диал. *ра́дух*, *ра́душка*, укр. диал. *ра́дусник* и мн.др., которые, по мнению Н.И. Толстого, «свидетельствует о том, что от корня ⁺*rad-* создавались названия радуги непосредственно без сочетания с другим корнем (**doga* и под.)» [11, с. 176]. Представляется, что отдаленным, хотя на первый взгляд и парадоксальным, следствием новой (возникшей) суффиксации могла стать также полная редукция суффикса *-ух-* и возникновения форм без него, т.е. семантически максимальных по выражению радости *ра́да*, которые редко, но все-таки фик-

сируются в говорах всех восточнославянских языков, причем «в русских говорах оно отмечается на той же территории, где и сложные названия *рада-дуга*, *дуга-рада*» [5, с. 96], что, как представляется, может быть свидетельством вторичной мотивировки наименования²;

2) первичной была мотивированная адъективным корнем **rad-* форма *ра́дуга*, фактически сразу после своего появления подвергшаяся мощному влиянию уже имевшихся в восточнославянских говорах лексем, продолжающих прасл. **doga*, что привело и к возникновению новой мотивировки («дуговой»), и к размытию старой («радостной»), а последнее не могло не отразиться на появлении целых цепочек многочисленных производных.

Производными от **rad-* Н.И. Толстой считает также формы с иными суффиксами, в частности, содержащими *i*, а именно зафиксированное в Западном Полесье (район Выгоновского озера в Брестской обл.) *ра́дiха* [3]³. Однако как раз суффиксальное оформление лексемы *ра́дiха* может, как представляется, служить основанием возведения ее к глаголу *радзіць* (< прасл. **rod-*). К нему же кажется возможным отнести и зафиксированное сравнительно недалеко от первого наименования (именно в Хатыничах Ганцевичского р-на) упомянутое *пара́дуга*: «*ра́дуга i пара́дуга*» в ответе информанта на вопрос о названиях радуги. Безусловно, их связь с **rod-* не так очевидна и этимологически гипотетична (в частности, *пара́дуга* может быть, естественно, связана с глаголом *пара́давацца* как *ра́дуга* с *ра́давацца*), однако вполне возможный акцентологический сдвиг под влиянием известных там же наименований с ударным *a*, т.е. *ра́дуга* и под. (ср. приведенную выше пару *ра́дуга* – *пара́дуга*) делает ее не невероятной. Подобный ход рассуждений позволяет восстановить исходные **rad(з)íxa* и **параду́ха*, что, в свою очередь, дает возможность выявить в рассмотренных названиях совершенно реальное (и совершенно обычное в славянских традиционных культурах) значение «порождения» радугой дождя, а с учетом географической близости двух западнополесских населенных пунктов отграничить соответствующий микроареал.

Фонетически близкие наименования радуги *rodica* и его деминутив *rodičica* зафиксированы в середине XIX в. в кайковском говоре окрестностей хорватского города Вараждина. Согласно исчерпывающей рецепции хорватско-сербского академического словаря их записал словенский поэт и ученый-краевед Матия Валявец (Крачманов) в ряду иных (*puga*, *dugača*, *doga*, *božji pas*, *majke božje pas*, *božji put*, *zlatni mostek*), известны же они с первой трети XVIII в. [15, с. 92]. П. Скок в своем этимологическом словаре пишет о них: «То značenje ('радуга'. – Н.А.) nastalo je zbog toga što se zove i *Majke božje pas* = *bogorodica*» [16, с. 152], – т.е. предполагает усечение последнего наименования. Эта идея – «остроумная» по мысли Н.И. Толстого – им же поддержана и продолжена: «Слово *ródica* 'радуга' следует воспринимать, вероятно, как свернутый фразеологизм **pâs Bogorodice* или *pâs od Bogorodice* и т.п.» [11, с. 185]. Учитывая типологическую составляющую, а именно то, что многие («в большинстве случаев» согласно М. Алинеи) названия радуги являются по происхождению композитами [1, с. 105–106], подобное этимологическое решение следует признать вполне реальным.

Иную версию выдвигает М. Фурлан в словенском этимологическом словаре, предполагая на основании хорв. диал. *rodica* 'радуга' (и только его) реальность (однако корректно: «pro vsej verjetnosti») диалектного *o*-коррелята к прасл. **rǣdъ* 'vesel', т.е. **rodъ* [14, с. 143], что не может не вызвать оправданных сомнений из-за единичности континуанта праславянской формы.

Поэтому не только не менее вероятным, но и вполне логичным и с формальной, и с семантической сторон представляется также соотнесение хорватских наименований с основными значениями отглагольного имени *rōdica*, восходящими в конечном итоге к глагольно-

² Иначе Н.И. Толстой: «Более достоверно можно предположить, что форма *ра́дуга* возникла из сочетания типа **дугá, ра́да дугá...*, которое в скороговорке или в результате гаплоггии дало *дугá-ра́дуга* и позже просто *ра́дуга*» [11, с. 198].

³ В статье Н.И. Толстого *рад'íха* [11, с. 177] – в соответствии с опечаткой в материалах «Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы»; к сожалению, неточно и также вслед за атласом *параду́ха* вместо правильного (архивная запись) *пара́дуга*.

му корню **rod-*. Если принять такое толкование, то сопоставление восстановленных выше западнополесских **pad(з)ixa* и **paraduxa* с хорватскими *ródica* и *ródica* позволяет видеть здесь уникальную белорусско(западнополесско)-хорватскую изолексу типологического характера с аналогичным аттракционным развитием.

Еще более продвинутое действие этнолингвистического притяжения обнаруживается в белгородском (Русская Березовка Ракитянского р-на) *крадúха* ‘радуга’ [9], в котором лежащая на поверхности отглагольная производность (< *красть*) вполне может быть аттракционно сопряжена с наименованиями радуги: *крадúха* < *крадúха* < *радúха* (< *радúга*). Совершенно логично, что полевые записи о том, что радуга крадет, ворует людей, особенно детей (в том числе из материнской утробы), отнимает у человека душу, силу и здоровье, девичью красоту, способности (например, голос при пении, умение заговаривать, причитать и т.п.), обнаруживаются также в южнорусских этнокультурных зонах, в частности на Владимирщине и Ярославщине, ср. некоторые нарративы: «Нас радугой пугали. Бабушка говорила: “Не ходи на улицу – радуга украдет”. Мы боялись – вдруг украдет»; «Ой, радуга парней ворует, она молодых парней любит...»; «Радуга – это сейчас стали говорить, а так все *ведьмин пояс*. Ведьма пояс на небе сушит. Она воду ворует с земли-то и вот когда набирает, пояс мокнет, она его на небе и сушит...» [6]. «Крадущая» радуга является, конечно, частным случаем (семантическим сужением) многочисленных и распространенных исключительно широко в этнокультурах человечества представлений о том, что радуга «тянет»: прежде всего, конечно, воду, далее то, что находится в воде, т.е. рыбу, насекомых и под., наконец, даже человека, с чем связано множество поверий о запрете выходить на улицу (в особенности детям), когда на небе радуга⁴.

Кратко рассмотренные выше три сегмента очень небольшого участка восточнославянских наименований радуги с корнями *pad-*, *rod-* и *krad-* со всей очевидностью подтверждают возможность отнюдь не обязательно однозначных этимологических решений, если речь идет о лексических элементах базовых терминологических полей традиционной народной культуры. Более того, народная этимология в этнолингвистическом преломлении лишается сомнительного синонима «ложная» и оказывается просто этимологией.

Abstract. The paper analyses East Slavonic names for rainbow with the roots *pad-*, *rod-* and *krad-* which have no monosemantic etymological solution.

Литература

1. Алинеи, М. О названиях радуги в Европе (карта 17 Лингвистического атласа Европы / М. Алинеи // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. – М.: Наука, 1988. – С. 104–117.
2. Антропаў, М.П. *Багатка* ‘вясёлка’ і *багач* ‘агонь’ (яшчэ пра этымалагічную “празрыстасць”) / М.П. Антропаў // Беларуская лінгвістыка, вып. 63. – Мінск: Беларуская навука, 2009. – С. 113–117.
3. Архив “Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы” (Институт языка и литературы НАН Беларуси).
4. Белова, О.В. Радуга / О.В. Белова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4 (Переправа через воду – Сирота). – М.: Международные отношения, 2008. – С. 386–389.
5. Букринская, И.А. Карта 13. Названия радуги / И.А. Букринская, О.Е. Кармакова // Восточнославянские изоглоссы. 1995. – М.: Наука, 1995. – С. 93–100.
6. Добровольская В.Е. *Богородицино коромысло, божий мост, ангелова дуга, николин подарочек* или *чертово коромысло, ведьмин пояс, градовая дуга, русалий подарочек*: к вопросу об амбивалентной природе радуги в Центральной России (в печати). Благодарю автора за любезное разрешение ознакомиться со статьей в рукописи.

⁴ Славянский материал такого рода подробно описан в [4, с. 386–387].

7. Журавлев, А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / А.Ф. Журавлев. – М.: Индрик, 2005. – 1004 с.
8. Крывіцкі, А. Беларускае вясёлка і македонскае појас: родныя ці сваякі? / А. Крывіцкі // Македонски јазик. Година XL–XLI: 1989–1990. – Скопје, 1995. – С. 291–300.
9. Материалы Архива «Общеславянского лингвистического атласа» Российской национальной комиссии ОЛА.
10. Новое в русской этимологии. 1. – М., 2003. – 280 с.
11. Толстой, Н.И. Из географии славянских слов. 8. ‘Радуга’ / Н.И. Толстой // Толстой Н.И. Избранные труды, том I. Славянская лексикология и семасиология. – М.: «Языки русской культуры», – 1997. – С. 168–216 (первая публикация в 1976 г.).
12. Толстой, Н.И., Народная этимология и структура славянского ритуального текста / Н.И. Толстой, С.М. Толстая // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов: Сб. докладов / Отд-ние литературы и языка АН СССР; Советский комитет славистов; отв. ред. Н.И. Толстой. – М.: Наука, 1988. – С. 250–264. Сравнительно недавно С.М. Толстая несколько дополнила и переработала указанную статью (и ссылки даются именно на последнюю публикацию), см.: Толстая, С.М. Народная этимология и этимологическая магия / С.М. Толстая // Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М.: Индрик, 2008. – С. 226–240.
13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1. – М.: Наука, 1974. – 214 с.; Вып. 32. – М.: Наука, 2005. – 261 с.
14. Bezlaj, F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. III. / F. Bezlaj. – Ljubana, 1995. – 355 s.
15. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. XIV. – Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1955. – 960 s.
16. Skok, P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, knj. III. / Skok P. – Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1973. – 691 s.
17. Słownik prasłowiański. T. I. – Wrocław etc., 1974. – 487 s.

И.-е. **lei-* ‘лить, течь, капать’ в славянской гидронимии

Т. Н. БОГОЕДОВА

Одним из словообразовательно-этимологических гнезд, интересных в плане репрезентации гидронимического материала, является гнездо с корнем **lei-*, семантика которого определена Ю. Покорным как ‘лить, течь, капать’ (Pokorný I, 664). В славянских языках это гнездо возглавлялось каузативным глаголом **liti*, **lǫQ*, первоначальным значением которого, по мнению авторов ЭССЯ, было ‘выливать, проливать, выпускать жидкость’ ← ‘заставлять течь’ (ЭССЯ XV, 159). Согласно заключению Ж.Ж. Варбот, у глагола **liti* ещё на праславянской почве развилось производное значение – ‘быстро двигаться, идти’ [2, с. 29–30]. Таким образом, закрепление в гидронимии единиц гнезда **lei-* является ожидаемым, подготовленным семантикой исходного корня событием.

В гидронимиконе славян зафиксировано корневое имя от глагола **liti* – **lojь*: *Loj* – п. п. Soie при Bovcu в Словении (Bezljaj I, 354). Надо сказать, что по поводу происхождения данного гидронима Ф. Безлай замечает буквально следующее: «Nie verjetno, da bi bilo ime slovansko...Skoraj gotovo je ime predslovansko» (Bezljaj I, 354). Однако славянский лексический материал вполне позволяет объяснить словенское название, возведя его к **Lojь* < **lojь* и включив в исследуемое гнездо. Словенский гидроним не изолирован в славянской ономастике. Для него обнаруживается ряд соответствий. Ср. *Лой* – ойконим в бывш. Весьегонском уезде Тверской губернии (Твер.81), русск. *Лой*, блр. *Лой*, серб., хорв. *Лфј*, ст.-польск. *Joј* – антропонимы (БА I, 256; РСХА XI, 547; Тупиков 286; SSNO III/II, 330) и др.

Базой для гидронима послужил соответствующий апеллятив. Известно, что континуанты праслав. **lojь* имеются во всех современных славянских языках, в том числе и в словенском. Ср. словен. *lfj* ‘воронка’, а также *lfj*, диал. *loj* ‘сало, жир’, ‘мазь из жира’ (См. ЭССЯ XV, 260–261). Девербатив **lojь* в свою очередь стал основой словообразовательного гнезда, единицы которого закрепились в гидронимической системе славян.

Прежде всего это гидронимы *Лойка* – речка в бывш. Тверской губернии (Твер. 70) и *Лойок* – речка на левобережье Днепра в Запорожской области (СГУ 324). В качестве параллелей для речных названий из других ономастических сфер можно привести антропонимы: русск. *Лойко* (Тупиков 286), блр. *Лойка* (Бірыла 256), польск. *Jojek, Jojko, Jojk* (SSNO III/II, 330). Данные имена собственные восходят к парадигматически параллельным праонимам **Lojьkъ* / **Lojьka* / **Lojьko*, возникшим на базе соответствующих апеллятивов. Ср. реконструированный авторами ЭССЯ апеллятив **lojьkъ* – уменьшительное от **lojь* (ЭССЯ XV, 262).

К группе названий, мотивированных деминутивами от **lojь*, на наш взгляд, можно присоединить и *Lojъak* – п. п. Soie под Kobaridom в Словении (Bezljaj I, 354) < *Loj-ильк-ъ*. Укажем, что, по мнению Ф. Безлая, это «ime je izvedeno iz nekega hipokoristika **Lojuchъ*, **Lojъъ* k antroponimu *Lojъ*» (Bezljaj I, 354).

Можно выделить группу дериватов от адъективных апеллятивов, мотивированных **lojь*. К их числу относятся названия: *Лójjана* – гидроним (название части озёра) в Волкодери в Македонии (Пжанка 397), в числе параллелей для которого можно назвать *Lojan, Lojanice* – топонимы в Сербии, *Lojanica* – сербский антропоним (RJA VI, 137). Данные имена собственные образованы путём субстантивации прилагательного **lojъnъ(jъ)* (реконструкцию прилагательного см. ЭССЯ XV, 258); *Лойна* – приток Вабича на левобережье Друти, правого притока Днепра (МаштДн 38), *Лойня* – п. п. Царевича на правобережье Вопи (МаштДн 23) – результат субстантивации (во втором случае с помощью суффикса -j) прилагательного **lojъnъ(jъ)* (реконструкцию прилагательного см. ЭССЯ XV, 262); *Лойовѣць* – название л. п.

Прута на левом берегу Дуная (СГУ 324) – результат субстантивации с помощью форманта *-сь* адъектива **lojevъ(jь)* (реконструкцию адъектива см. ЭССЯ ХУ, 256). Факты закрепления данного адъектива в ономастике славян многочисленны. Ср. русск. *Лоев* – фамилия (Веселовский 183), блр. *Лоеў* – название районного центра в Гомельской области (РапГом 100), польск. *Kanał Jojewski* и *Jojewskie Jezioro* – наименования водных объектов в бассейне Noteci (НО 25, 192), чеш. *Lojovice* – название населённого пункта в Кралоугоградском крае (AtlasIesk 46D), серб., хорв. *Лфјовић*, *Лујовић* – фамилия (РСА XI, 550) и др.

В названии *Potoczek przeciw Lojska* – приток Jomnej в бассейне Olzy в гидросистеме Одры (НО 25) отражен адъектив **lojъskъ(jь)*.

Группу названий от субстантивных апеллятивов составляют: *Лойница* – л. п. Мереи, левого притока Днепра (МаштДн 33), *Лóјница* – микротопоним (место на краю озера) в Дреново в Македонии (Пјанка 397), *Lojnica* – топонимы в Сербии, Хорватии (Bezlaј I, 354) – названия, возникшие на базе апеллятива **lojъnica* (реконструкцию апеллятива см. ЭССЯ ХУ, 262). В ономастике закреплено также парадигматически параллельное для *Лойница* название *Лойник* – местное имя в Болгарии (Миков 160), в основу которого положен апеллятив **lojъnikъ* (реконструкцию апеллятива см. ЭССЯ XV, 262); *Лоинка* – л. п. Поляши на правом берегу Вопи, правого притока Днепра (МаштДн 19) – возникло на базе апеллятива **lojina* (реконструкцию апеллятива см. ЭССЯ XV, 258), среди продолжений которого имеются гидротермины. Ср. русск. диал. *лоина* ‘лог, долина или овраг с ровным дном; травяная балка’ (Даль II, 264).

Закрепление в гидронимике славян корневых имён от префигированных глаголов, производных от **liti*, отражено в следующих названиях: *Полой*, *Полой Речки* – гидронимы в бассейне Оки (Смолицкая 143, 156), *Полойник* – л. п. Ложки на левобережье Осьмы, левого притока Днепра (МаштДн 10), *Polojes* – л. п. реки Kutina в бассейне Савы в Сербии (Dickemann II, 74), в основу которых положены географические термины **polojъ*, **polojъnikъ*, **polojъсь*. Ср. русск. *полой* ‘заливное, поемное место; берег луга; пойма, разлив’, диал. арх. ‘прорва; новое русло или канал, сам собой образующийся между двумя реками; речной пролив между двумя мелями; глубокая ложбина, где в половодье застаивается вода; тихая и почти стоячая вода вне реки’, волжск. ‘низменные луговые берега реки, которые весной заливаются водой’, вологод. ‘речной залив’, пермск. ‘круговой рукав реки, протока’, псков. ‘болотистое место, покрытое лесом’, терск. *полойные воды* ‘воды, образующиеся в половодье’ (Даль III, 263; Маштаков 86, 91), русск. диал. *палой* ‘залив’ (Маштаков 76), укр. *полий* ‘вода, выступившая поверх льда’, укр. диал. *полий*, *полуй* ‘то же’, *полой* ‘вода под снегом; поток, течение воды; низменное место, дно высохшего озера; мелководье’ (ЕСУМ IV, 491), серб., хорв. *pml̂fj*, *pml̂jас* ‘низина, где задерживается вода’ (Skok II, 310) и др. Следует также отметить факт закрепления названных апеллятивов в других сферах славянской ономастики. Ср. местные названия в Сербии, Хорватии *Poloj*, *Poloje*, *Polojce* (Skok II, 310) и др. Апеллятив **polojъ* является производным от глагола **politi*. В качестве одноструктурных для *полой* образований Н.И. Толстой приводит *поток*, *порой*, *поник*, *попор* [5, с. 196].

Разлой – название урочища в Брагинском районе Беларуси (БМ XV, 134) – результат онимизации гидротермина **orzlojъ*, производного от **orzliti*. В качестве примера закрепления продолжений праслав. **orzlojъ* в гидротерминологии приведём др.-русс. *разлон* ‘долина’ (Срезневский III/I, 44).

Siója (вариант *Siójka*) – название притока Supraślі в бассейне Вислы (HW 419) – возникло на базе апеллятива **sъlojъ* / **sъloja*, производного от глагола **sъ(n)liti*. Относительно реконструкции апеллятива см. русск. *слой* (Даль IV, 223), укр. *слий*, болг. *слой* ‘корка льда’, словен. *slmj* ‘грязная лужа’, словац. *sloj*, польск. *siuj* и др. (Фасмер III, 674).

Сулое – гидроним в бассейне Оки (Смолицкая 119) – следует соотнести с апеллятивом **sQlojъ* / **sQloje*. Ср. русск. диал. *сулой* (Даль IV, 359), имеющее, по замечанию С. Б. Бернштейна, много значений, в том числе употребляющееся и в качестве морского термина со значением ‘особый тип волнения в море, при котором образуются водовороты’ [1, с. 284]. В деривационном отношении **sQlojъ* / **sQloje* – производное от **sъ(n)liti*.

На наш взгляд, к данной группе гидронимов можно присоединить и *Влоя* – название притока Волхова в бывш. Санкт-Петербургском уезде (Vasmer II, 329), которое может быть мотивировано **въллой* / **въллоя* < **vъliti*.

Отметим, что единицам исследуемого типа свойствен парадигматический параллелизм. Ряд корневых имён, мотивированных глаголами-префиксальными производными от **liti*, может быть дополнен с привлечением апеллятивной лексики, в частности гидротерминов: русск. диал. *облой* ‘обливное, заливное место; пойма, полый’, *облойник* ‘то же’ (Даль II, 596; Маштаков 69), блр. *аблой* ‘изморозь’ (Яшкін 6), укр. *облії* ‘проталина, снег, покрытый водой’ (Гринченко III, 15) < **ob(ъ)liti*; русск. диал. *налой* ‘вода поверх льда’ в орловских говорах, ‘ливень’ в новгородских говорах (Даль II, 435; Маштаков 66) < **naliti*; русск. диал. *залой* ‘полый, пойма, низменное место, затопляемое водой’ (Даль I, 597; СРНГ X, 218) < **zaliti*; русск. диал. арх. *пролой* (вар. *полой*) ‘прорва; новое русло или канал, сам собой образующийся между двумя реками; речной пролив между двумя мелями’, ‘пролив, идущий через мель или между островами’ (Маштаков 91, 94) < **proliti*.

Гидроним *Пролья* – речка в бассейне Оки (Смолицкая 172) – может быть объяснён как образование от презентной основы глагола *пролити*, *пролью*. Ср. также структурно аналогичный гидротермин русск. диал. *налья* (вариант *налье*) ‘лужа’, ‘подводная мель’, ‘полый’, ‘вода поверх льда’ (Даль II, 434; Маштаков 66) – производное от глагола *налить*, *налью*. *Лить* (*Литка*) – п. п. Горного Тикича на левобережье Синюхи в бассейне Южного Буга (МаштДБ 38) – гидроним, возникший на базе апеллятива **lity* (его реконструкцию см. в ЭССЯ XV, 160), существительного на *-i*-основу, соотносительного с инфинитивом **liti*. Гидронимизации апеллятива способствовало употребление его в качестве гидротермина. Ср. польск. *liż* ‘поток, течение, волна’ (SSS IV, 49).

В гидронимии славян закрепилось также производное корневое имя **livъ* / **liva* от итеративного глагола **livati*, реконструкция которого возможна на основе русск. *ливати* (Даль II, 256). В числе континуантов праслав. **livъ* / **liva* можно назвать русск. диал. *лива* ‘лужа’, ‘полый от дождя, разлива’ (Даль II, 251; Маштаков 57), серб., хорв. *liva* ‘юго-западный ветер’, чеш. *lvna* ‘юго-западный ветер, который приносит дождь’ (ЭССЯ XV, 160), серб., хорв. *лив* ‘течение’, словен. *lov* ‘течение, поток; воронка’ (ЭССЯ XV, 161). Гидронимизация апеллятива привела к появлению таких названий, как *Лива* (вариант *Ливы*) – речка, *Лива* (варианты *Ливо*, *Ливы*) – озеро в бывш. Витебской губернии (Vasmer III, 57), *Liw* – приток Буга на Висле (HW 405), *Liwa* – приток Wisioka, *Liwa* – приток Drwксу, *Liwa* (вариант *Liwna*) – приток Nogatu в бассейне Вислы (HW 259, 620, 789), *Neliwa* – озеро в бассейне Вислы (HW 632), в качестве архетипа для которых может быть восстановлено **Livъ* / **Liva*. Ю. Удольф отнёс польское *Liwa* к числу европейских гидронимических древностей [7, с. 145].

Словообразовательно связанными с **livъ* / **liva* оказываются следующие славянские гидронимы: *Ливка* – название реки в Болгарии, для которого Й. Заимов устанавливает связь с русск. *лива* ‘лужа’ [3, с. 147]. Точнее, *Ливка* представляет собой деминутив от **Livъ* / **Liva*. *Ливачевка* – п. п. Цыбульника, правого притока Днепра (МаштДн 64), – в основу которого, должно быть, положено имя деятеля **ливачь*. *Liwiес* – приток Буга (HW 405) – результат гидронимизации апеллятива **livъсь* (реконструкция в ЭССЯ XV, 161), представляющего собой производное с суффиксом *-ъсь* от **livъ*. *Ливна* – речка на левобережье Волости на Днестре (МаштДн 27), *Лесная Ливенка*, *Полевая Ливенка* – речки в бывш. Орловской губернии (Vasmer III, 58), *Liwna* – речка, впадающая в озеро Drwckіе, *Liwna* (вариант *Liwa*) – приток Nogatu (HW 610, 789), *Liwno* – озеро в бассейне Strugi в системе Вислы (HW 627), *Liwiеніес* (*Liwenіес*) – озеро в бассейне Liwu в системе Nogatu (HW 794) – возникли вследствие гидронимизации адъектива **livънь(ъ)*, среди продолжений которого серб., хорв. *ливній* ‘текущий’, русск. диал. *ливный*, *ливной* ‘проливной’; ср. здесь же производные субстантивированные формы: болг. диал. *ливня* ‘проливной дождь’, русск. *ливень*, *ливен* ‘сильный, проливной дождь’ и др. (ЭССЯ XV, 161). *Ливянка* (вар. *Ліванка*) – л. п. Волки в бассейне Нёмана (ВАН 222) – образование с формантом *-янка*. Учитывая наличие гидронимической пары *Лива* – *Ливянка*, здесь можно говорить об уменьшительном характере форманта.

Livina – название притока реки Bebrava в Словакии (AtlasSlov 39) – производное с формантом *-ina*. *Liwski Staw* в бассейне Drwkiego озера, *Liwski Rów* – приток Liwy в бассейне Nogatu (HW 610, 792) – составные гидронимы, первый компонент которых представляет собой адъектив с суффиксом *-sk-*.

Производные от префигированных итеративов также нашли отражение в славянской гидронимии: *Взливы* – гидроним в деревне Сухая в бывш. Донской губернии (Vasmer II, 308), в качестве апеллятивной основы для которого можно предложить лексему *взлив* ‘действие по глаголу *взливать*’ (Даль I, 198); *Залив* – гидрообъект в бассейн Оки (Смолицкая 123), *Залива* – речка в Полтавской области Украины, *Заливи* – ручей в селе Копылов Киевской области (СГУ 204), *Залиў Старык* – озеро на границе Мозырского и Наровлянского районов в Беларуси (БАБ 172), *Zalew Roñowski* – гидроним в бассейне Dunajca, *Zalew Ze-grzyñski* – гидроним в бассейне Bugu, *Zalewskie* – озеро в бассейне Drwксу в гидросистеме Вислы (HW 117, 549,622), *Zalew Dziwna*, *Zalew Kamieñski*, *Zalew Karpin* – гидрообъекты в бассейне Dziwnу в системе Одры, *Zalew Prosny* – гидрообъект в бассейне Prosny, *Zalew Warpieñski* – гидроним на Одре (НО 157, 254, 256) – континуанты прагидронима **Zalivъ* / **Zaliva*. Базой для онима **Zalivъ* / **Zaliva* послужил географический термин **zalivъ* / **zaliva*, к числу продолжений которого относятся *залива* ‘заполоски воды’ (Маштаков 31), *залив* ‘вода, давшаяся в землю; губа, заводь; течь’ (Даль I, 597), пермск. *залёв* ‘залив реки или озера’ (Маштаков 30), блр. *залиў* ‘местность возле реки, которая весной заливается водой’, ‘заливной луг’, ‘половодье после сильного дождя’, ‘глухой, непроточный рукав реки’ (БМ XV, 121; Яшкін 2005 290), польск. *zalew* ‘залив, бухта’ (SPR 755), чеш. *zbliv* (IRS 1152), серб., хорв. *залив* (Грујић–Шубин 463) и др. [О **Zaliva* / **Zalivъ* см. также 6, с.325]; *Розлив* (дважды) – гидроним в Ровенской области Украины, – продолжающий праслав. **Orzlivъ* (реконструкция В. П. Шульгача) [6, с. 194]. В основу положен гидротермин **orzlivъ*. Ср. русск. диал. волжск. *разлев*, *разлив* ‘высокий подъём воды в реке, когда река во время весенней прибыли выходит из берегов и затопляет все низменности и долины между кряжами на значительном во многих местах расстоянии, волог. *разлев*, *разлив* ‘плёсо реки, широкое колено’, ‘пойма реки’, ‘половодье’, вологод. ‘плёсо реки, широкое колено’, пермск. *разлёв* ‘разлив’, пск. *розлив* ‘вскрытие льда на озере’ (Даль IV, 33; Маштаков 95), блр. *разліў* ‘весенний паводок или паводок после дождя’, ‘полноводная река’, ‘место соединения двух рек’ (БМ XVI, 143; СБГ IV, 257; Яшкін2005 570) и др. *Пералёўка* – название речки в Ветковском районе Гомельской области Беларуси (БМ XVI, 141) – представляет собой производное с формантом *-ка* от соответствующего апеллятива. Ср. *перелив* ‘полой’ (Маштаков 78) и др. *Вялікая Сліва* (вар. *Сливка*) – л. п. Случи в бассейне Припяти (БАБ 115; МаштДн 144)), *Sliva* – л. п. Konjska гека в бассейне Вардара (Duridanov 276), *Сливка*, *Сливская* – гидронимы в бассейне Оки (Смолицкая 90, 157), *Сліўка* – л. п. Есмани на левом берегу Десны в бассейне Днестра (СГУ 509), *Сливківський* – п. п. Свиного на правом берегу Прута в бассейне Дуная (СГУ 509) – названия, восходящие к праслав. **Sъlivъ* / **Sъliva*. Сюда же *Vodslivy* – местное название в Чехии (AtlasIesk 47C; Profous IV, 594) – композит с интересующим нас элементом в качестве второго компонента. В основании гидронима лежит гидротермин **sъlivъ* / **sъliva*. Ср. русск. *слив* ‘слитие реки’, ‘вешняя пора убыли разлива’, ‘сток’ (Даль IV, 220), серб., хорв. *слив* ‘бассейн реки, место слияния’ (Грујић–Шубин 654), блр. *зліў* ‘место впадения одной реки в другую’ (Яшкін 674), *злівок* ‘гидротехническое приспособление для слива воды в озере’ (БМ XVI, 136) и др.

К вышеназванным гидронимам можно присоединить структурно усложнённое *Сливщица* – название реки в Болгарии, зафиксированное в Виргинской грамоте Константина Асеня. Такое название, по мнению В. Микова, должна была получить река, которая сливается с другой рекой. С этим гидронимом, считает В. Миков, связано происхождение известного болгарского ойконима *Сливен*. Ср. «Въ грамотата да Константинъ Асеня, нѣкъде изъ Скопско се споменува мѣсто *Сливщица*, т. е. мѣсто гдето се сливать две рѣки. Отъ сжщиятъ производъ сж и имената на град *Сливень*, *Сливница* (в Софийско)» (Миков 82, 261).

Что же касается польских гидронимов *Ылиwnik*, *Ылиwnica*, *Ылиwnicki Ryw* и т. п. (НО 98, 168; HW 212, 738), то их, вопреки О. П. Карпенко [4, с. 156], вряд ли стоит относить к иссле-

дуемому гнезду, о чём свидетельствует фонетика лексем. Данные польские названия, на наш взгляд, связаны деривационными отношениями скорее со *ŋliwa* ‘слива (дерево)’, чем со *zlewaj sīk* ‘сливаться’. *Ulewnica* – название притока Нарвы в бассейне Вислы (HW 538) – связано отношениями производности с **ulivъ* / **uliva*, среди продолжений которого русск. диал. казан. *улив* ‘поток’, *улив*, *улива* ‘действие по глаголу *уливать*’ поливать, обливать, залить сплошь’ (Даль IY, 488), польск. *ulewa* ‘ливень’ < *ulewaj sīk* ‘проливаться’ (RPS 656) и др.

Ряд корневых имён, производных от префигированных итеративов, закреплённых в славянской гидротерминологии, можно продолжить с учётом следующих апеллятивных единиц: русск. *влив* ‘устье реки’ (Даль I, 214; Маштаков 11), блр. *уліў*, *улёва* ‘место, где одна река впадает в другую’ (Яшкін 674); русск. *отлив* ‘снижение уровня воды’ (Даль II, 734); блр. *адліў* ‘место, куда падает вода с крыши’ (БМ XVI, 131); русск. *прилив* ‘повышение уровня воды’ (Даль III, 422); русск. *пролив* ‘морской проток, прорва’, ‘водный рукав, соединяющий два моря, озера или разъединяющий два острова’ (Даль III, 493; Маштаков 94); русск. диал. яросл. *пóлива*, *пóливо* ‘пойма, заливные луга’, арх. *поліва* ‘речная вода, заливающая ежедневно плоские берега вследствие морского прилива в устье’ (Даль III, 260); русск. *облив* в воронежских говорах – ‘остров, заливаемый в половодье’, в донских – ‘берег у поворота реки’ < **oblivъ* / **obliva* (реконструкция архетипа в ЭССЯ XXVШ, 13, 14); блр. *ізліў* ‘место слияния двух рек’ (БМ XVI, 137). Этот гидротермин закрепился в чешской ономастике: *Zliv*, *Zlvice* – местные названия в Чехии (AtlasJesk 32A, 47E, 63E, 80E; Profous IY, 782-783).

С исследуемой группой гидронимов, мотивированных префигированными итеративами, связано название *Вуливало* – л. п. Днепра (МаштДн 91; СГУ 124) < **Выливало* – производное с формантом *-ло* от *выливать*. Изменение *ы* > *у* вызвано здесь предшествующим гласному лабиальным согласным. Ср., например, аналогичное изменение в блр. диал. *ву-жар* ‘выжар’, *вуезд* ‘выезд’, *вуемка* ‘выемка’ (Яшкін 161, 169) и др.

На базе первичного глагола **liti*, **lǫjQ*, который продолжает и.-е. **lei-*, достаточно рано, ещё в праславянскую эпоху, образовался глагол **lǫjati*, **lmjQ*. Единицы, производные от **lǫjati*, **lmjQ*, также оказались закреплёнными в гидронимии славян.

Нелей – гидроним в бассейне Оки (Смолицкая 44) < *Не-лей* – находит опору в апеллятиве **lmja* / **lmjъ* – бессуфиксальном производном от основы настоящего времени глагола **lǫjati*, **lmjQ* (реконструкция апеллятива в ЭССЯ XIV, 187-188), в числе продолжений которого имеются гидротермины. См., например, укр. *лєя* ‘половодье, разлив’ (Лисенко 115). В структурном отношении *Нелей* представляет собой сложение субстантива **lmjъ* с отрицательным префиксом. Субстантив **lmjъ* выступил также в качестве одного из компонентов композита *Водолей* – название притока реки Озерка в бывш. Новгородском уезде (Vasmer II, 332). Ср. здесь же *Одолеинской* – гидрообъект в бассейне Оки (Смолицкая 133) < **Водолеинской* вследствие утраты начального [в].

Лейка – л. п. Ильи на правобережье Уши в бассейне Припяти (МаштДн 159; СГУ 319) – результат онимизации апеллятива **lmjъka* / **lmjъкъ*, среди продолжений которого имеются гидротермины: русск. диал. моск. *лейка* ‘водоворот в реке, воронка’ (СРНГ XVI, 340-341), укр. диал. *лійка* ‘низина’, ‘место, где вода уходит под землю’ (Черепанова 176, 185), польск. диал. *lejek*, *lijek* ‘узкий водяной поток между подводными скалами’ и др. (реконструкцию апеллятива см. ЭССЯ XIV, 189). Апеллятив **lmjъka* / **lmjъкъ* квалифицируется авторами ЭССЯ как производное с суффиксом **-ьka* / **-ькъ* (< **-ьka* / **-ькъ* после *j*) от основы настоящего времени **lmjQ*, соотносительной с инфинитивом **lǫjati*, или от бессуфиксного имени **lmja* / **lmjъ*. «В литературе преобладает толкование **lmjъka* / **lmjъкъ* как отыменного образования», – отмечают исследователи (ЭССЯ XIV, 189).

Апеллятив **lmjъka* / **lmjъкъ* отражен в славянской гидронимии не только в качестве самостоятельной единицы, но и в качестве компонента сложных названий: *Новолейка* – гидроним в бассейне Оки (Смолицкая 267), *Водолейка* – гидроним в бассейне Оки (Смолицкая 41), *Водалейка* – приток Хмелёвки в бывш. Симбирской губернии (Vasmer II, 331) и др.

Следующие гидронимы могут быть квалифицированы как производные от вторичных, префигированных глаголов: *Полея* – гидрообъект в Ветковском районе Гомельской области (БМ XVI, 143), *Палейка* – река в бывш. Тверской губернии (Твер. 66) < **polǫjati*,

**polmjQ*; *Перелейка* (Смолицкая 63) < **perlъjati*, **perlmjQ*; *Разлейка* (Смолицкая 267) < **orzlъjati*, **orzlmjQ*; *Слейка* – п. п. Ужа на правом берегу Тисы в бассейне Дуная (СГУ 396) < **sъlъjati*, **sъlmjQ*. Отметим, что данные лексические единицы, типологически параллельные **lmjъka* / **lmjъkъ*, вроде бы свидетельствует в пользу отглагольного, а не отыменного происхождения последнего.

Наконец, словенский гидроним *Lijak* – п. п. реки Соие в Словении (Bezljaj I, 342) – может быть представлен как образованный с помощью форманта *-ak* либо от основы настоящего времени **lъjQ*, соответствующей инфинитиву **liti*, либо от вторичной формы инфинитива **lъjati*. В плане апеллятивных соответствий для данного гидронима см. русск. *льях* ‘форма для отливки’ (Даль II, 256).

Abstract. The use of **lei-* (pour, flow, drip) in the Slavonic hydronymy is considered in the paper. They are phonetically and grammatically characterized, and the ways of their derivation are determined.

Литература

1. Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков / С. Б. Бернштейн. – М.: Наука, 1974.
2. Варбот, Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имён. III / Ж.Ж. Варбот // Этимология 1973. – М.: Наука, 1975. – С. 23-33.
3. Заимов, Й. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров: Проучване на жителските имена в българската топонимия / Й. Заимов. – София, 1967.
4. Карпенко, О. П. Гідронімікон Центрального Полісся / О. П. Карпенко. – Київ: Кий, 2003.
5. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология / Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1969.
6. Шульгач, В. П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції) / В.П. Шульгач. – Київ, 1998.
7. Udolph, J. Die Stellung der Gewdssernamen Polens innerhalb der alteuropdischen Hydronymie / J. Udolph. – Heidelberg, 1990.

Принятые сокращения

БА I – Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія. – Мн., 1968; БМ – Слоўнік гідронімаў Гомельшчыны // Беларуская мова і мовазнаўства/ пад рэд. Анічэнкі У.В. – Мн., 1978–1992. – Вып. XV–XX; ВАБ – Блакітная кніга Беларусі (водныя аб'екты Беларусі). Энцыклапедыя. – Мн., 1994; Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, отчества, фамилии. – М., 1974; Грујић–Шубин – Грујић Б., Шубин Н. Речник руско-српскохрватски, српскохрватско-руски са кратком граматиком руског језика. – Београд-Цетиње, 1962; Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955–1956. – Т. I–IV; ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: в 7 т. / под ред. О. С. Мельничука. – К.: Наукова думка, 1982-2003. – т. 1-4; КовачевСевл – Ковачев Н.П. Местните названия от Севлиево. – София, 1961; Лисенко – Лисенко П. С. Словник поліських говорів. – Кипв, 1974; Малько – Малько Р. Н. Географическая терминология чешского и словацкого языков (на общеславянском фоне). – Мн., 1974; Маштаков – Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. – Ленинград, 1931; МаштДБ – Маштаков П.Л. Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного). – Пб., 1917; МаштДн – Маштаков П.Л. Список рек Днепровского бассейна. – Спб., 1913; Миков – Миковъ Василь. Произходъ и значение на имената на нашитѣ градове, села, рѣки, планини и мѣста. – София, 1943; МихайловаБерк – Михайлова Д. Местните имена в Берковско. София: БАН, 1986; Пјанка – Пјанка В. Топономастиката на Охридско-Преспанскиот базен. – Скопје, 1970; РапГом – Рапанович Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Гомельскай вобласці. – Мн., 1986; РСХА – Речник српскохрватског књижевног и

народног језика. Београд, 1959-1984. Т. I-XII; СБГ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. – Мн., 1979-1986. – Т. I-V; СГУ – Словник гідронімів України / ред. колегія: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко. – Київ, 1979; Смолицкая – Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озёр) / под ред. О.Н. Трубачева. – М., 1976; Срезневский – Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. – М., 1989. – Т. I-III; СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – М.-Л., 1965-1987. – Вып. 1-23; Тамб. – Список населённых мест по сведениям 1862 г. XLII. Тамбовская губерния. – Спб., 1866; Твер. – Списки населённых мест Российской Империи (по сведениям 1859 гг.), изданные Центральным статистическим комитетом МВД. XLIII. Тверская губерния. Спб., 1862; Тупиков – Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имён. – Спб., 1903; Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1964–1973. – Т. I-IV; Чанков – Чанков Ж. Географски речник на България. – София: Наука и изкуство, 1958; Черепанова – Черепанова Е. А. Местная географическая терминология Центра и Восточнoукраинского (Черниговско-Сумского) Полесья // Топонимия Центральной России. – М.: Мысль, 1974. – С. 174-185; ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. Трубачева О.Н. – М., 1974–2005. – Т. I-XXXI; Яшкін2005 – Яшкін Э. Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія. – Мн., 2005; AtlasIesk – Atlas Ieskб Republika / Zpracovala a vydala Geodýzie IS a.s., kartografický nakladatelství. – Praha, 2002; AtlasSlov – Atlas Slovenskб Republika / Zpracovala a vydala MAPA Slovakia Bratislava. – Bratislava, 2003; Bezljaj – Bezljaj F. Slovenska vodna imena. – Ljubljana, 1956–1961. Т. I-II; IRS – Iesko-ruskø slovník. – Praha, 1965; Dickenmann – Dickenmann E. Studien zur Hydronymie des Savesystems. – Heidelberg, 1966. – Bd. I-II; Duridanov – Duridanov J. Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle. – Кцлн-Віен, 1975; HO – Hydronimia Odry. Wykaz nazw w ukiadzie hydrograficznym / Pod red. H. Borka. – Opole, 1983; HW – Hydronimia Wisiy. Wykaz nazw w ukiadzie hydrograficznym / Pod red. P. Zwolinskiego. – Wrocław etc., 1965; Pokorny – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. – Bern, 1949; Profous – Profous A. Мнстнн јмјна v Iechbch. – Prbha, 1947–1957. Т. I-IV; Skok – Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika – Zagreb, 1971-1973. – Т. I-III; SPR – Stypuia R., Kowalowa G. Siownik polskorosyjski. – Warszawa–Moskwa, 1975; SSNO – Siownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. Taszyckiego W. Wrocław, 1965-1977. – Т. I-V; SSP - Siownik staropolski. – Warszawa, 1953; Vasmer – Vasmer M. Wörterbuch der russischen Gewässernamen. – Berlin–Wiesbaden, 1961–1969. – Bd. I-V.

УДК 811.161.1–085.3:821.161.1«191»–1.09

Репрезентация лексико-семантического поля «Война» в поэтических текстах начала XX века

И. И. БУТЯКОВА

В творчестве выдающихся поэтов начала 20 века – А. Ахматовой, М. Цветаевой, Н. Гумилева и О. Мандельштама – «военная» тематика нашла довольно полное отражение, так как сами поэты явились современниками двух войн. Поэты по-особому, более тонко и обостренно восприняли войны и их последствия, которые несут гибель, смерть, горе и разруху. Можно предположить, что в «военной» поэзии будут представлены сходные и отличительные особенности восприятия жестокой действительности. При этом нельзя не учитывать объективные различия в восприятии войны мужчинами и женщинами. Если для Н. Гумилева, поэта-воина, война воспринималась как освободительная борьба, то для О. Мандельштама война – это начало конца, а для А. Ахматовой и М. Цветаевой война – это потеря близких и родных людей.

Ядром лексико-семантического поля «Война» является соответствующая лексема, имеющая значение 'вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства' [1, с.93]. Слово *война* – одно из ключевых слов в поэзии начала XX века: *И воистину светло и свято/ Дело величавое войны...* (Н. Гумилев); *Во мне еще, как песня или горе,/ Последняя зима перед войной* (А. Ахматова); *На лбу высоком человечества/ Войны холодные ладони* (О. Мандельштам); *Положите меж трав и хвой, – / Голова устала от войн...* (Цветаева). Очень важно, как отмечает О.И. Ревуцкий, «обратить внимание и на такую особенность ключевых слов, как способность концентрировать вокруг себя тематически однородные элементы, т.е. слова, принадлежащие к тем же семантическим полям, что и ключевые» [2, с. 81].

Война в русском языковом сознании ассоциируется прежде всего со смертью и неизбежной потерей близких людей: *Мы со смертью пировали – Было страшно, как во сне* (О. Мандельштам); *Как после злпа сразу тихо стало,/ Смерть выслала дозорных по дворам* (А. Ахматова); *И проволока под небом/ Поет и поет смерть* (Цветаева). Отметим также, что в ассоциативное поле понятия «смерть» входит существительное *могила* 'яма для погребения тела умершего, а также насыпь на месте погребения', встречающееся в большом количестве контекстов: *Сроки страшные близятся. Скоро/ Станет тесно от свежих могил* (Ахматова); *Осыпались листья над Вашей могилой,/ И пахнет зимой* (Цветаева). Зачастую смерть называется опосредованно через лексически близкие понятия: *На Казанском или на Волковом/ Время землю пришло покупать* (Ахматова). В данной строфе стилистически нейтральное предложение приобретает негативную ассоциацию со смертью, поскольку в роли определений выступают названия известных кладбищ (Казанское и Волково). Подобные ассоциации повторяются и в строфе: *Мне одной справлять новоселье/ В свежевыкопанном рву* (Ахматова), причем соединение положительно коннотированного сочетания *справлять новоселье* с лексически нейтральным *свежевыкопанном рву* приобретает негативную символику: ров сравнивается с могилой, в которой будет лежать человек. Подобная ассоциация встречается и у О. Мандельштама: *Неподкупное небо окопное – / Небо крупных оптовых смертей*, где *окоп* 'укрытие для стрельбы и для защиты от огня в виде неглубокого рва с насыпью' приобретает негативный оттенок и сопоставляется с могилой, так как он становится местом *оптовых смертей*.

Война неизменно ассоциируется с кровью (кровопролитием), потому что, как отмечалось ранее, война – это всегда преждевременная смерть, связанная с тяжелыми ранениями: *И*

залиты кровью недели/ Ослепительны и легки (Н. Гумилев); Кровь-строительница хлещет/ Горлом из земных вещей... (О. Мандельштам); Любит, любит кровушку/ Русская земля (А. Ахматова). Война закономерно ассоциируется с огнем и пожаром: Та страна, что могла быть раем,/ Стала логовищем огня... Н. Гумилев); На страшной высоте блуждающий огонь! (О. Мандельштам); Все занялись военной суетой,/ И от пожаров сделалось светло; Тот август как желтое пламя,/ Пробившееся сквозь дым,/ Тот август поднялся над нами,/ Как огненный серафим. (А. Ахматова). Отметим, что в стихотворении Н. Гумилева противопоставляются рай 'место, где души умерших праведников пребывают в вечном блаженстве' и логовище огня 'место, где обитает огонь'. Следовательно, данное противопоставление условно можно соотнести с оппозицией «мир (=рай) – война (=огонь)».

Накануне первой мировой войны «все жили под знаком гибели, с предчувствием гибели, ожиданием гибели и жадной гибели» [3, с.308]. Произведения этого периода проникнуты апокалиптическим «чувством конца», что находит выражение в соответствующей лексике: До смешного близка развязка...// Все равно подходит расплата ... (А. Ахматова); Мать – крест надевала солдату,/ Мать с сыном прощались навеки... (Цветаева). Однако в строках Цветаевой отражается народная традиция надевать крест (нательный) человеку, которого ждут какие-либо испытания, в надежде на то, что он будет оберегать и защищать человека.

Особенный «лексический рисунок» имеют стихи о войне Н. Гумилева, который до 1916 г. готов был оправдать войну, хотя и видел неисчислимые страдания, которые она принесла народу. Его строки о войне проникнуты торжественностью и патетичностью, поскольку он считал войну «праведным делом»: И в дни прекраснейшей войны,/ Которой кланюсь я земно,/ К которой завистью полны/ И Александр и Агамемнон; И воистину светло и свято/ Дело величавое войны. Несколько иной «лексический рисунок» имеют стихи о войне Н. Гумилева, который до 1916 г. готов был оправдать войну, хотя и видел неисчислимые страдания, которые она принесла народу: И воистину светло и свято/ дело величавое войны.... В «Записках кавалериста» Гумилев пишет: «И в вечер этого дня, ясный нежный вечер, я впервые услышал за редким перелеском нарастающий гул «ура», с которым был взят В. Огнезарная птица победы в этот день слегка коснулась своим огромным крылом и меня... Наступать всегда – радость, но наступать по непрятельской земле, это – радость, удесятренная гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы...» [4, с.59]. Н. Гумилев был военным, хорошо знал солдатский быт, видел грязь и кровь, так как постоянно находился на передовой, отличаясь при этом большой личной храбростью: Знал он муки голода и жажды,/ Сон тревожный, бесконечный путь./ Но святой Георгий тронул дважды/ Пулюю нетронутую грудь.

Поэтические произведения О. Мандельштама о войне отличаются от стихотворений Гумилева набором лексических средств, так как Мандельштам не был на фронте и вследствие этого описывал войну опосредованно, как наблюдатель: Опять войны разноголосица/ На древних плоскогорьях мира,/ И лопастью пропеллер лоснится,/ Как кость точеная тапира. Вместе с тем, многие образы его произведений соотносятся с восприятием Гумилева: В белом раю лежит богатырь:/ Пахарь войны, пожилой мужик. У Гумилева солдат ассоциируется со жнецом, а у Мандельштама – с пахарем. И тот и другой связаны с землей, а ратный труд солдата – защита этой земли. Следует отметить, что подобные ассоциации встречаются только в «мужских» текстах, так как и пахарь, и жнец, и солдат – тяжелые мужские профессии, и именно мужчина может сопоставить труд этих людей.

Война в творчестве А. Ахматовой и М. Цветаевой осмысливается чисто по-женски, на эмоциональном уровне. Для поэтесс война ассоциируется с горем, несчастьем, слезами, что особенно наглядно выражается в следующем контексте: Прикинувшись солдаткой, было горе... (Ахматова). Ахматова сопоставляет горе с солдаткой – женой солдата, ушедшего на войну. Олицетворение «горе-солдатка» подчеркивает именно женское восприятие несчастья: горе не плачет, а воет, т.е. издает протяжный громкий плач, вопль. Для описания страданий, выпавших на долю людей, Ахматова неоднократно обращается к существительному плач: Над ребятами стонут солдатки,/ Вдовий плач по деревне звенит.// Вдруг запестрела тихая дорога,/ Плач полетел, серебряно звеня... Зачастую поэтесса использует фольклорную стили-

зацию и соответствующую ей лексику: *Не бывать тебе в живых./ Со снегу не встать./ Двадцать восемь итыковых./ Огнестрельных пять./ Горькую обновушку/ Другу шила я./ Любит, любит кровушку/ Русская земля.* Образ женщины-земли позволяет показать весь ужас войны: человек, рожденный на земле женщиной, возвращается, будучи убитым, в землю, которая принимает в себя и человека, и кровь. Представляет интерес также употребление оксюморонного словосочетания *горькая обновушка*, который обусловлен феминным характером текста: женщина шьет другу *обновушку* – новую вещь (использование уменьшительно-ласкательного суффикса характерно для «женской» речи), но *обновушка горькая*, т.е. горестная, так как друг умер, поэтому можно предположить, что *обновушкой* является «смертная» одежда. Употребление такого парадоксального по содержанию сочетания раскрывает сложное эмоциональное состояние героини. С.А. Станиславская отмечала, что в языке А. Ахматовой «по распространенности и значимости на первом месте стоят оксюмороны, смысловая сущность которых заключается в отрицательной оценке того, что в системе русских культурных ценностей оценивается положительно» [6, с.12].

При анализе ЛСП «война» в поэзии начала 20 века отдельного рассмотрения заслуживает использование колоративов, отражающих образное восприятие действительности. Цветообозначения особенно значимы в женской речи, поскольку связанные с ними ассоциации, реализованные в переносных значениях, позволяют представить широкий спектр эмоций. Каждое цветообозначение содержит два компонента: реальный и символический, причем реальность цвета воспринимается непосредственно, визульно, а цветовая символика – на эмоционально-чувственном уровне. Собранный материал позволяет сделать вывод о том, что слова, входящие в лексико-семантическое поле «Война», сочетаются в основном с прилагательными *красный* и *черный*. Чёрный цвет изначально несет в себе негативную символику и связанные с ним страх, ненависть, боль. С этим цветом ассоциируются представления о нечистой силе, потустороннем мире, смерти и войне: *Всё расхищено, предано, продано,/ Черной смерти мелькало крыло; Черных ангелов крылья остры,/ Скоро будет последний суд* (Ахматова); *Черный взгляд невероятно расширен/ От шампанского, войны и смычка* (Цветаева); *Что ж, гаси, пожалуй, наши свечи/ В черном бархате всемирной пустоты // Прозрачная весна над черною Невой* (Мандельштам). Сочетание прилагательного *черный* с нейтральными существительными *ангелы, взгляд, душа, бархат, Нева* позволяет наделить данные слова негативной семантикой: *черные ангелы* приносят смерть, *черный взгляд* пугает и настораживает, *черные души* отождествляются с ненавистью и предательством, *черный бархат пустоты* пугает своей неопределенностью, *черная Нева* ассоциируется с тайной и неизвестностью. Красный цвет, напротив, несет в себе изначально положительную, жизнеутверждающую символику, однако в произведениях о войне колоратив *красный* наделяется негативными представлениями: *Красной влагой тепло окропились/ Затоптанные поля* (Ахматова); *И жужжат шрапнели, словно пчелы,/ Собирая ярко-красный мед* (Гумилев).

Война в рассматриваемых поэтических текстах наполнена целой гаммой разнообразных чувств и эмоций, которые вербализуются в следующих лексемах: *страшный* (*Сроки страшные близятся. Скоро/ Станет тесно от свежих могил./ А теперь пора такая,/ Страшный год и страшный город* – Ахматова); *тоска* (*Она была. Не знали мы, что скоро/ В тоске предельной поглядим назад* – Ахматова); *боль* (*Я новым именем покрою/ Боль поражений и обид* – Ахматова); *усталость* (*Положите меж трав и хвой,/ Голова устала от войн* – Цветаева).

Война своей жестокостью и безумием заставляет человека думать о Боге, усиливая его веру; в Боге человек ищет защиту от войны, поэтому вполне объяснимо обращение поэтов к церковно-религиозной лексике: *Стало солнце немилостью Божьей,/ Дождик с Пасхи полей не кропил// Закрыв лицо, я умоляла Бога/ До первой битвы умертвить меня* (Ахматова); *Коли в землю солдаты всадили – итык,/ Коли красною тряпкой затмили – Лик,/ Коли Бог под ударами – глух и нем,/ Коль на Пасху народ не пустили в Кремль* (Цветаева); *Тружеников, медленно идущих/ На полях, омоченных в крови,/ Подвиг сеющих и славу жнущих,/ Ныне, Господи, благослови// Но не надо яства земного/ В этот страшный и светлый час,/ Оттого что Господне слово/ Лучшие хлеба питает нас* (Гумилев). В «женских» текстах присутствует поиск истины, обращение к Богу за помощью. В таких случаях нередко встречаются тексты,

написанные в жанре молитвы, что вполне естественно, особенно для «женских» текстов, поскольку молитва – это искреннее, глубоко эмоциональное общение с высшими силами. Именно поэтому одно из стихотворений в творчестве Ахматовой выдержано в форме молитвы: *Дай мне горькие годы недуга,/ Задыханья, бессонницу, жар,/ Отыми и ребенка, и друга,/ И таинственный песенный дар —/ Так молюсь за твоей литургией/ После стольких томительных дней,/ Чтобы туча над темной Россией/ Стала облаком в славе лучей.* Поэтесса просит Бога послать ей несчастья, отнять близких людей, но вернуть мир на землю, потому страх перед войной сильнее страха за свою жизнь.

Таким образом, лексико-семантическое поле «Война» представлено в поэзии начала 20 века словами, выявляющими сущность войны как явления, связанного со смертью, кровью, разрушениями, утратой близких. Вместе с тем в это ЛСП входит положительно коннотированная лексика, отражающая патриотические настроения. «Лексический рисунок» ЛСП «Война» во многом зависит не только от обстоятельств личной жизни каждого из поэтов, но и от специфики «женской» и «мужской» картин мира.

Abstract. The Representation of the lexico-semantic field “War” in poetic texts at the beginning of the 20th century is considered in the paper. It is shown that its specificity depends on the individual perception of the reality by each poet.

Литература

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003.
2. Ревуцкий, О.И. Анализ художественного текста на дискурсивной основе / О.И. Ревуцкий. – Мозырь: УО МГПУ, 2004.
3. Чуковский, К.И. Современники: Портреты и этюды / К.И. Чуковский. – Мн.: Нар. Асвета, 1985.
4. Гумилев, Н.С. Стихотворения и поэмы / Н.С. Гумилев. – Тбилиси, 1989. – 494с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1990.
6. Станиславская, С.А. Конраст как принцип организации поэтического текста: (на материале ранней поэзии А.Ахматовой и Н. Гумилева): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А. Станиславская. – Саратов, 2001.

УДК 81.3:81.54:811.16(045)

Роль сэттльментов в реноминации внутригородских объектов Китая

ВАН ЛИ

Хорошо известно, что урбанонимы теснейшим образом связаны с историей, социальной организацией, политической жизнью, культурой общества. Рассмотрим это на примере названий внутригородских объектов города Шанхай.

Этот город появился в династии Тан (618 г. – 907 г.), в 751 г. был формально зафиксирован в памятниках древней письменности. История его перешагнула тысячелетней рубеж. До династии Цин (1644 г. – 1911 г.) Шанхай был небольшим неразвитым южным портовым городом. В 1840 г. прошла Опиумная война между Англией и Китаем, которая продолжалась два года и закончилась победой Англии. Английское правительство в свое время заставило бессильные, прогнившие насквозь Цинские власти подписать первый договор, наносящий ущерб суверенитету Китая и его национальному престижу, заставило проводить политику открытых дверей и пообещать открытие 14 городов, в том числе и Шанхай. На следующий год после заключения договора Шанхай был официально открыт для иностранцев. В 1846 г. в нем был создан английский сэттльмент (сэттльментами в XIX – первой половине XX в. назывались особые кварталы для проживания иностранцев, пользовавшиеся экстерриториальностью и управлявшиеся, как правило, администрацией соответствующей державы [1, с. 553]). На тот момент Шанхай был известен как южный водный город, в котором было много рек, а улиц и проходов было очень мало, к тому же их наименования были ограничены местонахождением архитектурных памятников и фамилий рода. После создания сэттльмента английская власть в первую очередь засыпала реки, построила дорогу и создала “комитет по улицам и порту” для наименования новых улиц. Сначала наименования улиц были очень свободными и понятными: если на этой улице был сад, то она называлась *Садовой улицей*, если церковь, то *Церковной улицей*. К этим названиям добавлялись прежние наименования улиц. В тот момент названия улиц и проспектов были совсем неупорядоченными, но с развитием города и увеличением количества улиц такой образ наименования изменился. До начала 60-х гг. в английском сэттльменте сформировалась целостная система наименования улиц.

Американский сэттльмент был создан в 1848 г. Сначала он имел полную независимость; по-своему назывались улицы, было создано много повторяющих английский сэттльмент названий. В 1860 г. китайская крестьянская повстанческая армия “Танпин” двинулась на Шанхай. Чтобы совместно справиться с ней, в 1863 г. американский сэттльмент объединился с английским и был переименован в “общий сэттльмент”. Для упорядочения названий улиц, удобства использования и запоминания, во избежание противоречия и хаотичности названий улиц в общем сэттльменте в 1865 г. был утверждён принцип наименования улиц Шанхая: улицы северо-южного направления назывались по именам провинций Китая, улицы западно-восточного направления назывались по именам больших административных городов Китая. Чтобы этот принцип привести в действие, в общем сэттльменте были урегулированы и переименованы старые названия улиц и утверждены названия улиц, соответствующие данному правилу. Но следует заметить, что названия улицам давались в соответствии с местонахождением провинций и городов по реке Янцзы. В результате этого урегулирования наименование улиц в общем сэттльменте осуществлялось в основном по указанному правилу, но не всегда следовало ему. После расширения сферы влияния общего сэттльмента в 1899 г. его площадь была увеличена, но в новом расширенном районе улицы были названы именами английских и американских “известных” людей и представлены несколькими группами:

1. Улицы, названные по именам основателей и администраторов селтльмента в Шанхае: *Вэньзяньши улица* (William Jones Boone Road) – основателя и первого лица американского селтльмента; *Алабайсыто улица* (Alabaster Road) – вице-консула Англии в Шанхае; *Айэр-каокэ улица* (Alcock Road) – второго генерального консула Англии в Шанхае, в дальнейшем – чрезвычайного посланника и полномочного министра Англии в Китае. Во время его службы в Китае первый раз была расширена площадь английского селтльмента в 1848 г. и был создан целый ряд административных организаций для управления селтльментом. Это дало мощный толчок дальнейшему развитию шанхайского селтльмента.

2. Улицы, названные по именам английских известных коммерсантов в Шанхае: *Ханьбили улица* (Hanbury Road) – богатого коммерсанта, который занимался недвижимостью в Шанхае и вложил капитал в создание школы, *Хадон улица* (Hardoon Road) – торговца недвижимостью и опиумом в Шанхае. Улица названа по наименованию созданного им известного дома с очень красивым садом Хадон.

3. Улицы, названные по именам захватчиков опиумной войны или палачей крестьянского восстания “Танпин”: *Хуаэр улица* (Voger Road) – организатора расправы над крестьянской повстанческой армией “Танпин”, *Гэдэн улица* (Gordon Road) – начальника отряда расправы над крестьянской повстанческой армией “Танпин”.

4. Улицы, названные по именам китаистов и миссионеров: *Тунфу улица* (Yatos Road), который был первым миссионером в Шанхае, создал церковь и проповедовал более сорока лет; *Вэйтома улица* (Wetmore Road) – известного лексикографа и китаиста, составителя англо-китайского словаря.

Позже, чтобы расширить сферу влияния и увеличить площадь общего селтльмента, английская и американская власти незаконно расширили свои границы с помощью строительства дорог вокруг территорий и наименовали эти новые улицы не по утвержденному принципу, а по именам известных людей. Например: *Цядунь улица* (Jordan Road) – в честь английского посла в Китае с 1906 по 1920 гг., который работал дольше других послов в Китае; *Идинпань улица* (Edinburgh Road) – английского герцога, посетившего Китай на корабле “Цзялати”, улица названа его именем в память об этом визите, *Юнигань улица* (Jernigan Road) – американского генерального консула с 1893 по 1897 гг., после оставления службы работавшего юристом (кстати, был одним из самых известных иностранных юристов в Шанхае); *Кайсюань улица* (Keswick Road) – генерального директора английского банка в Шанхае, поддерживавшего политику расширения площади селтльмента; *Линкэн улица* (Lincoln Road) – американского президента; *Фалэйсы улица* (Fraser Road) – английского генерального консула в Шанхае с 1912 по 1922 гг., известного китаиста; *Доулэань улица* (Darrock Road) – английского миссионера и другие названия.

Кроме общего селтльмента, в 1849 г. был создан французский селтльмент. Он являлся единственным самостоятельным селтльментом в Шанхае. Утвержденный в 1865 г. общим селтльментом принцип наименования улиц не имел никакого влияния на французский селтльмент, который имел свою целостную систему административного управления, и со временем в нём сформировался свой определенный принцип и руководящая идея наименования улиц.

Сначала площадь французского селтльмента была небольшая и улиц в нем было немного. Наименование этих улиц тоже было свободно и понятно: улицы назывались по отношению к другим внутригородским объектам. Обычно улицы назывались по именам находившихся на них архитектурных памятников, заводов и фабрик, по названиям зданий административных управлений, одновременно сохраняя большинство прежних названий улиц, обладающих уникальной китайской традиционной особенностью. Например: *Юнань улица* означает “вечное спокойствие”, *Цзисяю улица* означает “благополучие”, *Синиэн улица* означает “расцвет” и др. Очевидно, эти названия улиц характеризуются местной самобытностью. Но после первого расширения своей площади в 1900 г. появившиеся новые улицы назывались в соответствии со следующим принципом: улицы северо-южного направления назывались по именам китайских гор, улицы западно-восточного направления назывались по именам китайских рек. Например: *Тяньшань улица* (по названию горы Тяньшань); *Тайшань ули-*

ца (по названию горы Тайшань); *Уцзян улица* (по названию реки Уцзян); *Хуанхэ улица* (по названию реки Хуанхэ) и т.д.

После второго увеличения площади появившиеся новые улицы были переименованы в честь французских известных людей: *Хуалунь улица* (Vogron Route) – в честь известного летчика, который в 1911 г. во время показательного полёта сам погиб, чтобы спасти зрителей; *Думэй улица* (Dou Dollmer Route) – в честь французского президента; *Сюехуали улица* (Chevalier Route Stanislas) – известного аббата, начальника обсерватории Шанхая – и др. Более того, в 1906 г. властями французского сэттльмента большинство улиц с названиями, восходящими к наименованиям китайских рек и гор, были переименованы в честь французских известных людей. Таким образом, во французском сэттльменте сформировались свои принципы наименования улиц. Эти названия представлены семью группами:

1. Улицы, названные по именам французских государственных деятелей или послов в Китае. Например: *Лажэна улица* (Lagrene Rue) по имени французского представителя в Китае в 1843 г., который в 1844 г. с Цинским правительством заключил китайско-французский Хуанпудский договор; *Гэло улица* (Cross Rue Baron) – по имени французского представителя в Китае во время второй опиумной войны, заключившего с Цинским правительством китайско-французский Пекинский договор и китайско-французский Тяньцзиньский договор; *Кантин улица* (Conty Route) – по имени посла Франции в Китае с 1912 по 1917 г.

2. Улицы, названные по именам главных чиновников управления: *улица Пишаонай* (*Buissounet Rue*), *Байэр улица* (*Bard Rue*), *Аолихэ улица* (*Oriou Rue*) и другие.

3. Улицы, названные по именам генеральных консулов Франции в Шанхае. Например: *Минтилийн улица* (*Montigny Boulevard de*) по имени первого генерального консула Франции в Шанхае, создавшего Французский сэттльмент; *Айтан улица* (*Edan Route*) – генерального консула Франции в Шанхае в 1859 г., зачинщика второго расширения площади французского сэттльмента.

4. Улицы, названные по именам французских миссионеров. Интересно заметить, что названия большинства из этих улиц состоят из двух частей: типичная фамилия китайского человека плюс “епископ” или “аббат”: *Чжао епископ улица* (по фамилии “Чжао”); *Яо епископ улица* (по фамилии “Яо”); *Гу аббат улица* (по фамилии “Гу”); *Мэн аббат улица* (по фамилии “Мэн”) и т.д.

5. Улицы, названные по именам французских резидентов и общественных деятелей в Шанхае. Например: *Лэйми улица* (*Remi Route*) – одного из первых коммерсантов, занимавшихся торговлей между Францией и Шанхаем; *улица Пу ши* (*Bourgeat Rue*) – одного из известных иностранных юристов во французском сэттльменте и т.д.

6. Улицы, названные по именам известных в своей стране французов. Например: *Бэйдан улица* (*Peitain Avenue*); *Сяфэй улица* (*Joffre Avenue*), получившие наименование по именам генералов первой мировой войны; *Молиай улица* (*Moliere Rue*), известного комедиографа XVII века.

Кроме вышеуказанных групп, существуют улицы, названные по именам известных людей других стран: *Яэпэй улица* (*Albert Avenue du Roi*) – короля Бельгии. Во время первой мировой войны данная страна входила в Антанту, была союзником Франции; *Аймайюйсянь улица* (*Emmanuel III Route Victor F*) – короля Италии, которая в годы первой мировой войны входила в состав Антанты, была союзником Франции; *Паньсин улица* (*Pershing Route*) – главного американского генерала, оказывавшего помощь Франции в первой мировой войне; *Фукайсэн улица* (*Fergusson Route*) – американца, который помог французскому сэттльменту расширить площадь. Стоит заметить, что среди этих названий, образованных от имен известных иностранных людей, существует два названия улиц в честь знаменитых китайцев: *Лингуй улица*, который был мэром Шанхая, с его разрешения был создан французский сэттльмент; *Чжубаосань улица*, который был председателем всеобщего коммерческого общества, во многом помог французскому сэттльменту. Они сделали очень много для создания французского сэттльмента, и поэтому их именами было разрешено назвать улицы.

Исходя из вышеприведенных фактов, следует, что ни в общем, ни во французском сэттльменте утверждённый принцип наименования улиц не выдерживался полностью. На

самом деле только в средней части общего сэттльмента условно используется данный принцип. В целом же такие названия не занимают видного места.

После создания сэттльмента, с середины XIX века, город Шанхай на самом деле был разделен на три самостоятельных административных района: общий сэттльмент, французский сэттльмент и китайский район (несэттльментный район). Каждый район именовал улицы по своему желанию, и получалось так, что названия улиц Шанхая в то время были очень беспорядочными. С развитием Шанхая растут масштабы строительства, непрерывно увеличивается число внутригородских объектов, с каждым днём появляются новые улицы и все более и более становится актуальным вопрос об их именовании. Наименование улиц по именам китайских городов и провинций даёт больше возможностей в выборе, и объем названий будет аккуратным и четким, объективно отражая размах и специфику Шанхая как самого большого города Китая. Поэтому такой принцип называния не отвергался, и со временем выбор названия улиц расширился за счет городов, провинций, рек, озер, крепостей и других географических объектов. Такой принцип называния, хотя и был ограничен рамками сэттльмента, но потихоньку развивался. После того как прошла война Сопrotивления японским захватчикам, данный принцип получил дальнейшее распространение.

Из вышеизложенного явствует, что названия внутригородских объектов связаны с особенностями развития города в разные периоды истории, культурными традициями и обусловлены административным статусом населенного пункта. Они хранят в себе богатую культурно-историческую информацию и отражают политический процесс, происходивший в общественной жизни страны и идеологические предпочтения общества на каждом этапе его развития.

Abstract. The principles of the nomination of Shanghai streets in the districts that were settled by foreigners are considered in the paper. The types of intraurban names reasoned by the names of historic figures, missionaries and officials are revealed.

Литература

1. Современный словарь иностранных слов: ок. 20 000 слов / редкол.: Е.А. Гришина [и др.]. – М.: Рус. яз., 1992. – 740 с.

УДК 81.3(285)(476.5)(045)

Типология вариантов в ойконимии Белорусского Поозерья

В. М. Генкин

Ойконимия, как известно, характеризуется вариативностью в использовании названий тех или иных населенных пунктов. «Предпосылки варьирования, – пишет А.В. Суперанская, – заложены как в самом характере собственных имен (их более слабая, чем апеллятивов связь с понятием), так и в возможностях языка...» [1, с. 171]. Чаще всего противопоставляются официальный, фиксируемый в письменных источниках и местный варианты одного названия, причем нередко количество местных вариантов исчисляется несколькими единицами. Рассматривать вариативность можно с разных позиций. Очевидно, заслуживает исследовательского внимания вопрос о природе вариативности – явления, характерного для ойконимии различных регионов. «В общей лингвистике и ономастике обычно отмечают инертность собственных имен к изменениям по сравнению с апеллятивами. Но сплошное изучение собственных имен определенных территорий не подтверждает это» [1, с. 188]. По-прежнему недостаточно изученной именно на региональном уровне остается типология вариантов географических названий. В нашем докладе мы намереваемся рассмотреть типы варьирования в ойконимии Белорусского Поозерья.

Согласно «Словарю русской ономастической терминологии», вариантом имени собственного принято называть «видоизменение имени или любого элемента его структуры (фонемы, морфемы, лексемы) в различных языковых ситуациях» [2, с. 43]. Из приведенной дефиниции явствует, что онимическая вариативность может иметь разное проявление.

Лексическое варьирование проявляется в использовании для именования одного и того же населенного пункта разнокорневых лексем: *Ульягнаўка* – *Кузбэграк*, *Гаўрыліна* – *Габрусёва* (Бешенковичский р-н), *Быстрыёўка* – *Бадэкі*, *Сярэдняя Дзяцель* – *Мужычая Дзяцель* (Дубровенский р-н), *Чанагеўскі* – *Красіглаўка*, *Новы Лад* – *Страшныя* (Верхнедвинский р-н), *Пятрова* – *Халягўкі* (Городокский), *Чарапні* – *Вішнёвая*, *Пялёнкі* – *Задвінне*, *Бардэлі* – *Іскра* (Витебский) и т.д. Появление лексических аллонимов объясняется несколькими причинами.

Во-первых, вариативность может появляться в результате переименования населенного пункта: *Старая Тухігня* → *Дарожная*, *Драчына* → *Заазёрная*, *Чартоўшчына* → *Рассвет*, *Серакаротня* → *Лучазарнае*, *Фасоўшчына* → *Малыя Ульянавічы*, *Папоўка* → *Чырвоное Сяло*. Отметим, что количество таких вариантов в современной устной речи невелико и с течением времени явно сокращается, что объясняется вполне естественными причинами. Последние переименования датируются, как правило, началом шестидесятых годов ушедшего столетия, и этот факт зафиксировался в памяти лиц, которым сегодня не менее шестидесяти – семидесяти лет. Для более молодых новое, возникшее в результате переименования название является привычным и нередко единственным вариантом именования населенного пункта. Нетрудно заметить, что чаще всего переименованию подвергались населенные пункты, прежние названия которых воспринимались новыми номинаторами как эстетически или политически неподходящие. Такой подход нередко приводил к появлению топонимических казусов: *Свінное* превращалось в *Першамайск*, *Прапойск* становился *Слаўгарадам*, а *Амерыка*, по верному замечанию В.П. Лемтюговой, стала *Савецкай*.

Во-вторых, встречаются случаи, когда в силу укрупнения населенного пункта и вхождения в его состав другого (других) названия упраздненных деревень или хуторов продолжают существовать, но уже либо в качестве варианта названия большего населенного пункта (*Хігзава* – *Андрукі*), либо в роли названия одного из его районов (частей). Последняя ситуация особенно характерна для активно растущих городов, «поглощающих» соседние населен-

ные пункты. Так, например, в Витебске хорошо известны теперь уже внутригородские названия такого типа: *Білева, Тулава, Ціраспаль, Лужасна* и др. В Гомеле даже в официальное название крупного комбината хлебопродуктов входит адъектоним, образованный от названия городского района: *Новобелицкий комбинат*.

В-третьих, ряд аллонимов отражает ситуацию активного русского влияния не белорусскую топонимию. Некоторые из названий белорусских населенных пунктов (в основном появившиеся в советскую эпоху), очевидно, первоначально возникали как русскоязычные: *Восточная, Каўровая, Рамашкі, Рассвет, Красцьянка* и т.п. В начале девяностых годов XX столетия появляются варианты, в первую очередь письменные, типа *Красцьянка – Сялянка, Працоўнае – Трудавы* (как видим, иногда с дополнительными грамматическими различиями) и подобные. Однако желание вернуть топонимам белорусский вид тоже не всегда реализовывалось корректно. Белорусские названия с компонентом *Красны* (в значении *красивый*) пытались записывать по-белорусски как *Чырвоны (Чырвоны Бераг* вместо *Красны Бераг; Чырвонагорка* вместо *Красногорка*), что, естественно, вступало в противоречие с этимологией ойконима. Ярким примером влияния билингвизма на ойконимию также служат колебания в русскоязычной передаче ойконимов: *Новы Лад – Новый Лад, Новый Строй; Новая Вёска – Новая Вёска, Новая Деревня; Новае Жыццё – Новая Жизнь* и т.п.

В-четвертых, отмечаются варианты, появившиеся как результат «переосмысления» названия, попытки его объяснения через призму народной этимологии, например, *Нямойта – Нямойка* (Сенненский р-н).

Фонетическое варьирование представлено несколькими подвидами.

1. В первую очередь следует назвать акцентологические варианты, ибо именно они составляют наибольшую группу «неустойчивых» названий по всем районам: *Арэ́хаўск – Арахо́ўск* (Оршанский), *Ства́лко́ва – Ство́лкава* (Городокский), *Ша́хi – Шахі́г* (Лёзненский) *Турыца́г – Тугры́ца* (Лепельский), *Блажкі – Блажкі* (Мёрский) и др. В среднем доля акцентологических вариантов по районам составляет 60 – 70 % от общего числа варьируемых названий. Интересно, что существуют названия, характеризующиеся регулярной акцентологической вариативностью: *Азе́гкі – Азя́ркі, Багбі́чы – Бабі́чыг, Двогры́шча – Двары́шча, Дуббра́ўка – Дубро́ўка, Загбала́цце – Забало́цце, Забор'е – Забар'е, За́машча – Замо́шча, Па́ддуб'е – Поддуб'е, Я́гнава – Яно́ва*.

2. Варианты, обусловленные наличием или отсутствием вставного (приставного) согласного: *Казя́гны – Казья́гны, Глыбо́шчына – Глыбо́ўшчына, Эйві́гдавічы – Эві́гдавічы, Уша́гнішкі – Вуша́гнішкі* (Браславский), *Ераме́геўшчына – Вераме́геўшчына* (Дубровенский), *Востра́ўна – Астро́ўна* (Лепельский), *Угдэ́ла – Вугдэ́ла* (Глубокский) и др.

3. Для устной белорусской речи характерна вставка гласного внутри сочетаний согласных. Последнее обстоятельство отражается в том числе и в топонимии, в частности в наличии таких вариантов, как *Пола́цк – Пола́цак, Стары́ Боле́цк – Стары́ Боле́цак* и др. Показательным фактом устойчивости подобных вариантов является их письменное отражение в словарях Е.Н. Рапановича [3, с. 309 и др.].

3. Твердым или мягким произношением одного из согласных: *Берасце́гнава – Берасце́гнева* (Оршанский), *Вале́йкава – Валэ́йкава* (Верхнедвинский), *Канча́гны – Канча́гне, Прудня́гны – Прудня́гне* (Городокский), *Вэ́геды – Вегеды, Дзэ́гуцішкі – Дзегу́цішкі, Мінэ́йты – Мінэ́йты, Кандзе́гшчына – Кандэ́гшчына* (Браславский), *Гэ́йбавічы – Гейба́вічы, Жардэ́лі – Жардэ́лі, Жыгу́гны – Жыгу́гні* (Поставский), *Марты́гнаўка – Марці́гнаўка* (Сенненский), *Платэ́чна – Плаце́чна* (Докшицкий), *Ша́йтарава – Шайце́рава, Юсты́гнава – Юсці́гнава* (Верхнедвинский) и т.д. Варианты такого типа чаще всего отмечаются на территории северо-западных районов Витебщины.

4. Отличиями в согласных [ў] // [л], [й] // [л], [ф] // [х]: *Ваўкула́ткава – Валкула́ткава* (Дубровенский), *Воўка́ва – Волка́ва* (Городокский), *Балтраме́геўцы – Баўтраме́геўцы, Войбе́равічы – Вольбе́равічы, Федаркі́г – Хведаркі́г, Трафі́мава – Трахі́мава* (Докшицкий), *Ніжня́е Фа́міно – Ніжня́е Ха́міно* (Верхнедвинский), *Таўпа́г – Талпа́г* (Лёзненский). В отдельных случаях встречаются замены других согласных: *Вета́хмо – Вета́хно* (Докшицкий).

5. Особенности произношения ударного гласного: *Альбігнаўка* – *Альбегнаўка* (Браславский), *Белаазёрны* – *Белаазерны*, *Студзёнка* – *Студзенка* (Лепельский), *Паграбенка* – *Паграбёнка* (Сенненский), *Багушогва* – *Багушэгва* (Полоцкий) и т.д.

Наличие фонетических вариантов достаточно часто приводит к разному в графическом оформлении тех или иных названий.

Орфографические варианты связаны либо с разной письменной передачей безударного гласного, либо с разным написанием согласного, подвергающегося оглушению: *Кабылiнцы* – *Кабыленцы*, *Цiлiвiчы* – *Цiлiвiчы* (Верхнедвинский), *Залонeцкiя* – *Залонiцкiя*, *Валентароўшчына* – *Валентыроўшчына* (Мёрский), *Рэпeшкi* – *Рэпiшкi*, *Дзеткaвa* – *Дзедкaвa*, *Цешылава* – *Цешалава* (Поставский) и др. В некоторых случаях разницей в написании вступает в противоречие с этимологией названия, как это видно на примере вариантов *Дзеткава* – *Дзедкава*, что в итоге превращает орфографическое варьирование в фонологическое.

Морфологические варианты отражают, как правило, колебания грамматического рода или числа: *Калатоўкi* – *Калатоўка* (Оршанский) *Асегцiшчa* – *Асегцiшчы*, *Кагдлубiшчa* – *Кагдлубiшчы*, *Лiтпаўкi* – *Лiтпаўка*, *Порплiшчa* – *Порплiшчы* (Докшицкий), *Расалагi* – *Расалаг*, *Новая Барсучыгнa* – *Новае Барсучыгнa* (Шумилинский), *Салонiкi* – *Салангiк*, *Кацельна* (средн. род) – *Кацельна* (жен. род), *Гомель* – *Гомля* (Полоцкий), *Царкаўлягнe* – *Царкаўлягнe* (Мёрский). Грамматические варианты среди ойконимов адъективного типа чаще всего представляют собой колебания форм среднего и женского рода: *Працоўнаe* – *Працоўная* (Оршанский); *Лясная* – *Лясная* (Мёрский). Есть примеры частеречного несовпадения вариантов: *Ругскi* (сущ. в форме мн. числа) – *Ругскiя* (ойконим в форме прилагательного) (Шумилинский р-н), *Скобраe* – *Скобра* (Полоцкий), *Ляснiгчыя* – *Ляснiчыг* (Оршанский). Следует также отметить отдельные нерегулярные случаи варьирования, например: *Палевачыг* – *Палевачэг* (Глубокский).

Обнаруживается небольшая группа вариантов, имеющих колебания в топонимическом термине-индикаторе, входящем в состав топонима: *Марозава Слабодка* – *Марозава Слабада* (Лепельский).

В ряде случаев грамматически не совпадают официальный и местный варианты географических названий. Первый из них чаще имеет форму среднего рода, тогда как местным более присуща форма множественного числа: *Асегцiшчa* – *Асегцiшчы*, *Кадлугбiшчa* – *Кадлугбiшчы*, *Порплiшчa* – *Порплiшчы*.

Морфологические аллонимы могут иметь также и разное ударение: *Беразiнo* г – *Бярэзaнь*, *Бягoмль* – *Бегамля*.

Словообразовательные варианты отличаются суффиксами, при помощи которых оформляются названия: *Хацiглаўцы* – *Хацiглаўшчына* (Глубокский), *Канaпeльчыкi* – *Канaпeльчыцы* (Толочинский), *Астaгiшкaвiчы* – *Астaгiшкaвa*, *Свaтaшчыгцы* – *Свaтaшчы* (Дубровенский). Варианты, связанные с различиями в аффиксальном оформлении географических названий, в некоторых случаях могут быть объяснены прежним влиянием польского языка на белорусскую ойконимию. В первую очередь, это проявляется в использовании наряду с восточнославянским формантом – *шчына* его польского эквивалента – *шчызна*: *Гaляўшчыгнa* – *Гaляўшчыгзнa* (Браславский), *Крулeгўшчына* – *Круляўшчыгзнa* (Докшицкий), *Слaгўшчына* – *Слaгўшчыгзнa* (Мёрский), *Гроцкaўшчына* – *Гроцкaўшчыгзнa* (Поставский). Такие колебания в первую очередь характерны для северо-западных районов, до 1939 года входивших в состав Польши. Отметим, что ойконимы, образованные при помощи форманта – *шчына*, иногда имеют бессуффиксальные варианты, например, *Крулeгўшчына* – *Кругля*.

Сокращение аффиксов и частичное усечение корневых морфем вообще свойственно диалектной речи. Это, разумеется, отражается и в топонимии: *Варaпaгeвa* – *Рaпaгeвa* (Поставский), *Астaгiшкaвiчы* – *Астaгiшкaвa* (Дубровенский), *Гoсмiрaвa* – *Гoсмiрa* (Сенненский), *Заазeгp'e* – *Зазeгp'e* (Городокский, Полоцкий, Толочинский).

Словообразовательные варианты нередко имеют также названия, оканчивающиеся на – *поле*, – *поль*: *Фрaнaпoллe* – *Фрaнoпaль* (Мёрский), *Ружaмпaль* – *Ружaмпoллe* (Ушачский) и т.п.

Синтаксическое варьирование, естественно, касается составных топонимов. Чаще всего наблюдается неустойчивость положения атрибутивного компонента: *Вялiкaе Тхoрына* –

Тхарыно Вялікае, Новае Гудава – Гудава Новае, Савіна Малое – Малое Савіна (Дубровенский), *Хутар Дзедзіна – Дзедзіна Хутар* (Мёрский), *Сяльцо-Белае – Белае Сяльцо* (Полоцкий), *Слабодка Гушчынская – Гушчынская Слабодка* (Ушачский) и др.

К синтаксическим аллонимам, очевидно, можно отнести и варианты, отличающиеся количеством структурных компонентов: *Пажагрышча – Фальварак Пажагрышча* (Оршанский), *Новае Дварышча – Новадвогрышча, Новая Вёска – Новая, Завегрская Хутары – Завегрская* (Браславский), *Лугтава Сяльцо – Лугтава* (Ушачский), *Саладугхі Пушчавыха – Саладугхі* (Шумилинский), *Пожанькі Вялікія – Пожанькі* (Мёрский), *Чырвоны Ручай – Ручэй* (Поставский).

Не все топонимические варианты, зафиксированные нами на территории Белорусского Поозерья, однозначно вписываются в изложенную выше классификацию. Встречаются случаи, когда два аллонима отличаются друг от друга по двум-трем позициям: *Чырвоны Ручагй – Ручэгй* (Поставский), *Сцяпанікі – Сцяпанішы* (Полоцкий р-н)

Abstract. The paper presents the typology of variants of the formal and local (informal) Belarusian oikonymes. Lexical, phonetic, orthographic, morphological, word-building and syntactical variations of geographical names are shown.

Літаратура

1. Суперанская, А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология) / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 207 с.
2. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 188 с.
3. Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці / Я.Н. Рапановіч. Рэд. П.П. Шуба. Мн. «Навука і тэхніка», 1977. – 504 с.

Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова

Поступило 06.04.09

УДК 81.3:2(045)

От понятия к слову (о *вере*)

О. В. ГЕРАСИМОВИЧ

Абстрактные термины духовной культуры можно, несомненно, считать одной из самых важных частей языковой картины мира. Духовные ценности лежат в основе оценки, тех предпочтений, которые человек делает, характеризуя предметы, качества, события. Эти абстракции представлены в языке набором слов-концептов, образующих своеобразные модели ценностной картины мира – специфичные для отдельного этноса. В каждой национальной аксиологической картине мира существуют наиболее важные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определённый тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке.

По мнению Ю.С. Степанова, «описание абстрактной лексики языка, в особенности терминов духовной культуры, является важнейшей задачей лингвистики в области семантики» [1, с. 340]. Базисный семантический инвентарь славянской культуры составляют лексические единицы, обозначающие общечеловеческие ценностные доминанты: «добро» и «зло», «честь» и «совесть», «достоинство» и «долг», «вера», «надежда», «любовь» и др. Как точно определяет А.Ф. Журавлёв, «прочность древней славянской аксиологии, конечно же, меняющейся в деталях и обогащающейся, но в кардинальных своих чертах сохраняющейся на протяжении многих веков, свидетельствует о трезвых консервативных основах славянской культуры» [2, с. 29]. Связанные с ней понятия обуславливают не только поведение человека и его деятельность, но и определяют оценки, даваемые им себе и окружающему миру. Данные абстрымы (абстрактные понятия), являясь общеславянскими (праславянскими) по своему происхождению, присутствуют в словарном составе всех славянских языков, хотя могут различаться в звуковом оформлении (что связано с результатом действия различных фонетических законов), а иногда и в семантике, т.к. особые исторические условия развития отдельных языков могли породить своеобразное видоизменение в семантических процессах развития одних и тех же слов.

Необходимо отметить, что первоначальные этимологические значения слова, т.е. понятия и представления, составлявшие его содержание в различные периоды исторического развития языка, как правило, не входят в состав нынешнего значения (во всяком случае, без существенного видоизменения). В процессе этого развития очень часто прежнее значение, будучи некогда существенным, составляя логически и психологически центральное ядро слова, вытесняется на периферию и постепенно затемняется, забывается, «очищая» в семантической структуре слова место для нового понятия. Превращаясь со временем во внутреннюю форму слова, это прежнее значение уже не входит в его содержание, в число существенных признаков обозначаемого предмета или явления [3, с. 41]. Исследование внутренней формы слова при помощи этимологического анализа проливает свет на его прежние значения и способствует пониманию исторического процесса формирования слова, расширения, изменения и обогащения его значения. Основная закономерность изменения семантической стороны слова была сформулирована ещё В. Пизани таким образом: «Новое значение, воспринятое словом, уже существовало как вторичное при предшествующем употреблении слова» [4, с. 145].

Далее, при анализе семантики лексемы *вера*, предпринимается попытка подтвердить сформулированную О.Н. Трубачевым гипотезу о том, что «большинство феноменов культуры и их языковых выражений производно и вторично» [5, с. 182], следовательно, абстрактные термины духовной культуры образовались на базе слов с конкретной семантикой путём метафорического или метонимического переноса.

Вера – глубинная общечеловеческая универсалия культуры. Категория веры входит в фундаментальную для европейской культуры аксиологическую формулу «Вера – Надежда –

Любовь» [6, с. 157]. Семантическая аранжировка и статус феномена веры в той или иной культуре во многом зависят от специфики соответствующей религиозной традиции. Понятие «вера» в христианстве трактуется как «внутренняя позиция, убеждение, уверенность в существовании всевышнего божества или в грядущем окончательном спасении» [7, с. 115].

Есть основания полагать, что на развитие и последующее доминирование абстрактного значения *вера* «вера, уверенность» в славянских языках существенное влияние оказало распространение христианства, в частности, классические жития святых мучениц – сестёр, носивших имена главных христианских добродетелей, – Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, мужественно отстаивавших свои убеждения перед императором Адрианом (II век) и поплатившихся за это жизнью.

В древнееврейском языке *’mtyṗāh*, понимаемое, прежде всего, как «вера» (где корень *’mṗ* передает идею твердости, устойчивости, постоянства, см. [7, с. 669]) имеет почти юридическое значение; это именно те верность и честность, с которыми люди соблюдают обеты и обязательства и с которыми Бог и народ Израиля придерживаются Завета [8, с. 115]. Вера предполагает верность и доверие Богу. В качестве важного компонента веры выступает также уверенность в «воссянии благодати» и благодати личной судьбы, препорученной промыслу Божьему [там же].

Одним из семантических признаков, входящих в содержание понятия «вера», является также мысль о воздаянии. Согласно традиционным религиозным воззрениям, Бог дарует вечную жизнь за соответствующие усилия (добрые дела) со стороны человека. Таким образом, отношения между Богом и человеком мыслятся в виде определенного договора, обязывающего обе стороны [9, с. 177]. Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов считают, что «отношения между человеком и богом в древних обществах можно рассматривать в рамках “теории обмена” как обмен «дарами» между богом и человеком, приносящим «дары» – жертвоприношения богу – взамен благорасположения и благодеяния, ниспосылаемых божеством человеку» [10, с. 752].

В современном русском литературном языке слово *вера* имеет несколько значений: «уверенность, убежденность в чём-либо, в наступлении чего-либо»; «твёрдое убеждение в чьей-либо честности, твёрдости, добрых намерениях; доверие»; «убеждение в истинности чего-либо, усвоенное традиционно на основании доверия к мнениям других людей, принимаемое без доказательств и научной критики; убеждение в реальном существовании чего-либо сверхъестественного, фантастического» [11, с. 163-164].

В современный русский язык исследуемое слово пришло из древнерусского языка, в котором словом *вѣра* обозначались такие понятия, как:

1. вера, доверие, уверенность: **Велика дѣсть вѣра твоя;**
2. правда: **Лъжа, а не вѣра, прѣмуже на земли;**
3. присяга, клятва: **Тѣхъ всѣхъ цѣловальниковъ приводити къ вѣрѣ;**
4. сознание божественного закона, религия. **А кто ѹмнетъ вѣрѹ хулити или осужати, и тотъ человекъ не извинится ничимъ же и ѹмретъ злою смертію** [12, с. 490].

Таким образом, в современном русском литературном языке значения «присяга, клятва» и «правда» утрачены.

Древнерусским языком, в свою очередь, слово *вѣра* было унаследовано из праславянского языка. В качестве исходной формы для него исследователями предлагается субстантивированное **věra < *věrnъ(jь)*, практически во всех славянских языках имеющее значение «вера, уверенность, доверие». Ср. болг. *вяра* «религиозное мировоззрение», «уверенность», «доверие», серб.-хорв. *véra*, словен. *véra*, чеш. *vira*, словц. *viera*, в.- и н.-луж. *wěra*, польск. *wiara*, укр. *віра*, бел. *вера*. Ср. атрибутивные континуанты: болг. *véren* «преданный», серб., хорв. *véran* «преданный», «верующий», словен. *veren* «верный», «верующий», чеш. *věrný* «верный», словц. *verný*, в.- и н.-луж. *werný*, польск. *wierny*, блр. *верны*.

В генетическом отношении слово *вера*, по мнению П.Я. Черных, восходит к и.-е. существительному **uērā* «доверие», «вера» [13, с. 141]. Что касается и.-е. корня **uēr-*, то он имел значение «дружеское расположение; доказывать дружеское расположение». Отсюда **uēr-os* «достойный доверия, верный, истинный», греч. *ἔηρ-* «сделать приятное, одолжение, любезность» и *ἥρα* – наречие-предлог «ради» [14, с. 1165]. Родственно авест. *var-* «верить», осет. *urnun* «верить», д.-в.-н. *wāra* «правда, верность, милость», *-wērs* «истинный», «действительный», «верный», др.-ирл. *fīr* «правдивый, истинный», лат. *vērūs* «истинный, правдивый».

Исходным значением слова *вера*, по мнению этимологов, является сема 'истина, правда' соотносительная с зависимой от нее семой 'клятва, присяга', откуда позднее развились известные всем славянским языкам значения 'вера, уверенность' и их продолжения [15, с. 36].

Однако, по нашему мнению, в качестве первоначального могло выступать как раз значение 'клятва, присяга': ср. прагерман. *wēra* 'договор, обет, союз', др.-исл. *Vār* 'богиня клятвы на верность' [14, с. 1165], др.-англ. *wēðr* 'союз', 'обещание', 'верность', 'дружба', др.-исл. *vár* 'обет, торжественное обещание', *vārar*, pl. 'договор', 'обет' [16, с. 292-293].

Как было отмечено выше, данное значение, т.е. 'клятва, присяга', сохранялось в древнерусском языке, но было утрачено современным русским литературным языком. Вместе с тем, еще у В.И. Даля (т.е. для середины 19 в.) отмечается эта семантика лексемы *вера*, но с пометой *устар.*[евшее]; ср. там же *веритися* устар. 'присягать, принимать присягу'; *вероломный* (ломающий веру) 'о человеке, нарушающем клятву, присягу, верность, обет, обещание, слово'; *вероломство* (ломание веры) 'нарушение клятвы верности, данного слова или обещания' [17, с. 112-113].

Abstract. The paper considers the semantics, history and origin of the word *faith* belonging to the valuable dominants of the national picture of the world of the Russian people. The role of Christianity in the development of the abstract semantics of the lexeme is shown.

Литература

1. Степанов, Ю. С. Номинация, семантика, семиология (Виды семантических определений в современной лексикологии) / Ю.С. Степанов // Языковая номинация (Общие вопросы). – М., 1977.
2. Журавлёв, А. Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики / А. Ф. Журавлёв // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. – М., 1999.
3. Резников, Л. О. Понятие и слово / Л. О. Резников. – Л., 1958.
4. Пизани, В. Этимология. История – проблемы – метод / В. Пизани; перевод с итал. – М., 1959.
5. Трубачёв, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубачёв. – Изд. 2-е, доп. – М., 2003.
6. Новейший философский словарь. – Изд. 2-е, перераб. и дополн. Мн., 2001.
7. Православная энциклопедия. – М., 2004. – Т. VII.
8. Всемирная энциклопедия: Христианство. – Мн., 2004.
9. Религия: Энциклопедия. – Мн., 2007.
10. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. II. Семантический словарь общеиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси, 1984.
11. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л., 1951. – Т. 2.
12. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3-х т. / И. И. Срезневский; репринтное издание. – М., 1989. – Т. 1.
13. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. / П. Я. Черных. – 6-е изд., стереотип. – М., 2004. – Т. 1.
14. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. – Bern–München, 1949.
15. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т.А. Боброва. – М., 1994.
16. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 2-е изд., стереотип. – М., 1986-1987. – Т. 1.
17. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В. И. Даль. – М., 1989. – Т. 1.

О типовых моделях организации смысла паремий с посессивными комплексами

И. Г. ГОМОНОВА

Наличие в паремиологических единицах (ПЕ) общего компонента, значимого для их организации и интерпретации, позволяет обнаружить свойственные таким паремиям общие структурно-семантические и функциональные особенности. Для анализируемых в данной статье русских пословиц и поговорок таким компонентом является посессивный комплекс, представляющий собой субстантивное словосочетание с притяжательным местоимением в зависимой позиции или (реже) независимый посессив, который концентрирует в себе предметное значение и значение принадлежности / свойственности. Спецификой употребления посессивов в паремиологической единице является то, что они относятся к обобщенному антецеденту, однако степень обобщенности у отдельных притяжательных местоимений является разной (самая высокая она у возвратно-притяжательного местоимения свой). Кроме того, в паремиях регулярно не называется кореферентное посессиву имя. Значение посессивных комплексов зависит от взаимодействия имени, к которому относится посессив, и контекста, причем в разных по семантике посессивных сочетаниях тот или иной аспект выходит на первый план. Так, например, характер выражаемого с помощью притяжательного местоимения отношения между посессором и объектом обладания определяется семантикой объекта обладания – для имен, содержащих релятивные семы, – и семантикой объекта обладания в сочетании с контекстуальными и экстралингвистическими данными – для имен, не содержащих релятивные семы.

Посессивные комплексы, выступая в качестве компонента паремии, участвуют в определении ее функциональной «специализации», формировании ее прагматического потенциала. Как известно, прагматически ориентированная классификация паремиологических единиц основывается прежде всего на характере речевых действий, которые могут реализовываться при их посредстве. Проведенный нами анализ паремиологических единиц с местоимениями-посессивами показал, что паремиям такого рода свойственно выражение, главным образом, следующих речевых установок: 1) сетование (данная установка представляет собой выражение негативных эмоций по поводу каких-либо действий, событий или обстоятельств); 2) осуждение (эта речевая установка заключается в выражении негативно окрашенного отношения к чьим-либо качествам, поступкам, манере поведения и т.п.); 3) оправдание (самооправдание); 4) угроза; 5) одобрение (самоодобрение); 6) позитивное ожидание. Практически количество функций, связанных с анализируемыми паремиями, значительно больше, во-первых, за счет существования их вариантов (например, позитивное ожидание – ободрение, утешение), во-вторых, вследствие возможности использования их для реализации разной речевой установки (в частности, типичным для исследуемого материала является комбинация «осуждение / оправдание»). Вопрос о том, какая именно из функций присуща определенному пословичному изречению, фактически невозможно решить в абстрактной форме, без учета конкретных факторов его реализации. Кроме того, свойственные паремиям функции связаны с их содержательной спецификой.

Исследование паремиологических единиц с отдельными посессивными комплексами подтверждает мысль о том, что повторяемость компонента паремии приводит к тиражированию способов «синтаксического конструирования и интерпретации структурно-семантических моделей ПЕ» [1, с.136]. К типовым моделям организации смысла паремий с посессивными комплексами относятся, в частности, ПЕ с дистрибутивно-посессивным зна-

чением, средством выражения которого является возвратно-притяжательное местоимение (ВПМ) *свой*, и ПЕ с релятивно-характеризующим посессивным значением, которое реализуется в русском паремийнике преимущественно посредством лично-притяжательного местоимения (ЛПМ) *наш*.

Паремии с дистрибутивно-посессивным значением имеют общее значение 'Всякий объект определенного класса характеризуется (обладает) индивидуальным, свойственным только ему признаком' и представляют собой обширный участок паремиологической системы русского языка. Наряду с посессивным комплексом вторым обязательным компонентом таких паремий является определительное местоимение с обобщающим значением *всякий* (*всяк*), *каждый*, *весь*, представленное как автономно (в случае субстантивации), так и в составе именных словосочетаний: *Всяк свое хвалит* [Даль 2, с.197]; *Всякому свое и не мыто бело* [Даль 2, с.97]; *У каждого свой царь в голове* [Даль 1, с.343]; *Всему свое место* [РАЛС, с.62]; *Всякая птица своим голосом поет* [Даль 2, с.111]; *У всякого Егорки свои отговорки* [Даль 1, с.140].

Практически во всех паремиологических единицах с дистрибутивным значением определительное местоимение является средством выражения семантического субъекта и занимает препозитивное положение. Сочетания местоимений *всякий* / *каждый* с именем существительным, с одной стороны, выступают в качестве конкретно-образного способа выражения обобщающего компонента. В то же время понятно, что степень конкретизации значения этого компонента не может быть высокой, так как, во-первых, речь идет о паремиях, во-вторых, смысловым центром субстантивного словосочетания остается обобщающее местоимение. В сочетаниях «*всякий* / *каждый* + сущ.» в составе паремий используются преимущественно субстантивы трех семантических разрядов. Наиболее активно представлены разнообразные существительные со значением лица: *Всякая невеста для своего жениха родится* [Даль 1, с.282]; *У всякого мастера свои ухватки* [РНПП, с.265]; *У всякой старушки свои прорухи* [Даль 1, с.163]; *У всякого Павла своя правда* [Даль 1, с.146]. Кроме того, в сочетаниях с определительными местоимениями регулярно используются имена существительные, обозначающие животных и птиц, а также номинации растений и их плодов. Такие именные комплексы традиционны для паремий и имеют ярко выраженный метафорический характер: *Всякая лисица свой хвост хвалит* [Даль 2, с.195]; *Всяк петух на своем пепелище хозяин* [Даль 2, с.76]; *У всякого жеребенка своя попрыжка* [РНПП, с.72]; *Всякое семя знает свое время* [Даль 2, с.118]; *Всякая сосна своему бору шумит* [Даль 1, с.255]; *У каждой ягоды своя косточка* [РНПП, с.294]. Другие (конкретные и абстрактные) существительные в прямом и переносном значении в анализируемой позиции употребляются нерегулярно: *Во всяком подворье свое поверье* [Даль 2, с.105]; *У всякой охоты свои заботы* [РНПП, с.76]; *Всякая вещь хороша на своем месте* [ППРН, с.490].

Более широкой сочетаемостью характеризуется в анализируемых паремиях посессив. Местоимение *свой* в дистрибутивной функции активно сочетается с существительными разных семантических разрядов. Посессивный комплекс выполняет обычно в предложениях-паремиях роль семантического предиката. В безглагольных конструкциях (а по их моделям строится большая часть паремий с дистрибутивным значением) сочетание «*свой* + сущ.» осуществляет эту функцию самостоятельно. Такие паремии представлены четырьмя основными структурными типами, причем в первых трех посессивный комплекс занимает позицию грамматического подлежащего:

– «у + *всякий* (*каждый*) / *весь* + [сущ.] в Р.п.» – «*свой* + [сущ.] в И.п.»: *У каждого своя доля* [РНПП, с.159]; *У всякой собаки своя кличка* [Даль 2, с.173]; *У всякой пичужки свой голосок* [Даль 2, с.111];

– «*всякий* (*каждый*) / *весь* + [сущ.] в Д.п.» – «*свой* + [сущ.] в И.п.»: *Всему свое время* [РАЛС, с.61]; *Каждому слову свое место* [Аник., с.123]; *Всякому зерну своя борозда* [Даль 2, с.108];

– «в (на) + *всякий* (*каждый*) / *весь* + сущ. в П.п.» – «*свой* + сущ. в И.п.»: *В каждой избушке свои погремушки* [РАЛС, с.33]; *В каждой деревне свои порядки* [РНПП, с.56];

– «*всякий* (*каждый*) / *весь* + [сущ.] в И.п.» – «на (в) + *свой* + сущ. в В.п.»: *Всякий портной на свой покрой* [Даль 2, с.111]; *Всяк старец в свой ставец* [Даль 2, с.95].

Другие структурные типы безглагольных предложений-паремий представлены нерегулярно: *Каждый цветок со своим запахом* [ППРН, с.26]; *Во всяком посаде в своем наряде* [Даль 2, с.112]; *Под каждой крышей – свои мыши* [Аник., с.257]; *На всякий случай – свой обычай* [Аник., с.191].

В глагольных конструкциях посессивный комплекс обычно входит в состав семантического предиката в сочетании с глаголом, восполняя информативную несамодостаточность последнего: *Всяк своим умом живет* [Даль 2, с.104]; *Всякая курица своим голосом поет* [ППРН, с.26]; *Все идет в свой черед* [Аник., с.52]; *Каждое начало имеет свой конец* [ППРН, с.527]. В состав семантического предиката входит посессивный комплекс и в предложениях-паремиях с именным сказуемым (при этом может занимать позицию грамматического подлежащего): *Всякому своя слеза солона* [Даль 2, с.97]; *Всякая птица своим клювом сыта* [Даль 2, с.188]; *Всякая избушка своей кровлей крыта* [Даль 2, с.112].

Паремии с ВПМ в дистрибутивной функции представляют собой один из тех участков паремиологической системы, который является «излюбленным» для ее коллективного автора. Большинство паремий такого типа находятся в отношениях синонимии, квазисинонимии либо представляют собой варианты разного рода: *Всяк свое хвалит* [Даль 2, с.96] – *Всякий свой товар хвалит* [РНПП, с.248], *Всякий купец свой товар хвалит* [Даль 2, с.197], *Всякий цыган свою кобылу хвалит* [Даль 2, с.197], *Всякий боярин свою милость хвалит* [Даль 2, с.197], *Всякая старина свою плешь хвалит* [Даль 2, с.197], *Всяк кулик свое болото хвалит* [РАНС, с.26], *Всякая лиса свой хвост хвалит* [Даль 2, с.195] и др. Многие русские ПЕ с дистрибутивным *свой* имеют соответствия в паремийниках других языков, образуя своеобразный фрагмент proverbialного пространства. Напр.: *Всему свое время* (сравн. лат. *Suis quaeque temporibus* «Все в свое время» [РАЛС, с.61]) – бел. *Усё свой час мае* [ПП 2, с.472]; пол. *Wszystko ma swój czas* [Стып., с.65]; чеш. *Každý (Všechno) má svůj čas* [ČР, с.110]; англ. *Everything is good in its season* [РАНС, с.25]; нем. *Jedes Ding hat seine Zeit* [РАНС, с.26]. Таким образом, модели, по которым организуются паремии с дистрибутивным *свой*, характеризуются высокой степенью продуктивности. ПЕ такого рода активно используются носителями языка, в том числе в виде выражений, содержащих мотивы паремий, и в трансформированном виде.

Категория посессивности, как известно, имеет антропоморфический характер, одним из проявлений которого является оформление в рамках посессивных сочетаний релятивно-характеризующих отношений. Межличностные отношения разного рода (между индивидом и индивидом, индивидом и группой, группой и индивидом) с различным конкретным наполнением (родственные, дружеские, соседские, иерархические и др.) активно выражаются в текстах паремий прежде всего посредством посессивных комплексов «*наш* + наименование лица».

«Специализированность» местоимения *наш* в отношении передачи релятивно-характеризующих отношений подтверждается, в частности, тем, что в паремиологическом материале последовательно выделяется ряд моделей, по которым построены посессивные комплексы «*наш* + наименование лица», а также (в некоторых случаях) сами предложения-паремии, содержащие их. ЛПМ *наш* в составе посессивных словосочетаний релятивно-характеризующего типа может указывать на субъекта-посессора, представленного более или менее широкой группой лиц, разными социальными коллективами, объединениями. Притяжательные местоимения в таких конструкциях утрачивают значение собственно принадлежности и служат, как правило, для выражения отношений «социальной посессивности»: указывают на родственную, дружескую, любовную связь персонажа паремии с субъектом-посессором, на их национальную, территориальную, «профессиональную» общность и др. Функционально-смысловой потенциал ЛПМ *наш* в сочетаниях с именами лиц настолько широк, что это местоименное слово может, во-первых, указывать на разного рода функциональное целое типа «я и другие», «мы и другие»; во-вторых, совместно с существительным-релятом при обращении (непосредственном или опосредованном) к другому лицу передавать значение «ты / вы». Наконец, также сливаясь в содержательном отношении с именем лица, выражать значение «он (она, они)». В двух последних случаях притяжательное местоимение в

большей мере утрачивает посессивное значение, даже в некоторой степени десемантизируется, однако обязательно имеет эмоционально-экспрессивную окрашенность, причем в большинстве случаев пейоративного типа.

Анализируемые паремии служат средством меткой, образной характеристики лиц (инструментом которой обычно является какой-либо частный признак), причем в большинстве случаев характеристики негативного плана, предметом которой являются человеческие слабости и пороки, влекущие за собой негативные последствия. Такое критическое отношение к «нашим» объясняется, как правило, тем, что они 1) занимают социальное положение, вызывающее негативную оценку посессора или 2) не связаны с субъектом-посессором отношениями кровного родства. Посессивные сочетания с релятивно-характеризующими отношениями представлены в ПЕ 4-мя основными структурными типами, которые характеризуют весь анализируемый фрагмент паремиологического фонда, но особенно выразительно проявляются в текстах, включающих в себя компонент «*наш* + антропоним». Это следующие модели:

– «*наш* + сущ. в И.п.» (наиболее активно представлена): *Наш пострел везде поспел* [Даль 1, с.201]; *Наши дураки без пастуха бродят* [Даль 1, с.343]; *Наш Тит и под лавкой спит* [Даль 2, с.297]; *Наша Дуня грязна, как гуня* [Даль 2, с.296];

– «*наш* + сущ. в Род.п. с предлогом *у*»: *У нашего соседа смиренная беседа* [Аник., с.308]; *У наших зятей много затей* [Даль 1, с.308]; *У нашего Филата спина горбата* [Даль 1, с.367];

– «*наш* + сущ. в Д.п. без предлога»: *Нашему болвану ни в чем нет талану* [Даль 1, с.43]; *Нашему уроду все не в угоду* [Даль 1, с.101]; *Нашему Макарке все огарки* [Даль 2, с.296];

– «*наш* + сущ. в В. – Род.п. без предлога»: *Нашего непоседа ни дома, ни у соседа* [Даль 1, с.200]; *Нашего слугу согнуло в дугу* [Даль 1, с.110]; *Нашего Мины не проймешь и в три дубины* [Даль 1, с.161].

Посессивные комплексы всех структурных типов выполняют в предложениях-паремиях роль семантического субъекта.

Общность строения характерна не только для посессивных комплексов, входящих в анализируемые ПЕ, но и для целого ряда самих предложений-паремий. Так, например, среди паремиологических единиц с посессивным комплексом «ЛПМ + имя лица в Род.п. с предлогом *у*» представлены сложные двучленные предложения, части которых являются безличными (отрицательно-генитивными) предложениями, а посессивный компонент выступает в роли дополнения-детерминанта: *У нашего командира ни шляпы, ни мундира* [Даль 1, с.194]; *У нашего господина ни ржи, ни овина* [Даль 1, с.65]. Двойное отрицание наличия чего-то (значимого в данном случае) у субъекта или свойственности чего-то субъекту приводит к усилению его негативной оценки: *У нашего свата ни друга, ни брата* [Даль 2, с.230]; *У нашей пряжи (непряжи) ни одежды, ни рубахи* [Даль 2, с.12]. Подобный эффект достигается также в предложениях-паремиях, где характеристика чего-либо или кого-либо принадлежащего / свойственного субъекту сопровождается обобщающим (*У нашей свахи все невесты непряжи* [Даль 1, с.366]; *У нашей матушки все печево, а поесть нечего* [Даль 2, с.48]) или количественным (значение неопределенно-большого количества) признаком: *У наших бражников много праздников* [Даль 2, с.246]; *У нашего молодца нет забавам конца* [Даль 2, с.265].

Общностью структуры характеризуются также паремии, представляющие собой сложные предложения с бессоюзной или комбинированной связью (при этом бессоюзная связь является ведущей) с пояснительными отношениями между частями или структурно-семантическими блоками. Первая часть (блок) такой конструкции содержит словосочетание «*наш* + имя лица» и катафорический элемент, содержание которого раскрывается во втором блоке. В нем заключена отрицательная оценка, имеющая иронический характер: *У наших казачков (молодцов) обычай таков: поцеловал куму, да и губы в суму* [Даль 2, с.207]; *У нашей свахи так: хожено, так слажено, а расхлебывайте сами* [Даль 1, с.286]; *У нашей хозяйки все в работе: и собаки посуду моют* [Даль 2, с.85]. Помимо местоименных слов, в роли поясняемого элемента в первой части анализируемых паремий используются также количественно-именные словосочетания: *У нашего хозяина два кваса: один как вода, а другой пожже* [Даль 2, с.289]; *У нашего старосты четыре радости: лошади пропали, коров не найдут, два брата в солдатах, сестра в девицах* [Даль 1, с.120].

Таким образом, паремии, представляя собой единицы, которые используются для реализации особо востребованных в коммуникации речевых действий, приобретают стандартизированное языковое выражение, наиболее «выразительные способы передачи отдельных пословичных смыслов тиражируются в ПЕ самым активным образом» [1, с.136]. Среди паремий, включающих в себя в качестве общего компонента (фрагмента) посессивный комплекс, широко представлены такие паремические формулы, организованные по типовым для этого участка паремиологической системы моделям.

Abstract. The paper describes Russian paremiis with possessive complexes organized on models which are typical for the given paremiologic system. It also reveals structural types of possessive complexes and paremiologic entities on the whole, characterizes semantic specificity and functional purpose of the given paremiis.

Литература

1. Селиверстова, Е. Как «собрать» пословицу: некоторые средства и способы / Е.Селиверстова // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2005. – С. 135-142.

Принятые сокращения

Аник. – Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина; Сост. Ф.М.Селиванов, Б.П. Кирдан, В.П. Аникин. – М.: Художественная литература, 1988; Даль 1 – Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1984. – Т.1; Даль 2 – Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1984. – Т.2; ПП 2 – Прывітанні і прымаўкі: У 2 кн. / Рэд. А.С. Фядосік. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2; ППРН – Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. – Изд. 2-е, стереотип. – Ростов н/Д: Феникс, М.: Цитадель-трейд, 2005; РАЛС – Русско-англо-латинский словарь крылатых слов и выражений / Сост. А.С. Альбов. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006; РАНС – Адамия Н.Л. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок и Библейских изречений. – М.: Наука: Флинта, 2005; РНПП – Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А.М. Жигулев. – М.: Московский рабочий, 1965; Стып. – Стыпула Р. Словарь пословиц и поговорок (русско-польский, польско-русский). – Варшава: Wiedza Powszechna, 2003; ČR – Bittnerová D., Schindler F. Česká příslovi: Soudobý stav konce 20 století. – Praha: Univerzita Karlova v Praze Nakladatelství Karolinum, 2002.

УДК 81.5:398.9[811.161.1+811.161.3](045)

Функционирование прилагательного *золотой* в русских и белорусских заговорных текстах

И. Г. Евтухова

Золото, *золотой* – «металл и признак, символизирующий богатство, красоту, долговечность, соотносимые с представлениями о «верхнем» мире, сфере божественного, с высшими ценностями и, в то же время, с «тем светом» (СД 2, 352).

Характерной особенностью прилагательного *золотой* является то, что в текстах заговоров *золотой* обладает однозначной символикой, с одной стороны, полновластия, главенства и, с другой, колдовства. «Ценность золота удваивается тем, что это драгоценный материал – знак богатства, а стало быть, и власти. В этом своем качестве золото также божественно, поскольку Бог – это «Царь небесный», всеобщий повелитель» [1, с. 83]. Поэтому *золотыми* в текстах являются: 1) центральные предметы (рус. *золотой престол, золотой стол, золотой крест, золотой столб, золотая лестница, золотая колыбель, золотая кузница (кузня), золотое горно, золотой стул*; бел. *залаты вазочак, залатое крылечка, залатое крэсло (креслечко, кресличко, крисличка), залатая гара, залаты мост*). Ср.: рус. *Мать Пресвятая Богородица. С золотого престола, с золотым блюдом, с золотыми ножницами...* (БКЗ, От уроков, 78); бел. *...Ехаў Сус Хрыстос чэрэз залаты мост...* (ПЗ, № 380. Ад звiху, 226); 2) мифические персонажи (рус. *золотой человек, золотая девица, золотая баба, девица – златое лицо*; бел. *золотый золотничок, золотый чолочечок*); б) неантропоморфные мифические существа (рус. *белка золотая, золотая щука, щука златокрыла, злат птица, золотой петух*; бел. *змея, золотая голова*).

Благодаря сквозным эпитетам каждый персонаж и предмет заговора получает особую магическую значимость, а текст в целом отчетливо ритмизируется и приобретает сказочный колорит [2, с. 321]: *Нарадзи мяне, Госпаdzi, // З жыватварашча краста, // Сахрани мяне, Госпаdzi, // Ад усякага зла. // ...Прычыста Святая, // У цябе ручка залатая. // З медзянога пальца испусци, // Ты мяне ў дарогу адпусци* (ПЗ, № 1052 [В дорогу], 621); *Госпаdzi Богу памалюся, // Святой Прачыстай Мацяры пакланюся. // Прачыста Святая, // Ручка залатая, // З медзянога пальца спусци, // У дарогу ичасця пусци* (ПЗ, № 1053 [В дорогу], 622); *Сам Господь з небесов слезав, // Золотою пятаю поступавав...* (ПЗ, № 861 [На молоко у коровы], 500). Заговор «От волосец» также включает персонаж *золотой человек*, имеющий фольклорно-мифологический характер: *«Есть море-Окиян; на том море есть мост золотой, сидит на нем человек золотой, стружет стрелы золотые и стреляет из раба Божия* [3, с. 41, № 91].

Человеку, произносящему заговор, предписано «стружки строгати выстругом намелко черемховыя». *Золотой человек* в заговоре также «стружит стрелы *золотые*», а в дополнение к этому еще и «стреляет» болезни. Текст заговора и ритуал, сопровождающий его произнесение, взаимно открыты и проницаемы друг для друга. Реальные действия исполнителя заговора в тексте приписываются сверхъестественному существу. Действия, совершаемые самим исполнителем заговора, также мифологизируются. Происходит магическое удвоение: ритуал отражается в зеркале текста, а текст, в свою очередь, отражается в зеркале ритуала. При этом текст приобретает качества действенности и почти вещественной осязаемости, а ритуал наполняется символическим смыслом. Человек лишен такой свободы, какой обладают персонажи заговора: он может настрогать стружки, но вот обстрелять болезни из разных органов тела он уже не в силах. Это делает за него *золотой человек* заговорного текста. Слова наговариваются на нагретое «пенное масло», которое как бы уподобляется первозданному морю-океану, причем *жёлтый* цвет масла ассоциируется с *золотым* цветом моста, чудесного че-

ловека и его стрел [2, с. 299]. «Мотив отстреливания болезни развился из обряда, давно уже забытого, но в XVII веке еще практиковавшегося» [4, с. 261]. Эпитет *золотой* первоначально мог появиться у стрелы, а потом уже обратиться в сквозной, и так мог создаться образ чудесного (*золотого*) человека, отстреливающего болезни.

Золотыми могут быть также предметы, изготовленные из драгоценного металла (рус. *золотое седло, золотые трубы, золотые пята, золотая игла, золотые веретена, золотой нож*; бел. *залаты крижик (крест, хрэст), залаты вянок, залатое сядло, залатыя замки, залатыя зашэпки, залатое капё, залатая тросць, залаты кій, залатыя клешчы, залатыя ключы, залатыя кружэчкі, залатая мысочка, залатыя сундукі*). Ср.: рус. ...Сидит девица душа красная, Пресвятая Богородица, в трои *золотыя* пята шьет: шелкова нитка, *золота* иголка... (БКРИЗ. № 25. Заговор от ран и кровотечений, 211); бел. Хрыстус воскрэс! Остаўся *золотый* хрэст... (ПЗ, № 726. От грому, 406). Сквозной сюжетобразующий мотив «Сакральный покровитель берет *золотые* ключи, отмыкает царские ворота/родовые пути и выпускает младенца» является центральным для полесских заговоров: ...На Сиянской горе// На британьской земле// Божья Мати ходила,// *Золотыми* устами// *Золотыми* перстами,// *Золотыми* ключами// *Золотые* ворота открывала// И рабе Божьей Ганне// Младенца (младенку) на цей свет пускала (ПЗ, № 1 [Облегчение родов], 24), От Лаврыдо Пйргы Божья Маты ийшлб,// Вязку *золотых* ключоў нэсла,// *Золотые* ворота отчинять,// Кушчи-мушчи роздвигать,// *Золотые* воротб отчъненеца,// Кушчи-мушчи роздвѣгнеца// И младенец на свет Божий появься (ПЗ, № 3 [Облегчение родов], 25). Ключ – «предмет, наделенный символикой закрывания-открывания и употребляющийся в апотропеической, медицинской и вредоносной магии вместо замка или параллельно с ним... В лечебной практике используется основная функция ключа – запирать, замыкать что-либо; на этом основано закрывание, замыкание болезни... Ключ, особенно церковный, используется в магических действиях, для которых важно символическое открывание...» (СД 2, 511).

Прилагательное *золотой* реализует переносное значение «яркий, блестящий», соотносясь с символикой света (рус. *золотой рог* (у месяца); бел. *залатая риза, залатая раса, залаты рог, залатыя ножкі* (у месяца), *залатыя звезды*): рус. Молодик, молодик, тебе – *рог золотой*, а мне – *женех молодой* (ЗЗРН, № 2, с. 19); бел. Месяц ты, месяц,.. *залатыя твае ножкі*... (Зам., № 625. Ад зубнога болю. 187).

Этот же эпитет имеет в текстах заговоров символическое значение. *Золотая* символика, дохристианская по существу, функционировала в условиях постепенной христианизации культуры, сливаясь с религиозными понятиями воздания и возмездия, добра и зла. *Золотой* – цвет сакральности, главенства, поэтому он чаще всего объединяется с другими атрибутами власти, царственности, особой магической силы.

Высокой поэтической структурированностью отличается русский заговор «От усоев»: *Есть море золото, на золоте море бел камень, на беле камени сидит красная девица с палицею железною, тепет, обороняет, отлучает от раба Божия (имярек) усоеви на мхи, на болота; Есть море золото, на золоте море золот кораблю, на золоте корабле едет святой Николае, отворяет морскую глубину, поднимает железныя врата, а залучает от раба Божия усоеи аду в челюсти* [3, № 90]. В рассматриваемом заговоре используются анафоры, синтаксический параллелизм, сквозной симпатический эпитет, включающий краткое прилагательное *золот* (*золото, золоты*). В содержательном плане здесь также используется так называемое «ступенчатое сужение образов»: взгляд как бы приближается к объекту, передвигаясь от общего плана к крупному. Наиболее продуктивным в анализируемом заговоре является словосочетание *золото море*, которое повторяется дважды в начале каждого из пяти предложений.

Сочетание *золотая гора* встречается в белорусских заговорных текстах. Гора в народной космогонии – «локус, соединяющий небо, землю и «тот свет»; место обитания нечистой силы, совершения обрядов и т.п.» (СД 1, 520): *Святы Юрий Пабеданосец// Ездить на сивом кани// По залатуй гарэ,// Берэ с залатуй гары// Залатые ключ...* (ПЗ, № 904 [От укуса волка], 529). С горой связаны представления о потустороннем мире (ср. рус. выражение *отправиться на горку* «умереть»; царство мертвых – страна с *золотыми* горами (рус.), на

железной горе находится рай (бел.), после смерти человек должен карабкаться на высокую крутую гору, чтобы достичь того света (в.-слав.), Вырей находится за горами (бел.). На горе между двумя елями хоронили заложных покойников. В заговорах болезнь и ее воплощение отсылают в «иной» мир, воплощением которого наряду с лесом, водой, оврагом и др. является и гора (СД I, 520).

В текстах русских заговоров встречается сочетание слова *камень* с определением *златой (золот)*: рус. *На море на Окиане, на острове на Буяне, стоит дуб ни наг, ни одет, под тем дубом стоит липовый куст, под тем липовым кустом лежит златой камень, на том камне лежит руно чёрное, на том руне лежит инорокая змия Гарафена...* (БКРИЗ, № 1. Заговор от укуса змеи, 423-424). Семантическое поле «светлый» = (белый/серый) + «*золотой*» + «горючий», включающее в свой состав лексему *золотой (златой)*, по мнению Т.А. Агапкиной, «отвечает архаической концепции святого, в интересующем нас случае спроецированной на некое святое место (камень, находящийся в центре мира), объект поклонения и источник чаемой помощи, ср. у В.Н. Топорова о «бесспорной связи «святости» с «блеском», «сиянием», в их предельном проявлении – с *золотым* и пурпурным цветом» [5, с. 258]. Топоров считает, что «эти последние свойства и есть форма выражения «святости» в оптически-визуальной сфере (коде). Поэтому так многочисленны примеры, когда сама «святость» познается по этим признакам» [6, с. 215]. Таким образом, *золотой камень*, лежащий «на море на Окиане», осознается как сакральный локус.

«В заговорах апеллятив церковь часто снабжен эпитетом, характеристическим определением или уточнением, указывающим на сакральность самого объекта, его принадлежность к христианскому культу, на святого, которому посвящена эта церковь, или, наконец, на некоторые внешние признаки храма, маркирующие его исключительность и связь с концептом святого (*золотой*)» [5, с. 261]. Примечательно, что *золотая церковь* «дополняется» и часто даже подменяется такими объектами, как *престол (золотой престол, золотой стол)*, *золотой крест, золотой столб, золотая лестница, золотая книга, золотая риза*. Ср. рус. *На синем море золотой престол, на золотом престоле золотая книга, на золотой книге золотой крест. На золотом кресту сам Господь Иисус Христос...* (ЗОЦС, От зверя и злого человека, 87); бел. *...На Сиянской гори Сус Христос у золотой пелени, с копьем и штыком...* (ПЗ, № 1074 [От сглаза]).

Магическое действие анафорической цепи усиливается многократным повторением одного и того же атрибута, связывающего анафорическую цепь в единое целое: *...На золотом море золотой остров, на золотом острове стоит золотой престол, на золотом престоле стоит животворящее древо, на животворящем древе сидит Сам Иисус Христос и Небесная Царица, Мати Его* (МЭ, 41).

В лечебных заговорах отмечается сочетание апеллятива *дуб* с разного рода пояснительными эпитетами. «Эпитеты и характеристические определения не только решают задачу персонификации природного объекта, но прежде всего способствуют выделению конкретного культового объекта (дуба, сосны) из ряда ему подобных [5, с. 260]. Они характеризуют это дерево по цвету листы и коры: рус. *золотой дуб, сосна золотая*; бел. *дуб с золотой корой*. В других лечебных заговорах под деревом (или реже около камня) фигурируют *золотое кресло, золотое ведро*.

Таким образом, в заговорных текстах *золотой* цвет оценивается исключительно позитивно. Это цвет всемогущий и всепобеждающий.

Культ коня занимал значительное место у древних племен, причем у нескотоводческих народов он не столько был связан с тотемическими представлениями, сколько с аграрной магией. Общими для мифологии всех индоевропейских народов является мотив бога Солнца на боевой колеснице, запряженной конями, причем само солнце представляется в виде колеса. Солнечная, огненная природа коня подчеркивается его *золотой* атрибутикой, *золотой* окраской, наличием определения (приложения) с корнем *-злат*: рус. *В чистом поле млад месяц народился; от млада месяца млад молодец сидит; молодец на вороном коне; у ворона по колени ноги в золоте и по локоть руки в серебре, на буйной голове все кудри в зо-*

лоте (РЗ, № 303); *Есть в чистом поле, в широком раздолье кобылица-златыница; есть у этой кобылицы двенадцать жеребцов* (РЗ, № 311). В текстах русских заговоров часто используется определение *залаты* при описании коня, на котором едут Иисус Христос и святые: *Ехаў Сус Хрыстос на вараном кане, на залатом сядле залатою грэбелькаю* (Зам., № 975); *Едзе святы Юрый і Ягорый-ваявод на сінім кані ў залатым сядле с залатым кап'ём...* (ЗН, № 40. Ад гадзюкі, 46), *Святы Іоргі будзець ехаць на сівом кані, на залатом сідлі, за залатою кап'ёю* (Зам., № 244); *Ехаў святы Ягор на сівым кані ў залатым сядле і залатым срэбры* (Зам., № 428).

Мифическими помощниками в заговорах «От грыжи» являются *золотой петух* и *золотая щука*: ...*вылетает злат петух, садится к рабу Божию (имярек) на голову и на темя порхатъ, и выпорхает у раба Божия (имярек) золотым своим крыльем и золотымя своими когтями и все грыжи и грыжухи, родовы и напускны, уросни и прикосни, улетае за тридевять земель и за тридевять морей. В том синем море есть лютая змея, отдаёт злат петух той лютый змее из своих золотых когтей все грыжи и грыжухи...* (ЗЗРН, № 44. Грыжные слова, 232), ...*Есть в чистом поле Окиян море, и есть на Окиян море белый камень, и есть под белым камнем щука золотая – и перье золотое, и кости золотыя, и зубы золотыя. И прийди, щука, к рабу Божию (имярек) и wygrызи у раба Божия (имярек) своими золотыми зубами грыжу ...* (ЗЗРН, № 396. От грыжи, 231), ...*И есть на Окиане-море белый камень. Есть под белым камнем щука золотая и перезолотая, И кости золотые, и приди, щука, к рабу Божию (имя) И wygrызи у раба Божия (имя) своими золотыми зубами Грыжу встреку, напуцену, жильну, костяну, сосцову, красну...* (ЗЖРИО, № 23. Заговор от грыжи, 5).

Эпитет *золотой*, используемый для обозначения кожных заболеваний (ср. *золотуха*), вероятно, соотносится с мифологическим концептом *золото* (как принадлежности «того света»), а также употребляется в качестве эвфемистического обозначения реалий, связанных с нечистотой, ср. воронез. проверье о том, что человек, покрытый струпьями и умерший от оспы, на том свете будет носить *золотые* ризы, а также русское название ассенизатора *золотарь*.

В русской традиции сложилось восприятие *золотого* как знака избранничества, счастья и высшего суда, подобное представление сложилось еще в рамках солнечного культа. *Золотая* символика, дохристианская по существу, функционировала в условиях постепенной христианизации культуры, сливаясь с религиозными понятиями воздаяния и возмездия, добра и зла. Золото, как правило, связано с испытанием героя, его получают только избранные. Таким образом, *золотые* предметы в фольклоре сакральны. Мифологема чистого, сакрального, золота (крест, ключи, игла, стрелы, замки, седло, клещи, кружечки, мисочки) проявляется в заговорах, где заговаривающий ищет небесного покровительства; так, в заговоре на добрый путь он представляет себя одетым в *золотые* ризы, укрытым *золотой* пеленой. Ср.: ...*На ... золотом стуле сидит красная девица, подпоясалась золотым поясом, подперлась золотым посохом...* (БКРИЗ От грыжи, 40); *Есть море-Окиян; на том море есть мост золотой, сидит на нем человек золотой, стружет стрелы золотые...* (БКРИЗ От волоса, 201). *Золотой* цвет, олицетворяя счастье, богатство и бессмертие, символизирует божественность и святость. Это чудесный цвет, всепобеждающий и всемогущий.

Таким образом, *золотой* цвет в заговорах не оценивается негативно, он обладает положительной символикой, являясь всепобеждающим и всемогущим. Священная семантика *золотого* цвета имеет первичную физическую и в целом мифологизированную природу. *Золотой* – цвет сакральности, главенства и чудес, поэтому он чаще всего объединяется с другими атрибутами власти, царственности, особой магической силы. *Золото, золотой* – красный, жёлтый. Золото ассоциируется и отчасти отождествляется с этими цветами и выступает как их образный заместитель.

Abstract. The paper considers the functions of the adjective golden, its compatibility with other lexemes in the texts of Russian and Belarusian charms. Special attention is paid to the sacral symbolism of the adjective having a mythologized structure.

Литература

1. Миронова, Л.Н. Цветоведение / Л.Н.Миронова. – Мн.: Высшая школа, 1984.
2. Топорков, А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV-XIX вв.: История, символика, поэтика / А. Л. Топорков. – М.: Индрик, 2005.
3. Майков, Л.Н. Великорусские заклинания / Л.Н. Майков. – СПб., 1992.
4. Познанский, Н. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Н. Познанский. – Пг.: Орлов, 1917. – 352 с. (репринт – М.: Индрик, 1995).
5. Заговорный текст. Генезис и структура. – М.: Индрик, 2005. – 520 с.
6. Топоров, В. Н. Об одном архаическом индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – *SVKT- / В.Н. Топоров // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987.

Список сокращений

БКЗ – Крымова, А. Большая книга заговоров / А. Крымова. – СПб.: Невский проспект, 2004; **БКРИЗ** – Большая книга русских исцеляющих заговоров / авт.-сост. М.В. Рейли. – М.: ООО “Издательство АСТ”: ООО “Издательство Астрель”, 2002; **ВРЗ** – Майков, Л.Н. Великорусские заклинания / Л.Н. Майков // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1869. – Т. II; **Зам.** – Замовы / уклад. Г.А. Барташэвіч. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992; **ЗГ** – Смилянская, Е.Б. Заговоры и гадания из судебных-следственных материалов XVIII в. / Е.Б. Смилянская // Отреченное чтение в России XVII-XVIII веков. – М., 2002. – С. 99-172; **ЗЗРН** – 777 заговоров и заклинаний русского народа / сост. А.Александров. – М.: Локид, 1997; **ЗОЦС** – 773 заговора и оберега целителей Сибири. На здоровье, любовь и успех в делах / авт.-сост. Н.А. Новоселова, Л.И. Скрипачева. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003; **МЭ** – Ястребов, В. Материалы по этнографии Новосибирского края / В. Ястребов. – Одесса, 1894; **ПЗ** – Полесские заговоры (в записях 1970-1990 гг.) / сост., подготовка текстов и коммент. Т.А. Агапкиной, Е.Е. Левкиевской, А.Л. Топоркова. – М.: Индрик, 2003; **РЗ** – Русские заговоры / под ред. Н.И. Савушкиной. – М.: Пресса, 1993; **СД** – Славянские древности: Энциклопедический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар.отношения, 1995-1999. – 1995. – Т. 1; 1999. – Т. 2.

УДК 81.08–055.1+81.08–055.2(045)

К вопросу об эвфемизмах в женской и мужской речи

В. И. КОВАЛЬ

Эвфемизмы – «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [5, с. 590], – регулярно встречаются в речи как женских, так и мужских литературных персонажей, однако в феминном и маскулинном дискурсах они имеют свою специфику. Отто Есперсен, одним из первых в 20-х годах прошлого столетия обратившийся к проблеме гендерной маркированности речи, отмечал, что для женского речевого поведения в целом весьма типично не только «подсознательное уклонение от непристойных, грубых выражений», но и «склонность к использованию «чистых», т.е. завуалированных и уклончивых фраз» (Цит. по: [2, с. 57]). Современная исследовательница женской речи Р. Лакофф замечает: «Женщины не употребляют непристойных и неделikatных выражений; женщины – это настоящие специалисты по эвфемизмам» [10, с. 55]. Мужчины (особенно в общении между собой), напротив, склонны к непосредственному выражению мыслей даже в том случае, когда речь идет о чем-то пикантном, деликатном. Сравн.: *Теперь никто не сомневался в настоящей причине его внезапного сближения с семейством Зиненок. Дамы говорили об этом с двусмысленными улыбками, мужчины в своем кругу называли вещи с циничной откровенностью их именами.* <...> *Все с удовольствием ждали соблазнительного скандала.* (Куприн. Молох).

Классическое иронично-насмешливое описание употребления эвфемизмов в манерной, салонной женской речи принадлежит Н.В. Гоголю: Ещё нужно сказать, что дамы города Н. отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка». Ни в коем случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо этого: «этот стакан нехорошо ведет себя» или что-нибудь вроде этого. (Гоголь. Мертвые души). Аналогичные употребляемые в женской речи «гиперкорректные варианты» [6, с. 296] встречаются и в повести Н.С. Лескова «Воительница»: К тому же и обращение у Домны Платоновны было тонкое. Ни за что, бывало, она в гостиной не скажет, как другие, что «была, дескать, я во всенародной бане», а выразится, что «имела я, сударь, счастье вчера быть в бестелесном маскараде»; о беременной женщине ни за что не брякнет, как другие, что она, дескать, беременна, а скажет: «она в своем марьяжном интересе», и тому подобное.

Использование разнообразных эвфемизмов в женской речи (*карамболь* ‘ссора, скандал’; *это дело* ‘интимные отношения’, *амуриться* ‘находиться в любовных отношениях’, *быть в любви* ‘иметь внебрачные связи’; *соленой водой умываться* ‘плакать’, *съесть живую рыбку* ‘забеременеть вне брака’) обусловлено необходимостью обращения к сферам, связанным с сильными эмоциональными переживаниями: *Через несколько времени пошел у них опять карамболь, пошел он ее опять что день трепать, а тут она какую-то жиличку еще к себе, приезжую барыньку из купчих, приняла. Чай, ведь сам знаешь, наши купчихи, как из дому вырвутся, на это дело препростые... Ну он ко всему же к прежнему да еще почал с этой жиличкой амуриться – пошло у них теперь такое, что я даже и ходить перестала.* (Лесков. Воительница); «*У Копчиновых допреж служил, так прогнал его хозяин. – Аксинья понизила голос и досказала: – Сказывают, с самой хозяйкой в любви был... Ведь вот, треанфемская его душа, какой смелый!*» (Лесков. Леди Макбет Мценского уезда); *Заходила я по-*

том еще раз два, все застаю: сидит она у себя в каморке да плачет. «Что так, – говорю, – мать, что рано соленой водой умываться стала?» – «Ах, – говорит, – Домна Платонова, горе мое такое», – да и замолчала. – «Что, мол, – говорю, – такое за горе? Иль живую рыбку съела?» – «Нет, – говорит, – ничего такого, слава богу, нет». – «Ну, а нет, – говорю, – так все другое пустяки». (Лесков. Воительница).

Названная тема, как известно, занимает важное место и в условиях «внутримужского» общения, однако вербализуется она в таком случае посредством более «прозрачных» и стилистически сниженных номинаций. «Одним из признаков мужественности является красочное описание своих сексуальных побед, причем чем их больше, тем лучше – тем выше твой авторитет в глазах окружающих. <...> Женщина в данной ситуации фигурирует постольку, поскольку она – лишь средство для передвижения в социальной иерархии данной группы» [7, с. 12]. Употребление эвфемизмов в мужской речи становится особенно необходимым в том случае, когда адресатом речи является женщина, тем более – при возникновении в процессе общения двусмысленного, эротического подтекста. Так, один из героев рассказа В. Аксенова «Апельсины из Марокко», знакомясь с девушкой, представляется ей как бурильщик, хотя не имеет никакого отношения к этой профессии. С помощью эротической метафоры молодой человек аллегорически подчеркивает свою опытность, искушенность, осведомленность в любовно-эротической сфере: «Это моя подруга Нина. Познакомьтесь!» – «Очень приятно, Ниночка. Бурильщик товарищ Виктор Алексеевич Колтыга к вашим услугам». Он стал нам рассказывать что-то о баскетболе, потом о футболе, потом о каких-то спортивных очках и что-то еще. Можно было подумать, что он крупный специалист по спорту. Он очень образованный, просто даже странно, что он бурильщик.

Мужские персонажи более регулярно, чем женские, используют фразеологические эвфемизмы для обозначения весьма деликатных (и поэтому изначально табуированных) интимных (прежде всего, внебрачных) отношений: *Старик так и позеленел. Он никак не ожидал такой наглой дерзости от согрешившей <...> невестки. «Что ты это, такая-сякая», – начал он срамить Катерину Львовну. «Пусти, – говорит, – я тебе совестью заручаюсь, что еще худого промеж нас ничего не было». – «Худого, – говорит, – не было! А чем вы там с ним по ночам занимались? Подушки мужнины перебивали?»* (Лесков. Леди Макбет Мценского уезда); *«Не шути! – грубовато сказал он. – Мою свинью в ее огороде я не надеюсь пасти, не ищу этого, – не думай!» – «Ох, мужик», – вздохнув, сказала Ольга, сомнительно качая головой.* (Горький. Дело Артамоновых); *«Жена теперича скажет: «Что-то мой Миколушка делает?» – «Ого-го-го! Она, брат, небось, со свекром в голопузика играет».* (Шолохов. Тихий Дон); *И было, было, что уж теперь греха таить, в бессарабские виноградники попластунски лазил и как-то всю ночь давил там с одной смуглянкой-молдаванкой оч-чень дурманное и сладкое вино.* (Астафьев. Ода русскому огороду).

Наблюдения над художественными текстами показывают, что основным побудительным мотивом в использовании в мужской речи эвфемизмов является не столько присутствие при разговоре женщин, сколько сугубо мужская тема разговора – мужские продуцирующие способности, которая по понятным причинам также табуируется. Сравн.: *Война приучила их скрывать за улыбкой истинные чувства, сдабривать и хлеб, и разговор ядреной солью; поэтому-то Григорий и продолжал расспросы в том же шутиливом духе: «Как живешь, старый козел? Как прыгаешь?» – «По-стариковски, не спеша». – «Без меня ничего ишо не добыл?» – «Чего это?» – «Ну, соловья, что прошлой зимой носил...» – «Пантелеич! Боже упаси! Зараз к чему же мне такая роскошь? Да и какой из меня добытчик с одной рукой? Это – твое дело, молодое, холостое... а мне уж пора свою справу бабе на помазок отдавать, сковородки подмазывать...* (Шолохов. Тихий Дон).

«Мужские» эвфемизмы весьма употребительны в фольклорных текстах, иллюстрирующих ситуацию общения парня с девушкой. Участники коммуникации используют специфические устойчивые словосочетания, подтекстный характер которых ими отчетливо осознается. Так, в белорусских любовных песнях наибольшей частотностью характеризуются устойчивые словосочетания, содержащие в своем составе слово-компонент *конь*: *паіць* (напаіць) каня, даць каню вады, пераняць каня, садзіцца на каня, асядлаць каня и др. Обычно

герой песни обращается к девушке с просьбой о том, чтобы она напоила его коня. На первый взгляд, такую простую просьбу девушка (хотя бы из приличия) не может не выполнить, но героиня, как ни странно, реагирует на это отрицательно, хотя (в различных песенных текстах) ведет себя по-разному. В одних текстах девушка сразу же отказывает парню, используя очевидную отговорку, и называет совершенно несерьезную, надуманную причину (например, холодную погоду), не позволяющую ей согласиться: *“Пастой, пастой, дзяўчыначка, / Дай каню вады”* – *“Рада б пастаяць, / Каню вады даць, / Мае босенькія ножкі, / Сцюдзёна стаяць”*. В других случаях героиня объясняет свой отказ ссылкой на воспитательный авторитет матери, на ее предупреждения о возможных последствиях от «гуляний» с парнями: *“Выйдзі, дзеўка, на ганачак, / Дай каню вады!”* – *“Я не магу ўстаць, / Каню вады даць”* – *“Мне матуля прыказала, / Каб я з хлопцам не стаяла, / Матулі баюсь, матулі баюсь*. Особенно же примечательно то, что чаще всего девушка обещает напоить коня лишь после свадьбы с лирическим героем, о чем свидетельствует употребление конструкций *як буду твая, яшчэ не твая*: *“Пастой, пастой, мая Кася, / Дай каню вады!”* – *“Як буду твая, / Напаю каня / З зімненькае крынічанькі, / З поўнага вядра”*; *“Дзеванька мая, / Напой мне каня, / Напой з чыстай, зімнай крынічанькі, / З поўнага вядра.”* *“Як буду твая, / Напаю каня, / Коніка з вядзерца, міленькага з сэрца, / Як буду твая”*; *Дзяўчына мая, напой мне каня!*” – *“Не напаю, казачэньку, яшчэ не твая. / Як буду твая, / То напаю два*.

Приведенный материал дает основание утверждать, что обращенная к девушке просьба парня о напоении или поимке коня является будничной и прагматичной лишь на первый взгляд; в действительности императивные конструкции *дай каню вады, напой каня, пераймі каня* и др. являются по своей сути «тестирующими», поскольку предполагают проверку реакции девушки на аллегорически выраженное предложение об интимных отношениях.

При определении внутренней формы фразеологизмов, содержащих компонент *конь*, следует учитывать отчетливо проявляющуюся в сфере народной духовной культуры связь названного домашнего животного с продуцирующей, детородной магией. Так, согласно «Домострою», жеребцов и кобыл привязывали рядом с подклетью (сенником), где молодые проводили первую брачную ночь. Весьма показателен также пример одной из «Заветных сказок», записанных А.Н. Афанасьевым, – «Стыдливая барыня»: интимные отношения описываются в финале сказки через аллегорический мотив поения коня в колодеце, причем конь выступает как выразительный мужской, а колодец – как не менее выразительный женский символ [8, с. 11]. Сравн. также польские фразеологические эвфемизмы, включающие в свой состав рассматриваемый именной компонент: *konika popasać, napoić konia (koniczka)* ‘(о мужчине) иметь интимные отношения’ [9, с. 94] (см. подробнее: [3, с. 105-107]).

Украинский исследователь Н.П. Лесюк приводит многочисленные примеры регулярно встречающихся в текстах народных песен-«коломиек» «пикантных» (по терминологии автора) оборотов, в различной степени завуалированности обозначающих интимные отношения: *вести під вербу (під грушку), вікляпати косу, забратися в подушки, завести в корчми, кликати в соломі, подерти подолок, покрити дівчину, потягти в кукурудзи, притулитися до тіла, допускати до поділка, нічку ночувати (переспати), разом нічку спати, різати січку, роздерти фартух, сіно микати, смичком тьгнути* и др. [4, с. 135].

Активное использование в качестве эвфемизмов технических терминов глубоко закономерно, поскольку в целом «в мужской речи отмечается терминологичность» [1]. Так, для выражения понятия ‘выпить’ мужские персонажи романа Ф. Абрамова «Дом» используют эвфемистические по своей природе терминологические словосочетания, имеющие отношение к бытовой и технической сферам (*принять душ, произвести орошение, заправлять горючим*): «А не принять ли нам, ребята, душ изнутри, а? Шагайте в мастерскую, я моменталом». Михаил сбегал на погреб, принес две холодненькие, запотелые бутылки московского пивка, разлил по стаканам; Тут Петр Житов, давно уже озабоченно поглядывавший на опустевшие бутылки, раскупорил окно – бесполезно теперь отделять избу от улицы. «Засуха давит все живое», – изрек он с намеком. Приятели его, увлеченные разговором, даже ухом не повели. И тогда он уже открытым текстом сказал: «Орошение, говорю, кое-какое

не мешало бы произвести, поскольку осадков в природе вроде бы не предвидится...» Егорша без слова выложил на стол два червонца; А то ведь что за друзья-приятели пошли в Пекашине? Пока ты их горючим заправляешь, из бутылки в хайло льёшь, везде для тебя зеленая улица, а карманы обмелели – и расходимся по домам.

Очевидно, таким образом, что лексические и фразеологические эвфемизмы в равной мере присущи как женской, так и мужской речи, однако их использование специфично в феминном и маскулинном дискурсах.

Abstract. The paper considers lexical and phraseological euphemisms which are used by male and female literary characters, and establishes thematic spheres of their usage.

Литература

1. Кирилина, А. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038>
2. Коатс, Дж. Женщины, мужчины и язык / Дж. Коатс // Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 34-231.
3. Коваль, В.И. Белорусская народно-песенная фразеология любовно-эротического содержания / В.И. Коваль // *Frazeologický študie III. Jozef Mlacek – Peter Purio editori. K 13. Kongresu slavistov v L'ubl'ane.* – Bratislava, 2003. – S. 105-115.
4. Лесюк М.П. Фразеологізми еротичного змісту в українському пісенному фольклорі // “Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах”, V Междунар. научная конференция “Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах”, 22-23 октября 2007 г.: [материалы] / редкол.: В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – С. 132-137.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. Мечковская, Н.Б. Общее языкознание: Структура и социальная типология языков: учеб. пособие / Н.Б. Мечковская. – Минск: Амалфея, 2000. – 368 с.
7. Першай, А. Гендерные аспекты речевого поведения / А. Першай // Иной взгляд. – 2000. – № 5. – С. 11-12.
8. Русские заветные сказки, собранные А.Н. Афанасьевым. – М.: Диво, 1991. – 124 с.
9. Dębrowska, A. Słownik eufemizmów polskich, czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie / A. Dębrowska. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 1998.
10. Lakoff, R. Language and Woman's Place / R. Lakoff. – New York: Harper & Row, 1975.

УДК 811.161.1'42: 81.161.1'221.4

Такесические речения и их языковое выражение в художественных текстах

А. Ю. КРОХМАЛЬНИК

Такесика как разновидность невербального общения представляет собой совокупность коммуникативно значимых прикосновений, функционирующих в ситуациях речевого и неречевого взаимодействия. Такесемы – языковые репрезентации прикосновений – не всегда имеют общепринятое значение, однако они «достаточно одинаково понимаются многими людьми» [1, с.8]. По мнению Г.Е. Крейдлина, прикосновения в процессе коммуникации могут реализовать достаточно широкий спектр значений: «выражение дружбы, участия или заботы по отношению к адресату жеста, отражение интимного отношения к адресату, установление контакта между жестикулирующим и адресатом и привлечение внимания адресата к кому-либо или чему-либо, отражение доминантного положения человека на некоторой социальной шкале» [2, с. 54]. В более широком смысле слова к такесическим проявлениям относятся также «ситуации, когда человек удерживает кого-то или что-то, ведет кого-то или показывает, как совершать то или иное движение» [3]. Как отмечает В.А. Лабунская, касания также «воспринимаются с помощью зрения и слухового анализатора» [4], что позволяет говорить о возможности их интерпретации третьими лицами. С. Дейл указывает на качественное многообразие коммуникативно значимых прикосновений, которые «варьируются от профессиональной разновидности до интимного» [5]. В то же время отсутствие необходимых элементов такесики в структуре невербального поведения «приводит к уменьшению эмоциональной насыщенности» [6] межличностной коммуникации.

Целью данной работы является определение основных способов языковой реализации прикосновений в различных коммуникативных ситуациях. Материалом для исследования послужили контексты, извлеченные из произведений русской литературы 19-20 вв.

Как показывают наблюдения, во многих художественных текстах представлена не столько коммуникативная значимость того или иного такесического речения (такесемы), сколько его эмоциональный, почти мистический «подтекст». Показателен в этом отношении следующий фрагмент, иллюстрирующий обожествление женщиной прикосновение ее кумира – знаменитого поэта: *Когда великий итальянский поэт Торквато Тассо занял место придворного поэта при дворе герцога Альфонса II в Ферраре, все дамы стремились с ним познакомиться. А одна из них, почувствовав случайное прикосновение Тассо, сказала: «Вы оскорбили меня не тем, что протянули ко мне руку, а тем, что отняли ее»* (Ю. Безелянский. В садах любви). С другой стороны, прикосновения могут восприниматься реципиентами как негативно маркированные вследствие того, что их субъектом является либо лицо, наделяющееся в определенной культурной традиции чертами потустороннего, «нечистого» персонажа, либо человек, обладающий в глазах коммуниканта низким моральным статусом. Сравн.: *«Прощай! храни тебя Бог милосердый, дитя мое!» – сказал колдун, поцеловав ее. «Не прикасайся ко мне, неслыханный грешник, уходи скорее!..» – говорила Катерина* (Н.В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки).

Вполне закономерно, что во многих художественных текстах наиболее высоким статусом наделяется «межполовая» такесическая коммуникация, наполненная скрытой для посторонних, но понятной как продуценту, так и реципиенту эмоционально окрашенной информацией. Особенно высоким духовным содержанием наполняются такесемы *прикосновение к руке, прикосновение руки*, используемые при описании любовного общения: *Когда же мне попалась кисть руки, и я руку погладил, то она сквозь сон мне ответила: «Милый*

ты мой!» Так не раз я замечал, что прикосновение к руке бывает прикосновением к душе (М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина. Мы с тобой. Дневник любви); Они ко времени встречи все же оказались полны той удивительной чувствительности, когда прикосновение пальцев любимого существа заставляет звучать все струны сердца (Н.Н. Шпанов. Ученик чародея).

Весьма выразительно «развернутое», образное представление близкого по составу такесического речения: *Прикосновение моих пальцев к ее руке, когда я помогал ей войти в автомобиль, вообще эта немая мелодия кожи и мышц, этот встречный толчок ее тела, в котором она, быть может, даже не успела отдать себе отчет, – именно это было главным и именно это предопределило дальнейшее* (Г.А. Газданов. Призрак Александра Вольфа). Очевидно, что перифраза *немая мелодия кожи и мышц* (образный аналог такесемы *прикосновение пальцев к руке*) основана на оксюморе: в состав описательного обозначения прикосновения входят «взаимоисключающие» лексемы *немая* и *мелодия*; ярко выраженной контрастностью характеризуется также словосочетание *мелодия кожи и мышц*, которое отражает противопоставление духовной и телесной сфер. Обратим также внимание на то, что в данном контексте отмечена высокая коммуникативная (контактоустанавливающая) значимость такесического компонента как ключевого, поворотного момента в развитии событий: *...именно это было главным и именно это предопределило дальнейшее*.

Эмоционально насыщенные прикосновения могут приобретать настолько большую значимость для двоих, что вербальное общение становится для них излишним, ненужным: *Они, и Олег и Нина, были еще настолько неопытны и юны, что долго не могли избавиться от чувства взаимной неловкости. Каждое прикосновение друг к другу лишало их дара слова* (А.А. Фадеев. Молодая гвардия). Если в предыдущем контексте такесика определяется как важный способ невербального общения, реализующийся на фоне вербальной коммуникации, то в данном случае прикосновения вовсе исключают речевое взаимодействие. При этом такесема *прикосновение друг к другу* выступает в качестве некоего магического субъекта, способного выполнять роль «блокиратора» вербального общения, что отражается в семантике устойчивого словосочетания *лишать дара слова* – ‘заставлять молчать’.

Исключительно важную, специфическую функцию – не только опознавательную, но и эмоционально-чувственную – выполняют прикосновения в общении с незрячим реципиентом, у которого тактильные ощущения компенсируют утрату зрения и поэтому развиты особенно сильно. В следующем контексте такесема *горячее прикосновение* используется для выражения положительных эмоций – сопереживания, причастности к судьбе, искренней радости: *Он сидел на своем стуле, с рукой, еще вытянутой на клавиатуре, и под шум разговоров внезапно почувствовал на этой руке чье-то горячее прикосновение. Это Эвелина подошла к нему и, незаметно сжимая его пальцы, прошептала с радостным возбуждением: «Ты слышал? У тебя тоже будет своя работа!» Слепой вздрогнул и выпрямился* (В.Г. Короленко. Слепой музыкант).

Очевидна роль прикосновений, обеспечивающих фатическую, т.е. контактоустанавливающую функцию общения. Наиболее отчетливо это представлено в условиях доверительного межличностного общения духовно близких людей, обсуждающих сложные, в том числе – почти тупиковые ситуации. Так, Анна Каренина, приехавшая в Москву к брату с целью его примирения с женой, проводит с Долли Щербацкой нелегкую беседу, во время которой держит ее за руку, что, несомненно, повышает у адресата ощущение сочувствия, сопричастности, соучастия. Именно поэтому такесическое речение *пожимать руку* в данном случае наполняет особым смыслом акцентированное Анной ключевое слово *понимать* – ‘обладать способностью постигать смысл, значение чего-либо’: *«О нет, я понимаю! Понимаю, милая Долли, понимаю», – говорила Анна, пожимая ее руку* (Л. Толстой. Анна Каренина). Такесема *класть руку на руку* (собеседника) не только подчеркивает важность конкретного разговора, но и свидетельствует о проявлении субъектом речи инициативы. Именно таким образом поступает Анна, сообщая Вронскому чрезвычайно важную, судьбоносную для обоих информацию: *Все равно, – сказала она, кладя свою руку на его, – пойдём, мне нужно переговорить. <...> Я не сказала тебе вчера, – начала она, быстро тяжело дыша, – что, возвращаясь домой с Алексеем Александровичем, я объявила ему все... сказала, что не могу быть его женой, что... и все сказала*. Не менее оче-

видна в следующем контексте роль доверительного соприкосновения рук мужа и жены, дающих морально-этическую оценку сложной ситуации: *Сергей Васильевич и жена его, оставшись наедине в кабинете, долго сидели в раздумье и слова не говорили. «О чем ты думаешь?» – спросил, наконец, муж, прикасаясь ладонью к руке жены. «Я думаю об этой бедной женщине и ее детях, думаю также о помещиках... таких, как мы...» – вымолвила Александра Константиновна* (Д.В. Григорович. Переселенцы).

Такесические речения, по нашим наблюдениям, могут наполняться конкретным смыслом в зависимости от того, какая часть тела собеседника является «объектом» прикосновения. При этом такесемы могут использоваться коммуникантами как самодостаточные невербальные средства, так и в качестве единиц, употребляющихся параллельно с вербальным общением. Кроме того, такесемы (подобно лексическим единицам) могут быть общепринятыми, «узуальными» и индивидуальными, «окказиональными». Так, такесема *прикосновение к бугорку* является индивидуализированной, на что указывает словосочетание *на их языке*, определяющее глагол *означать*. Особенно ценно в следующем контексте прямое указание на вербальный эквивалент известного коммуникантам прикосновения: *Мой Ноль вдруг повалился на вздутый правый бок, придавив мне ногу. И пока я тщетно искал дрожащими пальцами бугорок, прикосновение к которому на их языке означало «прости», – смерть сделала свое дело* (С.Д. Кржижановский. Странствующее «странно»).

Такой же окказиональный характер имеет такесическое речение *прикоснуться к уху*, выражающее, как можно судить по содержанию следующего контекста, ответную благодарность, признательность, положительную оценку поведения собеседника: *Броницын поцеловал ее руку и, как мне показалось, что-то шепнул ей. Она прикоснулась осторожно двумя пальчиками к его уху, произнесла вопросительным тоном «Paul?» еще раз и еще приятнее улыбнулась ему и потом погрозила пальцем* (И.И. Панаев. Опыт о хлыщах).

Гораздо чаще в художественных текстах встречаются «общеупотребительные» такесические речения, наполняемые адекватным содержанием. Так, в следующем примере сдвинутые к переносице брови мужчины однозначно понимаются женщиной как выражение беспокойства, недовольства. Стремясь разрядить обстановку, снять возникшее напряжение, женщина вместо слов *«Не хмурься», «Не обижайся»* и т.п. молча прикасается к образовавшейся на лбу мужа складке, чем и достигается примирение: *Эдвард угадывал за ее словами что-то большее, чем то, что она сказала, и брови его медленно сдвинулись. Людвига уловила настроение мужа и прикоснулась кончиками пальцев к его бровям, сглаживая резкую поперечную складку на лбу. Это молчаливое прикосновение всегда мирило их без слов* (Н.А. Островский. Рожденные бурей). Такесема *прикоснуться пальцами к бровям* (собеседника), вполне естественная при описании общения супругов, легко может быть «дешифрована» не только коммуникантами, но и посторонними лицами.

Неоднозначную семантику имеют такесемы, в состав которых (кроме глагола или отглагольного существительного) входит существительное *локоть* в различных словоформах. Обычно прикосновение к локтю сопровождается ту или иную просьбу, выраженную или не выраженную вербально: *Он повернул к порогу, но почувствовал прикосновение к локтю: его просили отдохнуть, выпить чаю с брусникой* (С.Д. Кржижановский. Воспоминания о будущем). Контакт с локтем собеседника является, как можно полагать, одним из способов, обеспечивающим выполнение просьбы: *Кити <...> подошла к мужу и обеими руками взялась за его локоть. «Костя! Сведи меня к нему, нам легче будет вдвоем. Ты только сведи меня, сведи меня, пожалуйста, и уйди», – заговорила она* (Л. Толстой. Анна Каренина); *В сенях Григорий схватил Михаила за локоть, прошептал: «Я у тебя заночую... С своими поругался... У тебя как, тесно?... Я где-нибудь»* (М.И. Шолохов. Тихий Дон).

Кроме того, прикосновение к локтю, представленное такесемой *взять под локоть* может выполнять роль невербального знака доверительности, засекреченности общения: *Взяв Григория под локоть, слегка наклонившись, Фомин шепнул: «Тревожно в округе. Казаки дюже недовольные продаверсткой. В Богучарском уезде восстание. Нынче выступаем на подавление. Лучшие бы тебе, парень, смыться отсюда, да поживее»* (М.И. Шолохов. Тихий Дон).

Прикосновение к плечу собеседника, который находится за спиной коммуниканта, также может реализоваться соответствующими такесемами, имеющими разные значения: а) 'контактоустанавливающее негативно воспринимаемое обращение': *Он почувствовал прикосновение чьей-то руки на плече своем. Быстро привстал, не сомневаясь, что то был его хозяин, и устремил кверху испуганные глаза* (Д.В. Григорович. Переселенцы); б) 'контактоустанавливающее обращение к знакомому, близкому человеку, являющееся эквивалентом имени или междометия': *Вдруг он почувствовал прикосновение руки на своем плече. Он поднял голову: Марианна глядела на него заботливым и нежным взором* (И.С. Тургенев. Новь); в) 'обращение к незнакомому лицу, эквивалентное просьбе или команде «Посторонись!»'; вербализация прикосновения в данном случае обусловлена необходимостью исключения возможности превратного истолкования публичного прикосновения женщины к незнакомому мужчине: *Валицкий почувствовал легкое прикосновение к своему плечу и услышал голос: «Посторонитесь-ка, гражданин!» Он сделал шаг в сторону.* (А. Чаковский. Блокада).

Более доверительное, почти интимное содержание имеет такесическое речение *прикосновение к затылку*, сопровождающееся очевидной контактоустанавливающей информацией: *Неожиданно он почувствовал мягкое прикосновение к затылку чьей-то руки. Он повернул голову и увидел, что женщина протягивала ему что-то завернутое в бумагу. «Не нужно бояться меня», – прошептала она и, торопливо сунув ему сверток, ушла* (Г.М. Марков. Строговы).

Таким образом, употребляемые в художественных текстах такесические речения выражают прежде всего разнообразные и глубокие эмоции субъектов и реципиентов прикосновений. С точки зрения коммуникативной значимости такесемы обладают фатическим и императивным потенциалом, что позволяет им выполнять (наряду с вербальными средствами) важную роль в межличностном общении.

Abstract. Tacesics phrases and their language expression in literary texts are considered in the paper.

Литература

1. Малкина-Пых, И. Г. Справочник практического психолога. Техники транзактного анализа и психосинтеза / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 352 с.
2. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: автореф. дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Г.Е. Крейдлин. – М., 2000. – 68 с.
3. Такесика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pro100halyava.ru/index.php?name=News&op=article&id=50>
4. Лабунская, В.А. Невербальное поведение: структура и функции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/25714/25773/>
5. Dahl, S. Communications and Culture Transformation – Режим доступа: <http://www.stephweb.com/capstone/1.htm>
6. Ногерова, М.Т. Представления о субъекте затрудненного общения у учителей Кабардино-Балкарии – Режим доступа: http://www.childpsy.ru/referats/8_1997.htm

УДК 81'373.612.2 + 81'373.7

Фразеолого-тропеические комплексы в аспекте текстообразования

Т. Н. КУРАШ

Тропы, в особенности конвергированные, развёрнутые нередко проявляют текстообразующие способности, подчиняя своему «влиянию» не только ближний контекст, но нередко охватывая и текст в целом. Одной из интересных разновидностей тропеических художественных текстов являются такие, в которых в структуру текстообразующего тропа вовлекаются прецедентные феномены (фоновые онимы, высказывания, тексты, ситуации и пр.). В данной работе будут рассмотрены некоторые приёмы организации поэтических текстов, основанных на вовлечении в текстообразующий троп фразеологических единиц (ФЕ) (в широком понимании объёма фразеологии), что приводит к образованию своеобразных фразеолого-тропеических комплексов (ФТК).

Следует отметить, что по отдельности и фразеологические единицы, и художественные тропы изучались с точки зрения выполнения ими текстообразующих функций. Формирование текста «вокруг» фразеологизма обусловлено обобщающей природой фразеологического образа, на которую указывают В.П. и А.В. Жуковы: «Фразеология является мощным средством метафорической номинации типичных ситуаций, возникающих в жизни человека и одновременно зачастую способом их осознания, представления, придания им облика, близкого и понятного конкретному человеку» [1, с. 150-151]. Данное свойство ФЕ в когнитивной лингвистике описывается понятием фразеологических концептов: «В речевых высказываниях встречаются контексты, характер смыслового содержания которых изоморфен тому или иному типу фразеологического концепта» [5, с. 5].

Специалистами уже отмечались и характеризовались некоторые факты того, что «характеристиками текста могут обладать речевые варианты фразеологических трансформ, семантика которых становится дискурсивной за счет выхода в другие эпистемологические области» [3, с. 22]. М.А. Фокина, анализируя текстообразующие функции ФЕ в повествовательном дискурсе, указывает на их тесную связь с жанром, хронотопом, сюжетом текста, его концептосферой и коммуникативными параметрами [6, с. 10-12]. Текстообразующие, стили и жанрообразующие функции тропов изучались в работах В.К. Харченко, Б.П. Иванюка, Е.А. Некрасовой, Н.А. Кожевниковой, С.Б. Кураша, О.И. Ревуцкого и др. Названными и другими исследователями были описаны различные типы текстов-тропов, выявлены функции тропов в обеспечении таких категорий текстов, как связность, целостность, когезия, проспекция, ретроспекция, эмотивность, информативность и др.

Цель данной работы – выявить особенности реализации текстообразующей функции ФТК.

Взаимодействие тропов и фразеологизмов в структуре поэтических текстов во многом обусловлено тропеическим по своей сути, по своей генетике характером внутренней формы ФЕ: в них связываются воедино два смысловых плана, две картины мира: «Внутреннюю форму и выводное значение скрепляют различные тропы, прежде всего метафора, метонимия, гипербола, синекдоха, а также символы и т.п.» [2, с. 55-56].

Так, весьма распространённым случаем является развёртывание метафоры, заложенной во внутренней форме ФЕ, ср.: *Вот за что люблю анкеты: за прямую / постановку некривых вопросов. / За почти научное сведение / долгой жизни к кратким формулам. / За уверенность, что человека / можно **разложить по полкам** / и что полку требуется десять, / чтобы выдавали книги на дом, / или сорок, чтобы отпустили / в капстрану на две недели* (Б. Слуцкий, «Причины одной любви»).

ФТК могут реализовать текстообразующую функцию вплоть до максимальной степени её проявления – создания текста-тропа.

Анализ фактического материала обнаружил определённую корреляцию текстообразующих ФТК с жанрово-тематической принадлежностью поэтических текстов. Это чаще всего тексты философского характера, посвящённые социальной, несколько реже – лирической тематике, представляющие собой единую концептуальную метафору, вовлекающую фразеологизм и стоящую за ним концептуальную область в метафорическое взаимодействие. Отсюда – частотность функционирования, в том числе и в текстообразующем статусе, устойчивых выражений, представляющих собой терминологические номинативные единицы (среди зафиксированных нами в подобной функции – ФЕ наподобие *радиус действия, белый стих, моральный износ, острый угол, параллельные прямые, точка кипения* и т.п.).

Нами отмечены различные варианты текстопостроения с участием ФТК.

Во-первых, ФЕ может функционировать в качестве заголовка, номинирующего один из образных планов, взаимодействующих в тексте-тропе. Во многих подобных случаях образование подобных образных контекстов имеет следующую когнитивную базу: «Фрейм фразеологизма (т.е. фразеологически номинируемая ситуация) экстраполируется на иную, актуальную, ситуацию или ряд ситуаций, фигурируя при этом в качестве модели создания нового концепта» [4, с. 258]. Так, в стихотворении Е. Евтушенко «*Подавляющее большинство*» заглавный фразеологизм, имеющий закреплённую социокультурную семантику, связанную с фреймами типа «Выборы», «Голосование» и т.п., функционирует в смысловой структуре текста в прямом (дефразеологизированном) прочтении, за счёт чего возникает метафора тоталитарного подавления отдельного человека обществом: *Подавляющее большинство, / пахнешь ты, как навозная роза, / и всегда подавляешь того, / кто высовывается из навоза...*

Аналогичная концептуальная метафорическая аналогия явилась основой для создания текста стихотворения Б. Слуцкого «*Моральный износ*». Заглавное фразеологическое выражение, связанное со сферой машин и механизмов, используется автором в качестве отправного для дальнейшего развертывания текстообразующей метафоры, соединяющей две тематические линии – человека и механизма: *Человек, как лист бумаги, / изнашивается на сгибе. / Человек, как склеенная чашка, / разбивается на изломе. / А моральный износ человека / означает, что человека / слишком долго сгибали, ломали, / колебали, шатали, мяли, / били, мучили, колотили, / попадая то в страх, то в совесть, / и мораль его прохудилась, / как его же пиджак и брюки.*

Несколько иной пример демонстрирует стихотворение Л. Мартынова «*Корень зла*». В отличие от предыдущих текстов, здесь не происходит метафорического сдвига в иную (по отношению к заглавному фразеологизму) концептуальную область. Автор подвергает образному осмыслению собственную смысловую сферу текстообразующей ФЕ – тему зла – посредством дефразеологизации слова *корень*, ср.: *Вот он, корень, / Корень зла! / Ох, и черен / Корень зла. / Как он нелюбезно / Смотрит с круглого стола, / Этот самый корень зла! / – Надо сжечь его до тла, / Чтоб исчез он безвозвратно! / – Ну, а если не поможет / И опасность лишь умножит / Ядовитая зола? / Побоялись уничтожить! / И опять колокола / Бьют тревожно и набатно, / И скорбей не подытожить, / И отравы садит пятна / На болящие тела. / Неужели же обратно / Закопают / Корень зла?*

Аналогичные примеры – стихотворения Р. Рождественского «Д.С. Лихачёву (Раскачивается вагон...)» и «Вслушайтесь...». В первом обыгрывается прямое значение слова *злоба*, входящего в состав текстообразующей ФЕ *на злобу дня* (*Мы пишем на злобу дня / и — на его добро. / Но больше, правда, — на злобу, / на злобу, / на злобу!..*). Второе стихотворение оживляет прямое значение слова *убивать*, входящее в состав отправного фразеологизма *убивать время* ('проводить время впустую, без пользы'), что влечёт за собой целый ряд метафорических звеньев, поддерживающих тему олицетворения времени, ср.: *Убивают время! / После — / моют руки. / Чтоб не оставалось крови / на них... (...) И никто — / ни разу! — / не вручает похоронных. / Мол, "погибло время. / Нужнейшее. / Зазря." / Падают / минуты / повзводно / и поротно. / Начиная / с самого первого / января... / Мёртвые минуты молчат, / не обижаются. / Мёртвые минуты / выстраиваются в века...*

В ряде случаев ФЕ, функционирующие в качестве отправных звеньев для развёртывания текстообразующей метафоры, не представлены в заголовочной позиции, однако маркируют начало текста и задают развитие текстообразующего тропа, ср.: *Есть радиусы действия / у гнева и у дерзости. / Есть радиусы действия / у правды и у лжи. / Есть радиусы дей-*

ствия / у подлости и злобы – / глухие / затаенные, / сулящие беду... / Есть радиусы действия / единственного слова. / А я всю жизнь ищу его. / И, может быть, / найду (Р. Рождественский, «Есть радиусы действия...»).

Особую группу анализируемых поэтических текстов составляют такие, которые основаны на развёртывании образной темы путём образования цепи окказиональных образных звеньев по модели отправной языковой ФЕ. Ср.: Будем горевать / **в стол**. / Душу открывать / **в стол**. / Будем рисовать / **в стол**. / Даже танцевать — / **в стол**. / Будем голосить / **в стол**. / Злиться и грозить — / **в стол**! / Будем сочинять / **в стол**... / И слышать из стола / **стон** (Р. Рождественский, «Будем горевать...»). В приведённом тексте концептуальное содержание ФЕ *писать в стол*, относящейся к сфере словесного творчества, было экстраполировано на ряд смежных ситуаций бытового характера (горевать, открывать душу, танцевать и т.п.), что и породило цепь соответствующих окказиональных образно-метафорических звеньев.

Аналогичным образом этикетная фразеологизированная формула *будьте любезны* становится у Л. Мартынова прообразом для ряда индивидуально-авторских фразеологизмов, несущих основную смысловую нагрузку и подвергающихся дальнейшему развёртыванию в тексте, ср.: – **Будьте / Любезны**, / *Будьте железны!* – / *Вашу покорную просьбу я слышу*. – *Будьте железны*, / *Будьте полезны* / *Тем, кто стремится укрыться под крышу*... («Будьте...»).

Встречается и обратный вариант организации анализируемых текстов, когда ФЕ подытоживает образный смысл текста-тропа, маркируя его завершающую часть. Ср.: *Наступает / Вторая половина века*. / *Наступит...* / *Как она поступит?* / — *Ну, здравствуй!* — *скажет*. — / *Праздник празднуй!* / *И вместе с тем / Она наступит* / **На глотку** / *Разной / Мрази / Грязной* (Л. Мартынов, «31 декабря 1950 года»).

Аналогичный случай – приводимое ниже стихотворение А. Кушнера, с той лишь разницей, что фразеологизм *кануть в Лету* здесь представлен только своим онимическим компонентом, использованным в качестве аллюзивного маркера: *Уехав, ты выбрал пространство*, / *Но время не хуже его*. / *Действительны оба лекарства*: / *Не вспомнить теперь ничего*. / *Наверное, мог бы остаться* — / *И был бы один результат*. / *Какие-то степи дымятся*, / *Какие-то тени летят*. / *Потом ты опомнишься: где ты?* / *Неважно. Допустим, Джанкой*. / *Вот видишь: две разные Леты*, / *А пить все равно из какой* («Уехав, ты выбрал пространство...»).

Наконец, следует отметить такую группу текстов-тропов, основанных на ФТК, которые строятся на эффекте столкновения нескольких ФЕ, на пересечении их смысловых полей, на их конвергенции с различными тропеическими средствами.

В качестве примера приведём текст стихотворения С. Кирсанова «Любовь математика»: *Расчлененные в скобках подробно*, / *эти формулы явно мертвы*. / *Узнаю: эта линия – вы!* / *Это вы, Катерина Петровна!* / *Жизнь прочерчена острым углом*, / *в тридцать градусов пущен уклон*, / *и разрезан надвое я / вами, о, биссектриса моя!* / *Знаки смерти на тайном лице*, / *угол рта, хорды глаз – рассеки!* / *Это ж имя мое – АВС* – / *Александр Борисыч Сухих!* / *И когда я изогнут дугой*, / *неизвестною точкой маня*, / *вы проходите* дальней такой / **по касательной** мимо меня! / *Вот бок о бок поставлены мы / над пюпитрами школьных недель*, – / *только двум параллельным прямым* / *не сойтись никогда и нигде!* Выделенные устойчивые выражения в контексте данного художественного целого принимают участие в создании единой текстообразующей метафоры человеческой жизни как своеобразной математики.

Более сложный пример фразеолого-тропеического взаимодействия обнаруживаем в стихотворении А. Вознесенского «Стеклозавод». Данный текст посвящён процессу изготовления стеклянных изделий работниками стеклозавода, которые, по мысли автора, материализуют в изготавливаемых ими изделиях свои души: *Сидят три девы-стеклодувиши / с шестью, полыми внутри*. / *Их выдуваемые души* / *горят, как бычьи пузыри*. Данная текстообразующая метафора наводит на ассоциации с целым рядом ФЕ, имеющих в качестве опорного компонента слово *душа* (*вложить душу*, *широкая душа*, *чистая душа*, *душа нараспашку* и т.д.). Однако помимо метафорических ассоциаций, в данном тексте отчётливо обнаруживаются ассоциации метонимические, основанные на смежности «изделие как результат» – «процесс изготовления изделия», ср.: *Душа имеет форму шара*, / *имеет форму самовара*. / *Душа – абстракт*. *Но в смысле формы / она дает любую фору!* (...) *Уходят люди и эпохи*, / *но на прилавках хрусталя / стоят их крохотные вздохи / по три рубля, по два рубля...* Очевидно, что

форму шара либо самовара имеет не сама душа и на прилавках продаются не вздохи, – речь здесь идёт о стеклянных изделиях, в которые их изготовители вложили свою душу. Таким образом, данный текст основан не на собственно метафорическом, а на метафорометонимическом ФТК.

Отметим также то, что нередко на уровне текста (или его фрагмента) ФТК реализуют определённые стилистические эффекты – языковую игру, юмористический эффект и др. Юмористический эффект может быть вызван намеренным «снижением» ФЕ в результате её «превращения» в троп (*кто ты? бред кибернетический? / полуробот? полудух? / помесь королевы блюза / и летающего блюда?* А. Вознесенский) или окказиональным (игровым) сталкиванием ряда ФЕ в процессе их включения в единый тропеический контекст (*Ох, безрыбье в речушке, которую кот наплакал! / Сегодня любая лягушка становится раком. / И, сунув два пальца в рот, / Свистит на Лысой горе.* А. Башлачёв).

Как видно из проанализированных примеров, процесс трансформации «фразеологизм → троп» в поэтическом тексте в той или иной мере заставляет читателя пройти по деривационному пути данной фразеологической единицы, будь это его подлинная либо ложная этимологизация.

Использование ФТК в текстообразующей функции позволяет поэтам добиться высокой степени компрессии образного смысла посредством сочетания общезыковой (фразеологической) и индивидуально-авторской семантики.

ФТК свойственно выполнение текстообразующей функции, а также реализации различных жанровых и стилевых эффектов. В целом ряде поэтических текстов ФТК распространяются в границах всего текста, реализуя его содержательно-концептуальную и содержательно-фактуальную информацию. С точки зрения композиции могут наблюдаться следующие варианты текстопостроения: ФЕ выступает в качестве заголовка, номинирующего один из образных планов, взаимодействующих в тексте-тропе; ФЕ маркирует начало текста и задаёт развитие текстообразующего тропа; ФЕ подытоживает образный смысл текста-тропа; вступают во взаимодействие с тропами различного качества и реализуют определённые стилистические эффекты. Чаще всего в текстообразующей функции выступают ФТК метафорического характера, формирующие текстовые концептуальные метафоры.

Abstract. Phraseological and trope complexes in the aspect of text formation in the texts of Russian poetry of the 20th century are considered in the paper.

Литература

1. Жуков, В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Высш. шк., 2006. – 408 с.
2. Зимин, В.И. Уяснение механизма идиоомообразования / В.И. Зимин, Л.А. Ковалевская // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (четвёртые Жуковские чтения): матер. междунар. науч. симпозиума; отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – С. 55-57.
3. Кириллова, Н.Н. Фразеологизм как текст? / Н.Н. Кириллова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (четвёртые Жуковские чтения): матер. междунар. науч. симпозиума; отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – С. 22-24.
4. Кураш, С.Б. Фразеологически номинируемая ситуация как элемент текстообразующей метафоры в поэтической речи / С.Б. Кураш // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: матер. V междунар. науч. конф., Гомель, 22-23 октября 2007 г. / редкол.: В.И.Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф.Скорины, 2007. – С. 257 – 260.
5. Малюгина, А.В. Типы фразеологических концептов и способы их контекстной репрезентации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.В. Малюгина. – Воронеж, 2007. – 23 с.
6. Фокина, М.А. Фразеологические единицы в повествовательном дискурсе (на материале русской художественной прозы XIX-XX веков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / М.А. Фокина. – Орёл, 2008. – 50 с.

Издательская аннотация к художественному тексту: современный облик жанра

Т. Е. ЛАЕВСКАЯ

В современной речевой практике весьма активно идут процессы возникновения новых и модификации уже существующих жанров, размывания жанровых границ, расширение дискурсивных контактов различных жанров. Все эти факты, обусловленные динамическими процессами современного общества, могут рассматриваться в качестве актуальных проблем жанроведения.

На феномен эволюции различных речевых жанров обращают внимание не только специалисты в области речеведения, но и исследователи языка современной художественной литературы. Ср.: «Следует специально остановиться на такой черте современных художественных текстов, как жанровые модификации, вариации, стилизации. Практически все исследователи современной литературы, обращаясь к анализу отдельных произведений, пишут об их жанровой размытости, невозможности ясного отнесения текста к известным в литературе жанрам... Известно, что жанровое определение или признаки жанровой принадлежности, легко угадываемые в тексте, позволяют читателю определить (расширить, сузить, уточнить) собственный горизонт ожидания... Современные авторы заведомо разрушают это традиционное «предвкушение» текста. Происходит это сознательно или бессознательно, но писатели не стремятся сдерживать себя своеобразной жанровой уздой» [1].

Такая жанровая динамика является характерной для речевой картины пограничного времени: «Современная литературная действительность не перестает удивлять российского читателя неожиданными проявлениями творческих индивидуальностей. С той поры, как наша литература открыла для себя неограниченные возможности постмодернизма, литературная ситуация перестала быть более или менее стабильной» [1].

Тенденция к модификации существующих речевых жанров, возникновению новых жанровых форм и разновидностей, размытости жанровых границ может быть обусловлена изменениями в жизни общества, напрямую зависеть от его потребностей и интересов. В данном аспекте следует говорить о социальной детерминированности жанра речи и о динамике как его качественной характеристике. Можно согласиться с мнением американского исследователя Джона Свейлеса, который считает, что жанр играет роль посредника между индивидом и обществом. Ученый связывает жанр с дискурсивной практикой, принятой в обществе и зависящей от заранее оговоренных и установленных целей и социальных механизмов, регулирующих его. Последние определяют цели жанра, от которых зависит его структура и которые предопределяют некие конвенции, связанные с использованием стиля, а также влияют на выбор содержания [2].

Трансформации существующих жанровых форм связаны с изменением основных жанрообразующих признаков, таких, как наличие и особенности выражения авторского начала, цель сообщения, предметное содержание, стандартность/новационность средств выражения, объем и др., и могут приводить к изменениям в жанровой системе, к возникновению новых жанров.

В данном аспекте вторичные жанры, которые понимаются как тексты, созданные на базе других текстов и сохранившие их основное содержание, пока не привлекли к себе должного исследовательского интереса. Это можно объяснить тем, что вторичные жанры, на наш взгляд, в меньшей степени подвержены модификациям, несмотря на то, что их особенности обусловлены особенностями первичных (исходных) жанров. Структура большинства

вторичных жанров в достаточной степени стандартизирована, что связано с их стремлением к информационной компрессии (реферат, резюме, конспект) и строгой функционально-целевой направленностью (в отзыве, например, основной является оценочная функция).

Вместе с тем некоторые вторичные тексты могут быть подвержены определенным изменениям наряду с текстами первичными. С этой точки зрения особый интерес представляет исследование жанра издательской аннотации к художественным произведениям, которая, с одной стороны, является типичным образцом вторичного жанра, так как напрямую зависит от исходного текста (художественного произведения), а с другой стороны, обладает некоторыми признаками самостоятельного художественного текста.

Цель данной работы – выявить особенности динамики жанра издательской аннотации в современном художественно-литературном дискурсе.

Традиционная аннотация обычно имеет следующую схему.

Речевая ситуация аннотации. Участники речевой ситуации аннотации: автор текста-первоисточника, автор аннотации (автор исходного текста, книжное издательство), адресат (читатели) аннотации (публика условно неопределенная, абстрактная, и публика, объединенная по каким-либо критериям, в определенной степени конкретизированная). Основные цели аннотации: сообщение, воздействие. Задачи информационной и рекомендательной частей аннотации: 1) передача общего содержания исходного текста, 2) привлечение внимания потенциального читателя, побуждение к покупке книги.

Содержание текста аннотации. Информационная часть аннотации: максимальная информационная насыщенность, обобщенность, речевая спрессованность. Рекомендательная часть аннотации: воздействие, эмоциональность, ориентация на определенного адресата. Единство субъективности и объективности изложения информации.

Композиционные особенности аннотации. Малый объем текста (до 500 символов). Краткость. Структурные элементы аннотации (обязательные и факультативные), их соотношение. Расположение аннотации перед первичным текстом и после него.

Речевые особенности аннотации. «Библиографический стиль». Клишированность. Детерминированность языковых особенностей текста аннотации особенностями текста-первоисточника. Употребление возвратных глаголов мысли и речи, страдательных причастий, императивных форм глаголов. Наличие оценочного элемента.

Наблюдение над текстами аннотаций к современным художественным произведениям позволяет говорить об изменениях в отношении стандартности средств выражения, о раскреплении языка, об усилении агитационной функции и признаков художественного стиля в текстах аннотаций. Ср.: *«Почерк этого убийцы не спутаешь ни с каким другим: он уносит с собой головы своих жертв. Множество самых неожиданных версий придется проанализировать начальнику «убойного отдела» Никите Колосову и журналистке Кате Петровской, прежде чем зигзаги расследования приведут их к дверям респектабельного особняка. Кроме комнат, обставленных с аристократической изысканностью, в нем имеется подвал, куда даже хозяин спускается весьма неохотно. И это понятно: ведь нормальный человек с трудом может принять то, что происходит под сумрачными сводами»* (Степанова Т.Ю. Прощание с кошмаром. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999). Такие конструктивные элементы данного текста, как *почерк убийцы, убойного отдела, зигзаги расследования, аристократической изысканностью, сумрачными сводами*, не только приближают язык данной аннотации к языку художественной литературы, но и косвенно указывают на жанрово-стилистические особенности первичного текста, что может послужить ориентиром для потенциального читателя. Ознакомившись с данной аннотацией, можно предположить, что аннотируемое произведение написано в жанре детектива или триллера, в напряженных, драматических тонах, без элементов юмора.

Определенные трансформации могут наблюдаться в области речевой ситуации аннотации, например: *«Мне неизвестно, откуда он появляется и куда исчезает, мне неизвестно, какое у него лицо – он ходит в маске какого-то отвратительного чудовища. Мне известно только то, что моя жизнь, жизнь молодой богатой вдовы Лилии Давыдовой, превратилась в настоящий ад. Выбор у меня невелик: или тюрьма, или полная зависимость от этого чудо-*

вища. Похоже, ему не нужны даже деньги, которые он вымогает у меня, ему нужна безграничная власть над своей жертвой. Что ж, он получит послушную рабыню, безвольную игрушку, и тогда он наконец сбросит маску...» (Полякова Т. В. Любовь очень зла. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001). Как видно из данного примера, повествование ведется от первого лица (в то время как в текстах традиционных аннотаций повествование ведется от третьего лица), от лица главной героини романа, благодаря чему создается атмосфера доверительности, ее усиление в системе «автор – главный герой – читатель». Такой прием способствует достижению оптимальной гомогенности стиля аннотации и исходного текста и восприятию их как единого целого – книги.

Изучение современных аннотаций позволяет говорить о стремлении авторов данного жанра к созданию речевой ситуации, способствующей «погружению» потенциального читателя в атмосферу аннотируемого произведения. Примером, подтверждающим данный тезис, может служить появление аннотаций, написанных от второго лица, ср.: *«Вы — сотрудник Института Экспериментальной Истории. Работа, между прочим, еще та — шататься по параллельным реальностям и восстанавливать нарушенную историческую справедливость! Вы получили новое задание. Миссия: положим, очень выполнима: прорваться в конец веселого XII столетия и вытащить из плена этого: как его там: плохого монарха, плохого поэта и славнейшего из рыцарей: Да — Ричарда Львиное Сердце! В кредит у вас — опыт работы, хитроумный напарник по прозванию Лис и древний, асами скандинавскими кованный меч по имени Ищущий Битву. Неплохо! А вот в дебете — думаете, только опасные приключения? Только встреча с весьма двусмысленным магом, встреча, из которой еще неизвестно что выйдет? Недооцениваете задание, господин научный оперативник!..»* (Свержин В. Ищущий битву. – М.: КК КСД, 2006). Данный пример иллюстрирует употребление своеобразного приема отождествления читателя и главного героя произведения, что, с нашей точки зрения, способствует косвенной реализации агитационной функции аннотации.

Сближению в системе «читатель – аннотация – произведение», появлению у потенциального покупателя ощущения «причастности» способствует прием прямого обращения к читателю, которое может выражаться в форме призыва к прочтению книги, различного рода вопросов и утверждений: *«...Но все это - Леонид Каганов. Если вы его еще не читали, то вы, наверное, просто неграмотный»* (Каганов Л. Дай бог каждому. – М.: АСТ, 2007).

Определенные изменения в процессе развития аннотации можно наблюдать также на уровне синтаксической организации текстов данного жанротипа. Так, для современных аннотаций характерно частое употребление восклицательных предложений, эллипсисов, парцелированных конструкций, наличие большого количества абзацных отступов, что, очевидно, способствует акцентуации внимания читателя, упрощает восприятие им текста аннотации.

Примечательным является факт употребления в аннотациях к современным художественным произведениям большого числа вопросительных конструкций различного рода, которые могут быть размещены в любом месте текста. Они могут носить риторический характер, ср.: *«Вампир принцессе не товарищ?! Все верно, вампир принцессе - конкурент. А когда речь заходит о мировом господстве, тут уж, извините, воспитание и без того строптивой девицы роли не играет...»* (Филиппова К. От принцесс добра не ищут. – М.: Альфа-книга, 2008). Такие конструкции, как правило, употребляются в начале текста и выполняют функцию зачина.

Вопросительные конструкции могут быть обращены к потенциальному читателю или являться элементом рассуждения автора аннотации по поводу героев, развития сюжета аннотируемого произведения, например: *«...Экипаж самолета наблюдателя ООН, космонавты со станции «Мир», британские солдаты времен королевы Виктории, первобытные люди, воины Александра Македонского и воинственные кочевники Чингисхана — отныне все они персонажи одной драмы, за которой наблюдают странные висящие в воздухе сферические объекты. Кто их послал? Для чего? Безучастные ли они зрители? Или судьи?..»* (Кларк А, Бакстер С. Око времени. – М.: Эксмо, 2006). Данный прием служит для привлечения внимания читателя, вовлекает его в рассуждение о возможном развитии сюжета, личностях героев произведения.

Часто вопросительные конструкции располагаются в конце текста аннотации, после частичного описания сюжета аннотируемого произведения, и служат для создания момента интриги, ср.: *«С годами история исчезнувшего метро стала жуткой легендой... Говорят — предприимчивые мародеры поставляют на рынок одежду из КОЖИ УТОПЛЕННИКОВ. Говорят — в затопленных туннелях обитают то ли мутанты, то ли призраки... Однако то, что из разрушенного метро еще НИКТО не возвращался, — отнюдь не легенда. Удастся ли сотруднице речной полиции Лиз Унке, сестра которой оказалась в списке погибших, отделить правду от лжи и остаться в живых?»* (Брюссоло С. Печальные песни сирен. — М.: АСТ, 2006).

Нами были проанализированы тексты аннотаций к современным произведениям жанра фэнтези, размещенным на страницах электронной библиотеки по адресу <http://mirknig.com>. Из 300 анализируемых текстов 6 написаны от первого лица, 20 от второго лица, 83 текста содержат вопросительные конструкции различного рода. Примечателен сам факт возникновения и распространения аннотаций с вышеперечисленными особенностями, который, с нашей точки зрения, может свидетельствовать о стремлении авторов аннотаций к эмоциональному воздействию на личность потенциального читателя, к сближению его с персонажами и сюжетом текста произведения.

Следует обратить внимание на появившиеся относительно недавно авторские аннотации, в которых можно наблюдать трансформации в области речевой ситуации, в комплексе с трансформациями предметного содержания, стандартности средств выражения.

В этом плане представляют интерес аннотации к некоторым произведениям Ю. Никитина. Это своеобразные «автономные» аннотации, берущие на себя дополнительную функцию самостоятельного текста или, по крайней мере, «текста при тексте». Аннотация, по сути, выполняет автохарактеристическую функцию. Ср.: *«Из подворотен на чистую улицу выплеснулась шумная и крикливая толпа цыган, дурно пахнувшая, в ярких безвкусных платьях. Началось приставание к прохожим с предложениями погадать, предсказать судьбу, приворожить, отворотить, сглазить злодея, вылечить все болезни, сделать красивым и сильным, указать клад с золотом и ничейный счет в швейцарском банке, научить читать мысли, сделать принцем Галактики, киборгом, легионером Времени, Первым Магом, Рыцарем Света... Я брезгливо и молча...главное — молча! — обхожу этот брехливый сброд. Я не цыганистая аннотация, я — приличная!»* (Никитин Ю. Чародей звездолета «Агуди». — М.: Эксмо, 2003). Как видно из примера, такие аннотации могут быть не связанными или мало связанными с содержательной структурой текстов первичных произведений, но при этом соответствовать им в стилистическом плане. Такие аннотации, в частности, могут представлять собой юмористические монологи.

Таким образом, современные аннотации могут частично или полностью утрачивать способность выполнять информационную функцию (идентификации первичного текста), а агитационную функцию при этом реализуют косвенно, очевидно, предназначаясь для читателей, уже знакомых с творчеством писателя, создавая отношения доверительного диалога, приближая читателя к личности автора.

Авторские аннотации получили распространение в Интернет-коммуникации — на сайтах, представляющих собой электронные библиотеки, на персональных сайтах писателей. Такие аннотации невелики по объему, они имеют выраженное субъективное авторское начало. Трансформация наблюдается, в первую очередь, в области цели сообщения. Если в традиционных аннотациях, как правило, сообщается краткое содержание, тематика, проблематика произведения, сведения об авторе и т. д., а также различными способами реализуется агитационная функция, то в авторских аннотациях в качестве цели прослеживается донесение до читателя основной идеи произведения: *«Рассказ о судьбе детей эльфов, мир которых граничит, к сожалению, с нашим миром»* (Афанасьев Р. Там, где радуга встречается с землей. — М.: Эксмо, 2004); *«О космосе, как о нашем общем доме»* (Афанасьев Р. Возвращение // Техника молодежи. — 2000. —N 1).

Таким образом, можно сделать вывод, что аннотация развивается и изменяется наряду с другими речевыми жанрами, что может быть связано с изменениями характеристик и приоритетов современного общества: разнообразие и многочисленность современного литера-

турного мира; новые каналы доступа к литературе, связанные с развитием электронной коммуникации, порождают конкуренцию в писательской среде, что требует изменения способов привлечения читательского интереса и пр. В развитии жанра аннотации прослеживается тенденция к трансформации в сторону приобретения новых интенций, усиления субъективного авторского начала, стилистической гомогенности с первичным текстом, акцентуации связей в системе «читатель – аннотация – произведение», что способствует восприятию текста аннотации и художественного произведения как цельного феномена.

Abstract. The peculiarities of the evolution of the genre of publisher's annotation to the modern literary works are considered in the paper.

Литература

1. Елина, Е. Г. Маргинальные жанры в современной русской литературе / Е. Г. Елина // Сервер конференций Ставропольского государственного университета [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://conf.stavsu.ru>. – Дата доступа: 27.03.2007.
2. Горошко, Е. И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области / Е.И. Горошко // Жанры речи: вып. 5: Жанр и культура. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2007. – С. 370-389.

Мозырский государственный педагогический
университет им. И.П. Шамякина

Поступило 05.02.09

Наименования морей и рек в текстах заговоров

Н. И. ЛАПИЦКАЯ

В заговорах очень сильно индивидуальное начало: «обращаясь к помощи заговоров, заказчик исходит из своего Я, но, пройдя через все заговорные фильтры, из своего профанического локуса до священного латырь-камня на острове Буяне, он обнаруживает свою неотличимость от любого другого, оказавшегося на этом месте и через долженствующее совершиться жертвоприношение приобщается к общему, универсальному, коллективному: частное вливается в общее, соединяясь с ним» [1, с. 84].

Проходя «заговорные фильтры», заказчик минует множество объектов, имеющих имена собственные (ИС). Эти объекты – мифолокаты и мифодендронимы, которые являются одной из составных частей заговорного пространства. К мифолокатам относятся, в первую очередь, названия географических объектов. В заговорных текстах они лежат на пути заговаривающего к центру мира, входят в заговорное пространство.

В эту же группу можно так же включить реальные географические названия, хотя, по определению А.В. Суперанской, мифонимы называют только вымышленные объекты, людей, животных, растения и т.д., «в действительности никогда не существовавших» [2, с. 180]. Однако реальные наименования в заговорах редко обозначают конкретный географический объект и приобретают в сакральных текстах иной, символический смысл.

Кроме того, частая утрата первоначальной семантики приводит к тому, что апеллятив сакрализуется, доводится до имени собственного и воспринимается как чистый знак – географический объект (сравн. ИС Океан, Буян и др.). При этом их первоначальная семантика учитывается лишь частично, что ведет к искажению в употреблении этого ряда слов.

По словам Ю.М. Лотмана, «понятие географического пространства принадлежит к одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека» [3, с. 112]. Древнему человеку был присущ синкретизм мышления, «пространство и время воспринимались им эмоционально, могли быть «добрыми и злыми», «благоприятными и враждебными» [4, с. 73]. В заговорах существует особое мифологическое пространство, построенное по определенной модели. Эта модель заполнена географическими объектами, которые должен «пройти» заговаривающий. Эти географические объекты – мифолокаты – наделяются именами собственными, что придает заговорному пространству законченный характер, хотя оно отражает композицию мирового дерева, реконструирует славянский миф о нем (см. об этом [5]).

Большинство заговорных текстов построено на том, что герой совершает перемещение в пространстве: «Это [...] переход, который пробует сделать через неведомую и часто враждебную местность, путь, открытый богами стремительному течению вод, переправа через природную преграду, короче говоря, дорога, куда не ходят просто, для одоления опасного, полного непредвиденных случайностей, пространства» [6, с. 74]. Герой покидает свой дом и движется к сакральному центру, где будет исполнена его просьба. Двигаясь к пространственному и временному центру, герой преодолевает несколько локусов: периферийный, средний, центральный (центр мира). Вышесказанное хорошо подтверждается словами А.К. Байбурина о том, что заговорное пространство «может быть описано как ряд вложенных друг в друга изоморфных и изофункциональных локусов, моделирующих, в конечном счете, центральный для всех локусов объект, который выполняет в ритуально-мифологической традиции роль мирового центра (мировое дерево, мировая гора, храм, город и т.п.)» [7, с. 128].

Все мифолокаты можно рассматривать в зависимости от локуса, в котором они представлены.

Объекты, которые проходит говорящий в текстах заговоров, в основном наделены именами собственными, отграничивающими заговорное пространство, придающими ему размеры морей, стран, городов, рек.

Объекты, которые проходит говорящий в текстах заговоров, в основном наделены именами собственными, отграничивающими заговорное пространство, придающими ему небольшие размеры.

Периферийный локус в заговорном пространстве представлен наименованиями морей, стран, городов, рек.

В текстах русских и белорусских заговоров встречаются следующие названия морей: рус. *Океан (Окиян, Окиан, Киян), Черное, Хвалынское, Белое, Астраханское, Чермное, сине море Елена*; бел. *Кіян, Кіянскае, Чорнае, Буян, Сіян, Кітай*.

Наиболее часто встречающимся наименованием моря в заговорных текстах является оним *Океан (Море-океан, Океан-море)*. Море-океан упоминается обычно в зачине или закрепе заговора: рус. «На море на Кияне, на острове Буяне [...] сидит раб Божий...» (РН, 295), «...Спрячу я свой мак в железную кадь, а брошу кадь в Окиан-море. Окиан-море не высыхает, кади моей никто не вынимает и маку моего никто не подбирает» (РЗ, 172), бел. «На моры, на кіяне стаіць дуб...» (Замовы, 70). Океан-море следует воспринимать именно как топоним, так как смысл апеллятива в данном случае утерян. В связи с этим может происходить перенесение этого географического наименования на другие географические объекты. В белорусских текстах заговоров *Океаном* может называться поле, гора: бел. «На полі на Кіяні, на моры, на Сіяні ляжыць камень Латыр...» (Замовы, 94), «...На моры на Сіяні, на гарэ Кіяні стаіць цэрква...» (Замовы, 51).

На наш взгляд, слово *океан* вошло в заговоры в позднюю эпоху бытования этого жанра устного народного творчества. Подтверждением этого могут служить белорусские тексты заговоров, в которых наличие понятия «море-Океан» совсем необязательно в зачине или закрепе текста. В белорусском материале чаще встречается словосочетание *синее море*, чем *Океан-море*. В большом количестве заговорных текстов слово *море* не имеет при себе эпитета или имени собственного. Довольно распространенной является также формула «на моры, на лукамор'і»: «На моры, на лукамор'і стаіць дуб...» (Замовы, 191). При этом в подавляющем большинстве случаев слово *океан* пишется со строчной буквы: «Замыкая на замок і брасая ключы ў мора-акіян пад камень Латар...» (Замовы, 56). Безусловно, в написании слов в текстах заговоров произошли многочисленные искажения, изменения. Но написание со строчной буквы фиксирует уже сборник Е. Романова. В то же время, слово *Каян* в качестве названия поля, острова, горы воспринимается как ИС, потерявшее связь с апеллятивом: бел. «На войстроу на Каяни бел камень ляжыць...» (Романов, 41).

В большинстве же русских заговоров слово *Океан* пишется с заглавной буквы и воспринимается как ИС: рус. «...Красную былинку метать буду за Окиан-море...» (РН, 299), «На Кияне море лежит камень Латырь; возле того камня Латыря стоит престол Пресвятой Богородицы...» (РЗ, 67).

Непоследовательность в использовании слова *океан* в текстах заговоров в качестве ИС объясняется тем, что «исконные апеллятивы, обозначающие элементы ландшафта, по мере включения их в конкретный локальный вариант мифа доводились до уровня собственных имен [...]. При этом могут возникать трудности, вызванные забвением первоначального апеллятивного характера собственного имени, которое могло применяться к разным денотатам...» [8, с. 109].

В употреблении такого мифолоката, как *Чёрное море*, видимо, проявляется народная этимология: Чёрное море – место, где обитает нечистая сила, поэтому оно и называется *Черным*. Именно из Черного моря выходят простоволосые девы-лихорадки: рус. «...При Чёрном море стоит столп каменный, и в том столпе отец Сисиний, и воззрев на море и виде – в море восхищается вода до облак, и из моря идут 12 жён простоволосых, диавольским видением окаянных...» [9, с. 158]. В этот локус ссылаются различные болезни, порча: бел. «...Я вас посылаю, порчу, ад етыва раба за мхі, за балоты, за ржаўцы-патопы, на Чорныя мора...» (Замовы, 54), «...но ты, цімяннэй зуб, ня будзь туп, паспішай туда [...] Я цібе пувяду на Чор-

няя мора. На Чорным моры там стаіць востраў. На том востраві ляжыць серы камянь. Там ты стань, прыжавісь, вальною ты ўмывайся, рыбаю ты пітайся; толька рыбы еш тэй сорт, якой ня есць хрышчоны народ...» (Замовы, 190). На Черном море (наименование является в данном случае псевдогидронимом) в народном представлении, обитает нечистая сила: рус. «...В тёмном лесе есть Чёрное море, в Чёрном море есть плавает Чёрт да Чертуха, Водяной да Водянуха...» (РЗ, 126).

Высказанная мысль подтверждается тем фактом, что наблюдаются колебания в написании слова *чёрный* то с заглавной, то со строчной буквы: рус. «...При море чёрном столп...» [9, с. 161], «При мори чернем стояли архангел Михаил и св. мученик Сисиний» [9, с. 159].

Безусловно, упоминание данного онима в заговоре выполняет стилистическую роль усиления опасности назревших событий, указывает на угрозу места действия. Сравн. текст, основанный на контрасте символики белого и черного цветов: бел. «...На чорным моры, на белым камні стаіць каменны стоўб, у том стаўбе спасаліся угоднікі божыі...» (Замовы, 252).

Таким образом, Чёрное море в заговорах – это место, связанное с нечистой силой в связи с негативными представлениями о черном цвете. Отраженное в графике употребление слова как ойконима объясняется доведением его до уровня ИС в сакральном тексте.

Немногочисленным по употреблению является наименование *Хвалынское море*. Оним является старым названием Каспийского моря, происходящим, по мнению М.Фасмера, от имени народа хвалисы (Фасм. 4, 229). Можно предположить, что упоминание его в заговорах указывает на отдаленность какого-либо места, реализуя мифологическую оппозицию «свой – чужой»: рус. «Выкатило красное солнышко из-за моря Хвалынского, восходил месяц из-под синя неба, собирались облака издалека...» (РЗ, 179). Чаще всего название Хвалынское море встречается в заговорах «ратных людей, идущих на войну» (РН, 297, 298; РЗ, 178, 179). В этой связи уместно упомянуть сюжет сказки о воинах, которые хотят укрыться за Хвалынским морем, чтобы их не сумел найти Мамай [10, с. 317].

Наименование *Астраханское море*, которое встречается в собранном нами материале один раз в русском тексте, является, по нашему мнению, синонимом названия *Хвалынское море*: рус. «Из земли поганской, из-за моря Астраханского ползёт ползун змей Полоз...» (РЗ, 163). Название моря в данном случае дано по центру Астраханского ханства – Астрахани, имеющей непосредственную связь с Хвалынским (Каспийским) морем. Вероятно, в приведенном тексте имеет значение и эвфония: поганской – Астраханского.

Наименование *Чермное море* выполняет ту же функцию, что и псевдогидроним *Черное*: рус. «Стоит при Чермном море каменный столп и на том столпе сидит преподобный Сисой великий...» [9, с. 159]. Этимологически наименование *Чермное море* представляет собой кальку с греческого *Красное море* (Фасм. 4, 344). Безусловно, Чермное море в заговорах не имеет связи с реальным географическим объектом. Название имеет негативную окраску, видимо, в связи с тем, что наблюдается звуковое сходство со словом *чёрный*, что подтверждается единичностью рассматриваемого названия и, скорее всего, его случайным характером.

Гидроним *Белое море* также вряд ли можно пояснить через реальную примету как «покрытое льдом». Скорее всего, в данном случае актуализировалась символика белого цвета, связанная с представлениями о чистоте, святости. Текст заговора подтверждает это предположение: рус. «На море на Окиане, посреде моря Белого стоит медный столб, от земли до неба, от востока до запада, а в том медном столбе закладена медная медяница от болей и от хворестей...» (РЗ, 37).

Трансонимизированное имя *Елена* встречается в заговорах от болезней. Оно дается персонифицированной стихии, представляющей собой, скорее всего, трансформацию восточнославянского языческого персонажа *Мокоши*: рус. «...под восточной стороной ходит матушка утренняя заря Маремьяна, мать сыра земля Пелагея, сине море Елена...» (РЗ, 34).

Реки в заговорных текстах имеют следующие наименования: рус. *Иордан, Смородина, Вага, Волга, Ока, Шорда, Цон, Китай, Двина, Настасея, Варварея, Парасковья*; бел. *Іардан (Ярдан, Ярдань, Іарданная, Ірдан, Ірдань, Ердань, Арданьская, Дунай, Смародзіна (Смуродзіна), Непр, Бесядзь, Сож, Чарналутка, Чарноедка, Сыбота, Міляўка, Дзяміда, Саламаніда, Маланка*.

Представленные наименования можно объединить в несколько групп:

1) Реальные гидронимы (потамонимы). Гидронимы данной группы единичны: бел. *Бесядзь* (Судник, 73; Замовы, 260) – река в Гомельской и Смоленской областях, *Сож* (Судник, 73; Замовы, 260) – река в Гомельской области, *Чарналутка* (Замовы, 260) – скорее всего, искаженное название *Чарнавутка* – река в бассейне Днепра [11, с. 391], рус. *Шорда* (РЗ, 159) – река в Архангельской области, *Цон* (РЗ, 53-54) – левый приток Оки, *Вага* (РЗ, 22) – левый приток Северной Двины, *Волга* (РН, 318; РЗ, 124), *Ока* (РЗ, 95).

Перечисленные наименования употребляются в заговорных текстах от различных болезней людей и животных, а также в охотничьих заговорах, что вполне закономерно: к ним обращаются за помощью, они близки и понятны, не вызывают опасения.

Обращение к рекам в заговорах не является случайным: «Наряду с другими природными стихиями, славяне-язычники обожествляли воду. Следami этого обожествления являются различные обрядовые игры типа русалий и традиционное почтительное отношение к воде. Обожествление воды лежит в основе языческого восприятия воды как целительной, магической силы, способной очистить и защитить от злых чар, от уроков и сглаза, от болезней и опасностей настоящих и будущих» [12, с. 73]. Но если у язычников все связанное с реками вызывало некоторый страх, то с приходом христианства появились апокрифы о райской реке, которая частично отождествлялась с Иорданом (см. [13, с. 38, 39]). Языческие представления сделали возможным обращение к рекам по именам. Показателен в этом плане следующий текст: бел. «...Вымывай жа ты (ўроцы) на Чарналутку-раку, а Чарналутка-рака ў Бесядзь-Аксюту, а Бесядзь-Аксюту ў Сож-Максім, а Сож-Максім у Непр, а Непр у мора, а мора ў акіян-мора...» (Замовы, 260). Рекам дается второе трансонимизированное имя, при помощи которого подчеркивается их особое почитание.

Форма *Непр* представляет собой фонетический вариант слова *Днепр* (в приведенном примере – Замовы, 260 – это подтверждается и географически). Сравн. также текст, в котором хорошо отражается направление «верх – низ»: бел. «...шла ты з моря у Чарноедку, с Чарноедки у Чарнолутку, а с Чарнолутки у Беседзь, а з Беседзи у Сож, а с Сожа у Непро, з Непра на моря, з моря у Сулуморья, а с Сулуморья у Ирдань ряку» (Судник, 73).

2) Гидронимы, потерявшие связь с реальными географическими объектами и приобретшие значение «река вообще». В данную группу, в первую очередь, относится название *Дунай* (Замовы, 82, 246). В заговорах оным имеет сакральный характер и обозначает любую реку, реку вообще, исходя из значения апеллятива рус. «ручей», польск. *dunaj* «стоячая глубокая вода», старопольск. *dunaj* «далекая, незнакомая река», укр. *дунай* «разлив, большой поток» [14, с. 111]. В белорусской заговорной традиции наименование *Дунай* отражает представления о чем-то идеальном, прекрасном: бел. «Добры дзень, Дунаю, я к табе прыбываю не за вадой, а за малаком, маслам, сырам і тварагом тваім...» (Замовы, 82). Кроме того, Дунай, как и любая река, – это граница, за которой начинается опасность: бел. «...сайдзі, каўтун, на высокія лясы, за крутыя горы, за глыбокія Дунаі, за шырокія межы...» (Замовы, 246). Форма множественного числа *Дунаі* подтверждает обращение к «реке вообще». Подробно традиционно-фольклорная символика слова дунай рассмотрена Д.А. Мачинским (см. [14, с. 110-171]).

3) Вымышленные мифолокатывы. Река *Смородина* упоминается в заговорах от укушения змеи (РНБМ, 248; РЗ, 82; Замовы, 112, 123). Традиционно-фольклорный смысл данного ИС – «место разрешения конфликтов между силами добра и зла» [15, с. 212]. В заговорах эта река также связана с опасностью: рус. «На реке Смородине – калиновый мост: на том мосту стоит дуб-Милян, а в том дубе змеиный гроб...» (РЗ, 82), бел. «...На сінім моры ды на востраўі бягіць рака Смародзіна; чэраз тую раку ляжыць дуб гнілы, дуплясты, а ў том дубі сядзіць цар Сакатын...» (Замовы, 112). Подробно это ИС рассмотрено Т.Н. Кондратьевой, которая видит в нем «поэтическое представление, заключающее общее понятие олицетворения слова «смород» в его многозначности: резкий по запаху, знойный, смрадный, смердящий предел, за которым жизнь и смерть» [15, с. 213].

4) ИС, связанные с библейскими мотивами. В данную группу вошло наименование *Иордан* и его варианты: рус. *Иордан* (РН, 298, 311), бел. *Ирдань* (Замовы, 43, 291, 352), *Ярдан* (Замовы, 60, 157), *Ярдань* (Замовы, 192, 316), *Иардан* (Замовы, 161), *Иардань* (Замовы, 189), *Ердань* (Замовы, 379), *Арданьская вада* (Замовы, 61), *Иарданная крыніца* (Замовы, 86). «По христианским представлениям – это райская река. В переводе с еврейского обозначает «та,

что течет вниз». Река протекает в глубокой расселине и впадает в Мертвое море» [15, с. 92]. В заговорах может подчеркиваться святость и сила этой реки: бел. «...Слаўная рака Ірдань Саламаніда, ты ішла па святым гарам, па жоўтым піскам...» (Замовы, 291). Тематика заговоров при этом очень разнообразна: от различных болезней, от нечистой силы, на путь-дороженьку, на сохранение любви.

5) Трансонимизированные имена: рус. *Настася, Варвара, Парасковья*, бел. *Дзяміда, Саламаніда, Маланка*.

Abstract. Names of seas and rivers in the texts of charms are considered in the paper.

Литература

1. Топоров, В. Н. Об индоевропейской заговорной традиции (Избр. главы) / В.Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М.: Наука, 1993. – С. 80-103.
2. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
3. Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования. – СПб.: «Искусство – СПб», 1997. – 848 с.
4. Лавонен, Н. А. О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора) / Н. А. Лавонен // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами: сб. научн. трудов. – Л.: Наука, 1977. – С. 73-81.
5. Топоров, В.Н. О статусе и природе заговора: Теоретический аспект / В.Н. Топоров // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму: в 2 ч. – М.: Институт славяновед. и балканист. АН СССР, 1988. – Ч. 1. – С. 22.
6. Лисюк, Н.А. Ой на морі, на мар яні... / Н.А. Лисюк // Язык и культура. Третья международная конференция: доклады. – Киев, 1994. – Ч. 1. – С. 67-79.
7. Байбурин, А.К. Восточнославянские гадания, связанные с выбором места и нового жилища / А.К. Байбурин // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л.: Наука, 1977. – С. 123-130.
8. Иванов, Вяч. Вс. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. – М.: Наука, 1976. – С. 109-128.
9. Ветухов, А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли) / А. Ветухов. Вып. 1-2. – Варшава, 1907. – 522 с.
10. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: собр. соч. в 3-х т. / А.Н. Афанасьев – М.: Худож. лит., 1957. – Т. 3. – 505 с.
11. Блакітная кніга Беларусі: Энцыкл. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: Н. А. Дзісько і інш. – Мінск: БелЭН, 1994. – 415 с.: іл.
12. Варбот, Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (укр. кучубей, русск. настыр-ный, измываться) / Ж. Ж. Варбот // Этимология. 1968. – М.: Наука, 1971. – С. 68-78.
13. Агеева, Р. А. «Царь-водица» в заговорах восточных славян / Р. А. Агеева // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тезисы и материалы к симпозиуму: в 2 ч. – М.: Институт славяновед. и балканистики АН СССР, 1988. – Ч. 1. – С. 38-39.
14. Мачинский, Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии / Д. А. Мачинский // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. – Л.: Наука, 1981. – С. 110-171.
15. Кондратьева, Т. Н. Собственные имена в русском эпосе / Т. Н. Кондратьева. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1967. – 245 с.

УДК 81.3[811.161.1+811.161.3]–021.4(045)

Мотивы выбора имени у россиян и белорусов: общее и специфическое

А. М. МЕЗЕНКО

Одной из недостаточно разработанных проблем современной ономастики остается проблема связи имени с человеком. Попытки осмысления ее предпринимались еще в глубокой древности. Всплеск интереса к ней наблюдался в начале минувшего столетия, когда связи имени с характером и личностными особенностями его носителя посвящали свои исследования представители различных научных направлений – С. Р. Минцилов, философ отец П.Флоренский, психолог А. Бодалев и др. По данным П. Згонникова, к концу XX в. сформировались четыре теории, объясняющие, каким образом имя человека может влиять на его характер: социальная, в соответствии с которой имя человека представляет собой сгусток социальной информации о его носителе; эмоциональная, согласно которой имя рассматривается в качестве эмоционального раздражителя; звуковая, по которой имена представляют собой наборы звуков разной высоты и тембра – неодинаковые для мозга звуковые раздражители – и психологическая, предполагающая наличие связи между именем человека и его психическими особенностями [3, с. 6-7]. Проблема связи имени и общества долгие годы занимала известного ономаста В.А. Никонова. Особенно актуальна эта проблематика в наши дни, когда пробивает себе дорогу паранаука в ономастике.

Важнейшей составляющей данной проблематики является вопрос о мотивах выбора имени и в частности установление зависимости мотива выбора от национальности родителей и их социального статуса, а также наличия / отсутствия влияния практики выбора имени родителями на мотивационную деятельность их детей.

Наиболее распространенные мотивы, которыми руководствуются родители при выборе имени ребенку, в русской ономастике достаточно хорошо изучены [см. 1, 2, 5, 6 и др.]. Исследователи, базируясь на антропонимном материале различных регионов, называют разное количество мотивов. Так, по данным М.В. Голомидовой, екатеринбургские информанты в возрасте от 20 до 30 лет, отвечая на вопрос о причинах, по которым они уже выбрали (или выбирали бы) имя своему ребенку, подтвердили актуальность пяти устойчивых стереотипов: 1) в честь старших родственников по отцовской или материнской линии; 2) в честь человека, сыгравшего значительную роль в судьбе кого-либо из членов семьи; 3) в честь известного или популярного человека; 4) в силу личного вкусового предпочтения или личной положительной оценки звуковой оболочки имени; 5) в силу оригинальности имени [1, с. 13]. Л.Н. Подвигина, анализирувшая мотивы выбора имени жителями г. Прокопьевск Кемеровской области, выявила их девять: 1) по сочетанию с другими компонентами именованного; 2) в честь того или иного родственника или по его желанию; 3) в соответствии с поведением ребенка; 4) по той или иной ситуации, связанной с рождением ребенка; 5) в результате следования той или иной семейной традиции; 6) в соответствии с модой; 7) прецедентное имя (топоним, литературный антропоним и т.п.); 8) по фонетико-психологическому мотиву; 9) по формальному признаку, – наиболее популярными среди которых назвала учет родственных связей и пожеланий, следование различным традициям и мода на имена [5, с. 320-321].

Что же касается белорусской ономастики, то, за исключением работы Ивашко В.А. «Как выбирают имена» [4], в которой в популярной форме рассказывается о многочисленных факторах, влияющих на человека в ситуации выбора имени, изучением мотивов имяна-речения никто специально не занимался.

Поэтому в данном исследовании предпринята первая попытка классификации мотивов выбора имени родителями студентов 1-3 курсов университета (приблизительно 1957-1967 го-

дов рождения) и мотивов выбора имен, которыми предполагают воспользоваться сами студенты в будущем при наречении своих детей. Материалом послужили результаты анкетирования студентов филологического и исторического факультетов Витебского государственного университета имени П.М. Машерова 1986-1990 гг. рождения (всего 212 респондентов).

Анализ анкетных данных позволил выявить 16 мотивов выбора имен, которыми пользовались родители анкетированных студентов в период с 1986 по 1990 гг.:

1) по личной оценке звуковой оболочки имени или личным вкусовым предпочтениям: *«Моим родителям просто нравится сочетание звуков в моем имени, поэтому меня и назвали Анной»*; *«Нравилось данное имя по звучанию (Анастасия)»*; *«Имя выбрала мама, так как считала его мелодичным и типично белорусским (Алесья)»*;

2) в честь того или иного родственника или знакомого. Чаще называют в честь прабабушек / прадедушек: *«Маму родного отца звали Тамара, и меня назвали в ее честь; у них это семейное: моего родного отца звали так же, как и отца матери»*; *«Мама решила назвать Еленой в честь своей подруги»*; *«Меня назвали Ольгой в честь двоюродной тети моей бабушки»*;

3) в честь известного / популярного человека или по внешнему сходству ребенка с лицом, носящим прецедентное имя: *«Все наши имена связаны с А.С. Пушкиным. У меня две сестры – Татьяна и Ольга, а я Наталья – так звали жену поэта»*; *«Меня назвали в честь короля Стаха (Станислав)»*; *«Мои родители переехали жить в Витебск из г. Добруш. По известной легенде, основательницей г. Витебска была княгиня Ольга, поэтому мои родители решили, что их дочь будут звать Ольгой»*; *«Назвали меня Виталием, потому что я похож на артиста Виталия Соломина»*;

4) с учетом значения мотивирующего апеллятива имени: *«Назвали Ириной, потому что в переводе означает «мирная»»*; *«Мама решила назвать меня Настей, так как Анастасия в переводе с греческого «воскресшая к жизни»*; *«Виталий в переводе с латинского означает «жизненный». При выборе этого имени родители руководствовались надеждой на долгую жизнь сына»*;

5) по совету родственников или других людей: *«Мою сестру зовут Маша, и она очень хотела сестру Дашу (Дарья)»*; *«Меня зовут Светланой. Так захотел мой старший брат»*; *«При выборе моего имени (Анна) родители прислушались к совету моей бабушки»*;

6) в соответствии со стремлением к редкому, малораспространенному имени, которого еще нет в родне: *«В то время (1987 г.) это имя (Варвара) было редкое, поэтому так и называли»*; *«Детей с таким именем (Юлия) было мало в деревне»*; *«При выборе моего имени (Людмила) руководствовались тем, что в нашей родне такого имени больше ни у кого не было. Мои родители не хотели повторяться. И поэтому назвали меня Людмилой»*;

7) по созвучию имени и отчества или имени и фамилии: *«Мое имя (Дина) созвучно с моим отчеством (Владимировна)»*; *«Имя Юлия короткое, легко произносится и сочетается с длинным отчеством (Вячеславовна)»*; *«Фамилия у меня русская (Иванова), поэтому и имя должно было быть русским (Наталья). Имя очень созвучно с фамилией (Наталья Иванова)»*;

8) в соответствии с церковным календарем: *«Меня назвали Ксенией в соответствии с церковным календарем (6 февраля – Ксения)»*; *«Виктория – имя, указанное в святцах»*;

9) в соответствии с модой: *«Назвали Еленой. Это имя в 1986 г. было очень распространенным»*; *«Это имя (Юля) тогда (1987 г.) было модным»*;

10) по названию месяца рождения ребенка: *«Имя Снежана от месяца рождения (декабрь – по-белорусски снежань). Выбрали его родители, так как я родилась в декабре»*; *«Я родилась в июле, и поэтому родители назвали меня Юлией»*;

11) в результате следования семейной традиции: *«Меня назвали по жребью. Каждый написал имя на листочке (папа, мама, брат и сестра), и сестра вытянула имя Татьяна»*; *«Папа хотел назвать меня Алесей, а мама – Илоной, и они тянули спички и вытянули имя Илона»*; *«Мои родители делали кораблики с именами, и к обоим приплыл кораблик с именем Ирина. Так я и стала Иванова Ирина Андреевна»*;

12) по созвучию с именем другого ребенка или одного из родителей: *«Меня назвали Леной, так как имя Лена созвучно с именем моего старшего брата – Лёша»*; *«Моего бра-*

та зовут Олег, и родители решили назвать меня Ольгой, так как это имя родственное, созвучное Олегу»;

13) по ситуации, связанной с рождением ребенка: *«В 1988 г. в июле, когда я родилась, в Витебске проходила какая-то важная конференция. Отец решил назвать меня Катей в честь конференции, так как ему показалось, что имя Катя и слово конференция имеют сходство»;*

14) по внешним признакам ребенка: *«Мои родители очень долго выбирали имя. Но, увидев, что я родилась с голубыми глазами, они пришли к выводу, что наиболее подходящим для меня будет имя Марина»;*

15) по внутренним качествам знакомых людей, носящих данное имя: *«Мама сказала, что все Лены, которых она знает, отличаются силой воли и сильным характером. Поэтому меня и назвали Еленой»;*

16) по формальному признаку: *«Отец выбрал имя Александра, руководствуясь именами дедушки и прадедушки, которые начинались с буквы А».*

Показательно, что наиболее популярные для именования новорожденных мотивы в смешанных по национальному составу и однонациональных семьях не полностью совпадают. Так, если в однонациональных семьях лидируют 1-й, 2-й и 4-й мотивы, то в смешанных – 1-й, 2-й и 3-й. Отличаются мотивационными приоритетами даже разные группы однонациональных семей. Так, белорусы и азербайджанцы при наречении ребенка предпочитают фонетико-психологический мотив всем остальным, русские – прецедентное имя, а евреи – в честь родственника.

Среди смешанных по национальному составу семей наибольшим разнообразием мотивов наречения ребенка (12) характеризуется группа, в которой мать – белоруска, а отец русский. Она, кстати, и самая многочисленная. Не использованными в этой группе оказались 12-й, 14-й, 15-й и 16-й мотивы. Что же касается групп «русская и белорус», «белоруска и украинец», «украинка и белорус», «русская и украинец», «белоруска и еврей», «еврейка и белорус», «белоруска и поляк», «белоруска и туркмен», «белоруска и казах», «татарка и русский», «еврейка и русский», которые являются менее многочисленными по сравнению с первой из смешанных, то в них задействованными оказались лишь пять мотивов – 1-й, 2-й, 3-й, 5-й, 16-й.

Нельзя не обратить внимания и на то, что во всех типах национально смешанных семей, где матерью является белоруска, как и в однонациональных белорусских семьях, чаще других используются в качестве мотива при выборе имени личные вкусовые предпочтения.

Таким образом, результаты анкетирования свидетельствуют, что набор мотивов выбора имени у екатеринбуржцев и жителей г. Прокопьевск Кемеровской области, с одной стороны, и белорусов – с другой, на 75% единообразен; национальное, а может только региональное, проявляется в использовании белорусами таких мотивов, не зарегистрированных у россиян, как учет значения мотивирующего апеллятива, ориентация на церковный календарь, название месяца рождения ребенка, внутренние качества знакомых людей, носящих данное имя.

В отличие от жителей г. Прокопьевск, среди которых наиболее популярными для именования новорожденных были учет родственных связей, следование различным традициям, мода на имена, каждый третий витеблянин (66 респондентов) при выборе имени ребенку руководствовался своими вкусовыми предпочтениями, каждый седьмой использовал личное имя родственника или знакомого (31), каждый десятый (21) – прецедентное имя. Следовали же различным традициям лишь 1,4%, моде – 2,4% жителей города на Витьбе.

Несмотря на то, что присвоение имени ребенку в сопоставляемых городах осуществляется через подобный набор мотивов, в каждом конкретном регионе существует свой, привычный их комплект.

Наиболее значительные различия между россиянами и белорусами наблюдаются в реализации двух мотивов именования – по церковному календарю и в соответствии с модой. Так, первый из них россиянами не задействован. По словам М.В. Голомидовой, «случайно или закономерно, но ни один из 100 опрошенных информантов (екатеринбуржцев – А.М.) не вспомнил о правилах выбора имени из церковных святцев» [1, с.14]. Среди же 134 респондентов-белорусов 38 планируют в будущем руководствоваться при выборе имени своему ребенку церковными святыми. Наоборот, следовать веяниям моды в выборе имени собирают-

ся лишь 5 из 134 опрошенных, в то время как среди жителей российского Прокопьевска таковых оказалось 14 из 100.

Специфическая ориентация при именовании людей определяется моделью мира, существующей в представлении конкретного народа в определенное время.

Практическая значимость подобных исследований заключается в том, что совокупность мотивов выбора имени новорожденным позволяет проецировать особенности ментальности имядателей как совокупной языковой личности, их мировоззренческие ценности, фоновые знания.

Abstract. The paper reveals common and specific features in the choice of names by Russians and Belarusians from mono-national families and the ones mixed in their national composition among the citizens of Yekaterinburg and Prokopievsk on the one hand, and Vitebsk on the other.

Литература

1. Голомидова, М.В. Русская антропонимическая система на рубеже веков / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. – Екатеринбург, 2005. – № 2. – С. 11-22.
2. Данилина, З.А. К вопросу о мотивах выбора личных имен / З.А. Данилина // Ономастика Поволжья. – Горький, 1971. – С. 17-21.
3. Згонников, П. Имя – знак судьбы? / П. Згонников // Хигир Б.Ю. Имя и счастье в браке. – Москва, 1997. – С. 4-7.
4. Ивашко, В.А. Как выбирают имена / В.А. Ивашко / под ред. А.Е. Супруна. – 2-е изд., доп. – Минск, 1988. – 239 с.
5. Подвигина, Л.Н. Некоторые наблюдения над мотивами выбора имени жителями г. Прокопьевска Кемеровской области / Л.Н. Подвигина // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20-23 сентября 2005 г. – Екатеринбург, 2005. – С. 319-321.
6. Ройзензон, Л.И. О мотивах выбора имени / Л.И. Ройзензон, Э.Б. Магазаник // Вопросы ономастики. – Самарканд, 1971. – С. 27-31.

Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова

Поступило 21.03.09

УДК 81.3:81.161.1(045)

Эмоциональный концепт *страх* в русской языковой картине мира

О. Н. МЕЛЬНИКОВА

Примечательной чертой проводимых в настоящее время лингвистических исследований является внимание к человеческому фактору в языке. Одним из проявлений этого исследовательского направления является изучение слов со значением элементов психической жизни человека – эмоциональных состояний и переживаний, настроений, ощущений, желаний и пр., сочетаемость которых в значительной степени основывается на различных образных представлениях, метафоре.

До недавнего времени внутренний мир человека занимал психиатров, философов, поэтов, но в меньшей степени интересовал лингвистов. Интерес к группе слов, обозначающих эмоции, намечается еще в работах таких видных отечественных языковедов, как М. М. Покровский, А. А. Потебня. Приблизительно с 60-70-х годов XX века, с возникновением современной лингвистической семантики, появляются первые попытки системного лексикографического описания эмоциональной лексики. Исследованию эмоций и их отражению в языке посвящены работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. А. Зализняка, И. Б. Левонтиной, В. И. Шаховского и др.

Предметом рассмотрения в данной статье является эмоциональный концепт *страх* в русской языковой картине мира.

Эмоции как специфическая форма человеческого отношения к миру занимают одно из центральных мест в языковой картине мира. При описании эмоциональных концептов исследователь объективно сталкивается с рядом трудностей. Эмоции – одна из наиболее сложно организованных систем человека. Как известно, сами эмоции недоступны непосредственному человеческому наблюдению. В этом отношении они подобны другим внутренним состояниям человека, например, ментальным. Однако в отличие от ментальных состояний, которые вербализуются достаточно легко, эмоциональные состояния перевести в слова значительно сложнее. Слову, обозначающему эмоцию, почти невозможно дать прямое лексикографическое толкование. По замечанию Б. А. Ларина, дифференциация аффектов усложняется также тем, что самоанализ, осознание своего психического состояния может иметь место только спустя промежуток времени, когда с помощью интеллекта постигается причина, предмет эмоции, суть объективного отношения к предмету, вызвавшему эту эмоциональную реакцию. Эмоция дифференцируется в стадии зарождения или в стадии остывания, а в своем апогее разнородные аффекты сближаются, «подобно тому как ярко пылающее пламя слепит нас всегда одинаково, а загорающийся огонек или угасание огня многокрасочно и богато оттенками». Отсюда следует такая особенность, как синкретизм исконной семантики, свойственной словам, обозначающим эмоции, сравн, к примеру, значения др.-исл. *harmr* ‘печаль’, ‘горе, боль’; греч. *υφχγѣт* ‘ужас’, ‘отвращение’, ‘холод’ [1, с. 63].

Эмоция страха не всегда играет отрицательную роль в жизни человека. Среди функций, выполняемых страхом, прежде всего выделяют адаптивную, или социальную [2]. Суть её заключается в том, что страх мобилизует силы человека для активной деятельности, помогает предупреждать возможные ошибки и уменьшает риск стать жертвой обстоятельств, защищает, поскольку является очень сильной мотивацией для поиска безопасной среды обитания, позволяет человеку моделировать своё будущее поведение.

Эмоциональные концепты имеют более сложную структуру и более богатое содержание, чем можно предположить, исходя из классической точки зрения на эмоции. Дело в том, что обычный язык, который мы используем, когда говорим об эмоциях, может быть важным инструментом для обнаружения структуры и содержания эмоциональных концептов. Описывая со-

стояние страха, писатели часто прибегают к сложным комплексам наименований как психических, так и физиологических признаков, сравн.: *Все тихо – страх его объемлет, По нем текут и жар и холод* (Пушкин); *В животе у него перекашивало, под сердцем веяло холодом, само сердце стучало и замирало от страха перед неизвестностью* (Чехов); *Он заболел – в него вошел микроб страха. Он еще жил, дружил, а микроб в нем рос, он клубился от нетерпения его сожрать... И однажды он стал больше его самого – это был огромный страх* (Вайнеры).

Страх является эмоцией большой силы, которая оказывает заметное воздействие на восприятие, мышление и поведение человека, о чём свидетельствует семантика соответствующей лексемы: 'состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смутения в связи с грозящей или возможной опасностью' [3, с. 802]. Итак, страх – это неприятное чувство, которое возникает в ситуации, когда человек воспринимает или представляет нечто, что ощущает как что-то опасное для себя. Сильный страх может даже привести к смерти, сравн.: *умирать от страха, испугаться до смерти*. Сема интенсивности, свойственная значению лексемы *страх*, выявляется также в употреблении рассматриваемого имени существительного в функции наречия со значением 'ужасно, весьма, очень', сравн.: *страх сколько* 'много, без числа, несметно, тьма, пропасть'; *страх как* 'сильно, крепко, больно или упорно': *Страх, что народу было! Страх не люблю бури* [4, с. 337].

Между значением слова и его сочетаемостью существует всесторонняя зависимость: семантика слова обуславливает его сочетаемостные возможности, а сочетаемость является формальным средством выражения значения.

Среди языковых выражений, содержащих в своем составе названия эмоций, выделяются, с одной стороны, симптоматические выражения, описывающие физиологическую (как правило, непосредственно наблюдаемую) реакцию человека на эмоциональное состояние: *покраснеть от смущения, скривиться от отвращения* и пр.; с другой стороны, метафорические выражения, отражающие не реально наблюдаемую реакцию на эмоциональное состояние, а осмысление этого состояния, его оценку говорящим: *горе обрушивается на кого-либо, гнев душит* и пр.

Рассмотренные симптоматические выражения с компонентом *страх* позволяют сделать вывод о том, что данное эмоциональное состояние характеризуется интенсивностью проявления и способно воздействовать на различные виды деятельности человека, что находит соответствующее выражение в особенностях сочетаемости рассматриваемой лексемы.

Страх влечёт за собой изменения внешности человека: *лицо побледнело от страха, перекосило от страха, поседеть от страха, волосы дыбом встали*. Страх закономерно описывается и как состояние внутренней дрожи: *трепетать / дрожать / содрогаться от страха*; сравн. также значение фразеологического оборота *поджилки трясутся* 'о том, кто испытывает сильный страх': *Храбрится [Морковкин], а у самого поджилки трясутся, мурашками спину так и осыпает, только что вспомнит про здоровенный кулак и непомерную силу Алексея* (Мельников-Печерский) [5, с. 329].

Страх оказывает влияние на мышление, рассудок: *обезуметь от страха, себя не помнить от страха, потерять рассудок / рассудок помутился от страха*.

Страх способен воздействовать на проявления речевой деятельности: *язык отнялся от страха, онеметь / лишиться дара речи от страха, голос дрожит от страха*.

Страх ограничивает двигательную активность человека: *ноги отнялись от страха, ноги подгибаются / стали ватными от страха, прирасти к земле от страха*.

Соматические выражения, описывающие проявления страха, свидетельствуют о том, что в этом состоянии человек, как правило, стремится прекратить воздействие на себя нежелательного фактора и поэтому готов спрятаться, сжаться, съежиться и т.п.: *втягивать голову в плечи, пятиться, закрывать глаза руками*; сравн.: – *Держись покрепче и лошадей придерживай, я сейчас выстрелю... Возница только охнул в ответ и втянул голову в плечи* (Булгаков); *Рядом с ним шел негр. Тетушка Ганимед зажмурила глаза и села на пол. Вернее не на пол, а на кошку* (Олеша) [5, с. 14, 24, 75]. Сходная мотивация лежит в основе фразеологизма *поджечь хвост* 'испугавшись последствий своих действий, поступков, своего поведения и т.п., стать более осторожным, осмотрительным': – *Больно спесив Кирила Петрович! А небось поджег хвост, когда Гришка мой закричал ему: «Вон, старый пес! Долой со двора!»* (Пушкин) [6, с. 329].

Поскольку качество эмоционального переживания изображается в языке преимущественно метафорически, наибольший интерес представляют метафорические выражения с компонентом *страх*, отражающие особенности концептуализации рассматриваемого эмоционально-психического состояния носителями языка.

В работе В. Ю. Апресян и Ю. Д. Апресяна [7] было предложено понятие «телесная метафора души», позволяющее идентифицировать эмоции на основе сходства симптоматики определённых физиологических и эмоциональных состояний. Соответственно, в толкование вводится компонент: душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает его тело, когда человек находится в определённом физическом состоянии.

Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют, что образ страха базируется на представлениях, связанных с холодом: *страх леденит кровь, мурашки пробегают по телу, кровь в жилах стынет от страха*. Также весьма показательно в этом отношении значений украинского фразеологического оборота *напугати холоду* 'напугать, внушить страх' [8, с.12].

Метафора *страх* – *внутренний холод* с точки зрения физиологии может объясняться тем, что состояние страха сопровождается снижением тонуса мускулатуры, частоты сердцебиения, кровяного давления, оттоком крови от конечностей, что приводит к эффекту похолодания, замерзания. Реакция души на страх очень сходна с реакцией тела на холод, сравн.: *Вокруг них бушевала зимняя вьюга мстительного севера, и люди падали тысячами, оцепеневшие страхом и холодом* (Белинский).

Связь эмоционального состояния страха с представлениями о холоде и, соответственно, физическими ощущениями оцепенения, застывания, по-видимому, очень глубока. Это подтверждается, в частности, тем, что русское слово *страх* этимологически связано с лит. *strūgti* 'цепенеть, коченеть' [9, с. 23; 10, с. 394], лтш. *strūgele* 'сосулька', др.-в.-нем. *strac* 'тугой' [11, с.43]. Семантика слова *страх* формировалась, по-видимому, в направлении от синкретичного значения 'холод' как явления природы и физиологически определяемого болезненного состояния тела к более определённому, узкому – 'эмоциональное переживание, аффект, сопровождающийся ощущениями холода, оцепенения'. Этимологический материал индоевропейских языков свидетельствует о том, что значения 'холод' и 'связывание, сжатие, сдавление' являются родственными: греч. *κσπν* 'холод' по происхождению связано с и.-е. *ger-* 'сжимать, гнуть', русск. *мороз* – с и.-е. *ter-* 'связывать' [11, с. 24]. Как известно, одной из особенностей процесса замерзания, т.е. перехода из жидкого состояния в твёрдое является замедление движения или неподвижность, сравн. к примеру, бел. диал. *мерзлы* 'медлительный': *От мерзлы, хоць ты жару под ёго подсып* [12, с. 75], *астываць* 'долго задерживаться где-либо' [13, с. 104].

Таким образом, холод ассоциируется с пассивностью, отсутствием положительных эмоционально-волевых проявлений, в частности – желаний, стремления, сравн. значение выражения *с прохладцей* (делать что-либо) – 'без большого усердия, вяло'. Поэтому представляется закономерным, что негативное эмоциональное состояние страха описывается в языке как состояние оцепенения, неподвижности: *застыть от страха, страх сковал, страх приковал его к месту*.

Страх может описываться в языке как живое существо, враждебное человеку, которое обладает властью над ним, подвергает его насилию: *страх берет, нападает* на человека, *охватывает* его, *душит, парализует*; человек *борется со страхом*, может *победить в себе страх* или *поддаться страху, быть во власти страха* [14, с. 566]. Сравн.: *Он (страх) управляет им всегда, он подчинил его, как раба* (Вайнеры). Б. А. Успенский, рассматривая языковое поведение существительного *страх* в составе подобных метафорических выражений, считает, что за ними стоит единый мотивирующий образ: страх мыслится в виде «некоего враждебного существа, подобного гигантскому членистоногому или спруту, снабжённому жалом с парализующим веществом» [15, с. 146].

Метафорические образы, лежащие в основе описания эмоций, составляют очень весомую часть языкового сознания говорящих. Спецификой русского языкового сознания является обозначение реакции человека в ситуации переживания эмоции посредством концептов *душа* / *сердце*, которые традиционно рассматриваются как место, где локализуются эмоции, и поэтому крайне чувствительны к происходящему с человеком. В ситуации грозящей или воображаемой

опасности *душа / сердце* могут перемещаться из нормального положения в самую дальнюю часть человеческого тела, находя временное убежище в пятках: *душа в пятки ушла, сердце в пятки ушло от страха* 'кого-либо охватывает сильный страх': *И думать позабыли, что у них дочь в опасности. Их тоже, со своей стороны, уверяю, что ничего, дескать, а у самого душа в пятки уходит* (Тургенев). Сравн. также *сердце опустилось / оборвалось от страха* 'кого либо неожиданно охватывает испуг, отчаяние, тревога': *Вдруг раздался страшный треск... Мною овладел страх... Сердце упало, холод пробежал по всему телу* (Станюкович).

Итак, концепт *страх* вызывает к жизни целый ряд ярких образов, представляющих данное эмоциональное состояние. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, чем богаче образная структура чувства, тем шире и разнообразнее набор обслуживающих его название предикатов [16, 97-98]. При этом образы, которые используются для описания страха, не являются произвольными, поскольку они мотивированы физиологией человека, соотносятся с его чувственным опытом.

Abstract. The emotional concept *fear* in the Russian language picture of the world is considered in the paper. The inner form of the key lexeme expressing the concept and the peculiarities of its functioning in the Russian language are analyzed.

Литература

1. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы / Сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
2. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб: Питер, 2000. – 450 с.
3. Современный толковый словарь русского языка / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований; Гл. ред С. А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2007. – 960 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1955. – 683 с.
5. Акишина, А.А. Жесты и мимика в русской речи / А.А. Акишина. – М.: Русский язык, 1991. – 144 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / Сост.: Л. А. Воинова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров; Под ред. А. И. Молоткова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1967. – 543 с.
7. Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян. // Вопросы языкознания, 1993. – № 3. – С. 37-56.
8. Удовиченко, Г. М. Фразеологічний словник української мови: В 2т. / Г. М. Удовиченко. – Т.2. – Київ: Вища школа, 1984. – 384 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер с нем и доп. О. Н. Трубачёва / Отв. ред. Б. А.Ларин. – М.: Прогресс. –Т. 3. – 1987. – 830 с.
10. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. – Т.2. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – 560 с.
11. Маковский, М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике / М. М. Маковский. – М.: Высшая школа, 1989. – 200 с.
12. Тураўскі слоўнік: У 5 т. / Склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін і інш. – Мінск: Навука і тэхніка. –Т. 3. – 1984. – 311 с.
13. Народнае слова / пад рэд. А. Я. Баханькова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 360 с.
14. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Институт русского языка имени А. С. Пушкина; Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1978. – 688 с.
15. Успенский, Б. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных / Б. А. Успенский // Семиотика и информатика, 1979. – Вып. 11. – С. 134 – 150.
16. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

УДК 81.3:[811.161.1+811.161.3+811.131.1+811.112.2](045)

Сообщение о тщетности усилий человека как тип ценностно ориентирующего дискурса (на материале русских, белорусских, итальянских и немецких паремий)

Е. В. Ничипорчик

Ставшее постулатом положение о том, что практически любая языковая единица в определённых контекстуальных условиях может служить выражению оценочных значений, не может быть основанием для утраты научного интереса к исследованию механизмов экспликации оценочных смыслов синтаксическими структурами, представляющими тот или иной тип суждения. Паремиология в этом отношении представляет богатейший материал, так как при всём многообразии логико-синтаксической организации паремий абсолютное большинство паремиологических единиц ориентировано на выражение аксиологически релевантных смыслов. Вопрос заключается лишь в том, каковы механизмы перевода информации, лежащей на поверхности, в собственно пословичную семантику, которая, как показывают специальные исследования, так или иначе отражает социальные представления о ценностях [см. об этом 1, с. 137-138]. Если принять во внимание, что “высказывание выступает не только как конструктивное целое, но и как смысловая перспектива” [2, с.31], то есть основания выяснить, в какой же мере элементы этого конструктивного целого связаны с его смысловой перспективой и что, кроме ситуативных условий, определяет адекватность интерпретации содержания того или иного высказывания.

Несомненно, что адекватность понимания смысла паремии обеспечивается в первую очередь наличием у каждого представителя того или иного социума ценностного сознания. Ценностное сознание позволяет человеку воспринимать мир и всё происходящее в нём через призму гуманистических мерок, нравственных и эстетических норм [3, с. 3] и, как следствие, осуществлять оценку объектов с точки зрения их соответствия или несоответствия человеческим потребностям и интересам [4, с. 9]. Так как ценность, служащая эталоном оценки, носит социально детерминированный характер, то есть отражает общественные представления об идеалах и нравственных эталонах поведения, то субъективность ценностного сознания оказывается минимизированной, что, собственно, и составляет основу для адекватного восприятия ретранслируемых паремическими текстами оценочных смыслов. Исследователь В.А. Блюмкин подчёркивает, что “ценности всегда имеют в своей основе два объективных момента: свойства материальной вещи или духовного явления и сами потребности и интересы людей, отнюдь не являющиеся продуктами их субъективного произвола, а имеющие глубокие основания в существующей системе общественных отношений, в биосоциальной природе человека» [4, с. 5]. Таким образом, содержащаяся в поверхностной структуре паремии дескриптивная информация может быть интерпретирована реципиентом как оценочная при осмыслении им того, в какой мере свойства определяемого объекта удовлетворяют потребности человека.

Паремии, сообщающие о тщетности усилий человека, в этом смысле представляются весьма интересным объектом исследования, так как информация о неудовлетворённости той или иной потребности человека находит непосредственное выражение в поверхностной структуре: *От злой жены не уйдешь* [Д]; *Мазалёваю працай не збудуеш палацаў* [Ян]; *Guai e macchie d'olio levare non si possono* [ВМ] – Беды и масляные пятна нельзя вывести; *An einem schmutzigen Lumpen kann man sich nicht sauber waschen* [Sim] – Грязной тряпкой чисто не помыться. По логике вещей подразумевается, что ситуация, номинируемая такого рода паремиями, всегда маркирована отрицательно. Означает ли это, что предметом сообщения в та-

ких паремиях закономерно представляется антиценностная категория? Как показали наши наблюдения, отнюдь нет. Провокантом суждения о тщетности усилий человека может быть как антиценность, так и абсолютные либо относительные ценности. Рассмотрим, каким образом при этом эксплицируются смыслы, связанные с ценностными ориентациями, и насколько единодушными являются представители разных социумов в вынесении оценок при конструировании высказываний о неудовлетворённости тем или иным положением дел.

Для проведения анализа нами были избраны паремии четырёх языков: русского, белорусского, итальянского и немецкого. Разноязычные паремии представляют один и тот же тип суждения, соответствующий логической формуле “X исключает (= делает невозможным) Y”, и имеют в своей структуре константные экспликативы модального значения невозможности – отрицательную частицу в сочетании с предикатной глагольной номинацией, грамматическая форма которой, как правило, указывает на обобщённость семантического субъекта. Учитывая многочисленность такого рода паремий в каждом из языков и наличие множества частных структурно-семантических моделей, реализующих значение невозможности, ограничимся анализом лишь некоторых групп паремий, характеризующихся тождественным типовым значением.

Одним из многократно тиражированных в паремических текстах квантов знания явилась когнитивная тема “недостатка человека не исправить” (её вариантами можно считать “порока не искоренить”, “невозможно требовать от человека того, что ему не дано природой”): *Дырявые меха не надуешь, дурака не выучишь* [ЗС]; *Щетинку в кудри не завьешь* [Д]; *Не откормить коня сухопарого, не отрастить дерева суховерхого* [Д]; *Утиного зоба не залечишь* [Д]; *Сухую грязь к стене не прилепишь* [Д]; *Что засело в костях, того из мяса не выколотишь* [Д]; *Кто родом кулак, тому не разогнуться в ладонь* [Д]; *Из дуги оглоблю не сделаешь* [ЗС]; *Паганага чалавека не перацделаеш* [Г]; *Кривога дзерава не выпраміш* [Г]; *Se da natura u dato, levare non si pum* [ВМ] – Что дано от природы, не выправишь; *L'uomo matto e l'uomo cattivo non si curano* [ВМ] – Сумасшедшего и плохого человека не вылечить; *Quando il culo u avvezzo al peto, non si pum tener più cheto* [ВМ] – Когда зад привык портить воздух, его не сделаешь тихоней; *Chi nasce tondo, non pum morir quadrato* [ВМ] – Кто родился круглым, тому не умереть квадратным; *Di un castagno non puoi fare un ciliegio* [ВМ] – Из каштана черешни не сделаешь; *Chi lupo nasce, non muore agnello* [ВМ] – Кто родился волком, тому не умереть овечкой; *Möngel, die im Blute sitzen, kann man nicht vertreiben durch Schwitzen* [W] – Не исправишь природных недостатков потением; *Narrenhände kann man nicht weiss waschen* [W] – Руки глупца не отмыть добела; *Was der Mensch nicht ist, das kann man nicht aus ihm herauskriegen* [S] – Из нечеловека человека не сделаешь; *Aus zwilchenen Söcken kann man keine seidenen Beutel machen* [S] – Из тиковых мешков не сделаешь шелковых сумок; *Man kann nicht alle krummen Hülzer gerade machen* [S] – Не выпрямить всю искривленную древесину.

Такого рода паремии используются обычно для осуждения обладателя недостатка, с целью предупреждения кого-либо о несбыточности надежд, связываемых с искоренением порока, а также с тем, чтобы выразить сетования по данному поводу. Таким образом, при речевых актах о третьих лицах смысловая перспектива подобных паремий может быть определена, как “плох человек, который является обладателем названных негативных признаков”, “не надейся на то, что такой человек станет другим”, “ничего не поделаешь, приходится мириться с таким человеком”; при речевых актах, обращённых к носителю недостатка, смысл использования подобных высказываний заключается в выражении негативного отношения к реципиенту – “ты плох” = “я к тебе испытываю негативные чувства”. Какие же элементы семантической структуры работают на смысловую перспективу такого рода паремий?

Выражению негативных оценочных смыслов в данном случае служит, во-первых, семантическая контрастность номинаций, представляющих наличествующий признак и искомый (ср.: щетинка – кудри, кулак – ладонь, дуга – оглобля, *castagno* (каштан) – *ciliegio* (черешня), *zwilchenen Söcken* (тиковые мешки) – *seidenen Beutel* (шёлковые сумки)), либо другие средства, создающие негативный образ объекта преобразования, а именно атрибутивные дескрипторы с системной пейоративной оценочной семантикой (*сухопарый*, *суховерхий*, *дырявый*, *паганный*, *matto* (сумасшедший), *cattivo* (плохой), *krummen* (искривленный), *narren* (глу-

пый) и др.); во-вторых, глагольные лексемы с семантикой преобразования, чаще облагораживания (*завить, откормить, выучить, пераделаць, выпраміць, curarsi* (лечиться), *waschen* (мыть), *gerade machen* (выпрямлять)), в сочетании с отрицательной частицей. Налицо представленность обоих компонентов объективной основы, формирующей ценностное отношение, – признак определяемого объекта и потребность человека. Признак маркирован в сознании человека отрицательно, названная потребность не удовлетворяется, отсюда негативность выводимых аксиологических смыслов.

Обращает на себя внимание тот факт, что разноязычные пословицы о невозможности изменить природу человека и его склонности, о “тупиковости” ситуаций, в которых от человека ожидают того, что не дано ему от природы, обнаруживают сходство и в других содержательных аспектах, в частности, это проявляется в эквивалентности когнитивных моделей, представляющих внутреннюю форму паремий. Человек как носитель негативных качеств может выступать в образе представителя фауны, флоры, при этом, как правило, реализуется идея невозможности родовой трансформации, получения от растений “чуждых” для них плодов и т.п., а также идея невозможности лишения присущих объекту характеристики свойств: *Отсеки собаке хвост – не будет овца* [Д] (ср.: *Taglia la coda al cane, riman cane* [BM] – Отрежь собаке хвост – всё равно будет собака); *И большому гусю не высидеть теленка* [Д]; *На кукушкиных яйцах не высидишь цыплят* [Д]; *Из собаки блох не выколотишь* [Д]; *От терновника не жди винограду* [Д]; *Не бывать шишке на рябинке* [Д]; *Не расти яблочку на ёлке* [Д]; *Сокала не пераробиш на саву* [Ян]; *Крывого дзерава не выпраміш* [Г]; *Chi lupo nasce, non tuore agnello* [BM] – Кто родился волком, тому не умереть овечкой; *Non si potu mai cavare la ranocchia dal pantano* – Не вытащить лягушку из грязи; *Non si pum far di un pruno un melarancio* [BM] – Не сделаешь из терновника апельсинового дерева; *Pflaumen kann man nicht zu Dpfeln machen* [S] – Сливы не сделать яблоками; *Da un pìoppo non cavi ciliegie, solo cotone per canarini* [BM] – С тополя не снимешь черешни, только пух для канареек; *Le querce non fanno limoni* [BM] – Дубы не дадут лимонов; *Il leccio non fa olive* – От дуба не жди оливок; *Da un castagno non pum venire una rosa* – На каштане не вырасти розе; *Dai salici non si tira vino* [BM] – От ив вина не получишь; *Von Dornen kann man keine Traubenlesen* [Sim] – С колючек винограда не соберёшь; *Aus einem Birnbaum kann man nicht Milch melken* [W] – От груши молока не надоишь.

В русском и белорусском паремийниках есть и такие единицы, которые, имея соответствующую анализируемой когнитивной модели лексико-грамматическую организацию, служат реализации иного значения, а именно вербализуют когнитивному, связанную с представлениями о главенствующей роли мужчин в семье. Паремии обладают очевидной гендерной маркированностью, так как характеризуются маскулинной адресантностью и обращённостью к представительницам женского пола, тщетно стремящимся к главенству: *Хоть тресни синица, а не быть журавлём* [Д]; *Курице не петь петухом* [Д]; *Не быть курице петухом, а бабе мужиком* [Д]; *Хоць трэсні, сініца, – не ўзяціш жоравам* [Ян]. Однако и эти паремиологические единицы ориентированы на выражение негативного отношения как к самой попытке метаморфозы объекта, так и к объекту, проигрывающему в своей значимости в сравнении с носителем искомых качеств. В первом случае выражается ироническое отношение, во втором – уничижительное.

О тщетности надежд на исправление человеческих недостатков говорят разноязычные паремии, представляющие когнитивную модель “чёрное не сделать белым”: *Черного кобеля не вымоешь (не домоешь) добела* [Д]; *Черного кота не вымоешь добела* [Д]; *Чорнага кабяля не вымыеш дабяля* [Г]; *Чорнага сакала не вымыеш дабяля* [Г] (ср. *Чорнага сабала не вымыець ні мыла, ні вада* [Г]); *Den Raben kann man nicht weiЯ waschen* [WM] – Ворона не отмоешь добела (ср.: *Il corvo più nero di com'u non pum essere* – Ворону не стать чернее, чем он есть); *Einen Mohren kann man nicht weiЯ waschen* [S] – Мавра не отмыть добела. Примечательно, что характеризующиеся очевидным генетическим родством русские, белорусские и немецкие паремии (ср.: латинское выражение – *Balnea cornici non prosunt* [5, с. 68]), при различии образов, представляющих “чёрное”, имеют в своей структуре константный глагольный компонент с семантикой мытья, являющийся своеобразным семантическим конденсатом

для эквивалентных паремиологических единиц (см. о понятии “семантический конденсат” 6, с. 137). В итальянском же языке невозможность преобразования “чёрного” в “белый” отражена в паремиях с глагольным компонентом иной семантики и образами, создаваемыми фитонимами (заметим, что итальянцы при продуцировании паремий о тщетности надежд на метаморфозу плохого регулярнее, чем русские, белорусы и немцы, обращаются к фитонимам): *Dalla vite nera non si pum tirar fuori l'uva bianca* [BM] – От чёрной (дикой) виноградной лозы не получишь цветов белого винограда; *I ramolacci non posson fare cavolucci* [BM] – Чёрной редьке не стать белой капустой. Отметим особо как факт корреляции паремиологических семантических конденсатов в сознании носителей разных языков, что в русском и немецком языках глагольный компонент с семантикой мытья используется и в других паремиях о тщетности исправления недостатков человека: *Пуд мыла изведешь, а родинки не смоешь* [Д]; *Чёрную душу и мылом не отмоешь* [ЗС]; *Шелудей в бане не смоешь* [Д]; *Was im Knochen sitzt, kann man nicht abwaschen* [W] – То, что сидит в кости, не смыть; *Narrenhände kann man nicht weiss waschen* [W] – Руки глупца не отмыть добела; *An einem ruЯigen Kessel kann man sich nicht sauber reiben* [S] – В закоптелом котле не оттереться чисто.

В паремиях о тщетности коррекции недостатков может быть назван и сам человек как носитель тех или иных негативных качеств, однако регулярнее используются номинации, косвенно указывающие на человека: *Дырявые меха не надуешь, дурака не выучишь* [ЗС]; *Из хама не сделаешь пана* [ЗС]; *Тупо сковано – не наточишь; глупо рождено – не научишь* [Д]; *В молоке не было, и в сыворотке не найдешь* [Д]; *Другой головы не приставишь* [Д]; *В голове нет, так и в аптеке не купишь* [ЗС]; *Нет за кожей, так не пришьешь к коже* [Д]; *Пустого меха не поставишь* [Д]; *Дугу прямой не сделаешь* [ЗС]; *Кривое веретено не выправишь* [Д]; *Паганага чалавека не пераделаеш* [Г]; *Лысіны не замажаш* [Г]; *Пусты мяшок не напхаеш* [Г]; *Was der Mensch nicht ist, das kann man nicht aus ihm herauskriegen* [S] – Из нечеловека человека не сделаешь; *Wer keine Ohren hat, dem kann man nicht singen lernen* [W] – Кто не имеет никаких ушей, тому не научиться петь; *Narrenhaut lÖЯt sich nicht flicken* [S] – Кожу глупца не залатать; *Den Verstand kann man nicht mit dem Luffel messen* [W] – Разума ложкой не вольёшь; *Natur kann man nicht ausziehen wie einen Rock* [W] – Природу не снимешь, как юбку; *Was nicht zum Schneiden taugt, kann man nicht scharf schleifen* [S] – То, что не годится для резки, не заточишь остро.

Если мы обратимся к когнитивным моделям более высокой степени абстракции, то очевидно, что паремии, реализующие идею “недостатка человека не исправить”, входят в более обширную группу паремиологических единиц, отражающих представления людей о тщетности попыток вообще из чего-либо худого сделать что-либо хорошее. При этом граница между паремиями о тщетности изменения природы человека и паремиями о тщетности попыток из ничтожных вещей сделать хорошие вещи оказывается размытой: *Из рогожи не сделаешь сыромятной кожи* [Д]; *Из щеп похлебки не сваришь* [Д]; *Из плохих овощей не сваришь хороших щей* [ЗС]; *3 іголкі долата не зробіш* [Г]; *3 лапця бабмака не зробіш* [Г]; *І ў Парыжу не зробіць аўса з рыжу* [Г]; *3 шыла не зробіш мыла* [Ян]; *3 пяску ні пугі, ні вяроўкі не саўеш* [Г]; *Di coda d'asino non si pum fare staccio di seta* [BM] – Из ослиного хвоста не сделаешь шёлкового сита; *Aus des Esels Wadel wird kein Sieb* – Из ослиного хвоста не сделаешь сита [А]; *Niemand kann aus bұsem Leder gute Schuh machen* [W] – Никому не сделать из плохой кожи хорошую обувь. Интересно, что при всём разнообразии и несхожести когнитивных моделей, служащих вербализации одной и той же когнитивной модели в разных языках, отмечаются и очевидные соответствия, это означает, что представители того или иного социума при возможности продуцирования “своих” паремий по аналогии с заимствованной, как правило, не игнорируют удачных вариантов “иностранного” образного представления знания. Так, например, паремии, образную основу которых составляют компоненты “осёл” и “сито”, восходящие к латинскому выражению *Asini cauda non facit cribrum* [А], обнаруживаются не только в итальянском и немецком языках, но и во французском, испанском, английском: *On ne saurait faire d'une buse un йpervier* [А]; *De rabo de puerco nunca buen virote* [А]; *You cannot make a sieve of an ass's tail* [А].

Представляется размытой и граница между паремиями с антропоморфной отсылкой, реализующими значение “невозможно требовать от человека того, что ему не дано природой”, и паремиями с неантропоморфной отсылкой в классе паремиологических единиц,

представляющих когнитивному “не найти / не взять того, чего нет”: *От стриженного барана шерстью не поживишься* [Д]; *Голай аўцы не астрыжэш* [Г]; *3 парожняга не нальеш* [Г]; *У бяскудлага не пажывіўся халлом* [Г]; *Dove non c'è niente, non si può pigliare niente* [BM] – Где ничего нет, ничего нельзя и взять; *Del sacco non può uscire se non quel che v'è* [BM] – Из мешка не взять того, чего там нет; *Dall'asino non cercar lana* [BM] – От осла не жди шерсти; *Vom Esel kann man nicht Wolle fordern* [S] – От осла шерсти не потребуешь; *Nackte Schafe kann man nicht scheren* [W] – Голой овцы не подстрижешь; *Wer kein Ohr hat, dem kann man keins abschneiden* [S] – У кого нет уха, у того его не отрежешь; *Walfische kann man nicht in einem Dorfbach fangen* [W] – Китов в деревенском ручье не поймает; *Ungewachsen Gras kann man nicht mähen* [W] – Невыросшую траву не скосишь; *Was nicht im Fass ist, kann man nicht herauszapfen* [W] – Чего нет в бочке, того оттуда не вытащишь; *Wo es kahl ist, kann man nichts ausraufen* [S] – Где голо, ничего не вырвешь.

Есть целый ряд паремий с собственно с антропоморфной отсылкой, в которых сообщение о невозможности совершения каких-либо действий, реализации каких-либо надежд не связано ни с идеей изначального отсутствия искомого позитивного качества у человека, ни с идеей невозможности исправления человеческих недостатков; суть такого рода паремий заключается в дескрипции негативно маркированных свойств порочного человека: *Бабий кадык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей* [Д]; *Сонливого не добудишься, а ленивого не дошелешься* [Д]; *Лукавой бабы и в ступе не истолчешь* [Д]; *Безумного волей не научишь* [Д]; *Нахального гостя и пивом не выживешь* [ЗС]; *У багача іглы не падточыш* [Г]; *Дамашняга злодзея не ўпілнуеш* [Г2]; *Благой благаце не ўнаровіш і на куце* [Ян]; *Coi matti non si possono far fatti* [BM] – С умалишённым дела не сделаешь; *Ein Narr läßt sich nicht raten* [S] – Глупцу не посоветуешь. Такие паремии, как правило, имеют в своей структуре компонент с системным оценочным значением – идентификатор “порока”, предикатные же номинации в сочетании с отрицательной частицей сообщают об отсутствии позитивного результата “взаимодействия” с носителем порока, то есть о том, в чём, собственно, порочность проявляется.

Как было отмечено нами выше, невозможность совершения каких-либо действий может быть обусловлена свойствами не только негативно, но и позитивно оцениваемых объектов. Отличительной особенностью лексико-грамматической организации разноязычных паремий об истинных человеческих ценностях, представляющих логико-синтаксическую модель со значением невозможности, является наличие в структуре этих единиц компонента со значением ‘не купить’: *Счастья алтыном не купишь* [Д]; *Веселого нрава не купишь* [Д]; *У приказного за рубль правды не купишь* [Д]; *Правду за деньги не купишь* [ЗС]; *Друга на деньги не купишь* [WM]; *Деньгами души не выкупишь* [Д]; *На деньги ума не купишь* [Д]; *За чужой счёт не купишь почёт* [ЗС]; *Здоровье и на золото не купишь* [ЗС]; *Мацеры не купиш* [Г]; *Ан-но бацька і мацеры за грошы не купиш* [Г]; *Матка не грамадка – за злоты не купиш* [Г]; *Здароўя за грошы не купиш* [Г]; *За багацце розуму не купиш* [Г]; *Розум не купиш, у галаву не нальеш* [Г]; *Розуму на кірмашы не купиш і ў Слаўкаўшчы не знойдзеш* [Ян]; *L'onesta non si può comperare* [BM] – Порядочности не купишь; *L'amore non si paga* [BM] – Любовь не покупается; *Amore vero non si vende e non si compra* [SH] – Настоящая любовь не продаётся и не покупается; *L'onore non si paga* [BM] – Честь не покупается; *L'amicizia non si può comprare* [BM] – Дружбы не купить; *Solo ciò che non si paga, costa* [BM] – Только то, что не покупается, бесценно; *Wahrheit kann man nicht kaufen* [W] – Правды не купить; *Zeit kann man nicht kaufen* [W]; *Kunst kann man nicht kaufen* [W] – Мастерства не купить; *Liebe kann man nicht kaufen* [W] – Любви не купить; *Gesundheit kann man nicht beim Krämer kaufen* [W] – У торговца нельзя покупать здоровье; *Auch für Gold kann man nicht alles kaufen* [W] – Даже за золото всего не купишь (ср. *L'oro non compra tutto* – Золото не купит всего). Закономерным является и то, что паремии, представляющие анализируемую когнитивную, в отличие от большинства паремий, в которых речь идёт об антиценностях, характеризуются отсутствием внутренней формы. Указание на невозможность приобретения позитивно маркированной в сознании носителей языка сущности служит специфическим интенсификатором позитивной значимости объекта достижения. Содержащаяся в таких паремиях информация служит рекомендацией для человека ценить определяемые сущности, призывает стремящихся к обладанию искомыми

ми ценностями учитывать, что есть вещи, приобретение которых не зависит от воли человека. Примечательно также то, что представители разных социумов единодушны в определении истинных ценностей и таковыми считают здоровье, ум, дружбу, любовь, порядочность, честь, правду и др.

Искренне сетует человек и по поводу невозможности вернуть прошедшее, а следовательно, и невозможности вернуть утраченные ценности, исправить допущенные в прошлом промахи. В таких паремиях речь идёт обычно об относительных ценностях: *Битого, прожитого да прожитого не воротишь* [Д]; *Прожитое что пролитое не воротишь* [Д]; *Потерянного не воротишь* [Д]; *Времени (молодости, прошлого) не воротишь* [Д]; *Прочатишь – не воротишь; побьешь – не сдуешь* [Д]; *Отрезанный ломоть к хлебу не приставишь* [Ж]; *Сняв голову, не приставишь* [Д]; *Учарашняга дня не вернеш* [Г]; *Усїх коней перагонїи – гадоў не дагонїи* [Ян]; *Што прайшло, таго не вернеш* [Г]; *Адрэзанай лусты не прыленїи* [Г]; *Уроненай слязы не паднімеш* [Г]; *Укароцїи – не вароцїи* [Г]; *Адсячэи – не прыставїи* [Г]; *Il fatto non si pum disfare* [BM] – Сделанного не воротишь; *La vecchia, quando u vecchia, non si pum fare ragazza piц* [BM] – Старую старушку не обратишь в девушку; *Quando vola un pugno di farina, non si pum raccogliere* [BM] – Если взлетит горсть муки, не соберёшь; *Pietra tratta non si pum tornar indietro* [Sp] – Брошенного камня не вернёшь; *Geschehene Sachen kann man nicht anders machen* [W] – Невозможно изменить произошедшее; *Was geschehen ist, kann man nicht wenden* [W] – То, что произошло, нельзя вернуть; *Was man aus dem Topfe heraus gegessen hat, kann man nicht mehr in die Schьssel giessen* [W] – То, что из горшка съели, в миску больше не нальёшь; *Was verloren ist, kann man nicht zurьck weinen* [W] – То, что потеряно, назад слезами не вернёшь; *Niemand kann die verflossenen Ding wiederbringen* [W] – Никому не вернуть прошедшего; *Eine Henne, die verspeist, kann man nicht mehr verschenken* [W] – Невозможно подарить курицу, которая съедена; *Einen geworfenen Stein kann man nicht zurьckrufen* [W] – Нельзя отозвать назад брошенный камень. Прагматический потенциал таких паремиологических единиц находится в зависимости от того, какой объект определяется как не подлежащий возврату: одни паремии в связи с этим призывают ценить время, другие – молодость, третьи рекомендуют человеку быть осмотрительным в своих действиях.

Несколько вариантов во всех анализируемых языках обнаруживает вербализация когнитивной темы “не вернуть слова”: *И дорого б дал за словечко, да не выкупишь* [Д]; *Слово не воробей: вылетит – не поймает* [Д]; *Коня на возжях удержишь, а слова с языка не воротишь* [Д]; *Молвишь – не воротишь, а плюнешь – не подымеешь* [Д]; *Что выплюнешь, того не схватишь* [Д]; *Конь вырвеца – здагонїи і зловїи, а слова вырвеца – не зловїи* [Ян]; *Выхаўкнуў слова – ужо не вернеш* [Г]; *Слюны не падымеш, а слова не вернеш* [Г]; *Праглыну-тага не выплюнеш, а выплунутага не падымеш* [Г]; *Выстрелив, пулю не схватишь, а слово, сказав, не поймает* [Д]; *La parola uscita dalla bocca non si pum richiamare* [Kon] – Сказанное слово не вернуть; *Baratta e baratta, non si pum piц tornare indietro* [BM] – Ссора так ссора, не вернёшь назад; *Was man redet, kann man nicht mit dem Schwamm wegwischen* [W] – То, что сказано, губкой не сотрёшь; *Worte kann man nicht heben* [W] – Брошенных слов не поднимаешь; *Eine abgefeuerte Kugel kannst du nicht wieder einfangen, ein ausgesprochenes Wort nicht wieder zurьcknehmen* [G] – Выпущенную пулю не поймает, сказанное слово назад не вернёшь. Интересно, что данные паремии не ориентированы на утверждение слова как ценности (сравни, к примеру, паремии-сетования об утраченной молодости), смысл их, скорее, заключается в призыве быть гуманным в отношении к людям, осмотрительным в выборе слова, следовательно, главной ценностной категорией в них выступает сам человек.

Таким образом, содержательный и функциональный анализ паремиологических единиц со значением невозможности позволил выявить, как минимум, два варианта разворачивания смысловой перспективы общих суждений о тщетности усилий человека. Определяющими смысловую перспективу таких суждений являются компоненты, представляющие объект приложения действия и само действие. Наличие в структуре паремии номинации позитивно маркированной сущности в сочетании с наименованием, представляющим семантику обретения, возврата, коррекции, ориентирует реципиента паремии ценить данную сущность либо то, что сопряжено с ней. Наличие же в структуре паремии номинации негативно марки-

рованной сущности в сочетании с наименованием, представляющим семантику преобразования, физического или психологического воздействия, служит выражению идеи социального неодобрения порочного, предупреждает реципиента паремии о константности свойств зла, сообщает о том, в чём собственно заключается его “вред”. Независимо от того, постоянна или ситуативна соотнесённость определяемых объектов с аксиологической шкалой, идет ли речь о позитиве или негативе, ключевой в реализации оценочных смыслов является предикатная номинация, именно она выступает как своеобразный пословичный код со стандартным набором переменных в паремиологических единицах, вербализующих ту или иную когнитивную тему. Ярким тому подтверждением является факт семантической корреляции предикатных номинаций в разноязычных паремиях о невозможности, свидетельствующий не только о существовании эквивалентных семантических конденсатов в паремиях разных языков, но и о наличии стереотипов в языковом воплощении ценностных ориентаций.

Abstract. The paper studies the mechanisms of the realization of valuation meanings in Russian, Belarusian, Italian and German paremiis expressing judgements about the futility of human's efforts.

Литература

1. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002.
2. Леонтьев, А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А.А. Леонтьев // Синтаксис текста – М.: Изд-во “Наука”, 1979.
3. Гуревич, П.С. Человек и его ценности / П.С. Гуревич // Человек и его ценности: сб. ст. – М., 1988. – Ч. 1.
4. Блюмкин, В.А. Мир моральных ценностей / В.А. Блюмкин. – М.: Изд-во «Знание», 1981.
5. Walter, H., Mokienko, V. Sprichwörter. Russisch-Deutsches Wörterbuch mit europäischen Parallelen. Mit Karikaturen von R. Walter / H. Walter, V. Mokienko. – Experimentalausgabe. Greifswald 2006.
6. Селиверстова, Е. И. Как “собрать” пословицу: некоторые средства и способы [Текст] / Е. И. Селиверстова // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: ООО “Изд-во” ЭЛПИС”, 2005.

Принятые сокращения

- Д – Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005.
- ЗС – Зимин, В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – М.: “Сюита”, 1996.
- Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Изд-во “Русский язык”. – 2000.
- Г – Прыказкі і прымаўкі / Скл. М.Я. Грынблат. Рэд. А.С. Фядосік: ў 2 кн. – Мн.: Навука і техника, 1976.
- ЛЯ – Лепешаў, І. Я., Якалцэвіч, М.А. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Мн.: Беларуская навука, 2002.
- Ян – Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склаў Ф. Янкоўскі. – Мн.: Беларуская навука, 2004.
- SS – Schwamenthal, R., Straniero, M. L. Dizionario dei proverbi italiani / R. Schwamenthal, M. L. Straniero. – Milano: PCS Libri S.p.A., 1999.
- BM – Boggione V., Massorbio L. Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massorbio. – Torino: UTET, 2007.
- Sp – Spano G. Proverbi sardi trasportati in lingua italiana e confrontati con quelli degli antichi popoli a cura di Giulio Angioni / G. Spano. – Nuoro: ILISSO, 1997.

S – Die deutschen Sprichwörter / Gesammelt von Karl Simrock – Überreicht durch: Literaturhilfswerk Des Fürdervereins der Hochschule Magdeburg-Stendal, Standort Stendal.

W – Wander, K.F.W. Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde. / K.F.W. Wander. – Leipzig, 1867-1889.

WM – Walter, H., Mokienko, V. Sprichwörter. Russisch-Deutsches Wörterbuch mit europäischen Parallelen. Mit Karikaturen von R. Walter / H. Walter, V. Mokienko. – Experimentalausgabe. Greifswald 2006.

G – 6000 deutsche und russische Sprichwörter / Ausgewählt und Vergleichen von Dr. A.E.Graf. 3 Auflage. Vaueb. Maxmiemeyr – Verlag Halle (Salle), 1960.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.03.09

УДК 81.3:81.085.3 Бальмонт (045)

Имя собственное как концепт (Россия в поэтических текстах К. Бальмонта)

Т. А. ОСИПОВА

Концепт (в отличие от понятия) можно определить как ментальное образование, характеризующее сознание отдельной языковой личности [1, с. 27], как принадлежность сознания человека, глобальную единицу мыслительной деятельности [2, с. 19]. Как указывают З.Д.Попова и И.А.Стернин, «упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу» [2, с. 19].

По мнению Е.Г.Воронцовой, «изучение имени собственного (ИС) с позиций когнитивной лингвистики позволяет постулировать следующие положения:

1) ИС репрезентирует единичный концепт, в качестве которого выступает весь комплекс знаний и мнений конкретного индивида [...];

2) формирование концепта всегда связано с оценкой. Концепт есть субъективное видение какого-либо фрагмента действительности» [1, с. 27].

Концепт *Россия (Русь)* весьма значим в языковой картине мира русских поэтов и прозаиков. Например, Г.П.Гунн, один из исследователей творчества А.Блока, приводит целый ряд метафор, ассоциаций, связанных с этим концептом у Блока: Русь – тайна, святыня, сказка, жизнь, ветер, жена, мать и др. [3, с. 93-114]. А.Н. Деревяго указывает, что доминантным кодом топонимной сферы поэзии XX века (В.Брюсова, Н.Гумилёва, Я.Мандельштама, Б.Пастернака, И.Бродского, А.Вознесенского), является оним Россия [4, с. 10]. «Специфика существования этого кода – актуализация двух магистральных сем прагмакомпонента значения («уникальность, связанная со специфическими геофизическими характеристиками» и «аутентичность исторического развития») посредством использования широкого спектра околождерных онимов» [4, с. 15].

У К.Бальмонта оним Россия также является доминантным. Об этом, в частности, свидетельствуют названия произведений поэта (сборников, поэм, стихотворений): «Поэма о России» (1929), «Моё – ей». Россия. Стихи (1923), «Россия», «Москва» и др. Вокруг концепта Россия выстраивается целый ряд ассоциаций, в том числе индивидуально-авторских.

Прежде всего оним Россия ассоциируется с топонимом Москва:

И мне в Париже ничего не надо, / Одно лишь слово нужно мне: Москва [5, «Только», с. 255]; / *«Москва! Так много в этом звуке?» / Я ею жил. И ей живу. / Люблю, как лучший звук, Москву!* [5, «Москва», с. 342].

Москва и – шире – Россия для К.Бальмонта символизирует жизнь. Однако поэт не последователен: *Зачем Москва? Но я в деревне, / В моей, рождён, люблю её* [5, «Москва», с. 341].

Дух России выражается в деревне: *Здесь всю Россию я найду* [5, «Москва», с. 341].

Так подчеркивается любовь к России в целом, а также к малой родине и через неё любовь к России. Как известно, «одно из центральных мест в языковой картине мира занимают человеческие чувства» [6, с. 91]. Поэт прямо называет Россию своей любовью: / *Привет тебе, моя любовь, Россия!* [5, «Моя любовь», с. 328].

Россия в поэтических текстах К.Бальмонта предстаёт в различных ипостасях. Можно отметить прежде всего олицетворение России, когда поэт представляет её просто как человека (без конкретизации): *Простых подарков не сочтёт Россия* [5, «Моя любовь», с. 328]; *Тоска к тоске, мне мечет клич Россия, / Чтоб я не закреплял тоскою полночь* [5, «Моя любовь», с. 329]; *Рабочий, только на тебя / Надежда всей России* [5, «Русскому рабочему», с. 214].

В данных контекстах, особенно в последнем, можно видеть и метонимическое употребление топонима Россия.

Россия предстаёт и как женщина, единственная, хотя, в отличие от А.Блока, такое представление России не характерно для К.Бальмонта. Стихотворение называется «Она», так обычно говорят о любимой женщине: *Она одна, другой не надо...* [5, «Она», с. 266].

Свою любовь к России К.Бальмонт выражает также, называя ее сестрой, матерью, женой: *Но только за одну я все принять готов, – / Сестра моя и мать! Жена моя! Россия!* [5, «Я», с. 302].

Кроме того, Россия – это хозяйка: ... *Я твой раб, Россия!* [5, «Моя любовь», с. 328]; няня: *На грани лет ты будешь ли мне – няня?* [5, «Моя любовь», с. 328].

Весьма интересно представление России как дерева. По определению В.А.Масловой, «почтительное отношение к дереву в разных культурах основано на вере в его целительную силу» [7, с. 144-145]. В таком понимании отражаются фольклорные, мифологические традиции. Это дерево сказочное, древнее, мифическое, даже не дерево, а древо: *Я любил вознесённое сказками древо, / Были древние горы ему однолетки, / Я любил в этом древе с ресницами Вия / Между мхами, старинного лешего взор...* [5, «Прощание с деревом», с. 251].

Недаром в другом стихотворении К.Бальмонт представляет Россию как произведение фольклора – былин: *Из всех былин желанней мне Россия* [3, «Моя любовь», с. 328].

Как указывает В.А.Маслова, «дерево у славян – мотив приобщения к миру предков [...], что обусловлено и природными факторами, и фольклорно-обрядовыми традициями, и многовековым земледельческим укладом жизни, и мифическими представлениями о мировом дереве, дереве жизни» [7, с. 145-146].

В русских волшебных сказках деревья защищают людей, лечат их, исполняют их желания. Восточные славяне, как известно, лесные жители, и поэтому почти каждое дерево, например дуб, берёзу и др., они наделяли сверхъестественной силой и считали, что и характер человека, и судьба отдельного человека, а также будущее сообщества людей зависят от влияния природы. Можно предположить, что дерево-Россия в понимании К.Бальмонта – это дуб, а дуб у славян является символом доброго начала [7, с. 145]. Тут можно усмотреть ассоциацию с мировым деревом, а «предание о мировом дереве, которое обнимает корнями землю, а ветвями держит небо, славяне относят к дубу» [7, с. 146].

Однако судьба России трагична, и это остро чувствовал поэт. Революции и войны резко меняют развитие родной страны. Он считал, что Родина гибнет, и это верно в применении к старой России: *Это древо в веках называлось Россия, / И на ствол его – острый наточен топор* [5, «Прощание с деревом», с. 251].

Интересно, что, «будучи природным символом, дерево во многих культурах стало знаменовать динамичный рост, природное умирание и регенерацию» [7, с. 144].

При этом Бальмонт считал, что Россия – избранная страна, русский народ – избранный. Россию ждет светлое будущее, у нее особая судьба: *Я рыжий, я русский, я русский. / Я знаю и мудрость и бред. / Иду я – тропинкою узкой, / Приду – как широкий рассвет.* [8, «Я русский», с. 404]; *Ты в черный час вступишься в малый вздох. / Но Завтра – встанет! С молнией и громом!* [8, «Русский язык», с. 424].

В поэтических текстах К.Бальмонта неоднократно Россия предстаёт как жар-птица – дающая жизнь: *Она одна, другой не надо, / Лишь ей, жар-птицей, дух мой жив* [5, «Она», с. 266]; жар-птица говорящая: *Жар-птицей назвала себя Россия* [5, «Моя любовь», с. 329].

Для мастера слова К.Бальмонта само название Россия является нежным, звучит, как свирель: *Я слова не найду нежней, / Чем имя звучное: Россия* [5, «Она», с. 266]; *Есть слово – и оно едино. / Россия. Этот звук – свирель* [5, «Россия», с. 268]; *Святыня, счастье, звук – из всех желанный...* [5, «Моя любовь», с. 328].

Интересна ассоциация России с творчеством Куприна: *Здесь, в чужбинных днях, в Париже, / Затомлюсь, что я один, – / И Россию чуют ближе / Мне дает один Куприн. <...> / Так в России звук случайный, / Шест травки, гул вершин – / Той же манят сердце тайной, / Что несет в себе Куприн.* [5, «Если зимний день тягучий...», с. 338].

Россия предстаёт также как дом: *Мой дом, мой отчий...* [5, «Моя любовь», с. 328].

Как указывают лингвисты, дом в русской культуре выполняет функцию защиты и одновременно ограничения. Дом является организующим центром мира. «Страна, история обносятся стенами и сужаются до размеров дома: *Наш дом – Россия*» [7, с. 235]. В языковом

сознании русского человека сосуществуют несколько значений и смыслов слова *дом*, а приоритетным является представление о родном доме. Родной дом – это очаг, перекресток всех жизненных путей человека, первая вселенная человека, которая объединяет его воспоминания, мысли, мечты и тем самым организует «связь времен» [7, с. 235].

Россия – это счастье: *Мой край, в покров весны одет,/ Нерукотворно беспорочен./Другого в мире счастья нет* [5, «Россия», с. 268].

Кроме того, Россия – это святыня, заря, полночь: *Святыня, счастье, звук – из всех желанный, /Заря и полночь, я твой раб, Россия!* [5, «Моя любовь», с. 328]; источник света (Солнце): *Но нельзя отречься от родного,/Светишь мне, Россия, только ты* [5, «Примиренье», с. 250].

Однако Россия полна ужаса, неправды, бед, крови, слез: *Мне кажется, что я не покидал России/ И что не может быть в России перемен./И голуби в ней есть. И мудрые есть змии./ И множество волков. И ряд тюремных стен./Грязь «Ревизора» в ней. Весь гоголевский ужас./ [...] И на сто верст идут неправда, тяжба, споры,/На тысячу – пошла обида и беда./ Жужжат напрасные, как мухи, разговоры./И кровь течет не в счет. И слезы – как вода.* [8, «Дурной сон», с. 447-448].

Россия – это и русский язык: *Язык, великолепный наш язык./Речное и степное в нем раздолье,/В нем клетоты орла и волчий рык, /Напев, и звон, и ладан богомолья.* [8, «Русский язык», с. 422].

Поэт определяет Россию такими эпитетами: вольная, широкая, единственная, желаемая, желанная, беспорочная, снежная; употребляет следующие синонимы: родимая страна, отчий край, Единственный Край, мой дом, желаемое «там». Оним Россия может выступать в предложениях как обращение, например: *Привет тебе, моя любовь, Россия!* [5, «Моя любовь», с. 328].

Как указывает Бугай Т.П., «ядерной структурой любого неноминативного предложения, где используется ИС, является предикативное сочетание его с глаголом», причём каждая тематическая группа глаголов выражает обобщённый семантический признак имён собственных [9, с.1]. В поэтических текстах К.Бальмонта немного предикативных сочетаний существительного Россия с глаголами. Эти глаголы относятся к тематическим группам говорения: *Жар-птицей назвала себя Россия* [5, «Моя любовь», с. 329]; звучания: *Тоска к тоске, мне мечет клич Россия* [5, «Моя любовь», с. 329]; счёта: *Простых подарков не сочтёт Россия* [5, «Моя любовь», с. 328]; излучения света: *Светишь мне, Россия, только ты* [5, «Дар земле», с. 250].

Как видно, для *России* в поэтическом восприятии К.Бальмонта также характерны «уникальность, связанная со специфическими геофизическими характеристиками» и «аутентичность исторического развития».

Abstract. The paper considers the concept Russia as an important structural element of the conceptual sphere in Balmont's poetry.

Литература

1. Воронцова, Е. Г. Имя собственное как концепт: Франциск Скорина / Е. Г. Воронцова // Актуальные проблемы исследования языка и речи: Материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых. Минск, 30-31 октября 2001г.: в 2 ч. – Мн.: БГПУ им. М.Танка, 2001. – Ч.1. – С. 27-29.
2. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
3. Гунн, Г. П. Очарованная Русь / Г. П. Гунн. – М.: Искусство, 1990. – 288 с.
4. Деревяго, А. Н. Ономастическое пространство поэзии XX в.: семантика онима, функциональный потенциал: автореферат дисс. канд. филол. наук / А. Н. Деревяго. – Мн.: НАНБ, ин-т языкознания им. Я. Коласа, 2005. – 21 с.
5. Бальмонт, К. Стихотворения / К. Бальмонт. – М.: Худож. лит., 1990. – 397 с.

6. Мельникова, О.Н. Когнитивная лингвистика : курс лекций для студентов филологических специальностей вузов / О.Н. Мельникова; М-во образ. РБ, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – 120 с.
7. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
8. Бальмонт, К. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи / сост. В. Бальмонт; вступ. статья Л. Озерова; примеч. Р. Помирного / К. Бальмонт. – М.: Худож. лит., 1980.-742 с.
9. Бугай, Т.П. Экспликация семантических свойств имен персонажей в художественных текстах: автореферат дисс. канд. филол. наук / Т. П. Бугай. – Мн., 1998. – 18 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.03.09

О статусе «закавыченных» слов в современной публицистике (на материале российской и русскоязычной прессы Беларуси)

А. Л. СТРИЖАК

Как известно, кавычки употребляются для выделения прямой речи, цитат, отсылок, названий литературных произведений, газет, журналов, предприятий, а также отдельных слов, если они включаются в текст не в своём обычном значении, используются в ироническом смысле, предлагаются как новые либо устаревшие. По мнению А.А. Зализняка, инвариантное значение кавычек заключается в разрушении стандартного семиотического отношения, реализуемого говорящим или пишущим [1]. Б.С. Шварцкопф выявляет оценочно-стилистические функции этого знака препинания [3, с. 43]. Р.И. Розина рассматривает кавычки как факультативный знак при необычно употребляемых словах, в отличие от обязательного употребления данного знака препинания [2, с. 139]. Б.С. Шварцкопф выделяет следующие функции факультативно употребленных кавычек: кульминативную (кавычки служат для привлечения внимания читающего к данному слову или выражению); переносную (выделяется слово или выражение, имеющее метафорическое либо метонимическое значение); модальную (кавычки передают иронию или отрицательное отношение говорящего к данному понятию либо ощущение неточности, условности номинации); метаязыковую (кавычки выступают как способ оценки употребляемых языковых средств, обозначения чуждости средства стилистическому контексту или лексикону пишущего) [4, с. 374-375]. Рассмотрение в данной статье наиболее типичных случаев употребления кавычек на материале газетных текстов обусловлено тем, что в публицистическом стиле наиболее оперативно и рельефно представлена реакция языка на изменения всех сторон общественной жизни, проявляющаяся в активном употреблении различных узуальных и окказиональных единиц.

Как показывают наблюдения, кавычки в газетных текстах нередко используются в метаязыковой функции как «культурные отсылки», показатели «чужого слова»: заключенные в кавычки слова, словосочетания или предложения соотносятся в сознании носителей языка с определённым автором, что, в свою очередь, может быть неразрывно связано с конкретным событием или определенной исторической эпохой. Примером подобного употребления кавычек может служить следующий контекст, содержащий апелляцию к «крылатой» путинской фразе (*Террористов будем мочить в сортире!*), которая включает в свой состав жаргонизм *мочить* ‘убивать’ и грубо-просторечное слово *сортир* ‘отхожее место’, первоначально содержавшей угрозу уничтожения террористов: *Главное условие для выполнения плана Путина – немедленное создание системы отбора горящих энтузиазмом руководителей и исполнителей. Чтобы сами кого надо «мочили в сортире»* (АиФ, 13.02.2008). Очевидно, что в данном случае словосочетание *мочить в сортире* употребляется с оттенком иронии, поскольку речь здесь идет не только о реальных террористах, но и о региональных «вертикальщиках» – коррупционерах, бездельниках и т.п. Во втором контексте заключенные в кавычки слова *проклятые* и *москаля* представляют собой реминисценцию ставшего расхожим и шаблонным стереотипом в националистическом дискурсе современной Украины словосочетания *кляті москалі* ‘русские’, на которых механически возлагается ответственность за различные проблемы украинцев: *Главная причина провала Ющенко, видимо, состояла в том, что он так и не сумел предложить Украине самостоятельную повестку дня, кроме как националистическую, построенную на отрицании как советского прошлого, так и «проклятого» влияния «москалей»* (Изв., 27.01.2010). Поскольку названное словосочетание нередко используется как ключевое в серии анекдотов, высмеивающих примитивные националистиче-

ские представления, есть основания говорить о его ироничном употреблении применительно к судьбе президента Украины. Весьма значима роль кавычек и в третьем контексте, поскольку приведенные здесь «киноцитаты», представляющие собой высказывания конкретных киногероев из популярных советских кинофильмов, являются своеобразными «знаками эпохи», недоступными и непонятными современной молодежи: *Для наших детей «Муля, не нервуй меня!», «Он же памятник, кто ж его посадит!?!», «Командовать парадом буду я!» и «Бамбарбия киргуду!» – всего лишь бессмысленные фразы, от которых непонятно почему так «прутся» взрослые.* (АиФ, 16.02.2008). Противопоставляя «киноцитаты» молодежному жаргонизму *прутся* ‘испытывают удовольствие’, автор материала утверждает, что слова и выражения, естественные для одного поколения, не воспринимаются представителями другого поколения. «Закавыченность» слова *неперспективный* в следующем контексте способствует прежде всего его соотнесенности с одним из стереотипов советской эпохи – «неперспективные города и деревни» – населенные пункты, не имеющие перспективы экономического и социально-культурного развития: *В то время как Москва, Санкт-Петербург и несколько других городов тонут в нефтяных деньгах, строят небоскрёбы и упиваются гламуром, сотни средних и малых городов, не говоря уже о селе, пребывают в стагнации. В этих забытых Богом «неперспективных» городах и весях жизнь не просто остановилась. Она откатилась в глубокое средневековье.* (АиФ, 06.02.2008). Как видим, в данном случае содержание словосочетания «неперспективные» города и веси обновляется, что выражается в его значительном расширении: в это понятие обобщенно (и, конечно, по-журналистски утрированно) включается множество населенных пунктов, которые (по сравнению со столичными городами) «откатилась в глубокое средневековье». Употребленное в следующем газетном контексте слово *саботаж* также можно отнести к «языковому знаку эпохи» – времени массовых репрессий, основанием для которых нередко был именно саботаж – ‘скрытое противодействие исполнению, осуществлению чего-нибудь’. Заключение этого слова в кавычки в контексте, тематически связанном с вопросами организации переписи населения в Беларуси, в значительной мере «реабilitирует» эту номинацию: «закавычивание» не только снимает с нее «репрессивный ореол», но и придает высказыванию насмешливо-ироничный оттенок – ‘ненамеренный отказ от участия в переписи населения’: *Не следует судить за «саботаж» важной кампании, скажем, звезду кино или спорта, бизнесмена, политика, если он не пустит на порог паренька со значком «Перепись населения-2009»* (СБ, 31.10.2009).

Кавычки в газетных текстах достаточно регулярно маркируют использование жаргонизмов, отражая тем самым негативный процесс жаргонизации речи, заключающийся в расширении сферы использования соответствующей лексики. Как правило, подобные жаргонизмы обозначают явления, касающиеся многих людей. Модальная функция кавычек в подобных случаях заключается прежде всего в подчеркивании негативной оценки тех или иных негативно осмысливаемых явлений. Сравн.: *откатывать* ‘снимать отпечатки пальцев’. *За минувшие три дня ко мне четырежды приходили сотрудники РОВД, настоятельно просили пройти дактилоскопию. Я, признаться, в замешательстве: насколько знаю, к категориям тех граждан, кто обязан «откатывать» пальцы, не отношусь* (СБ, 23.03.2009); *слив* ‘преднамеренное распространение засекреченных сведений’. *Одним из инициаторов «слива» в СМИ информации о происшествии в соответствующей интерпретации был бывший сотрудник МВД (КП, 13.03.2008); закачивать* ‘перевозить, направлять кого-нибудь (что-нибудь) куда-либо’. *Во-первых, американцы все равно постараются в том или ином виде остаться в регионе. А во-вторых, чем больше военных «закачают» в Афганистан, тем сильнее будет сопротивление.* (Изв., 26.01.2010).

Кроме того, в ряде случаев кавычки служат средством создания иронии, насмешки, наполняя значение тех или иных слов противоположным содержанием. Модальность кавычек при этом проявляется в формировании негативного отношения к высказываемому: *Не успели получить багаж, как рядом выросли несколько «извозчиков», предлагавших за «скромные» 5 тысяч рублей довести в любой район Москвы* (НГ 21.01.2010); *Несанкционированные салюты все-таки «порадовали» некоторых из нас. Так, в Минске всего через 18 минут после боя курантов в окно одной из квартир дома по улице Есенина влетела пиротех-*

ническая ракета. Точнее, даже не влетела в окно, а выбила его. В итоге загорелся шкаф, были закопчены стены (НГ, 05.01.2010).

Кульминативная функция кавычек, как отмечалось ранее, проявляется в том, чтобы привлечь внимание читающего к конкретному слову или выражению. Обычно это проявляется в том, что слово, заключенное в кавычки в определенном контексте, в полной мере выявляет свою внутреннюю форму. Так, в следующем контексте слово *озадаченный* употребляется не в значении ‘удивленный, недоумевающий’, а в разговорном значении ‘получивший задачу’: *Согласись, Роман, что «озадаченный» начальством сотрудник отнесется к вопросам анкеты гораздо серьезнее и сдаст заполненные листы без долгих проволочек* (СБ, 31.10.2009). В следующем примере, в отличие от предыдущего, значение жаргонизма *поколбаситься* ‘покуролесить, подурочиться’ намеренно сталкивается с узуальной семантикой этого глагола – ‘совершить кражу колбасы’, чем достигается очевидный юмористический эффект, хотя подлинная внутренняя форма слова искажается: *Выпили и «поколбасились»: грузчик и два его друга попытались вынести через проходную 30 батонов колбасы* (СБ, 13.01.2010).

Кавычки во многих случаях указывают на использование слов в переносном значении – как узуальном, так и окказиональном. Так, следующие контексты представляют использование слов *дожать* и *умереть* в их общеупотребительном переносном значении: *Правда, Вашингтону, похоже, удалось «дожать» Германию. Берлин сообщил, что все-таки готов отправить в Афганистан еще 500 военнослужащих* (Изв., 28.01.2010); *Последним «умер» датчик тока в шине генератора – он показал короткое замыкание* (Изв., 22.09.2009). Очевидно, что если в первом примере переносное значение глагола *дожать* – ‘прилагая большие усилия, одержать верх над кем-либо’ – «переключено» с неодушевленного предмета на одушевленный (правительство Германии), то во втором контексте значение слова *умереть*, наоборот, соотнесено с неодушевленным предметом – прибором, который испортился, вышел из строя. Аналогичное (узнаваемое читателем) переносное значение – ‘нахождение дома вследствие болезни’ – реализует в газетном тексте слово *заточение*, имеющее узуальную семантику ‘пребывание в тюрьме, ссылке’: *Почти пять с половиной лет я была в домашнем «заточении». Если начинала двигаться, огромный живот-паразит заваливал меня* (НГ 19.01.2009).

В условиях текста слова могут приобретать весьма специфическое значение, обусловленное его взаимодействием с другими словами и словосочетаниями. При этом пишущий не всегда может рассчитывать на то, что реципиент (читатель) его адекватно поймёт. Кавычки в таком случае указывают на наличие у данного слова нужного неконвенционального смысла. Подобный приём позволяет осуществить «семантический сдвиг», представляющий собой изменение значения слова с обязательным изменением его стилистической коннотации – с нейтральной на отрицательную (очень часто), либо в «обратном» направлении – с отрицательной на положительную (очень редко). Довольно типичной является ситуация, когда смысл слова при этом меняется на противоположный. Приём «семантического сдвига» включает в себе широкие возможности для раскрытия авторской мысли, позволяет выразить отношение автора к описываемому событию, дать необходимую оценку, а в ряде случаев – использовать скрытую иронию для обобщённой характеристики определённого социального явления. Сравн.: *По мнению руководителя администрации Кавминвод Виктора Вышинского, это было сделано для тех людей, кто ловит рыбу в мутной воде. Но от разговора о «рыбаках», которые до сих пор таскают «рыбу», он дипломатично уклонился.* (Изв., 15.12.2009). «Смысловым центром» данного высказывания является идиоматическое выражение *ловить рыбу в мутной воде* в значении ‘извлекать выгоду для себя, пользуясь неясностью обстановки, чьими-нибудь затруднениями’, которое позволяет использовать «закавыченные» слова в неконвенциональном, «сдвинутом» значении: *рыбак* ‘человек, извлекающий личную выгоду нечестным, обманным путём’; *рыба* ‘прибыль, выгода, полученные обманным путём’.

Более радикальным является семантический «сдвиг» заключенного в кавычки слова *собственник*: ‘владелец имущества’ → ‘человек, владеющий имуществом, не принадлежащим ему по закону’: *Одно перечисление «собственников», прихвативших государственное добро, заняло несколько страниц.* (Изв., 15.12.2009).

В отдельных случаях кавычками может быть отмечено нетерминологическое использование слова. Так, термин *лексический*, употребляясь в составе эвфемистического словосочетания «*лексические*» *поборы* способствует формированию его нового, окказионального значения ‘штраф за употребление нецензурных слов в общественном месте’: *Закон трактует нецензурную брань в общественном месте как мелкое хулиганство, чреватое штрафом в размере от 2 до 30 базовых величин или административный арест. Может, следует почаще практиковать «лексические» поборы?»* (СБ, 19.09.2009). Таким же средством выделения, подчеркивающим новизну, необычность языкового знака, кавычки выступают и при употреблении в газетном тексте окказионального слова *обыдиотить* ‘сделать идиотами’, образованного по аналогии с общеупотребительными номинациями *оболванить*, *одурачить*: *Может быть, задача власти в России – обыдиотить народ?* (АиФ, 27.02.2008).

Таким образом, заключенные в кавычки слова выполняют в публицистических текстах различные функции, способствующие повышению их информационной насыщенности, выразительности и оценочности.

Abstract. The status of the words in quotes in modern socio-political journalism is considered in the paper. Their main functions are revealed and discussed.

Литература

1. Зализняк, А.А. Труды Международного семинара «Диалог 2007» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. - М., 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru>
2. Розина, Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге / Р.И. Розина. – М.: Азбуковник, 2005. – 302 с.
3. Шварцкопф, Б.С. Внимание: кавычки!// Б.С. Шварцкопф // Русская речь, 1967, № 4. – с. 42-46.
4. Шварцкопф, Б.С. «Я поставил кавычки потому, что...» // Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева /Б.С. Шварцкопф. М., 1997. – С. 374-378.

УДК 398.91:[81.161.1+81.161.3]/(045)

Явление амбивалентной оценки в русских и белорусских пословицах о своём и чужом

Е. И. ТИМОШЕНКО

Микротексты, представляющие малые фольклорные жанры, в частности такие, как пословицы и приметы, выполняют в языке целый ряд функций: сохранения и передачи народной мудрости и опыта, обучения носителей языка логическому мышлению, а также функцию оценки, влекущую за собой предписание того, как следует или не следует поступать. Оценке в языке подвергается прежде всего то, что связано с любыми (физиологическими, эмоциональными, социальными) потребностями человека, с его деятельностью и поведением.

Среди объектов, подвергающихся оценке в русских и белорусских пословицах, может быть назван ряд явлений, ситуаций, состояний, свойств и т.п., оценка которых оказывается однозначной – положительной или отрицательной. Так, например, однозначно положительно оценивается большая и малая родина, родной дом (рус. *Всякому мила своя сторона; Родимая сторона – мать, чужая – мачеха; На чужой стороне и весна не красна; Любит и нищий свое хламовище; Глупа та птица, которой гнездо свое не мило; Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома; Дома все споро, а в чуже все хуже; На чужой стороне и сокола зовут вороною* [1]; бел. *Лепи нічога няма свайго роднага вугла; Усюды добра, а дома лепей; Чужая хата не грэе; На чужой старане і вясна не красна; У гасцях добра, а дома лепі; Бяда не мець свайго вугла; Ліхая тая птушка, што ў сваё гнездо паскудзіць* [2]; только положительно оценивается здоровье человека (и соответственно отрицательно – болезнь) (рус. *Здоровье – всему голова, всего дороже; Здоровье дороже богатства; Здоровью цены нет; Здоровье не купишь*; бел. *Здароўе даражэй за ўсё; Хвораму нічога не міла; Лядачаму ўсюды кепска*); определено положительно оценивается трудолюбие и отрицательно – лень (рус. *Труд человека кормит, а лень портит; Не потрудиться, так и хлеба не родиться; Лень добра не деет; Ленивый и могилы не стоит; Без дела жить – только небо коптить*; бел. *Хто гуляе змоладу, памрэ з голаду; Гулі (сваволя) да дабра не даводзяць; Хто працуе, таму і шанцуе; Хто рана ўстае, таму бог дае, а хто доўга спіць, таму няма ніц; Гультай горш калекі; Няма горшага калецтва, як гультайства; Кожан гультай – злодзей*); однозначно отрицательно оценивается неуважение к родителям (рус. *На свете все найдешь, кроме отца и матери; Все купишь, а отца – матери не купишь; Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает; Нет такого дружка, как родная матушка*; бел. *Хто бацьку і маці зневажае, той дабра не знае*). Абсолютная ценность таких понятий, как родина и родной дом, здоровье человека, таких свойств, как трудолюбие, в традиционной картине мира сомнений не вызывает.

Известно, что среди пословиц различаются выражения с прямой и с образной мотивировкой общего значения. Выражения первого типа Г.Л. Пермяков, например, предлагает называть афоризмами, чтобы отличать их от собственно пословиц, имеющих образную внутреннюю форму [3, с. 10-11]. И если для собственно пословиц оценка оказывается, как правило, имплицитной, «скрытой в метафорической ткани текста», или зависящей от внетекстовых факторов и семантическая неопределенность, таким образом, может быть постулирована как один из регулярных признаков, который проявляется в возможности употребления пословицы в различных модальных и оценочных смыслах [4, с. 96-97], то противоположность оценки одного и того же объекта, свойства или ситуации в пословичных изречениях с прямой мотивировкой значения требует объяснений.

Внимание исследователей к этому явлению или ограничивалось его констатацией, или приводило к очень общим объяснениям, которые, на наш взгляд, могли бы быть углублены,

конкретизированы, а в ряде случаев опровергнуты. Так, например, В.И. Чичеров, автор вступительной статьи к сборнику пословиц В.И. Даля, пишет по этому поводу, что в противоположных по содержанию пословицах и поговорках отражается противоречивость сознания; объясняет существование пословиц с противоположной оценкой социально-политическими противоречиями, отражением реакционных и прогрессивных взглядов на те или иные явления жизни, например на положение женщины в обществе (сравнивает пословицы типа *Бабе дорога от печи до порога; Курица не птица, баба не человек; У бабы волос долог, ум короткий* и *Муж – голова, жена – душа; Женский ум лучше всяких дум; Худо дело, коли жена не велела*, указывая что второй блок пословиц «звучал» как протест против крепостнических порядков тогдашней России). [1, с. XIV, XIX]. Г.Л. Пермяков, рассматривая пословицу как знак ситуации, высказывает мысль о том, что, поскольку ситуации могут быть самыми различными, в том числе противоположными, то и пословицы оказываются формально противоречивыми, но верными и уместными для соответствующих ситуаций. «Эта логика, – пишет ученый, – действительно, отличается от той, которую изучают по специальным учебникам, но зато испокон веков принята всеми народами, ибо это и есть **логика здравого смысла**» [3, с. 38]. Близкая точка зрения высказывается в предисловии к сборнику белорусских народных пословиц и поговорок, составленному В.Д. Литвинко и Л.А. Царенковым. Противоречивость оценок объясняется конкретными обстоятельствами, в которых может находиться человек, а также различием опыта, убеждений и жизненных установок разных людей [5, с. 9-10].

В работах, посвященных анализу структуры и семантики пословиц и других текстов малых фольклорных жанров, также отмечается неустойчивость оценочной маркированности компонентов семантической оппозиции, на которой обычно строится пословица. А. Дандис пишет о том, что ни один член из каких-либо, по его терминологии, «семантических пар», традиционно представленных в пословицах, «не может считаться лучшим»; предпочтение может отдаваться то одному, то второму члену оппозиции, и вообще отношения между ними могут быть весьма многообразными [6, с. 30]. Амбивалентность оценок, мена оппозиций местами рассматривается Т.В. Цивьян как непринципиальное явление при сохранении аппарата самих оппозиций и общего классификационного принципа, позволяющего описать мир как единое целое [7, с. 18]. Рассмотрим более подробно явление амбивалентной оценки на материале пословиц о *своем* и *чужом*.

Метод выявления системы семиотических оппозиций, через которую описывается любая модель мира, приводит лингвистов к убеждению, что основополагающей в этой модели является пространственная оппозиция *внутренний – внешний*, имеющая свое продолжение в виде более широкой оппозиции *свой – чужой*, в которой первый член (*внутреннее, близкое, свое*) оценивается положительно, а второй (*внешнее, далекое, чужое*) – отрицательно. Обращает на себя, однако, внимание то обстоятельство, что *свое* в белорусских и русских пословицах далеко не всегда оценивается положительно, а *чужое* – отрицательно. Сравн., с одной стороны: рус. *Всякому свое дороже; Свой хлеб сытнее; Вся свое хвалит; Всякому свое мило; Нет певчего для вороны супротив родного вороненка; Дитя хоть и криво, да отцу, матери мило; Твое хоть дороже, (краснее, белее), а свое милее; Свой своему поневоле друг (брат); Чужой мед горек; Чужой хлеб горек; Чужим кусом подавишься; Чужой хлеб рот дерет; Не радостен чужой обед, коли своего дома нет;* бел. *Кожнаму сваё мілейша; З сваімі толькі добра есці і піць; Скрозь на свету лучыш нас нету; Свой насоу цяплей чужога кажуха; Усякае сваё нямыта бела, а с другой – рус. Чужой и хлеб слаще калача; В чужих руках ломоть велик (кроме велика); Свой хлеб приедчив, чужой ломоть лаком;* бел. *Свой горш чужога часцей; Свой заўсёды горшы чужога; З сваім найгорша справа; У чужых ўсё лепшай; У чужых руках пірог вялікі.*

Как пишет Н.Д. Арутюнова, свое предпочитается чужому по разным причинам: 1) свое «гарантировано и доступно, оно предоставлено в пользование хозяина, чужое же – вне его воли и власти», т.е. имеется в виду противопоставление «реального – нереальному»; 2) не следует завидовать и зариться на чужое, зависть – осуждаемое чувство, нужно довольствоваться своим; 3) «предпочтение своего чужому может также отражать позицию «гордого и

независимого бедняка”; 4) свое может предпочитаться чужому вследствие эмоциональной привязанности – это привязанность к родине и родному дому, родственникам, сородичам и т.п. Теми же субъективными факторами (завистью, привязанностью к своему и под.) иногда обуславливаются “смещения и капризы в оценке своего и чужого”, например: *Свои дети всегда лучше чужих, а жена – хуже; На чужом поле рис кажется лучше, свои дети кажутся краше*. В таких случаях зависть “работает” в пользу чужого, кровная любовь – в пользу своего; зависть “направлена на то, что рассматривается как предмет обладания, а кровная любовь – на то, что является неотъемлемо своим”. Исследовательница указывает, что в таких случаях отражается “диалектика неправильных оценок” [8, с. 289-290].

Однако среди пословиц отмечены такие, в которых свое “кровное” оценивается хуже, чем чужое: *Свой горш чужога часцей; З сваім найгорша справа*. На наш взгляд, мена оценочного знака на противоположный, наблюдаемая в подобных случаях, не только не размывает и не расшатывает структуру той или иной оппозиции, но, напротив, оказывается дополнительным подтверждением ее устойчивости. Что касается конкретной оппозиции *свой – чужой*, то здесь как раз на основе содержания пословиц, которые являются отражением “диалектики неправильных оценок”, могут быть указаны аргументы в пользу положительности *своего* и отрицательности *чужого*. Представления типа *Чужой и хлеб слаще калача; На чужое добро руки чешутся* (рус.), *У другіх ўсё лепшай, У чужых руках пірог вялік, Чужыя лямашы харашы* (бел.), конечно же, обусловлены завистью человека. Пресуппозиция же (фоновые знания), а также подтекст таких выражений заключается в понимании носителями языка чувства зависти как такого, которое объясняется твердым убеждением каждого (или, по крайней мере, большинства) в том, что *свое должно быть* самым хорошим, лучшим, чем *чужое*. В подобных выражениях как раз и проявляется беспокойство по поводу того, что у другого может быть лучше, чего, по определению, быть не должно.

Пословицы же типа *Свой заўсёды горш чужога, З сваім найгорша справа*, не разрушая рассматриваемой оппозиции, высвечивают “обратную сторону медали”. Общеизвестно, что в реальном мире нет ничего идеального, идеал – то, к чему можно и нужно стремиться, но вряд ли можно достичь. Недостатки и изъяны обнаруживаются очевиднее и прежде всего у тех, кто постоянно рядом с нами; своего всегда знаешь намного лучше, чем чужого, но это значит, что знаешь не только достоинства, но и отрицательные черты. С этим обстоятельством, кстати, связан наиболее типичный сценарий развития отношений между людьми по мере углубления знакомства от очарования к разочарованию. Мы хотим общаться и познакомиться с человеком ближе, потому что очарованы, но по мере сближения видим недостатки и разочаровываемся (*раз-очароваться* производно от *очароваться*). Таким образом, в подобных пословицах отражается другой, более глубокий уровень познания действительности и дело сводится не столько к тому, что *свой* хороший, а *чужой* плохой, сколько к тому, что в отношениях со своими и чужими разные точки отсчета, разные требования, возможности и цели. Сравн. отражение сходных ситуаций в восточных пословицах: вьетн. *В своей пагоде и Будда не кажется святым; Живя около пагоды, начинаешь и Будду звать братцем*; тамил. *Храмовая кошка богов не боится*; корейск. *Соседи колдуна не верят в его силу* [3].

Из материалов, содержащихся в соответствующих тематических разделах различных сборников пословиц, видно, что пословиц (точнее – пословичных выражений), в которых свое предпочитается чужому и оценивается положительно, не в пример больше тех выражений, которые содержат противоположную – отрицательную – оценку своего. Это касается и “Сборника пословиц русского народа” В.И. Даля, и “Избранных пословиц и поговорок народов Востока” Г.Л. Пермякова (в последнем, например, в подразделе “Свое (привычное) – плохое, а чужое – хорошее; чужое лучше своего” пословиц в 4–5 раз меньше, чем в подразделе “Свое (родное и привычное) – хорошее, а чужое – плохое; свое лучше чужого” [3, с. 298-305].

Далее, обращает на себя внимание то, что большая часть пословиц, в которых чужое оценивается как хорошее являются “мнимоположительными”: они или содержат глагол *казаться*, выражающий субъективное восприятие и оценку или даже и без этого глагола отражают то же субъективное восприятие чужого как якобы лучшего, продиктованное чувством

зависти, в истоке которого, как уже говорилось, лежит твердое убеждение каждого, что свое лучше и что те случаи, когда это положение дел нарушено, являются отступлением от нормы. Сравн.: тат. *Свой огурец горьким кажется*; пушту *Чужой осел кажется сильнее своего*; тадж. *Кусок соседа кажется жирнее*; чуваш. *Пирог в чужих руках кажется большим*; кит. *С этой горы кажется, что та гора высока*; лакское, турецк. *Соседская курица всегда выглядит гусем* [3, с. 302-303].

Количественная несоизмеримость пословиц с положительной и отрицательной оценкой своего, а также мнимая, по сути дела, положительность оценки чужого в пословицах с глаголами субъективного восприятия определенно позволяют говорить о закреплённости знака “плюс” за понятием *свое* и знака “минус” за понятием *чужое*. Об этой же закреплённости позволяет говорить наличие в пословицах с отрицательной оценкой *своего* и положительной – *чужого* слов типа *иногда*, *часцей* и под., а также частицы *и*, которая в таких случаях указывает на уступительность: япон. *И своя собака иногда кусает*; бел. *Свой горш чужога часцей*; турецк. *Иногда и свой груз бывает в тягость*. В лингвистической литературе высказывалось мнение о том, что слова такого типа в составе пословиц не выражают истины, более того – что и сами пословицы в целом никаких истин не выражают [9, с. 241]. Предлагаемый в статье взгляд, однако, позволяет утверждать обратное: лексические и структурные компоненты, указывающие на нерегулярность того или иного отражаемого в пословице положения дел, как раз и являются прямыми показателями того, что в подобных случаях имеется в виду отступление от основной закономерности.

Уместным представляется также привести высказывание Г.Л. Пермякова о том, что пословицы – знаки ситуаций, а ситуации могут быть самыми различными, в том числе и противоположными, – отсюда проистекает и внешняя противоречивость самих пословиц [3, с. 38]. Однако нет никакого сомнения в том, что сами ситуации так или иначе оказываются типовыми, в противном случае вообще была бы невозможна логико-семантическая классификация пословиц.

Любое правило, как известно, знает исключения, или, лучше сказать, правило и становится правилом тогда, когда есть исключения: их наличие и высвечивает, подчеркивает ту или иную закономерность. Наличие немногочисленных пословиц с отрицательной оценкой *своего* (на фоне подавляющего числа выражений с положительной оценкой) и есть то исключение, которое только убедительнее доказывает и подтверждает общую закономерность. Отступление от нормы – тоже проявление нормы, потому что в мире нет идеального, “реальность идеального” выглядит как оксюморон. Это положение подтверждается большим количеством пословиц об исключениях из общих правил, действующих в самых разнообразных сферах жизни: рус. *Во всяком хлебе не без мякины; И в умолоте не без ухвостья; Во всякой избушке свои поскрыпушки; Ни праведный без порока, ни грешный без покаяния*; бел. *І добрага як замнога, то не добра*; осет. *И на хоорошей ниве попадает пустой колос; И дурак иногда умное слово молвит*; зулу *Нет такого красавца, у которого не было бы изъяна*; турец. *Без кривого дерева леса не бывает*; тадж. *Розы не бывают без шипов, а мясо без костей*.

Случаи типа *Свой заўсёды горш чужога*, т.е. пословицы, в которых прямо и категорично выражается отрицательная оценка своего, следует объяснить отдельно. Нам представляется, что в области паремиологии так же, как и в лексике, могут наблюдаться факты, объясняемые своим появлением так называемому эмотивному фактору функционирования языка [10, с. 8]. Появлению новых лексических единиц может способствовать не только собственно коммуникативная необходимость, которая требует наименования **новых** предметов и понятий, но и потребность человека в непрямом (образном и поэтому более сильном) способе номинации **старых** понятий, что ведет к обогащению экспрессивно-синонимических средств языка. В области паремических номинаций этот фактор (стремление к экспрессивности), по нашему мнению, может вызвать появление подобного рода категоричных формулировок, которые, судя по материалу, оказываются крайне нерегулярными.

Амбивалентность оценки наблюдается в большинстве тематических групп пословиц и пословичных выражений. Наиболее ярко она представлена в пословицах, отражающих соци-

альные и этические отношения, оценку интеллектуальных качеств человека (сравн., например, бел. *Хто скупы, той глупы; Скупы і раскідны нароўні – Хто скуп, (той) не глуп; Скупы не дурань; Лепш скупавата, чым матавата; За грошы і бога купіш – За грошы ўсяго не купіш; У каго грошы – у таго розум – Розум грашыма не заменіш; Бедната не адбярэ ні чэсці, ні вума – Бедната – дурата; Моцны статак чарадою, а людзі грамадою – У кампаніі жыць – тужыць; У кампаніі і рай і мука; Стыд можна і ў кішэню схаваць – Сораму ў кішэню не схаваеш; Няма гарэй, як за дурною галавою – За дурным ічасце бяжыць* и др.). Очевидно, что каждая такая группа нуждается в самостоятельном исследовании.

Таким образом, амбивалентность оценки в пословицах о своём и чужом (как, по-видимому, и в пословицах других тематических групп) не размывает общей закономерности в оценочном соотношении оппозитивов: *свое* – хорошее, *чужое* – плохое, *свое* предпочтительнее *чужого*. Противоположная регулярной оценка членов семантической оппозиции отражает явление возможного отступления от нормы, которое в свою очередь рассматривается как одна из реализаций нормы. В этом убеждают статистические наблюдения, учет лексико-семантических и структурно-синтаксических особенностей пословиц, а также фоновые знания носителей языка, требующие неременного учета при анализе семантики пословиц.

Abstract. The phenomenon of ambivalent estimation in Russian and Belarusian proverbs about one's own and somebody else's is considered in the paper.

Литература

1. Даль, В. Пословицы русского народа / В. Даль. – М.: ГИХЛ, 1957. – 991 с.
2. Прыказкі і прымаўкі: у дзвюх кнігах. Кн. 1. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – 558 с; Кн. 2. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – 616с.
3. Пермяков, Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
4. Крикманн, А.А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы / А.А. Крикманн // Паремииологический сборник / Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / составление, редакция и предисловие Г.Л. Пермякова. – М.: Наука, 1978. – С. 82–104.
5. Ліцвінка, В.Д. Слова міма не ляціць: Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі / В.Д.Ліцвінка, Л.А. Царанкоў. – Мн.: выд-ва “Універсітэцкае”, 1985. – 149 с.
6. Дандис, А. О структуре пословицы / А. Дандис // Паремииологический сборник / Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / составление, редакция и предисловие Г.Л. Пермякова. – М.: Наука, 1978. – С. 13–34.
7. Цивьян, Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – Изд. 3-е. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
8. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
9. Kirschenblatt-Gimblett, Barbara. A Theory of Proverb Meaning / Barbara Kirschenblatt-Gimblett. – «Proverbium». – 1973. – № 22 / перевод: Паремииологический сборник / Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / составление, редакция и предисловие Г.Л. Пермякова. – М.: Наука, 1978. – С. 241–244.
10. Левицкий, В.В. О причинах семантических изменений / В.В. Левицкий // Семантические процессы в системе языка: межвузовский сборник научн. тр. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1984. – С. 3–9.

О частных семах в названиях ломтя хлеба в восточнославянских языках

Н. И. ШАБУЛДАЕВА

Слово как центральная единица языковой системы всегда привлекало и продолжает привлекать внимание лингвистов. Лексика данного языка объединяется в систему. В любом языке можно выделить лексические группы, представляющие собой довольно замкнутые континуумы, совокупности названий понятий, предметов, процессов и др. В числе других выделяется тематическая группа названий частей хлеба (а внутри ее лексико-семантические подгруппы), которая является предметом исследования в данной статье. Актуальность данной работы обусловлена тем, что до сих пор в лингвистике не рассматривалась семантика названий частей хлеба в совокупности во всех восточнославянских языках. «Поскольку с течением времени может измениться роль какой-либо реалии в общественной практике языкового коллектива, постольку в значении слова, именующего эту реалию, также могут произойти изменения, то есть семантика слова всегда социально обусловлена» [5, с. 114]. В данной статье будет рассмотрена только часть значений, присущих лексемам, обозначающим часть булки, каравай хлеба.

На всей территории Восточной Славии величина куска хлеба имеет своё обозначение. Часто семантика 'величина куска' сочетается ещё с каким-либо дифференцирующим значением. Большой кусок хлеба в белорусских говорах, прилегающих к ним русских говорах и украинском литературном языке называется *скиба* и производными от него: бел. вит., гродн., гомел. *скіба*, могил. *ськіба* (ЛАБНГ, карта № 321); брест., минск. *скібка* (ЛАБНГ, карта № 321); русск. брян. *скибишча* (Расторгуев 242); смол. *скибина*, *скибица* (Добровольский 833-834); укр. *скиба*, *скибина*, *скибище*, *скибка* (СУМ IX, 260-261).

На русско-белорусском языковом пространстве большой кусок хлеба также имеет названия с корнями *лом-*: русск. *ломьть* (СРЯ II, 90), курск. *ломот* (СРНГ XVII, 123), краснояр. *ломотига* (СРНГ XVII, 123), оренб., нижегор. *ломтина* (СРНГ XVII, 125); бел. диал. *льмаць* (Шаталава 98) и *кавал-/ковал-*: русск. арх., влад., брян. *кавалок* (Подвысоцкий 61; СРНГ XII, 289-290), ср.-урал. *кабалок* (СРНГ XII, 281); смол. *кавалэк* (СРНГ XII, 290), яросл. *оковалок* (Мельниченко 132); бел. могил. *кывілюга* (Бялькевіч 241).

Русско-украинским является наименование *коврига-*: русск. *коврига* (Даль II, 128; СРНГ XIV, 33) и его фонетический вариант пенз. *кавлига* (СРНГ XII, 294); укр. *коврига* (ЭСБМ II, 486). Белорусско-украинско-польской является лексема *партыка*: бел. полесск. *партычка* (Жыв. нар. сл. 146); укр. *партъка* (Гринченко III, 98; СУМ VI, 78), фонетический вариант одесск. *патрика* (Москаленко 55); польск. *partyka* (Kariowicz IV, 43).

На белорусском языковом пространстве имеется много наименований для большого куска хлеба: полесск. *акрушак* [3, с. 123], мин. *апялюха* (Нар. сл. 25), вит., гродн. *бурт*, вит. полоц. *гамёлка*, *агамёлак*, осложнённое семантикой 'бесформенный кусок хлеба, обычно отломанный' (Нар. сл. 195; СБГ I, 244), повсеместно *луст*, *луста* (ЛАБНГ, карта № 321), *порцыя* (Насовіч 476). Ряд названий объединяется в гнездо: брест. *обертуха* (ЛП 51), гродн. *абертуха* (Сцяцко 9), вит. *абярцень* (Нар. сл. 102); полесск. *околка*, *аколка*, *околушка*, *аколушка*, *околіца*, *аколіца* (ЛП 392), а также [3, с. 121] (ср. полаб. *vekərstnājčā* 'кусочек хлеба' (< *okr□stnica) < *vekorst* дериват от *okr□st 'вокруг' [10, с. 110]).

В русском языке данное значение представлено большим количеством лексем, некоторые объединены словообразовательными отношениями: твер. *дедюля* (СРНГ VII, 332), волог. *заньза* (СРНГ X, 282), урал. *джамджэля* (СРНГ VIII, 43); ряз. *каравай* (СРНГ XIII, 65), волог. *манзийля* (СРНГ XVII, 360), русск. устар. и простор. *кус* (ССРЛЯ V, 1891); брян.

кусмига, кусмяга (Расторгуев 145), олон. *ошвблок* ('неаккуратно отрезанный') (СРНГ XXV, 81), ряз. *каравай* (СРНГ XIII, 65), яросл. *громосуля, четверэха, четверушка*, (шутл.) *чичэля* [8, с. 21], *цецуля* (Мельниченко 212), арх. *карбуха* (СРНГ XIII, 82), смол. *лапырь* (Добровольский 368; СРНГ XVI, 271), вят. *круговйня* с дополнительным значением 'отрезанный по величине всего каравай' (СРНГ XV, 303); орл. *латырь* (СРНГ XVI, 286-287), русск. ряз. *колтырь* (СРНГ XIV, 275), смол. *шпыря* (толстый) (Добровольский 1007), урал. *оберушник, оберушник, одноручник* (СРНГ III, 49), южн.-сиб. *коряк* (СРНГ XV, 42), твер. *косуля* (СРНГ XV, 91), олон. *кулавина* (СРНГ XVI, 51), волог., костр. *олелюха* ('неровно отрезанный') (СРНГ XXIII, 184; Даль II, 670), тул. *пителька* ('круглый, во весь каравай') (Даль III, 115), костр. *петеля* (7, с. 93), словообразовательное гнездо с корнем *кром-*: др.-русс. *крома* (СлРЯ XI-XVII VIII, 70; Срезневский I, 1327), пск., твер., арх. *кромуля* (СРНГ XV, 276), без места *окромуха* (Даль II, 668), новг. *кромзуля* (СРНГ XV, 275), волог., яросл. *кромсуля* (СРНГ XV, 276), а также [8, с. 21].

Среди украинских названий, имеющих сему 'большой кусок' обнаружены только несколько: полесск. *ріезка* (Лысенко 57), литер. *иматурияка* (СУМ XI, 502), без места *лэпанец* [4, с. 376], львов. *пайда* 'очень большой кусок хлеба' [4, с. 377], ср. польск. диал. *rajda, bajda* 'кусок хлеба' (Kariowicz IV, 10).

Лексемы со значением 'небольшой кусок хлеба, пирога' имеют следующую лингвогеографию: с корнем *крух-* во всех восточнославянских языках и за их пределами: бел. дрогич. *окрушчiк* (Жыв. нар. сл. 86), русск. *укрух* (Даль IV, 485); укр. *окрушка* (Гринченко III, 50), литер. *окрушка, окрушина, окрушинка* (СУМ V, 682), чеш. *ъkruch* (Горяев 386); польск. *okrush, okruszek* (SPP 455-456) и др. Бел. вит. *шчэпiнка* (СБГ V, 527) и укр. *щъпочка* (Гринченко IV, 526) входят в словообразовательное гнездо с корнем *щип-/щеп-*, имеющий много славянских соответствий. Бел. вит. *акрумачак* (Нар. сл. 144) и русск. *крумб* (СРНГ XV, 274) зафиксированы и в рассматриваемом значении. Ст.-русс. *полотець*, зафиксированное в XVIII в. (СлРЯ XI-XVII XVI, 246) и восходящее к прасл. **polъtь* от *polъ* 'бок, сторона' (Фасмер III, 316), также относится к данной семантической подгруппе. Только белорусскими в данном значении являются лексемы: гомел. *аберценька, оберценька* ломтик хлеба (НЛГ 329), гродн. *крошка* (СБГ II, 526), могил. *мамъсычка* (Бялькевич 259), брест., могил., гомел. *скібка* (ЛАБНГ, карта № 321), вит. *шпырак* (Касьярович 354). К украинским наименованиям относится *різник* (с дополнительной семантикой 'маленький кусочек хлеба, который резали мерой') [4, с. 376].

Половина каравай, хлеба или блина в восточнославянских языках также имеет своё название: русск. курск., калуж., орл., брян., смол. *краец* (СРНГ XV, 162) и бел. полесск. *акраец* [9, с. 124]; ст.-русс. *полхѣба* (XVIII в., СлРЯ XI-XVII XVI, 279) и укр. *півхліба, півхлібни* (СУМ VI, 389); русск. волог. *коверига* (СРНГ XIV, 29); русск. сверд. *пласточек* (СРНГ XVII, 91); бел. гродн. *паўблін* (СБГ III, 457); бел. гомел., брест., мин. *луста* (ЛАБНГ, карта № 322). Для обозначения половины ломтя хлеба выявлены названия в древнерусском языке – *полхѣса* (СлРЯ XI-XVII XVI, 224) и в белорусских гомельских говорах – *луста* (ЛАБНГ, карта № 322).

Специальное обозначение для части каравай хлеба, меньшей чем половина обнаружено только в белорусских полесских говорах: *крайчык (акрайчык), скрайчык, скраёк, окраёк, окраіц, окраек, краец, краюшка* (ЛП 392). Четверть пирога имеет специальное наименование только в русских говорах: яросл. *четверэха, четверушка* [8, с. 23], без места *четвертка, четверть хлеба* (Даль IV, 601); перм., пск., костр., нижегор. *искъсок* (СРНГ XII, 221); яросл. *серёдка пирога, серёdochка* [8, с. 23].

Семантика 'ломоть, срезанный до половины булки' фиксируется в белорусских говорах: гомел., брест. *луста* (ЛАБНГ, карта № 321); гомел., мин., брест., вит., могил. *скібка* (ЛАБНГ, карта № 321); вит. *абяртня* (ЛАБНГ, карта № 321) и в некоторых русских говорах: арх. *срезок* (Подвысоцкий 158). Закономерным для семы 'ломоть, срезанный вокруг булки, круглый ломоть во всю ковригу' являются названия с корнем *верт-*, входящие в разветвлённое генетическое гнездо [1]: бел. гомел. полесск. *обэртушка, обертка, воберцень, абяртня* (Янкова 68; ЛАБНГ, карта № 321; ЛП 392); вит. *абяртня, абіртня* (СБГ I, 45;

Янукович 73), брест. *обяртка* (СБГ III, 254); русск. новг. *обертень, оберетка, оберётка* (Даль II, 579; СРНГ XXII, 34). К данной группе относятся русские наименования с корнем *круг-*: вят. *круговеня*, волог., сиб. *ькружень* (СРНГ XV, 303; XXIII, 167). В белорусских говорах фиксируются наименования: мин., гомел., брест. *луста*; брест. *сколушка*; брест., гродн. *скіба*, полесск. брест., гомел. *скібка* (ЛАБНГ, карта № 321; ЛП 404).

К собственно русским в данном значении относятся: зап., сев. *сукрой* (Даль IV, 358; СРНГ V, 205); в.-казах. *пласт* (СРНГ XXVII, 84); курск., ворон. *петеля, петюля* (СРНГ XXVI, 327; Даль III, 106), тул. *пителька* (Даль III, 115).

Названия частей хлеба можно классифицировать в соответствии с тем, каким образом данный кусок хлеба отделён от булки хлеба. В группу с семей 'отрезанный ножом' входят следующие наименования, характерные почти для всей Восточной Славии, некоторые и за её пределами: с корнем *скиб-*: русск. брян. *скибка* (Расторгуев 242); бел. полесск. *скібка* (ЛП 404); укр. *скиба, скибина, скибище, скибка, скибочка* (СУМ IX, 260-261); польск. *skiba* (SPR 567); с корнем *кром-*: др.-русс. *крома* (СлРЯ XI-XVII VIII, 70; Срезневский I, 1327), русск. брян. *кромка* (Запись наша), бел. полесск. *кромка* [2, ч. II, с. 50], польск. диал. *kroma, kromka* (SW II, 559); с корнем *лом-*: русск. *ломьть* (СРНГ XVII, 124; СРЯ II, 90), арх. *растучий ломоть хлеба*, с дополнительной семей 'отрезанный вслед за краюшкой ломоть' (Подвысоцкий 146), бел. гомел. *ломаць* (Запись наша).

Несколько лексем с данным значением выявлены в русском языке: литер. *ломоть* с дополнительной семантикой 'плоский и большой кусок', 'ломтик'; костр. *скрой* (Бурнашев I, 115); брян. *гарбушка* 'верх буханки хлеба' (Запись наша); ряз. *каравай* (СРНГ XIII, 65). В белорусском языке в данном значении особенно популярны лексемы с корнем *луст-*: литер., вит., гродн. *луст, луста, лустка, лустачка, лусточка, лустычка* (ТСБМ III, 63; СБГ II, 689; Бялькевич 253), в полесских говорах *луста* имеет дополнительные семы 'толстый, во всю ширину булки', 'отрезанный наискосок' (ЛП 388-389). Кроме того, обнаружены наименования: полесск. *околка, окулка, околушка, околица, кулідка* (ЛП 386, 392); гомел. *лобарт* (Запись наша). В украинском языке лексемы со значением 'отрезанный ножом кусок хлеба' фиксируются только в литературном языке: *окраєць, крайчик, крайок* (СУМ V, 676-677).

Отломанный кусок хлеба имеет специальные наименования в белорусском и русском языках: бел. туров. *льмоць* (ТС III, 42); вит. полоц. *гамёлка, агамёлак* с дополнительной семантикой 'большой бесформенный кусок' (Нар. сл. 195); русск. яросл. (шутл.) *чичэля* 'большой кусок' [8, с. 23]. Для откушенного куска зафиксирован круг названий только в русском языке и закономерно с корнем *кус-*: арх. *кусяник* (СРНГ XVI, 163), без места *скусок* (Даль IV, 214), пск., твер., арх. *откусок, откусыш* (СРНГ XXIV, 220).

В восточнославянских языках названия ломтей хлеба классифицируются также по принципу очерёдности от края булки. Эти названия можно объединить в несколько групп: 1) первый или последний кусок: с корнем *сух-*: бел. полесск. *асух, асушак (осушок), сушчык, осушчык (асушчык)* (ЛП 393), укр. полесск. *осушок* (Лысенко 47); с корнем *край-*: бел. полесск. *крайчык (акрайчык), скрайчык, скраёк, окраёк, окраіц, окраек, краец, краюшка* (ЛП 392); бел. полесск. *гарашок* [2, ч. II, с. 23]; 2) первый кусок хлеба, отрезанный от буханки: с корнем *край-*: бел. полесск. *акрайчык* [9, с. 124], русск. смол. *крайчик* (Добровольский 355); бел. полесск. *акрушак* [2, ч. II, с. 4], *асушак (осушок, ошушэк, усушок), гарашык; ражок (рожок)* [3, с. 121]; русск. волог. *гърбик* (СРНГ VII, 22); 3) последняя часть срезанной буханки: с корнем *край-*: бел. *окрайчык* (СБГ III, 259), полесск. *акраец* [9, с. 124], русск. курск., калуж., орл., брян., смол. *краец* (СРНГ XV, 162); а также русск. волог. *горбуша* (Даль I, 377; СРНГ VII, 23); бел. гомел. *скібка* (Запись наша); 4) ломоть, отрезанный после краюшки: русск. сев. *кромочка* (СРНГ XV, 275), арх. *растучий ломоть хлеба* (Подвысоцкий 146).

Выросты на краю булки имеют много наименований в белорусском языке, особенно популярен в этом отношении корень *сух-*: бел. брест. *осушчык* (Жыв. нар. сл. 86), бел. полесск. *засушак, сухарык, асушак, асух, сухары* (ЛП 407), а также [2, ч. I, с. 215]; бел. гомел. *сухран, сухранец* [6, с. 180], полесск. *сухарыц* [9, с. 123]. На Полесье выявлены также наименования *гарашок, гулы, зайчык, скулы, шышкі, сухарык, осушок, ошушэк* (ЛП 393), а также

[2, ч. I, с. 215]. В брестских говорах записано название *кныш* (*кнэш*) (Нар. сл-ць 147), в гомельских – *пуплікі*, *цыпкі* (Запись наша). В белорусских говорах на территории Литвы зафиксирована лексема *прылепаш* (СБГ IV, 145). В русских говорах с данным значением обнаружены: брян. *акрайчык* (Запись наша) и костр., твер. *припек*, *припека* (Даль III, 432).

Названия с семантикой ‘остатки, объедки, огрызки хлеба, пирога’ закономерно объединяются в словообразовательные гнезда с корнями *кус-*: бел. гродн., вит. *кусок* (СБГ II, 588); гомел. *кусьняц* (СБГ II, 587); круглян. *кусбнак* (Жыв. нар. сл. 20), гомел. *пакусанец* (Зап. наша), гродн. *недакэсак* (Жыв. нар. сл. 13); русск. брян. *кусаник*, бел. гомел., могил. *кусанік* (Расторгуев 145; БМ IV, 270; Жыв. нар. сл. 91); арх. *кусяняк* (СРНГ XVI, 163); *глод-*: русск. *изглодыш*, *изглодок* (Даль II, 18), яросл., пск. *недоглодок*, *недоглодыш* (СРНГ XXI, 19); *грыз-*: русск. смол. *огрызок*, *огрызник* (Добропольский 521); *ед-*: русск. без места *объедок*, *объедыш* (Даль II, 635), бел. гродн. *недаедак*, *недойедак*, укр. литер. *недѣйдок* (СУМ V, 292); *крух-/крох-*: русск. арх. *окрохи* (СРНГ XXIII, 165), укр. *окрушка* (Гринченко III, 50), *зуб-*: русск. пск., твер. *озубок*, *озубыш* (Даль II, 638, 660). Выявлены также названия с корнем *-скар-*: русск. волог. *оскаренки*, *оскарѣнки* (СРНГ XXIV, 12) и бел. *аскбрак*, с дополнительной семантикой ‘твёрдый, засушенный’ (ЭСБМ I, 171), с корнем *тир-*: русск. твер., пск. *обтирыш*, *отирыш*, *оттирок* со знасением ‘остатки кренделя, стёртого на соску грудному младенцу’ (СРНГ XXII, 243; XXIV, 191); с корнем *скреб-/скроб-*: русск. смол., сарат. *оскрѣбок* огрызок хлеба (Добровольский 538; СРНГ XXIV, 17), смол. *скробка* (Добровольский 839) и несколько одиночных наименований: пск. *подкраек* (Даль III, 179); укр. одесск. *кірчик* (Москаленко 40).

Выделяется группа названий, объединённых семантикой ‘определённым образом отрезанный кусок хлеба’: 1) ‘отрезанный клином’: бел. гомел. *луста* (ЛАБНГ, карта № 321); полесск. *акрушак* [2, ч. II, с. 4], гомел., брест. *скібка* (ЛАБНГ, карта № 321); 2) ‘отрезанный верх буханки хлеба’: русск. брян. *акраец*, *гарбушка* (Запись наша); бел. гомел. *акраец* (Запись наша); 3) ‘очень тонкий большой кусок хлеба, который берут двумя руками, чтобы не разломался’: русск. свердл. *двурушник*, *двухручник* (СРНГ VII, 308); 4) ‘ломоть, у которого одна сторона дугообразной формы’: русск. твер. *косуля* (СРНГ X I, 91); 5) ‘ломоть хлеба, отрезанный наискось’: русск. перм., пск., костр., нижегор. *искосок* (СРНГ XII, 221).

Надкусанный кусок хлеба в русском языке имеет специальное обозначение – без места *накусок* (Даль II, 431). Средством выражения для семантики ‘початый (надрезанный) хлеб’ являются лексемы с корнем *крой-*: русск. пск., твер. *покроек* (Даль III, 245), арх. *закройка* (СРНГ X, 165-166).

Специальные названия для куска хлеба, отрезанного от новой (непочатой) буханки хлеба выявлены только в белорусском и украинском языках: бел. полесск. *окрушок* (Жыв. нар. сл. 145), полесск. *лэста* [9, с. 124]; укр. разговор., одесск., львов. *цілэшка* (СУМ XI, 234), а также группа названий с корнем *край-*: бел. лит. *акраец* (ТСБМ I, 212), гродн., вит. *акраец* (*акраяц*), *акрайчык* (*окрайчык*) (СБГ I, 73); укр. литер. *окраєць*, *окрайчик*, *окрайок* (СУМ V, 676-677).

В каждом из восточнославянских языков имеются наименования ломтя хлеба специального назначения. Выявлена следующая семантика у данных названий: а) ‘кусок хлеба, намазанный маслом’ – укр. *мазанка* (Гринченко II, 396), ‘кусок хлеба, смазанный салом и поджаренный’ – укр. *грінка* (Гринченко I, 328; СУМ II, 170), ‘кусок хлеба, с маслом, сыром, говядиной’ – русск. *тартинка* (Даль IV, 391); б) ‘мелкие хлебные отбросы для скота’ – русск. арх. *крошево* (СРНГ XV, 288); в) ‘кусок хлеба, положенный за пазуху в дорогу’ – русск. урал. *запазушник* (СРНГ X, 304); г) ‘кусок хлеба с иглой внутри для собаки, чтобы убить её’ – бел. *прътар* (Нар. сл. 72); д) ‘ломоть, кусок, полученный нищим в подаяние’ – укр. *мънтус* (Гринченко II, 426); русск. арх. *куски Христорадны*; е) ‘кусок хлеба, который брали с собой в поле’ – бел. брест. *луста* (ЛАБНГ, карта № 321).

Названия частей хлеба могут обозначать величину отделённого куска хлеба: большой он или малый (*скиба*, *кавалок*, *кромуля* и др. – *оберценька*, *окрушка*, *скибка*, *різник* и др.), половину от целого каравай (*полхлеба*, *паўблін*, *пласточек*) или часть, меньшую половины (*скрайчык*, *окраёк* и др.), ломти, срезанные до половины булки хлеба (*луста*, *скібка*, *срезок* и др.) или вокруг всей ковриги (*обэртушка*, *абяртня*, *обертень*, *сукрой*, *пласт* и др.). Названия

подразделяются и в соответствии с тем, каким образом отделена часть хлеба от целой булки: отрезанный (самая многочисленная группа: *скибка, кромка, ломоть, горбушка, каравай* и др.), отломанный (всего три наименования: *ломать, гамёлка, чичуля*), откушенный (всего четыре: *кусяник, кусок, откусок, откусыш*). В процессе печения на хлебе могут образоваться различного рода выросты, названия для них, в основном, фиксируются в белорусских говорах: *асух, гарашок, зайчык* и др., несколько в русских говорах: *акрайчык, припек*. Очередность кусков хлеба также имела своё обозначение: первый (*акрайчык, акрушак* и др.), последний (*скібка, горбушка* и др.) и др. Остатка, огрызки хлеба имеют широкий круг средств выражения в восточнославянских языках: *недакусак, изглодыш, пакусонец, аскаренка, кірчык* и др. Имеются и другие более мелкие семантические группы. В некоторых случаях одно наименование может обозначать противоположные части хлеба: *акрайчык* 'первый ломоть' – *акрайчык* 'последний ломоть'.

Многие названия, входящие в одно словообразовательное гнездо, могут относиться к разным семантическим группам, в особенности это касается наименований с древними корнями (*скиб-, край-, крой-, луст-* и др.). Большинство наименований, входящих в данную тематическую группу относятся к древним и фиксируются и в других славянских языках.

Abstract. Particular semes in the names of a slice of bread in Eastern Slavonic languages are considered in the paper. It is shown that most of them are of old origin and occur in other Slavonic languages.

Литература

1. Астахова, Н.И. Производные от глагола *обвертеть* со значением 'ломоть хлеба' в белорусском и русском языках / Н.И. Астахова. // "Я блізка стаю да народа..." Матэрыялы навуковых чытаньняў, прысвечаных Ёўдакіму Раманаву. – Гомель, 1993. – С. 59-61; Шабулдаева, Н.И. Названия хлеба с корнем **ver-* в восточнославянских языках Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. / Н.И. Шабулдаева – 2007. – № 3 (42). – С. 130-139.
2. Вештарт, Г.Ф. Лінгвістычная дыферэнцыяцыя Прыпяцкага Палесся (На матэрыяле назваў ежы): Дыс...канд. філал. навук: 10.02.02. / Г.Ф. Вештарт. – Мн., 1969. – Ч. I-II.
3. Вештарт, Г.Ф. Назвы ежы / Г.Ф. Вештарт // Лексіка Палесся ў прасторы і часе. – Мн.: Навука і тэхніка, 1971. – 214 с.
4. Воропай, О. Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис / О. Воропай. – Київ, "Оберіг". – 1991. – Т. 1.
5. Грузберг, Л.А. К социолінгвістическому описанию семантики слова / Л.А. Грузберг // Сематическая структура слова: Сборник научных трудов. – Кемерово: Полиграфкомбинат, 1984. – С. 114-120.
6. Гуліцкі, М.Ф. З лексікаграфічных здабыткаў / М.Ф. Гуліцкі // Беларуская мова. – Мн.: Выд-ва БДУ імя У.І. Леніна. – 1980. – С. 111-187.
7. Китицына, Л. Хлеб. Из материалов по народному питанию Костромского края / Л. Китицына // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XLI. Четвертый этнографический сб. – Кострома, 1927. – С. 92-102.
8. Кокарева, И.П. Названия выпечных изделий в говорах Первомайского района Ярославской области / И.П. Кокарева // Деревня Центральной России: История и современность. – М.: Типография Российской академии сельскохозяйственных наук, 1993. – С. 56-60.
9. Pietkiewicz, Cz. Polesie Pzeczyckie. Materjały etnograficzne. Kultura materjalna. / Cz. Pietkiewicz – Cz. 1. // Prace komisji etnograficznej Polskiej akagemji umiejtkności. – Kraków, 1928.
10. Szydiowska-Ceglowska, B. Materialna kultura ludowa drzewiam poiabskich w swietle poszukiwac siownikowych / B. Szydiowska-Ceglowska // Lud. – Wrociaw, 1963. – T. XLVII. – S. 108-111.

Принятые сокращения

Бурнашев – Бурнашев, В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности и быта народного / В. Бурнашев. – СПб, 1843-1844. – Т. 1-2; **Бялькевіч** – Бялькевіч І.К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / І.К. Бялькевіч. – Мн.: Навука і тэхніка, 1970. – 512 с.; **Горяев** – Горяев Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка / Н.В. Горяев. – Тифлис, 1896. – 453+LXII с.; **Гринченко** – Словарь украинского языка / под ред. Б.Д. Гринченко. – Киев: Изд-во АН УССР, 1958-1959. – Т. I-IV; **Даль** – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1981-1982. – Т. I-II; 1990-1991. – Т. III-IV; **Добровольский** – Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь / В.Н. Добровольский. – Смоленск: Типография Силина, 1914. – 1022 с.; **Жыв. нар. сл.** – Живое народнае слова: Дыялекталагічны зборнік. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992. – 271 с.; **Каспяровіч** – Каспяровіч М.І. Віцебскі краёвы слоўнік: Матэрыялы / пад рэд. М.Я. Байкова, Б.І. Эпіхама-Шыпілы. – Віцебск, 1927. – 372 с.; **ЛАБНГ** – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: у 5 т. – Мн.: АН РБ, 1997. – Т. 4; **ЛП** – Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. – М.: Наука, 1968; **Лысенко** – Лысенко П.С. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины / П.С. Лысенко // Славянская лексикография и лексикология. – М.: Наука, 1966. – С. 5-60; **Мельниченко** – Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей / Межобластной диалектологический кабинет при Ярославском гос. пед. ин-те. – Ярославль: ЯГПИ, 1961. – 224 с.; **Москаленко** – Москаленко А.А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області / А.А. Москаленко. – Одеса, 1958. – 80 с.; **Нар. сл.** – Народнае слова / пад рэд. А.Я. Баханькова. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – 360 с.; **Нар. сл.-ць** – Народная словатворчасць / пад рэд. А.А. Крывіцкага, І.Я. Яшкіна. – Мн.: Навука і тэхніка, 1979. – 334 с.; **Насовіч** – Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы / І.І. Насовіч. – Мн.: БелСЭ, 1983. – 792 с.; **НЛГ** – Народная лексіка Гомельшчыны ў фальклору і мастацкай літаратуры: слоўнік / пад рэд. У.В. Анічэнкі. – Мн.: Выд-ва БДУ, 1983. – 176 с.; **Подвысоцкий** – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. Подвысоцкий. – СПб: Изд-во типографии Императорской Академии наук, 1885. – 198 с.; **Расторгуев** – Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / П.А. Расторгуев. – Мн.: Навука і тэхніка, 1973. – 296 с.; **СБГ** – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / пад рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. – Мн.: Навука і тэхніка, 1979-1986. – Т. I-V; **СлРЯ XI-XVII** – Словарь русского языка XI-XVII вв. / Ин-т русского языка АН СССР. – М.: Наука, 1975-1992. – Вып. 1-18; **Срезневский** – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка / И.И. Срезневский. – Репринтное изд. М.: Книга, 1989. – Т. I-III; **СРНГ** – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина. – М.-Л.: Наука, 1965-1966. – Вып. 1-2; Л.: Наука, Ленинград. отд-е, 1968-1992. – Вып. 3-27; **СРЯ** – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П.Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. I-IV; **ССРЛЯ** – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР, Ин-т русского языка / под ред. В.И. Чернышева и др. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1963. – Т. I-XV; Изд-во «Наука», 1964-1965. – Т. XVI-XVII; **СУМ** – Словник української мови / под ред. І.К. Білодіда. – Кіпв: Наукова думка, 1970-1980. – Т. I-XI; **Сцяцко** – Сцяцко П.У. Дыялектны слоўнік: 3 гаворак Зэльвеншчыны / П.У. Сцяцко. – Мн.: Выд-ва БДУ, 1970. – 184 с.; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Ін-т мовазнаўства АН БССР. – Мн.: Гал. рэд. Бел.СЭ, 1977-1984. – Т. I-V; **ТС** – Тураўскі слоўнік: у 5 т. / пад рэд. А.А. Крывіцкага. – Мн.: Навука і тэхніка, 1982-1985. – Т. I-V; **Фасмер** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Прогресс, 1986-1987. – Т. I-IV; **Шаталава** – Шаталава Л.Ф. Беларускае дыялектнае слова / Л.Ф. Шаталава. – Мн.: Навука і тэхніка, 1975. – 208 с.; **ЭСБМ** – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. В.У. Мартынава. – Мн.: Навука і тэхніка, 1978-1993. – Т. 1-8; **ЭССЯ** – Этимологический словарь

славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974-1994. – Вып. 1-21; **Янкова** – Янкова Т.С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны / Т.С. Янкова. – Мн.: Навука і тэхніка, 1982. – 432 с.; **Янкоўскі** – Янкоўскі Ф. Дыялектны слоўнік / Ф. Янкоўскі. – Мн.: Выд-ва АН БССР, 1959. – 230 с.; 1960. – 236 с.; 1970. – 172 с.; **Kariowicz** – Kariowicz J. Siownik gwar polskich. – Krakow, 1900-1911. – Т. I-VI; **SPP** – Siownik poprawnej polszczyzny. – Warszawa: PWN, 1978. – 1056 s.; **SPR** – Stypuia, R. Siownik polsko-rosyjski / R. Stypuia, G. Kowalowa. – Warszawa-Москва, 1980. – 840 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.03.08

Содержание

ЭКОНОМИКА

Сорвиоров Б. В., Баранов А. М. Особенности микроэкономического анализа информации ..	3
Баранов А. М. Эволюция теории информации в современной социоэкономической системе.....	11
Давыденко Л. Н., Шердакова Т. А. Методические приёмы оценки интеллектуального капитала	19
Олешкевич Е. Н. Механизм финансирования образования: проблемы и пути совершенствования.....	29
Пшул А. В. Логистизация транспортной инфраструктуры: вопросы теории	38
Арашкевич О. В. Формирование и оценка экономического потенциала предприятия.....	43
Башлакова А. П. Методика оценки влияния «теневое» сектора на состояние и развитие экономической системы	53
Давыдова Н. Л., Сплошнов С. В. Управление ресурсами банка: методологический аспект...	62
Пронузо Ю. С. Методологические подходы к оптимизации налоговой нагрузки.....	68
Карбышева Н. С. Социально-экономические проблемы экологии.....	74
Фадина Т. В. Инновационный потенциал вузовского сектора науки: состояние и направления развития	82
Васильев А. В. Основные подходы к определению человеческого капитала.....	88
Боломчук Б. В., Драгун Н. П. Оценка влияния диверсификации на эффективность функционирования предприятий машиностроения	96

ФИЛОЛОГИЯ

Антропов Н. П. Этимологические версии в призме этнолингвистической аттракции	106
Богоедова Т. Н. И.-е. *lei- 'лить, течь, капать' в славянской гидронимии	111
Бутякова И. И. Репрезентация лексико-семантического поля «Война» в поэтических текстах начала XX века.....	118
Ван Ли. Роль сеттльментов в реноминации внутригородских объектов Китая	122
Генкин В. М. Типология вариантов в ойконимии Белорусского Поозерья.....	126
Герасимович О. В. От понятия к слову (о <i>вере</i>)	130
Гомонова И. Г. О типовых моделях организации смысла паремий с посессивными комплексами.....	133
Евтухова И. Г. Функционирование прилагательного золотой в русских и белорусских заговорных текстах	138
Коваль В. И. К вопросу об эвфемизмах в женской и мужской речи	143
Крохмальник А. Ю. Такесические речения и их языковое выражение в художественных текстах	147
Кураш Т. Н. Фразеолого-тропические комплексы в аспекте текстообразования	151
Лаевская Т. Е. Издательская аннотация к художественному тексту: современный облик жанра	155
Лапицкая Н. И. Наименования морей и рек в текстах заговоров	160
Мезенко А. М. Мотивы выбора имени у россиян и белорусов: общее и специфическое....	165
Мельникова О. Н. Эмоциональный концепт страх в русской языковой картине мира.....	169
Ничипорчик Е. В. Сообщение о тщетности усилий человека как тип ценностно ориентирующего дискурса (на материале русских, белорусских, итальянских и немецких паремий).....	173
Осипова Т. А. Имя собственное как концепт (Россия в поэтических текстах К. Бальмонта)	181
Стрижак А. Л. О статусе «закавыченных» слов в современной публицистике (на материале российской и русскоязычной прессы Беларуси)	185
Тимошенко Е. И. Явление амбивалентной оценки в русских и белорусских пословицах о своём и чужом.....	189
Шабуддаева Н. И. О частных семах в названиях ломтя хлеба в восточнославянских языках....	194

Contents

ECONOMICS

B. V. Sorvirov, A. M. Baranov. <i>Peculiarities of microeconomic analysis of information</i>	3
A. M. Baranov. <i>Evolution of the information theory in modern socio-economic system</i>	11
L. N. Davidenko, T. A. Sherdakova. <i>Methodological means of intellectual capital estimation</i> ..	19
Y. N. Oleshkevich. <i>Mechanism of education financing: problems and ways of improvement</i>	29
A. V. Pshul. <i>Logistics in transport infrastructure: theoretical problems</i>	38
O. V. Arashkevich. <i>Formation and estimation of the economic potential of an enterprise</i>	43
A. P. Bashlakova. <i>Methods of estimating the influence of the “shadow” sector on the state and development of the economic system</i>	53
N. L. Davidova. S. V. Sploshnov. <i>Bank resource management: methodological aspect</i>	62
Y. S. Pronuso. <i>Methodological approaches to the optimization of tax loading</i>	68
N. S. Karbisheva. <i>Socio-economic problems of ecology</i>	74
T. V. Fadina. <i>Innovation potential of high school science: the state and the ways of development</i>	82
A. V. Vasil'ev. <i>The basic approaches to definition of the human capital</i>	88
B. V. Bolomchuk, N. P. Dragun. <i>Estimation of influence of a diversification on efficiency of functioning of the enterprises of mechanical engineering</i>	96

PHYLOLOGY

N. P. Antropov. <i>Etymological versions in the prism of ethnolinguistic attraction</i>	106
T. N. Bogoyedova. <i>Use of *lei- (pour, flow, drip) in the Slavonic hydronymy</i>	111
I. I. Butyakova. <i>Representation of the lexico-semantic field “War” in poetic texts at the beginning of the 20th century</i>	118
Van Li. <i>Role of settlements in the re-nomination of intraurban objects of China</i>	122
V. M. Genkin. <i>Typology of variants in the oikonymy of Belarusian Poozeriye (lake area)</i>	126
O. V. Gerasimovich. <i>From the notion to the word (about faith)</i>	130
I. G. Gomonova. <i>Standard models of the organization of the meaning of paremii with possessive complexes</i>	133
I. G. Yevtuhova. <i>Functioning of the adjective golden in Russian and Belarusian charms</i>	138
V. I. Koval. <i>Euphemisms in woman's and man's speeches</i>	143
A. Y. Krohmalnik. <i>Tacesics phrases and their language expression in literary texts</i>	147
T. N. Kurash. <i>Phraseological and trope complexes in the aspect of text formation</i>	151
T. Y. Layevskaya. <i>Publisher's annotation to the literary text: modern aspect of the genre</i>	155
N. I. Lapitskaya. <i>Names of seas and rivers in the texts of charms</i>	160
A. M. Mezenko. <i>Causes of the choice of names by Russians and Belarusians: common and specific</i>	165
O. N. Melnikova. <i>Emotional concept fear in the Russian language picture of the world</i>	169
Y. V. Nichiporchik. <i>The report about the futility of human's efforts as a type of a meaningfully guiding discourse (on the material of Russian, Belarusian, Italian and German paremiis)</i>	173
T. A. Osipova. <i>Proper noun as a concept (Russia in poetic texts by Balmont)</i>	181
A. L. Strizhak. <i>About the status of the words in quotes in modern socio-political journalism (on the material of Russian printed media in Belarus)</i>	185
Y. E. Timoshenko. <i>Phenomenon of ambivalent estimation in Russian and Belarusian proverbs about one's own and somebody else's</i>	189
N. I. Shabuldayeva. <i>Particular semes in the names of a slice of bread in Eastern Slavonic languages</i>	194

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Статья представляется в редакцию в двух экземплярах на белорусском, русском или английском языках и является оригиналом для печати. Объем статьи, как правило, не должен превышать 10 страниц, и ее разметка не требуется. Статья должна иметь разрешение соответствующего научного учреждения на опубликование. Статья должна иметь индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК), к ней следует приложить краткое резюме (на русском и английском языках), название статьи, фамилии и инициалы авторов на английском языке. Ее необходимо подписать всем авторам, указать полное название учреждения, где выполнена работа, а также почтовый адрес, номер телефона (служебный и домашний). Плата за опубликование статей не взимается.

Авторы представляют на дискете (либо по электронной почте e-mail: vesti@gsu.by) tex-файл со статьей, подготовленной в LaTeX'e с опцией 12pt в стандартном стиле article (\textwidth 165 mm, \textheight 245 mm). Аналогичны требования для статей, набранных в редакторе MS Word. При наборе формул в редакторе MS Word необходимо использовать Microsoft Equation. Для набора формул не должны использоваться пакеты сторонних разработчиков (MathType и др.). Занумерованные формулы выключаются в отдельную строку, номер формулы ставится у правого края страницы. Нумеровать следует лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

Статьи, претендующие на научный приоритет, оформляются в виде кратких сообщений объемом до 2 страниц текста и, как правило, публикуются в ближайших номерах журнала.

Ссылки в тексте обозначаются порядковым номером в квадратных скобках. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Поступившие в редакцию статьи направляются на рецензию специалистам. Основным критерием целесообразности публикации является новизна и информативность статьи. Авторы не должны направлять статьи, которые уже опубликованы, либо приняты к печати в других изданиях. Если по рекомендации рецензента статья возвращается автору на доработку, то переработанная рукопись вновь рассматривается редколлегией, и датой поступления считается день получения редакцией окончательного ее варианта. Лицам, осуществляющим послевузовское обучение, предоставляется право первоочередного опубликования статей.

Технический редактор *И. В. Близнец*. Корректор *Е. Л. Хазанова*

Подписано в печать __. __. 10 г. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.п.л. __, __ Уч.-изд.л. __, __ Тираж 100 экз. Заказ № __

Издатель – Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
246019, Гомель, ул. Советская, 104
Лицензия № 02330/0549481 от 18 мая 2009.

Отпечатано на полиграфической технике ГГУ им. Ф.Скорины
Лицензия № 02330/0150450 от 3 февраля 2009